Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ
ТАЙНА ЗАПАДА
АТЛАНТИДА—ЕВРОПА

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Тайна Запада. Атлантида – Европа

Серия «Тайна Трех», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175070

Аннотация

Двадцать пять веков люди ломают голову над загадкой древних: что такое Атлантида – миф или история? Что же значит миф Платона? В трех великих столкновениях Запада с Востоком ставится один вопрос: кто утолит вечную жажду человечества – Атлантида в рабстве ли Европа в свободе? Но для Дмитрия Мережковского, через двадцать пять веков после Платона, эти вопросы относятся не к мифу, а к истории. Мережковский пишет о погибшей Атлантиде в 30-е годы XX века, по крохам собирая самые невнятные, глухие упоминания. И приготовления к войне, неразумная европейская и агрессивная большевистская политика напоминают ему о том, как некогда подошла к своему концу атлантическая цивилизация, как милость богов сменилась на гнев и как была разрушена и ушла под воду Атлантида.

Содержание

Бесполезное предисловие 38
I 38
II 39
III 40
IV 41
V 42
VI 43
VII 44
VIII 45
IX 46
X 47
XI 48
XII 49
XIII 50
XIV 51
XV 52
XVI 53
XVII 54
XVIII 55
XIX 56
XX 57
XXI 58
XXII 59

XXIII	60
XXIV	61
XXV	62
XXVI	63
XXVII	64
XXVIII	65
XXIX	66
XXX	68
XXXI	69
XXXII	70
XXXIII	71
XXXIV	72
XXXV	74
XXXVI	75
XXXVII	76
XXXVIII	77
XXXIX	78
XL	79
XLI	80
XLII	81
XLIII	82
XLIV	83
XLV	84
XLVI	85
XLVII	86
XLVIII	87

XLIX 88
L 89
Часть I. Атлантида 90
1. Миф или история? 90
I 90
II 90
III 91
IV 91
V 92
VI 92
VII 93
VIII 93
IX 95
X 96
XI 97
XII 98
XIII 98
XIV 99
XV 101
XVI 102
XVII 103
XVIII 104
XIX 104
XX 106
XXI 106
XXII 107

XXIII 109
XXIV 110
XXV 111
XXVI 112
XXVII 112
XXVIII 113
2. Белая и черная магия 114
I 114
II 114
III 115
IV 116
V 118
VI 118
VII 120
VIII 120
IX 121
X 121
XI 123
XII 125
XIII 126
XIV 128
XV 130
XVI 132
XVII 133
3. Умирающий лебедь 134
I 134

II 134
III 135
IV 136
V 137
VI 138
VII 139
VIII 139
IX 140
X 141
XI 142
XII 142
XIII 143
XIV 143
XV 145
XVI 145
XVII 146
XVIII 146
XIX 147
XX 147
XXI 148
XXII 150
XXIII 150
4. Атлас – Енох 152
I 152
II 152
III 153

IV 154
V 154
VI 155
VII 156
VIII 156
IX 158
X 158
XI 159
XII 160
XIII 162
XIV 162
XV 163
XVI 164
XVII 165
XVIII 165
XIX 167
XX 167
XXI 167
XXII 168
5. Рождение войны 169
I 169
II 169
III 170
IV 171
V 172
VI 173

VII 174
VIII 174
IX 175
X 175
XI 176
XII 177
XIII 178
XIV 179
XV 180
XVI 180
XVII 181
XVIII 181
XIX 183
XX 184
XXI 185
XXII 186
XXIII 186
XXIV 186
XXV 187
6. От Еноха к Иисусу 188
I 188
II 188
III 189
IV 190
V 192
VI 193

VII 193
VIII 194
IX 195
X 195
XI 196
XII 196
XIII 198
XIV 198
XV 199
XVI 200
XVII 201
XVIII 202
XIX 203
XX 204
XXI 205
XXII 205
XXIII 206
XXIV 206
XXV 207
XXVI 208
XXVII 208
XXVIII 208
7. Атлантида – америка 210
I 210
II 210
III 210

IV 211
V 211
VI 212
VII 213
VIII 214
IX 215
X 216
XI 217
XII 217
XIII 217
XIV 219
XV 220
XVI 220
XVII 222
XVIII 222
XIX 223
XX 223
8. Радуга потопа 224
I 224
II 225
III 226
IV 226
V 227
VI 228
VII 228
VIII 229

IX 230
X 230
XI 231
XII 232
XIII 233
XIV 235
XV 235
XVI 236
XVII 236
9. Лунные титаны 237
I 237
II 238
III 238
IV 239
V 240
VI 240
VII 241
VIII 241
IX 242
X 242
XI 243
XII 243
XIII 244
XIV 245
XV 246
XVI 246

XVII 247
XVIII 248
XIX 249
XX 250
XXI 250
XXII 251
XXIII 252
XXIV 253
XXV 253
10. Отчего погибла Атлантида? 254
I 254
II 254
III 255
IV 256
V 257
VI 257
VII 258
VIII 258
IX 259
X 259
XI 260
XII 260
XIII 260
XIV 261
XV 261
XVI 262

XVII 263
11. Крест в Атлантиде 265
I 265
II 266
III 267
IV 267
V 268
VI 270
VII 271
VIII 271
IX 272
X 273
XI 274
XII 274
XIII 275
XIV 275
XV 276
XVI 277
XVII 278
XVIII 279
XIX 280
XX 280
XXI 280
XXII 281
XXIII 282
XXIV 282

XXV 283
12. Атлантида – преистория 285
I 285
II 285
III 286
IV 286
V 287
VI 287
VII 287
VIII 288
IX 289
X 289
XI 291
XII 294
XIII 294
XIV 295
XV 296
XVI 296
XVII 297
XVIII 298
XIX 298
XX 299
XXI 300
XXII 301
XXIII 302
XXIV 302

XXV 303
XXVI 303
XXVII 304
XXVIII 305
XXIX 305
XXX 306
XXXI 306
XXXII 307
XXXIII 307
13. Ледниковый крест 309
I 309
II 310
III 310
IV 311
V 312
VI 313
VII 313
VIII 314
IX 316
X 316
XI 317
XII 318
XIII 320
XIV 321
XV 322
XVI 324

14. Сошествие в ад 325
I 325
II 325
III 326
IV 326
V 327
VI 327
VII 328
VIII 328
IX 328
X 329
XI 330
XII 330
XIII 330
XIV 331
XV 331
XVI 332
XVII 332
XVIII 332
XIX 333
XX 333
XXI 334
XXII 334
XXIII 335
XXIV 335
XXV 336

Часть II.Боги Атлантиды 337
1. Европа – Содом 337
I 337
II 339
III 339
IV 340
V 342
VI 343
VII 345
VIII 345
IX 346
X 347
XI 348
XII 348
XIII 350
XIV 351
XV 352
XVI 353
XVII 354
XVIII 355
XIX 356
XX 357
XXI 357
XXII 358
2. Стыдная рана 360
I 360

II 360
III 360
IV 362
V 362
VI 363
VII 364
VIII 364
IX 365
X 366
XI 366
XII 367
XIII 368
XIV 368
XV 370
XVI 371
XVII 373
XVIII 374
XIX 374
XX 375
XXI 376
XXII 376
XXIII 377
XXIV 377
XXV 379
XXVI 381
XXVII 383

XXVIII 383
XXIX 384
XXX 385
3. Из Атлантиды в Европу 386
I 386
II 387
III 388
IV 389
V 390
VI 390
VII 392
VIII 393
IX 394
X 394
XI 395
XII 395
XIII 397
XIV 397
XV 399
XVI 399
XVII 400
XVIII 401
XIX 402
XX 403
XXI 404
XXII 405

XXIII 406
XXIV 407
XXV 408
XXVI 409
XXVII 411
XXVIII 411
XXIX 412
XXX 413
XXXI 413
XXXII 414
XXXIII 415
XXXIV 416
XXXV 417
XXXVI 417
XXXVII 418
XXXVIII 419
XXXIX 419
XL 420
XLI 422
XLII 423
XLIII 423
XLIV 424
XLV 425
XLVI 425
XLVII 425
4. Крещеные боги 427

I 427
II 427
III 428
IV 429
V 429
VI 430
VII 431
VIII 432
IX 434
X 434
XI 435
XII 436
XIII 438
XIV 439
XV 439
XVI 439
XVII 441
XVIII 442
XIX 443
XX 443
XXI 444
XXII 445
XXIII 446
XXIV 446
XXV 447
XXVI 448

XXVII 450
XXVIII 451
XXIX 452
XXX 453
XXXI 455
XXXII 456
5. Адонис – Атлас 457
I 457
II 458
III 459
IV 461
V 461
VI 463
VII 464
VIII 465
IX 466
X 467
XI 468
XII 469
XIII 470
XIV 471
XV 472
XVI 472
XVII 473
XVIII 473
XIX 474

6. Распятый Эрос 475
I 475
II 476
III 478
IV 479
V 480
VI 482
VII 482
VIII 483
IX 484
X 485
XI 485
XII 486
XIII 487
XIV 489
XV 490
XVI 491
XVII 492
XVIII 492
XIX 494
7. Аттис – Атлас 497
I 497
II 497
III 499
IV 500
V 501

VI 502
VII 503
VIII 504
IX 504
X 505
XI 506
XII 506
XIII 508
XIV 509
XV 510
XVI 511
XVII 512
XVIII 513
XIX 514
XX 514
XXI 515
XXII 515
XXIII 516
XXIV 516
XXV 517
8. Андрогин 518
I 518
II 519
III 519
IV 520
V 521

VI 522
VII 523
VIII 524
IX 524
X 525
XI 526
XII 527
XIII 529
XIV 529
XV 530
XVI 530
XVII 531
XVIII 532
XIX 533
XX 533
XXI 535
XXII 536
XXIII 536
XXIV 537
XXV 538
XXVI 539
XXVII 540
XXVIII 540
XXIX 542
XXX 543
XXXI 544

XXXII 545
XXXIII 547
XXXIV 547
XXXV 548
9. Синяя – черная – белая 550
I 550
II 551
III 552
IV 553
V 554
VI 555
VII 556
VIII 556
IX 557
X 558
XI 559
XII 559
XIII 560
XIV 561
XV 562
XVI 563
XVII 565
XVIII 566
XIX 567
XX 567
XXI 568

XXII 569
XXIII 570
XXIV 570
XXV 571
XXVI 572
XXVII 573
XXVIII 574
XXIX 577
XXX 578
XXXI 579
XXXII 580
XXXIII 581
XXXIV 581
XXXV 582
XXXVI 583
XXXVII 584
XXXVIII 585
XXXIX 586
XL 588
10. Елевзинские таинства 589
I 589
II 590
III 591
IV 592
V 594
VI 596

VII 596
VIII 600
IX 602
X 603
XI 604
XII 606
XIII 608
XIV 609
XV 610
XVI 611
XVII 612
XVIII 613
XIX 615
XX 616
XXI 617
XXII 617
XXIII 617
XXIV 618
XXV 619
XXVI 620
XXVII 621
XXVIII 622
XXIX 623
XXX 625
XXXI 626
XXXII 629

XXXIII 631
XXXIV 632
XXXV 633
XXXVI 634
XXXVII 635
XXXVIII 636
XXXIX 637
11. Дионис растерзанный 638
I 638
II 638
III 639
IV 642
V 643
VI 644
VII 645
VIII 646
IX 647
X 649
XI 649
XII 650
XIII 651
XIV 653
XV 653
XVI 654
XVII 655
XVIII 655

XIX 656
XX 658
XXI 660
XXII 660
XXIII 661
XXIV 662
XXV 663
XXVI 664
XXVII 665
XXVIII 666
XXIX 668
XXX 669
XXXI 670
XXXII 671
XXXIII 672
XXXIV 674
XXXV 674
XXXVI 675
XXXVII 676
XXXVIII 677
XXXIX 679
XL 681
XLI 681
XLII 682
XLIII 683
XLIV 683

12. Дионис человек 685
I 685
II 685
III 686
IV 687
V 688
VI 690
VII 691
VIII 693
IX 693
X 694
XI 694
XII 695
XIII 696
XIV 697
XV 699
XVI 699
XVII 700
XVIII 702
XIX 703
XX 703
XXI 705
XXII 705
XXIII 706
XXIV 708
XXV 709

XXVI 709
XXVII 711
XXVIII 712
XXIX 713
XXX 714
XXXI 716
XXXII 718
XXXIII 719
XXXIV 721
XXXV 722
XXXVI 722
XXXVII 723
XXXVIII 723
XXXIX 724
XL 725
XLI 726
XLII 727
XLIII 728
XLIV 729
13. Дионис будущий 731
I 731
II 731
III 732
IV 734
V 734
VI 735

VII 736
VIII 737
IX 738
X 740
XI 741
XII 742
XIII 743
XIV 745
XV 747
XVI 748
XVII 749
XVIII 750
XIX 751
XX 753
XXI 754
XXII 755
XXIII 757
XXIV 758
XXV 758
XXVI 760
XXVII 761
XXVIII 762
XXIX 764
XXX 765
XXXI 765
XXXII 766

XXXIII 767
XXXIV 768
XXXV 769
XXXVI 770
XXXVII 771
XXXVIII 772
XXXIX 773
XL 775
14. К Иисусу неизвестному 776
I 776
II 777
III 779
IV 779
V 781
VI 782
VII 783
VIII 784
IX 785
X 786
XI 788
XII 789
XIII 790
XIV 791
XV 792
XVI 794
XVII 795

XVIII 796
XIX 797
XX 799
XXI 800
XXII 801
XXIII 802
XXIV 803
XXV 804
XXVI 805
XXVII 806
XXVIII 806
XXIX 807
XXX 808

Тайна Запада. Атлантида-Европа

В один злой день, в одну злую ночь, остров Атлантида, погрузившись в море, исчез.
Plato. Tim., 25.

Если не покаетесь, все так же погибнете.
Лука. XIX, 3.

Μιᾶς ἡμέρας καὶ νυκτὸς χαλεπῆς ἐπελθούσης, ἡ Ἀτλαντὶς νῆσος κατὰ τῆς θαλάσσης δῦσα ἠφανίσθη.

Бесполезное предисловие

I

Все предисловия бесполезны, а к этой книге особенно, потому что она сама сейчас бесполезна, или будет казаться такой, – в лучшем же случае, только «забавной». «Делают из этого забаву» – может повторить горькое слово пророка и самый обыкновенный смертный, когда слова его о действительно грозящей людям опасности кажутся им только «забавными».

II

После вчерашней войны и, может быть, накануне завтрашней, говорить в сегодняшней Европе о войне, все равно что говорить о веревке в доме повешенного: это «неприлично», а уж если быть неприличным, то без предисловий.

Делаю же я это только потому, что мне терять уже нечего. Все потерял писатель, нарушивший неумолимый закон: будь похож на читателей или не будь совсем. Я готов не быть сейчас, с надеждой быть потом.

III

Что значит не быть похожим на читателей, я понял, когда, лет пять назад, написав книгу «Тайна Трех», получил от ее французского издателя добрый совет изменить заглавие, чтобы не было похоже на «детективный роман».

В IV–V веках, на христианском Востоке, «Тайна Трех» прозвучала бы: «Тайна Божественной Троицы», а в XX веке, на христианском Западе, звучит: «Тайна трех мошенников, которых ловит Шерлок Холмс». По одному этому анекдоту-атому видно, как опустилось за эти века солнце христианства.

Доброго совета я послушался, озаглавил книгу «Тайны Востока». «Тайны Востока» привели меня к «Тайне Запада», многие – к одной. Запад – закат, конец дня; день человечества – всемирная история; тайна Запада – тайна Конца.

«Я есмь Альфа и Омега, начало и конец», – говорит Неизвестный, ибо кто сейчас неизвестнее, чем Он? Тайна Востока и Запада – тайна одна одного Неизвестного.

IV

«Книга эта – письмо в бутылке, брошенное в море с тонущего корабля, – может быть, не только России, но и Европы», – писал я, пять лет назад (D. Merejkovsky. – Les mystères de l'Orient, 1927, Paris, p. 9. – Д. Мережковский. – Тайна Трех, 1925, с. 9). Найдено ли кем-нибудь письмо, или все еще плавает в море?

V

«Только что Европа едва не погибла в первой всемирной войне, и вот, уже готова начать вторую. Ничто не изменилось после войны, или изменилось к худшему» (Д. Мережковский. – 63). Это сказано тогда же, пять лет назад, и тогда могло – может и теперь казаться преувеличеньем. Но изменилось ли, в самом деле, что-нибудь к лучшему за эти годы, отдалилась ли возможность второй войны? Все, что в этом смысле сделано, выражается одним легким и успокоительным словом: «стабилизация». «Стабилизация» – значит восстановление нарушенного войной равновесия, укрепление расшатанного, починка сломанного, но отнюдь не в духовном, внутреннем, а только в материальном, внешнем строении послевоенной Европы, и притом, с необходимой предпосылкой, что внешнее достижимо без внутреннего, материальное – без духовного: как бы ни шатался, ни распадался дух, – только бы тело было крепко, – равновесие восстановится, потому что вещество первее духа; не дух господствует над веществом, а вещество – над духом: такова метафизика «стабилизации».

VI

Воля к миру и надежда на прочный мир как будто входят в самое понятие «стабилизации», потому что если мира не хотеть и на мир не надеяться, то зачем, казалось бы, восстанавливать сегодня то, что сметено будет завтра новой и уж конечно неизмеримо более разрушительной войной?

Может быть, искренняя воля к миру, ужас войны, отвращение к войне существуют действительно на поверхности, в «дневной душе» послевоенной Европы; но чем дальше вглубь, в «ночную душу», тем ощутительнее то, что можно назвать ***притяжением второй войны***. Кажущийся «мир» – может быть, на самом деле, только перемирие – все больше напоминает еще зеркальную, но уже неодолимо влекущую, с еще далеким, но уже постепенно приближающимся гулом водопада, речную гладь Ниагары.

VII

Может быть, укрепляя внешний порядок и не думая о внутреннем, мы укрепляем стенки снаряда, начиненного порохом: чем крепче стенки, тем сильнее будет взрыв.

VIII

Через 20–30–50 лет будет вторая война; если не мы, то наши дети, внуки, правнуки увидят ее: все это знают или предчувствуют. «Мир, мир», – говорят, а звучит: «Война, война».

«Все говорят о мире, потому что боятся и ждут войны», – сказал недавно человек, кажется, лучше всех знающий действительное положение Европы, Муссолини.

«Хочешь мира, готовься к войне»; хочешь войны, говори о мире.

IX

«Когда будут говорить: „Мир и безопасность“, тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно тому как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут» (I. Фесс. 5, 3).

В нижнем этаже – пороховой погреб фашизма; в верхнем – советская лаборатория взрывчатых веществ, а в среднем – Европа, в муках родов: мир хочет родить, а рождает войну.

X

Русские изгнанники, крайние жертвы войны, люди с содранной кожей, – чувствительнейшие барометры европейской военной погоды, лучшие оценщики европейских слов о мире.

О, конечно, Россия сама себя погубила; будем щедры, скажем: девять десятых гибели принадлежат ей, но все-таки одна десятая принадлежит и Европе. Девять пудов, наваленных на спину человека, могут его не раздавить, но от десятого – кости хрустнут. Вот этот-то десятый пуд и навалила Европа на Россию и крепко держит, не отпустит, может быть, сама хорошенько не зная, что делает, с благою целью «невмешательства»; но русские знают: если бы чья-то протянутая из Европы, невидимая рука не спасала советскую власть, каждый раз, на краю гибели, то Россия уже была бы свободна.

XI

Русский коммунизм, оледенелая глыба войны, медленно тает под солнцем европейского «мира»: когда же растает совсем, – рухнет на Европу.

XII

Нынешняя Россия – продолжающаяся первая война и готовящаяся вторая, – мост между ними; по тому, как Европа укрепляет его, видно, как ее «ночная душа» тянется к войне.

XIII

«Гляньте, гляньте, земля провалилась!» – «Как? провалилась?» – Точно, прежде перед домом была равнина, а теперь он стоит на вершине страшной горы. Небосклон упал, ушел вниз, а от самого дома спускается почти отвесная, точно разрытая, черная круча» (***Тургенев.*** «Конец света»).

Это пророческое видение 70-х годов прошлого века исполнилось: Россия – большая часть Европы, шестая часть земной суши – провалилась, и строители европейского дома ищут устойчивого равновесия, «стабилизации», над пропастью.

XIV

Говоря о мире, «ткут паутину» (Ис. 59, 5), но ее прорывает железо войны.

Видимый мир – невидимая война. «Господь излил на них ярость гнева своего и лютость войны: она окружила их пламенем со всех сторон, но они не замечали ее; и горела у них, но они не разумели этого сердцем» (Ис. 42, 25).

XV

Бык, идучи на бойню, жалобно мычит; так Европа, идучи на войну, говорит о мире.

XVI

Можно бы избегнуть второй войны, если бы мы помнили первую, но память наша о ней – тусклая лампада над могилой Неизвестного Солдата.

Миролюбивая Европа – как жена прелюбодейная: «поела, обтерла рот свой и говорит: „Я ничего худого не сделала“ (Прит. 30, 20).

Мы забыли, простили себе войну, но, может быть, война не простила нам.

XVII

Нынешний мир – щель между двумя жерновами, духота между двумя грозами – перемирие между двумя войнами.

XVIII

Десять лет я решаю и все не могу решить, где сейчас душнее, страшнее, – здесь, в Европе, или там, в России. Может быть, равно, только по-разному.

XIX

В самом начале XX века океанский пароход, Титаник, на котором совершали увеселительную прогулку в Европу американские миллиардеры с семьями, столкнувшись ночью, в тумане, с огромною плавучею льдиною, пошел ко дну так внезапно, что почти никто не спасся.

Гибель Титаника – заглавная картинка к новой главе всемирной истории – первой великой войне, а может быть, и ко второй, последней; третьей не будет, или будет уже в истории не нашего человечества.

XX

Только что наш европейский Титаник столкнулся ночью, в тумане, с плавучею льдиною, чудом спасся, полуразбитый, – поплыл дальше, и вот, опять – ночь, туман; опять белеет в нем что-то огромное; льдистым холодом веет в лицо, – вторая льдина, и мы прямо идем на нее. Что же рулевой, – уснул, ослеп, или вместо него правит кто-то другой, Неведомый?

XXI

Чем будет вторая война, мы не знаем, или не хотим знать. Страшно? Нет, скучно: ведь все равно, ничего не поделаешь, – так уж лучше не знать, забыть.

«Народы не догадываются, перед какою ужасающею опасностью стоит человечество, в случае новой войны», – пишет в своем докладе Лиге Наций проф. Collège de France, Андрэ Мейер. «Газы прошлой войны были игрушкой, детской забавой, по сравнению с тем, что мы увидим, если разразится новая война», – добавляет другой эксперт, проф. Колумбийского университета В. Каннон.

XXII

22 апреля 1915 года, были впервые применены немцами на французском фронте удушливые газы: выпущенная на участке длиною в шесть километров волна хлора отравила, в течение двух часов, свыше пяти тысяч французских солдат. «Каиновым дымом» прозвали русские эти желто-бурые пары хлора. Можно сказать, и доныне стелются они над Россией, отравляет ее «Каинов дым» – дух братоубийства бесконечного.

XXIII

Химия войны за годы мира получила развитие огромное. В 1918 году, к концу военных действий, известно было около тридцати ядовитых газов, а в настоящее время их более тысячи.

Один из них, фосген, так ядовит, что случайная утечка его едва не отравила весь Гамбург. Пятьюстами килограммами этого газа, содержимым нескольких бомб, отравляется 100000 куб. метров воздуха. В четверть часа населенная площадь, где прошла бы волна фосгена, превратилась бы в кладбище; оставшиеся позади нее трупы напоминали бы своим видом утопленников с посиневшими лицами и судорожно искривленными членами. Чтобы истребить население в 10000 гектаров – площадь Парижа, – достаточно сбросить в различных точках ее десять тонн фосгена, что, при нынешнем состоянии военной авиации, требует не более тридцати минут.

Цианистые соединения вызывают молниеносный паралич нервной системы и мгновенную смерть. Окись углерода, не имеющая ни цвета, ни запаха, делает невозможными никакие предохранительные меры (В. Иноземцев. – Научная война. Возрождение, № 1301).

XXIV

По недавнему сообщению д-ра Хильтона Айрэ Джонса в Нью-Йорке, новоизобретенный газ может уничтожить целую армию так же легко, как «потушить свечу».

Сбрасывание начиненных газами бомб – главное условие химической войны – зависит от совершенства авиации, а эта – от легкости металлов, употребляемых для постройки авионов. Тот же д-р Джонс сообщил об открытии нового металла – берилла, – вдвое крепчайшего стали и с удельным весом только вдвое больше алюминия. Авион из берилла будет так легок, что поднять его сможет один человек (Новое средство уничтожения. Последние Новости, № 2842).

Зажигательные газы, при соприкосновении с воздухом, раскаляют его до такой степени, что все, находящееся в области, где взорвался начиненный таким газом снаряд, воспламеняется само собой, как брошенное в накаленную печь полено дров: вспыхивающие, как спичечные коробки, дома, загорающиеся одновременно, со всех сторон, леса, огромные обугленные пространства – таковы опустошения от этих газов.

XXV

Первая Атлантида истреблена была внешним огнем, вулканическим: может быть, вторая – истребится огнем внутренним. «Я извлеку изнутри тебя огонь, который и пожрет тебя, и я превращу тебя в пепел, говорит Господь» (Иез. 28, 18).

XXVI

К химии прибавится физика – еще мало известные непосвященным, но уже похожие на черную магию, действующие на расстоянии, электромагнитные волны; прибавится и биология – война микробами сапа, чумы, холеры, а может быть, и других, еще неизвестных зараз.

Так основные силы природы и человека превращаются в демонов-истребителей, предсказанных в Книге Еноха, «исполинов, ростом в три тысячи локтей», Нефелимов, пожирающих сначала все на земле, а потом и друг друга (Henoch. VII, 2).

XXVII

Кажется, вторая всемирная война будет уже не взаимным истреблением народов, а самоистреблением человечества.

Все это, похожее на сказку или видение Апокалипсиса, – может быть, уже близкая к нам, хотя и скрываемая от нас, действительность. Тайну своих военных изобретений каждое государство прячет от соседей; говорить об этом нельзя под страхом «государственного преступления». Каждый народ высиживает для общего хора войны своего особого, с национальным лицом, дьявола.

XXVIII

Тайна второй и, должно быть, последней, всемирной войны и есть тайна Запада – Атлантида-Европа.

XXIX

«Чудилось мне, что я нахожусь где-то в России, в глуши, в простом деревенском доме.

Комната большая, низкая, в три окна; стены вымазаны белой краской; мебели нет. Перед домом голая равнина; постепенно понижаясь, уходит она вдаль; серое, одноцветное небо висит над нею, как полог.

Я не один – человек десять со мною в комнате. Люди все простые, просто одетые; они ходят вдоль и поперек, словно крадучись. Они избегают друг друга и, однако, беспрестанно меняются тревожными взорами.

Ни один не знает, зачем он попал в этот дом, и что за люди с ним. На всех лицах беспокойство и унылость… Все поочередно подходят к окнам и внимательно вглядываются, как бы ожидая чего-то извне.

Потом опять принимаются бродить вдоль и поперек. Между ними вертится небольшого роста мальчик; от времени до времени, он пищит тонким однозвучным голосом: «Тятенька, боюсь!» – Мне тошно на сердце от этого писку, и я тоже начинаю бояться… чего, не знаю сам. Только чувствую: идет и близится большая, большая беда.

А мальчик нет-нет – да и запищит. Ах, как бы уйти отсюда! Как душно! Как томно! Как тяжело… Но уйти невозможно.

Это небо – точно саван. И ветра нет… Умер воздух, что ли?

Вдруг мальчик подскочил к окну и закричал тем же жалобным голосом: «Гляньте, гляньте! Земля провалилась!»

– Как провалилась? – Точно: прежде перед домом была равнина, а теперь он стоит на вершине страшной горы. Небосклон упал, ушел вниз, а от самого дома спускается почти отвесная, точно разрытая, черная круча.

Мы все столпились у окна… ужас леденит наши сердца.

– Вот оно… вот оно! – шепчет мой сосед.

И вот, вдоль всей далекой земной грани зашевелилось что-то. Стали подыматься и падать какие-то небольшие кругловатые бугорки.

«Это – море!» – подумалось всем нам в одно и то же мгновение.

– Оно нас всех сейчас затопит… Только как же оно может расти и подыматься вверх на эту кручу?

И однако, оно растет, растет громадно… Это уже не отдельные бугорки мечутся вдали… Одна сплошная, чудовищная волна обхватывает весь круг небосклона.

Она летит, летит на нас. Морозным вихрем несется она, крутится тьмой кромешной. Все задрожало вокруг, а там, в этой налетающей громаде, – и треск, и гром, и тысячегортанный, железный лай.

Га! Какой рев и вой! Это земля завыла от страха.

Конец ей! Конец всему!»

XXX

Кажется, за двадцать пять веков после Платона, не было видения более похожего на «Атлантиду», чем это. Тот, кому оно явилось, за сорок лет до русской революции, Тургенев, может быть, меньше всех знал, что оно значит, хотя и верно назвал его «Концом света». Мы теперь знаем, что это конец России; может быть, наши дети, внуки или правнуки узнают, что это конец не только России.

Это видение – русское и всемирное, но уже не европейское, потому что сейчас быть «европейцем» уже не значит быть «всемирным». Чтобы понять, что «конец света» есть видение русское, вспомним, что вся наша литература, – от Чаадаева, который всю жизнь молился в смертном страхе за Россию и Европу вместе: «Да приидет царствие Твое», и Гоголя, который сошел с ума и умер от этого страха, через Достоевского, «человека из Апокалипсиса», до Вл. Соловьева с повестью его о «кончине мира» и Розанова с его «Апокалипсисом наших дней», – вся русская литература, душа России, есть эсхатология – религия Конца. Как будто прославленная сейчас в Европе, все еще остается она неизвестною в этом, главном. «Делают из этого забаву… Но когда сбудется – вот уже сбывается, тогда узнают, что среди них был пророк» (Иез. 33, 31, 33).

XXXI

«Запад исчезает, все рушится… И когда над этим громадным крушением мы видим всплывающую святым ковчегом Россию, еще более громадную, то кто дерзнет сомневаться в ее призвании?» Глядя сейчас на Россию, Запад мог бы посмеяться над этим пророчеством Тютчева («Россия и революция»). Но если русский потоп, со второй всемирной войной, дойдет, схлынув с России, до Запада, – а вероятно, дойдет, – то, может быть, «смешное» пророчество страшно исполнится.

XXXII

Кажется, и Тютчеву являлось то же видение, как Тургеневу: за всеми концами исторических циклов – конец самой истории:

Когда пробьет последний час природы, —
Состав частей разрушится земных,
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них.

XXXIII

Не будучи похожим на своих читателей, поставить знак равенства между второй всемирной войной и Атлантидой-Европой очень легко; но, будучи на них похожим, – очень трудно, почти невозможно.

XXXIV

«Господи, дай мне простых, понятных слов». Должен бы молиться всякий, кто хочет в наши дни говорить о Конце.

«Тятенька, боюсь» – вот, кажется, самое простое слово, но попробуйте сказать его в нынешней, «мирной» Европе, – будет «неприлично», в лучшем случае, а в худшем – «забавно».

Если бы меня спросили, что для современного, среднего, «цивилизованного» человека наиболее дико, чуждо, непонятно, невместимо, я бы ответил: «Конец». Мы, можно сказать, на свет рождаемся с аксиомой ***благой бесконечности***: всякая бесконечность лучше конца; всякая величина с коэффициентом бесконечности становится абсолютно-положительной. Кое-что о «дурной бесконечности» мы знаем, но так смутно, что это нам ни к чему не служит. Хуже всего, что в этой «врожденной аксиоме» происходит, то ли по общей слабости человеческого ума, то ли по особому дурному вкусу, свойственному европейской цивилизации последних трех-четырех веков, смешение «бесконечного» с огромным. Внешне-огромное может быть внутренне-пустым, ничтожным, – это мы тоже знаем, но так отвлеченно, что и это нам не служит ни к чему.

Воля к огромному – ничтожному, дурной вкус к «дурной бесконечности», погубили несколько великих цивилизаций – ассиро-вавилонскую, эллинистическую, римскую; мо-

жет быть, погубят и европейскую.

Греков, до эллинизма, спасала если не религиозная, то эстетически-врожденная аксиома ***благого конца*** – меры: все, что прекрасно, здесь, на земле, ограничено, замкнуто, закончено; вольно стремится к своему концу и пределу; красота есть человечески-божественное явление Конца. Вот почему воля к прекрасному связана у греков с волей к трагическому, с «любовью к року», amor fati: кто родился, принял начало – жизнь, тот принял и конец – смерть; вот почему греки создали столь непонятное нам слово apeiron, «бесконечное» – «неиспытуемое», то, чего нельзя и не должно пытать, познавать; хаотически-безвидное, безóбразное и безобразное. Наша оценка здесь опрокинута: конец лучше бесконечности. В греческом искусстве эсхатология – начало эстетики, а в греческой мистерии – начало религии.

XXXV

Личность бесконечна только в нездешней, трансцендентной возможности, а в здешней, эмпирической действительности – ограничена, замкнута: лицо духовное, так же как плотское, определяемое чертами, концами, пределами, есть тоже человечески-божественное явление Конца; быть бесконечным здесь, на земле, значит быть безличным. Наша воля к земной бесконечности есть тайная воля к безличности.

XXXVI

В возможно истинную гипотезу бесконечной мировой эволюции мы включаем заведомо ложную теорию бесконечного земного прогресса: мы хорошо знаем, что земной мир конечен, как в пространстве, так и во времени; если имел начало, то будет иметь и конец.

Но мы не знаем, когда, и, делая эту неизвестность коэффициентом прогресса, мы возводим его на степень Абсолюта, как бы самого Божественного Промысла, и нет таких человеческих жертв, которых бы этот Абсолют не требовал.

Если вторая всемирная война будет самоистреблением человечества, то этого потребует он же, «бесконечный прогресс», самый кровавый из всех Молохов.

XXXVII

От него-то и освобождает эсхатология, метод религиозно-исторического познания, не менее точный, чем все научные методы. Чтобы понять середину – всемирную историю, надо видеть ее начало и конец; чтобы понять смысл пути, надо видеть, откуда и куда он ведет.

Первое знание, данное человеку: «я», бытие внутреннего мира, личности – психология, в самом широком смысле; второе знание: «не-я», бытие внешнего мира – космология; третье: конец «я» и «не-я» – эсхатология. Все эти три знания одинаково точны, но не одинаково легки: самое легкое – первое, третье – самое трудное.

Вся культура, или, вернее, «цивилизация», движется в среднем – в космологии; вся религия – в крайнем – в эсхатологии.

XXXVIII

Чувство Конца есть тайное пламя всех религий, христианства же особенно.

«Покайтеся, ибо приблизилось царство небесное» – вот первое слово Иисусовой проповеди. Близость Царства есть близость Конца: «близок всем конец, pantôn de telos êngiken (I Пет., 4, 7). – „Время уже коротко, ибо проходит образ мира сего“ (I Кор., 7, 29, 30). Первое, по смыслу, прошение молитвы Господней: „Да приидет царствие Твое“ – да приидет Конец.

XXXIX

В том, что мы называем «язычеством», и что можно бы назвать «христианством до Христа», – в греческой мистерии, наследии Египта, Вавилона, Ханаана – «Атлантиды», по мифу Платона, допотопного человечества, по книге Бытия, – та же эсхатология.

«Молния – кормчий всего; всем управляет Молния, ta de panta oiakizei keraunos». – «Этот огонь разумен – всего миропорядка причина» (Heraclit, Fragm., 63), – как будто возвещает Гераклит, мудрец и пророк мистерий, молнию Сына: «ибо, как молния сверкает от востока и видна бывает до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мат. 24, 27). – «Суд мира и всего, что в мире, – через огонь». – «Все огонь, когда придет, рассудит и возьмет себе» (Heraclit, Fragm., 65–66), – опять как будто возвещает Гераклит огонь Сына: «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтоб он уже возгорелся» (Лук. 12, 49).

Этот-то огонь Конца и соединяет оба человечества, второе и первое, Историю и Преисторию.

XL

Тени Конца проходят по человечеству в крушении великих всемирно-исторических циклов-эонов; с каждым из них, люди думают, что наступил конец, и ошибаются, но не совсем: с этих горных вершин всемирной истории, действительно, виден ее горизонт – Конец.

Может быть, и гибель Европы не будет концом человечества, но, с гибелью европейской, христианской всемирности, «мерзость запустения станет на месте святом», а это уже знамение Конца.

XLI

Человек знает, что умрет, потому что другие люди умирают; так второе человечество знает или могло бы знать, что умрет, потому что умерло – первое.

XLII

Мы не то что не верим в Конец, но нам с ним нечего делать: смерть человечества, так же как человека, для нас только бессмысленный случай. Не зная, когда кончится мир, мы решаем: «никогда», и живем в «благой бесконечности». Это предсказано тоже, как знамение Конца: «Явятся в последние дни наглые ругатели, говорящие: где обетование пришествия Его? ибо с тех пор как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же» (II Пет. 3, 4).

XLIII

Каждый человек, умирая, видит конец мира. Но разные бывают концы: можно умереть, чтобы воскреснуть, и околеть, как собака. Эсхатология – «запах смертный, на смерть», для одних, «запах живительный, на жизнь», для других (II Кор. 2, 16). Если мы еще не сделали между ними выбора, то, может быть, скоро сделаем.

«Люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную… Тогда восклонитесь и подымите головы ваши, потому что приблизилось избавление ваше» (Лук. 25, 28). Нет, мы голов не подымем. «Вы знаете с точностью, что день Господен придет, как вор ночью» (I Фесс. 5, 2). Нет, не знаем, так же, как не знали дня своего пассажиры Титаника, пока не столкнулись с плавучею льдиной.

XLIV

Атлантический кабель и радио не повторят ли когда-нибудь древневавилонскую клинопись:

Ануннаки-диаволы подняли факелы,
Облистали землю страшными блесками.
Ярость Ададова вздыбилась до неба…
И разбила землю, как сосуд горшечника.

(Gilgam. XI, 104–108)

«Было и будет!» – вопиют волны Атлантики, но мы не слышим.

XLV

«Если не покаетесь, все так же погибнете». Не поздно ли каяться? Может быть, и не поздно: стоит только повернуть руль Титаника на одну линию, чтобы пройти мимо льдины. Но кто повернет? Люди власти никогда еще не были так слепы, как сейчас, а зрячие так безвластны, потому что одиноки, рассеяны; каждый сидит в своем углу и дрожит или плачет, как тот вертящийся в белой комнате мальчик: «Тятенька, боюсь!»

XLVI

Первое, что надо бы сделать, – соединиться всем, кто слышит приближающийся шум потопа, и сказать так, чтобы все услышали: вторая война – конец человечества. Этого, может быть, будет достаточно, чтобы повернуть руль Титаника.

А если нет, и потом все-таки будет, то надо строить Ковчег.

В древневавилонском сказании милосердный бог Эа, предупреждая о потопе Ноя-Атрахазиса в вещем знамении, свистит в щели тростниковой хижины его, как начинающийся ветер потопа:

Хижина, хижина! Стена, стена!
Слушай, хижина! внемли, стена!
Человек из Шуриппака, сын Убара-Туту,
Сломай свой дом, построй ковчег.
Презри богатства, жизни взыщи,
Все потеряй, душу спаси.

(Gilgam. XI, 21–27)

Ветер потопа свистит во все щели нашей европейской хижины, – будем же строить Ковчег.

XLVII

«Семя рода человеческого… спасла надежда мира, прибегнув к ковчегу» (Прем. 14, 6). Семя второго человечества спас первый ковчег; второй – спасет семя третьего. Если второе человечество не исполнит своего назначения, так же, как первое, то его исполнит третье: разрушит царство дьявола – войну, созиждет царство Божие – мир.

XLVIII

«Он (Христос) всей твари Первенец. Ибо Им создано все, что на небесах и на земле… И он есть прежде всего» (Кол. I, 15–17). Это значит: был Христос в начале мира, так же как будет в конце. Но мы знаем Его только в середине – в истории; в начале и в конце – в эсхатологии – не знаем.

Об этом-то Христе Неизвестном и сказано: «Находящимся в темнице духам, сошедши, проповедывал» (I Пет. 3, 19–20). – «Нисходил в преисподния места земли, katebê eis ta katôtera merê tês gês» (Ефес. 4, 9). В этих местах погребена была Атлантида – человечество первое, и, может быть, погребено будет второе. К первому Он нисходил, – может быть, низойдет и ко второму.

XLIX

Страшно думать, о чем никто никогда не думал; страшно видеть, чего никто никогда не видел; страшно быть, где никто никогда не был. Но это нужно, чтобы найти тайну Запада, жемчужину, скрытую в сердце морей.

L

Путь в Атлантиду – сошествие в ад, за Христом Неизвестным.

Вот почему три книги об одном:

Тайна Трех.
Атлантида-Европа.
Иисус Неизвестный.

Часть I. Атлантида

1. Миф или история?

I

Два сказания о гибели первого человечества дошли до второго: вавилонское, повторенное в книге Бытия, о потопе, и египетское, записанное Платоном, об Атлантиде.

Двадцать пять веков люди ломают голову над загадкой Платона о первом конце мира и, вероятно, будут ломать до конца второго. Что такое Атлантида, миф или история?

II

«Кто ее создал, тот и разрушил», – смеется Аристотель (Aristot., Fragm., 32. – Strabo, 13, 598). Это значит: Атлантида – миф. Но, если даже так, вспомним, что для самого Платона значит «миф», – может быть, лучшая часть всей его мудрости. Не ближе ли и нам, не роднее ли, потому что бессмертнее, миф Платона, чем вся его диалектика?

Миф – полет, диалектика – лестница; рушится лестница, крылья мифа возносят на высоты нерушимые; дальше всех

человеческих глаз, край земли и неба, начало и конец всего – «Атлантиду» – видит орлиное око мифа.

Слушая спор, диалектику, споришь и сам; слушая миф, молчишь и вспоминаешь райские песни Ангела, петые всякой душе до рождения:

> И звуков небес заменить не могли
> Ей скучные песни земли.

III

Мифы Платона – всем эллинским мифам венец, а жемчужина в венце – «Атлантида».

«Кто ее создал, тот и разрушил», – чтоб это сказать, надо быть таким трансцендентно-лютым врагом Платона, каким был ученик его, Аристотель.

Рафаэль, в ватиканской фреске – «Школа Афинских мудрецов», дал в руки Платона «Тимея» – «Атлантиду», как бы желая тем показать, что здесь его глубочайшая мудрость.

IV

Что такое миф? Небылица, ложь, сказка для взрослых? Нет, одежда мистерии. Голыми ходят у Платона только низшие истины; высшие – облекаются в миф, так чтобы истина сквозила сквозь «басню», как тело – сквозь ткань. Тут пара-

докс, непонятный всем Аристотелям: в грешное облекается святое, истина – в ложь. Нет ли и за ложью «Атлантиды» истины?

V

Две музы у Платона: ученица Сократа, с разумными устами спорщица, и ученица Орфея, «с исступленными устами Пифия» (Heraclit, Fragm. 12). Та об Атлантиде молчит, говорит только эта.

Два у Платона Сократа: собственный его, одержимый богом вакхант, – может быть, мифический, и чужой, Ксенофонтовский, Меморабилийный, – вечный вопрошатель, сам не ответчик, «повивальная бабка», сам не рождающий, – двусмысленно-жутко смеющийся Фавн, – может быть, исторический.

Если так, то и здесь, у самых истоков Платоновой мудрости, борется миф-мистерия с историей.

VI

Прежде чем спрашивать, была ли Атлантида, надо бы спросить, что думает об этом сам Платон. Но вот, как это ни странно, за две с половиной тысячи лет, этого никто не сделал. Сделать это, впрочем, не так-то легко.

Миф – мистерия – история в Платоновой мудрости спле-

тены, сотканы, как тончайшие, в органических тканях, волокна, как элементы в химических телах. Эти три порядка слиты в нем так, как дух, душа и тело в человеке. Как же их рассечь, не убивая?

VII

Первый из двух «атлантических» диалогов Платона, «Тимей», есть продолжение если не существующего, то воображаемого, диалога «О республике». Вчера говорили о ней – сегодня будут говорить об «Атлантиде». Цель обеих бесед одна – строение наилучшего Града, Полиса. Это для Платона уже не миф, не сказка, не игра, а самое важное и ответственное из всех человеческих дел.

VIII

«Один, два, три, а где же четвертый?» – начинает беседу Сократ, считая собеседников и, уж конечно, не думая о пифагорейской тайне Числа – «Четверицы Божественной», tetraktys, и еще меньше думая о нашей Троице, ***Тайне Трех.*** Но нам, в таком начале такой беседы, трудно не вспомнить о Ней.

«– Главное из сказанного мною вчера о Республике, вот что, – продолжает Сократ. – Какое и из каких людей правление наилучшее… Самая природа души, говорили мы, долж-

на быть у стражей Града, phylakes, огненной и мудрой вместе, чтобы могли они, смотря по нужде, быть то милосердными, то грозными».

Вечный образ, платоновская «идея» Града, были даны Сократом вчера, в бесплотной и бескровной отвлеченности – в «мифе»; сегодня надо облечь ее в плоть и кровь – в «историю». Но сделать этого Сократ не может, потому что ему не хватает чего-то, – чего-то не знает он, при всей своей мудрости, как сам признается, – признание для обоих, Платона и Сократа, ученика и учителя, бесконечно-важное. Сделает это за него один из трех собеседников, Критий Младший, вспоминая, что слышал мальчиком от деда своего, Крития Старшего, а тот – от Солона Законодателя, а тот – от старого жреца в храме Саисской богини, Нейт (Neith), а тот, наконец, читал в незапамятно-древних записях Неитова храма, – «не измышленную басню, а сущую истину», как скажет Сократ, – об «Атлантиде», первом, погибшем человечестве, и современных ему Афинах или каком-то неизвестном, доисторическом городе, названном «Афинами» на платоно-пифагорейском, сокровенном языке мифа – мистерии – истории.

Молча, немо, слушает Крития Сократ, как будто смиренно учится.

– А теперь, Сократ, – заключает Критий, – граждан и град, изображенных тобою вчера, ***как бы в мифе, перенесем в действительность***, предполагая, что дело идет вот об

этом, действительно существующем, городе (Афинах) и что измышленные тобою граждане – вот эти, настоящие, предки наши, о которых говорил (Саисский) жрец; пусть будет между ними соответствие полное… и граждане твои будут теми самыми, которые, действительно, существовали тогда (во времена Атлантиды)… Итак, нам нужно решить, будем ли мы сегодня говорить об этом или о чем-нибудь другом.

– О чем же, Критий, могли бы мы говорить приличнее в этот канун богининой жертвы (Панафиней), тем более что все это ***не измышленная басня, а сущая истина***, mê plasthenta mython, all alêthinon logon, вот что главное!»

IX

Кажется ясно, насколько может быть ясно в такой беседе о таком предмете. «Один, два, три, а где же четвертый?» Может быть, только Четвертый, еще не пришедший, но ожидаемый, разъяснил бы все до конца. Главное, впрочем, ясно и так: сам Платон в Атлантиду верит; может быть, обманывается, но не лжет; кто ее создал, тот не разрушил.

Два у него поручителя истины: предок, «полубог», Солон, и современник, «божественный» учитель, Сократ; воплощенная истина – оба.

Если «Атлантида» – ложь, то и эти оба лгут, или Платон лжет на них, в самом для него великом и святом – в строении человеческого града – «Града Божьего»; лжет не только

пред лицом своего народа и времени, но и всех времен, всех народов: ведь знает же – помнит, по его же собственному, чудному слову, что голос его дойдет до них всех.

Это невероятно, но еще невероятнее, что он лжет так неискусно, как будто нарочно, чтобы быть изобличенным наверняка и с наибольшею легкостью.

X

«Прежде всего, широко распространенная и излюбленная гипотеза, будто бы „Атлантида“ Платона есть голая басня, должна быть отвергнута, по общим соображениям культурно-психологическим, – хорошо говорит об этом немецкий ученый Рихард Генниг. – Связывать описание совершенно баснословной страны с точно известными географическими именами есть нечто во всемирной литературе беспримерное. Обозначение мест в подобных случаях всегда умышленно сбивчиво или даже просто шутливо… А Платон недвусмысленно указывает на географически определенные места: „Геркулесовы Столпы“ (Гибралтар), „область Га́дира“ (Кадикс) и проч.». Кстати сказать, это «прочее», забытое Геннигом, потому что привычно-забвенное может быть главное: «Атлантида» – «Атлантика», в этом созвучии нерасторжимая связь мифа с историей; весь вопрос в том, кто кого родил, Атлантида – Атлантику, или наоборот.

«Во всех подобных мифах, как это видно по другим та-

ким же загадкам (Офир, Винета и т. п.), слышатся отзвуки истории, – заключает Генниг. – Думать, что у Платона дело обстоит иначе, нет никаких оснований. Вот почему можно считать раз навсегда установленным, что миф об Атлантиде взят не с ветра; за ним лежит какая-то несомненно-историческая действительность» (R. Hennig, Das Rätsel der Atlantis, «Meereskunde», B. XIV, 5, 5, 8).

XI

Вот одна невероятность лжи, географическая, а вот и другая, психологическая, едва ли не большая.

Мы узнаем от Крития, что Солон, если бы хотел и не был слишком занят политикой, мог бы сделаться великим поэтом, «не меньше Гомера и Гезиода». Кажется, еще в Египте, где слышал от жрецов сказание о войне Атлантиды с Афинами, он начал писать поэму, по собственноручной записи о слышанном, но не кончил и привез в Афины только черновой набросок, вместе с тою записью. «Она была у деда моего, Крития Старшего… Я зачитывался ею в детстве», – сообщает Критий или его устами Платон, должно быть, общее семейное предание, потому что Критий – дальний родственник Платона, по мачехе его, Периктионе, внучке Крития Старшего (Pl., Tim., 21, c; 26, c. – A. Rivaud, Platon, 1925, t. X, p. 130).

Если все это ложь и никакой Солоновой записи у Крития

не было, то совершенно непонятно, зачем Платону лгать так ребячески-глупо: ведь стоило только афинянам полюбопытствовать, где поэма и запись об их величайшем древнем подвиге, чтобы узнать – всякая собака в Афинах знала Солона и обоих Критиев, – что ни поэмы, ни записи нет и что Платон – бесстыдный лжец. Если же поэма и запись действительно были, то значит, Солон что-то слышал от Саисских жрецов, достойное записи, и те что-то знали о какой-то неизвестной стране в Океане. А это и значит: за Атлантидой – история.

XII

Тут-то, однако, и начинается трудность – отделить миф от истории, вынуть его из нее, как душу из тела, не убивая обоих. Но уж если кому-нибудь бороться с этой трудностью, то, казалось бы, нам, может быть, очень слабым в религии, но достаточно сильным в истории. Во всяком случае, игра стоит свеч: если Атлантида была, то вся история человечества озаряется новым светом.

XIII

Как же, однако, второе человечество могло забыть первое? Что значит это мертвое молчание истории? Почему голос Платона единственный? До него молчание, а после – только эхо его же голоса. Крантон, Прокл, Элиан, Тимаген,

Диодор, Плиний, Страбон, Плутарх, Посидоний, – до темного варвара, византийского инока, Козьмы Индикопла, – все только повторяют или искажают Платона. «Атлантида упоминается им одним, да теми, кто его читал», – этот приговор одного из лучших знатоков вопроса как будто подтверждается каждый раз, при ближайшем рассмотрении источников (Gsell. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, I, 1913, p. 328).

Что это значит? Вот первый вопрос, приходящий в голову всем, кто ломает ее над загадкой Платона.

Мы увидим, что молчание истории, может быть, не такое мертвое, как это кажется. Но пусть даже мертвое; люди молчат, – говорят боги, звери, злаки, камни, воды – вся тварь: «Атлантида была».

XIV

Внятны, однако, чуткому уху и человеческие шепоты.

Греческий историк Марцелл (Aethiopiaka), упоминаемый Проклом, комментатором «Тимея», сообщает, ссылаясь на древнейших историков, что во Внешнем Океане (Атлантике) находилось семь островов малых, посвященных Прозерпине (может быть, Канарский архипелаг), и три больших; один из них, в 1000 стадий длины, был посвящен богу Посейдону. «Жители этого острова сохранили, дошедшую до них от праотцов, память об ***Атлантиде***, огромнейшем острове, существовавшем некогда в этих местах, господствовавшем, в

течение многих веков, над всеми островами Внешнего Моря и посвященном также Посейдону» (R. Devigne. L'Atlantide, 1924, 23. – A. Rivaud, 248. – Ign. Donelly Atlantis, Deutsch von Schaumburg, 1911, S. 31).

Это сообщение древнее Платонова; следовательно, от него независимо и его подтверждает.

Тот же Прокл сообщает, что, через триста лет после Солона, александрийскому неоплатонику, Крантору (Krantor) Саисские жрецы показывали столбы с иероглифной историей об «Атлантиде» (Th. Moreux. L'Atlantide a-t-elle existé? 1924, p. 27). Это значит: Крантор видел то, о чем только слышал Солон.

В III–IV веке по Р. Х., латинский поэт Авиен (Avienus) упоминает о «местечке», oppidum, Гаддир, в Северной Африке. «Càddir» по-финикийски значит «ограда», «крепость». К северу от Гибралтара, Геркулесовых Столпов, находится другая финикийская крепость того же имени, сообщает Авиен (Avienus. De ora maritima, vers. 266. – Poetae latin. Minores. Wendorf, p. 436). Имя одного из десяти Атлантских царей у Платона – Гадир (Gadeiros); близнец первого царя Атлантиды, Атласа, он получил во владение «Гадирскую область, epichôrion Gadeiron, на обращенном к Геркулесовым Столпам, конце Острова», – сообщает Платон (Pl., Krif., 114, b). Значит, имя «Гадир» взято им не с ветра: за мифом – история.

XV

Древнефиникийский и преэллинский г. Тартесс (Tartessos) – библейский Фарсис (Tarschisch) – европейская столица бронзового века, – может быть, здесь-то он и родился, – средиземноморский рынок меди и серебра из богатейших Сиерра-Моренских рудников и касситеритского олова, столь драгоценного для сплава с медью, дающего бронзу, – Тартесс находился, как доказано новейшими раскопками, в устье Гвадалквивира, к северу от нынешнего Кадикса, древнего Га́дира, к северо-западу от Гибралтара.

Если Атлантида существовала, и Тартесс, как очень похоже на то, была Атлантскою гаванью, у Гибралтара, ворот Средиземного моря – великого Атлантического пути на Восток, то понятны и многозначительны слова Геродота: «Был путь из Фив египетских к Столпам Геркулесовым» (Herodot, II, 181), – слова, подтверждающие свидетельство Саисских жрецов у Платона: «Эта держава (Атлантида) владела Ливией (Северной Африкой) до пределов Египта» (Pl., Tim., 25, n). Снова и здесь, как уже столько раз, мы убеждаемся, что Геродот не «отец лгунов», по выражению еще недавних скептиков, а «отец Истории».

Понятно и то, откуда имя «Атласских» гор, на том же великом пути западных колонизаторов; и почему Гекатей и Геродот называют обитающих у подножья этих гор, полудиких

кочевников, берберов, – «атлантами» (Herodot, IV, 184); понятно, что песчаное дно находившегося здесь же озера, Тритонис, внезапно обнаженное мировым катаклизмом – хлынувшей на Атлантиду, исполинскою волною, – образовало часть нынешней Сахары (Diod., III, 55, 4. – Berlioux, Les Atlantes, 1883, p. 39).

Все это и значит: нет дыма без огня – мифа без истории.

XVI

Почему же все-таки в молчании слышатся только невнятные шепоты? На этот вопрос отвечает Платон или Саисский жрец, и если ответ не решает вопроса окончательно, то звучит опять не мифом, а историей.

«– О, Солон, Солон! вы, эллины, – вечные дети; нет старца в Элладе, – сказал один из жрецов.

– Что это значит? – спросил Солон.

– Все вы юны духом, – ответил жрец. – Нет у вас никаких преданий, никакой памяти о седой старине» (Pl., Tim., 22, b).

Мог ли так говорить египтянин, хотя бы и Саисского века? Во всяком случае, удивительно, что так говорит Платон. Кажется, и мы, со всеми нашими бесконечно-бóльшими историческими знаниями, со всей нашей исторической критикой, глубже не заглядывали в душу Египта и Греции, в их вечной противоположности.

В самом деле, чудная и страшная способность забвения,

как бы исторического беспамятства, обморока, – не одна ли из главных сил и слабостей греческого гения? Прошлого не любят, как бы не верят в него, спешат забыть, сделать историю мифом, слишком жгущий огонь ее – благоуханным облаком дыма; только настоящим живут, как дети, звери и боги. Райская свежесть их и, увы, быстрота увядания – не отсюда ли? Знают, что память – смертная тяжесть: помнить – значит страдать, умирать; жить – забывать.

Греки живут – забывают; египтяне помнят и все-таки живут; смертную тяжесть памяти несут, как легкое бремя; любят прошлое, потому что любят вечное; знают, что помнить – значит не только страдать, умирать, но и воскрешать, а забывать – не только жить самому, но и убивать других. Этою бесстрашною памятью египтяне сильнее и благочестивее греков.

Видеть все это со стороны, через две тысячи лет исторического опыта, нам теперь легко; но какой нужен был Платону острый взгляд на себя, какое смирение истории, чтобы так увидеть Грецию; и какой нужен был суд над собой, какая, уже в нашем смысле, «историческая критика», чтоб это понять и сказать.

XVII

Где же грекам помнить войну с атлантами, если и Троянской войны не помнят, как следует. Шлиманн, а не Гомер,

открыл нам историческую Трою, Микены, Тиринф. Если бы не раскопки Эванса, мы все еще не знали бы, что Греция – только бледная тень Миносского Крита.

Крит и Атлантида провалились для греков в одну и ту же черную дыру беспамятства, Лету забвения.

XVIII

Чтобы это увидеть, Платону мало было исторического гения; нужно было и какое-то знание, которого, может быть, у нас уже нет.

Кажется, он вообще недоговаривает; больше знает, чем говорит, меньше говорит, чем думает и чувствует; что-то скрывает – приподымает край завесы, чтобы тотчас вновь опустить. Это, впрочем, и понятно: миф – покров мистерии. Мифом скрывает Платон Атлантиду – святую и страшную тайну истории.

XIX

«Нет, я не умолчу об этом, – отвечает Саисский жрец Солону, когда тот просит его сообщить ему историю допотопных Афин. – Я скажу тебе все из уважения к тебе и к вашему городу, а больше всего, к богине, сохранившей, вскормившей и образовавшей оба города – ваш, на тысячу лет раньше нашего, а потом и наш, ибо в наших святых письменах за-

писано число лет образования вашего – восемь тысяч» (Pl., Tim., 23, c, e).

Гея, Мать Земля – первая богиня допотопных Афин или того неизвестного города, который «теперь называется Афинами», как с исторической точностью поправляет Солона-Платона Саисский жрец; а богиня вторая – небесная Дева-Мать, греческая Афина-Паллада, египетская Нейт-Изида – под двумя именами одна. Мудрость, наука, искусство, гражданственность – все устроение, «украшение», diakosmêsis, по глубокому слову Платона (Pl., Tim., 23, e), или по нашему, плоскому – «цивилизация», общая Египту и Греции, все – от нее, Великой Матери; или, говоря опять по-нашему, доисторический корень обеих «цивилизаций» – один.

Только через двадцать пять веков, по недавним раскопкам на Крите и других островах Эгейского моря, мы поняли, что Платон прав, что он или Саисский жрец что-то знают о доисторической древности, чего мы уже не знаем. Мимо Платонова «мифа» люди проходили двадцать пять веков так же слепо, как мимо тех пустынных холмов, где скрыты были дворцы Кносса и Фэста – мир чудес, не меньший Египта, Вавилона и Греции.

Вот пример того, как на критической веялке отлетающая шелуха мифа обнажает зерно истории.

XX

Мы также знаем или начинаем узнавать, что не только у Египта и Греции, но и у Шумеро-Аккада, Элама, Вавилона, Ханаана, Хеттеи, – может быть, у всех древних культур – корень один, – белый, радужно в разных средах преломляемый луч одного солнца; все они восходят из-за горизонта истории, как бы внезапно готовые, каждая – в полном круге своем, подобном кругу восходящего светила.

Где же источник общего света? Этого мы не знаем: может быть, знает Платон, но опускает покров над этою слишком святою и страшною тайною: солнце Атлантиды, зашедшее в бездны Атлантики, – свет всего человечества.

«Лучшее племя людей жило в вашей земле (до потопа), – говорит Саисский жрец Солону. – Вы произошли от его уцелевшего малого семени».

Это и значит: первое человечество – семя второго; Атлантида – семя Европы.

XXI

Чтобы понять миф Платона о войне атлантов с греками, надо помнить главную цель беседы: плотью и кровью облечь отвлеченную идею Града, показать его в героическом действии.

«Городом вашим совершен был подвиг величайший, и правление было в нем наилучшее, о каких мы когда-либо слышали, – продолжает рассказчик. – В наших писаниях сохранилась память о том, как смирил ваш город эту великую державу (Атлантиду), когда устремилась она с дерзновением из глубины Атлантики на всю Европу и Азию» (Pl., Tim., 24, e). – «Ибо, соединив однажды все свои силы, кинулась Атлантида на вашу землю и нашу, так же как на все другие земли по сю сторону Пролива (Гибралтара), чтобы поработить их все одним ударом. Тут-то город ваш и явил себя миру во всем своем величии, ибо, превзойдя всех военным искусством и доблестью, сначала во главе эллинов, а затем, поневоле, один, покинутый всеми, уже на краю гибели, он все же победил врага, воздвиг трофеи, спас от рабства никогда не бывших рабами, и остальных, не помня зла, освободил» (Pl., Tim., 23, c; 25, b, c).

Надо сказать правду: слишком похожи эти атланты на персов, и война их с Афинами слишком похожа на Персидскую, чтобы все это не казалось сплошным патриотическим вымыслом. Но вглядимся, нет ли и тут, под шелухою мифа, зерна истории.

XXII

Если Атлантида была действительно таким огромным островом-материком, «больше, чем Ливия и Малая Азия», как

сообщает Платон, и находилась там, где он помещает ее, – посреди Атлантики, и была тем, чем он ее делает, – великою военно-морскою державою, то всемирно-исторические судьбы ее предрешались неизбежно и естественно: ей нужно было политически господствовать надо всем, что она объединяла географически.

«Ливией (Северной Африкой) до Египта и Европой до Тирении (Северной Италии) овладела эта держава», – сообщает Платон (Pl., Tim., 25, b). Если так, то, овладев одной половиной Средиземного моря, она уже не могла остановиться – должна была овладеть и другой, чтобы открыть себе путь на восток, ибо мы знаем, по собственному страшному опыту, как непреложен тот закон, владеющий великими державами, который можно бы назвать ***притяжением пустот***: в мировые войны падают они, как физические тела – в пустоту. Это и значит: Запад должен был начать войну с Востоком, Атлантида – с Европою, – мировую войну за мировое владычество, или ряд бесконечных войн.

Может быть, память об одной из них и сохранилась в записях Саисского храма. Старый жрец взял грех на душу, преувеличивая в угоду именитому гостю победы «афинян»: слишком был нужен союз дряхлеющему Египту с юной Афинской республикой.

Что же значит миф Платона? В трех великих столкновениях Запада с Востоком, в трех войнах – Атлантской, Троянской, Персидской – ставится один вопрос: кто утолит веч-

ную и главную муку человечества – жажду всемирности – Атлантида в рабстве или Европа в свободе? Этот вопрос и для нас, через двадцать пять веков после Платона, относится не к мифу, а к истории.

XXIII

Может быть, лучше всех древних и новых «Аристотелей» понял Платона темный варвар, византийский инок IX века, Козьма Индикопл (Cosmos Indikopleustes). К своей «Христианской топографии», Topographia Christiana, он приложил детски-нелепую карту земного шара: внутренняя сфера, сплошной материк, окруженный морем, ни на чем не держится, как бы висит в воздухе, и окружена второю сферою внешнею, с надписью: «Земля за океаном, где люди обитали до потопа, terra ultra oceanum, ubiante diluvium habitabant homines».

Моисей, в книге Бытия, и Платон, по мнению Индикопла, говорят одно: мир допотопный есть не что иное, как «Атлантида», а десять атлантских царей суть «десять родов от Адама до Ноя» (Jos. Peter, Atlantis, die versunkene Welt, s. 6. – K. Kretschmer, Die Entdeckung Americas, 1882). Атлантида – земной рай; оттуда вышел Адам, оттуда же и Ной в ковчеге переплыл через воды потопа, из внешней сферы земли во внутреннюю, где мы сейчас обитаем, как бы перешел из того мира в этот, или, говоря нелепо-трансцендентно, в духе

Козьмы, – из «полутого» мира в «этот совсем».

Рай – на востоке, а место потопа – на западе, но в том же внешнем круге земли, за Океаном, где Рай. Если бы Колумб знал Индикопла, то, может быть, нашел бы в нем подтверждение тоже как будто нелепой веры своей, что, плывя на крайний Запад, можно приплыть на крайний Восток – в Индию (Donelly, 86. – Roisel, Les Atlantes, 1874, p. 64). Любопытно, что, уже открыв Америку, Колумб не сомневался, что открыл допотопный мир, и думал, что Ориноко есть Гихон, одна из четырех Эдемских рек. «Все заставляет думать, что Рай находится в этих местах, – пишет он в Испанию. – Это подтверждается не только согласьем математических выкладок с учением святых отцов и теологов, но и всеми признаками и свойствами этих мест» (Donelly 215).

Если бы Колумб читал Платона, – а может быть, и читал, – то не сомневался бы, что открыл «Атлантиду».

XXIV

Атлантида, Остров Блаженных, есть Рай с первым человеком в раю, Адамом-Атласом: может быть, кое-что знает об этом и Платон, но меньше говорит, чем знает; скрывает от непосвященных, потому что здесь миф – уже начало мистерии.

Рай не только Атлантида, но отчасти и весь допотопный мир, озаряемый райским светом с Запада – заходящим солн-

цем Атлантиды.

«Лучшее и прекраснейшее племя людей обитало в вашей земле (до потопа), – вот чего вы не знаете», – приподымает Саисский жрец край завесы над этою святою и страшною тайною (Pl., Tim., 23, b).

Атлантида – «золотой век». – «Вы жили тогда под такими же благими законами, как мы, и даже лучшими, превосходя всех людей добродетелью, как и подобает чадам и питомцам богов». Градом Божьим была совершенная республика, управляемая людьми богоподобными «andres theioi» – «людьми-богами» (Pl., Krit., 110, c).

XXV

«Человеку надо измениться физически, чтобы сделаться Богом», – бредит сумасшедший Кириллов у Достоевского, как будто страшно далеко от «Христианской топографии» Козьмы Индикопла, а на самом деле, страшно близко. «Изменился физически» – значит, не умирая, оставаясь в теле, перейти из этого мира в тот или «полутот»; переплыть, как Ной, через воды потопа, но уже обратно – из «внутренней сферы земли» во «внешнюю», вернуться с чужбины на родину – в «Атлантиду» из Истории.

XXVI

Если бы мы увидели сейчас атлантов, то, может быть, не сразу узнали бы, кто это: странное, заморское племя, что-то вроде ацтеков или майя, – казалось бы нам. Но, вглядываясь пристальнее, мы удивлялись бы, пугались все больше и больше и, может быть, наконец, поняли бы, что это не совсем люди, а существа иной породы, как бы обитатели другой планеты – Марса или Сатурна.

XXVII

Можно ли «измениться физически», этого, кажется, ни Платон, ни Саисский жрец не знают. Но знает Аристотель, что делает, разрушая «Атлантиду», иссушая этот подземный источник всех древних и новых мифов-мистерий. Смехом – ядовитейшим оружием – убивает он ее; смехом же ответила ему судьба: разрушением Атлантиды послужил он не только всем будущим «Аристотелям», большим и маленьким – Лукианам, Лукрециям, но и всем теологам-схоластикам, для которых ведь тоже бельмо на глазу – связь Платона с Моисеем, Атлантиды с Бытием, а может быть, и с Апокалипсисом. Существование первого человечества изменяет метафизически не только всю нашу историю, но и всю теологию: это как бы новый катаклизм, переворот духовный.

XXVIII

Кажется, впрочем, иногда, что и сам Платон не рад своей «Атлантиде»: так же как мы, ломает над нею голову, путается в трех порядках – мифе, истории, мистерии – или, может быть, делает это нарочно: боится разгадать загадку. Вызвал духа, неискусный волшебник, и не знает, как его спровадить назад; может быть, рад бы исполнить совет Аристотеля: «Кто ее создал, тот и разрушил»; но разрушить нельзя: Атлантида есть – будет Колумб; будет и новый Аристотель, Бэкон Веруламский, с «Новой Атлантидой» – Америкой.

И смеются боги, смеются бесы, видя, как люди ломают голову над этою детски-простою загадкою. «Один, два, три… Где же ***четвертый***?» Он-то, может быть, и разгадает загадку мудрецов так, что дети поймут.

2. Белая и черная магия

I

Мысль «Атлантиды» очень проста, а если кажется нам непонятной, то, может быть, только потому, что слишком противоположна всем нашим мыслям об истории. Это мысль Бытия и всей дохристианской, языческой древности; тут, впрочем, язычники к христианству ближе нашего.

Мы живем в божественной или «небожественной комедии», они живут в трагедии; рай для нас будет, для них был; грехопадения для нас не было, для них было; мы знаем, что все хорошо кончится, этого они не знают; мы движемся вперед – «прогрессируем» – по прямой и непрерывной линии; они – по ломаной и прерванной: прерыв и есть «Атлантида».

II

Атлантида – рай на земле, но какой, бывший или будущий, этого Платон не знает, не смеет знать, может быть, потому, что слишком хорошо знает, что речь идет не о пустяках, а о самом для него святом и великом – о Граде человеческом – Граде Божьем. Тут сказать – значит сделать, а сделать – значит «измениться физически», уже не в «идее-об-

разе», не в мифе, «измышленной басне, а в сущей истине», что сделать не так-то легко.

III

Манит нас всех Океан, обтекающий Остров Блаженных,
—

вспоминает Гораций Гомера:

Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами, туда, где живет Радомант златовласый,
Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает,
Где сладко-шумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным.

(Hom., Odys., IV, V. V. 562–568)

Это так хорошо, что забыть нельзя: это золотой век, золотой сон человечества.

«Вся эта часть Острова (около столицы атлантов), обращенная к югу, защищена была горами от северных ветров, – сообщает Платон. – Горы же те славились тогда красотой и величием больше всех нынешних гор на земле» (Pl., Krit., 118, b). Падая в море отвесными кручами скал, уединяли

они райски-уютные долины Острова.

«И такое было там изобилие всего, что корму хватало не только на всякую тварь в озерах, болотах и реках, а также на горах и в долинах, но даже слоны, которых было на Острове множество, – самая большая и прожорливая тварь – нажирались досыта. И все благовонья, какие только рождает земля, и целебные корни, и злаки, и деревья, источающие смолы, и плоды, и цветы… чудесные, волшебные, священные… все это Остров, тогда еще озаряемый солнцем, рождал в изобилии неиссякаемом» (Pl., Krit., 114, e; 115, b).

Что за грусть в этих словах, точно тень смерти в сиянии рая: «Остров, тогда еще озаряемый солнцем!» Может быть, та же тень проходит и по лицу Платона: вдруг понимает он, что Острова Блаженных сам никогда не увидит, потому что Мрачное море, mare tenebrosum – Смерть – отделяет его от живых.

IV

Иногда, как будто нарочно, он сгущает миф, чтобы прохладным облаком скрыть слишком жгущий огонь мистерии: «измениться физически» – сгореть, умереть, оставаясь в теле, не так-то легко. Уже в самом начале рассказа, такое сгущение.

Бог Посейдон, получив при дележе мира между богами остров Атлантиду, полюбил жившую на нем смертную де-

вушку, Клито (Kleito), и оградил, ревнивый любовник, жилище возлюбленной, приморский холм, заключив его в концентрические кольца рвов и валов, чтобы никто не мог проникнуть в него, ибо люди тогда еще мореходства не знали. Этот новообразованный остров, малый в большом, он украсил чудесно: «высек из земли два источника, холодный и горячий, бившие вместе из одного отверстия, и произрастил обильно злаки, потребные к пище» (Pl., Krit., 113, e). Это напоминает рай Бытия: «произрастил Господь Бог всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и Дерево Жизни среди рая» (Быт. 2, 8).

Десять сынов-близнецов, рожденных от Клито, бог вскормил сам и, разделив между ними Остров, первенцу, Атласу, дал в удел жилище матери, с окрестной, лучшей и обширнейшей областью, и поставил его царем над братьями, а тех – князьями-архонтами, каждого над обширною и многолюдною областью (Pl., Krit., 114, a). «И другими островами того Океана, а также областями по сю сторону Геркулесовых Столпов, до Египта и Тирении, владели они и потомки их, ибо от царя Атласа произошел многочисленный и славный род; царская же власть переходила всегда к старшему в роде, и так сохранялась, в течение многих родов» (Pl., Krit., 114, c), по «закону, данному самим богом и начертанному первыми царями на орихалковом столбе в храме Посейдона, в середине Острова» (Pl., Krit., 119, c).

V

Кажется, Платон не глупее нашего: он хорошо понимает, что все это сказка, даже не для взрослых, а для маленьких детей; понимает и то, что настоящий бог Атлантиды – не Посейдон.

«Греческим именам варваров не удивляйтесь, – предупреждает слушателей Критий. – Первые, записавшие повесть, египтяне перевели эти имена на свой язык, а Солон перевел их на греческий».

Первого царя Атлантиды Платон называет «Атласом» (Pl., Krit., 113, a). Атлас – титан, бог; и это похоже на историю: основатели великих государств и благодетели народов слывут у них «богами»: divus Caesar, Александр – theos.

Бог Средиземного моря – Посейдон, а бог Атлантики – Атлас: может быть, в этих двух именах – нерасторжимая связь мифа-мистерии с историей.

VI

Атлас – древний бог-титан, низвергнутый новыми богами Олимпа.

Одного мы прежде знали
Бога, скованного цепью, —
Знали Атласа-титана,

Что, раздавленный, согнувшись,
На плечах могучих держит
Беспредельный свод небес —

плачет хор Океанид в «Скованном Прометее» Эсхила (Aeschyl., Prom. V. V. 425–430). Прежде знали одного, а теперь узнали и другого: Прометей – на востоке, Атлас – на западе. Оба – «страдальцы»: tlaô – корень имени Atlas – значит «терплю», «страдаю» (Ed. Gerhard, Kleine Schriften, 1866, p. 39), – может быть и всей мистерии корень: тайна страдания – уже не олимпийская, а титаническая тайна Атласа и Атлантиды – Атлантики.

Волны падают на волны,
Плачет море, стонут бездны;
Под землей, в пещерах темных,
Содрогается Аид,
И светло текут, как слезы,
Родники священных рек.

(Aeschyl., Prom., V. V. 431–433)

Этих слез не знает Олимп, но всех мистерий сладость сладчайшая – в них. «Человек любит страдать», – вот что хочет и не смеет сказать Платон: если бы он это сказал – открыл тайну мистерий, – греки казнили бы его так же, как едва не казнили Эсхила за «Прометея».

VII

Огонь
Я смертным дал, и вот за что наказан —

говорит Прометей (Aeschyl., Prom., V. V. 109–112), и мог бы сказать Атлас; тот – создатель второго человечества, этот – первого; оба – человеколюбцы: страдают за то, что любят людей больше богов. Тайна страдания – тайна любви: вот огонь титанов, которым сожжен будет мир богов.

С первым человечеством страдает Атлас в Атлантиде – пред-истории, со вторым – Прометей – в истории.

VIII

Древневавилонский бог Эа, бог бездны морской и бездны премудрости, тоже человеколюбец, тоже открывает людям тайны богов и восстает на Ану, бога Отца, чтобы спасти человеческий род от совершенного истребления потопом (Gilgamesch, XI. – Berossos, Babyloniaka, Fragm.). Первый мир спасает или хотел бы спасти Эа, а сын его, Страдалец Таммуз, спасает мир второй.

Эти три мифа-мистерии – вавилонский, египетский, греческий – может быть, три луча одного света, идущего из бездны веков: что-то видят в ней древние, чего мы уже не ви-

дим.

IX

Мать-Вода древнее Матери-Земли. «Все от воды», – учит физик Фалес; это знает и метафизик Платон, но более глубоким знанием.

Дух Земли ужасает Фауста:

> Weh! ich ertrag dich nicht.
> Горе! я не могу тебя вынести.

Дух Воды ужаснул Платона.

Атласом – духом Атлантики – рождена Атлантида. Сто океанид, сидящих на дельфинах, – тот самый хор, который будет некогда плакать у ног Прометея, – окружает в столице атлантов, в храме Посейдона-Океана, его исполинский кумир.

Веянье соленой свежести, сквозь все благовонья райских долин и теплые смолы горных лесов, уже обвевает грозным дыханием бездн Остров, «пока еще озаряемый солнцем».

X

> Твой образ был на нем означен,
> Он духом создан был твоим,

Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим,

(Пушкин)

можно бы сказать Океану о двух его созданиях – древнем и новом Западе – Атлантиде и Европе.

Рабством Атлантида кончила – начала свободой; может быть, и участь Европы та же. Дух Океана есть дух свободы скованной, дух мятежа – «революции», как мы говорим, – дух безмерности. Греки, люди меры, явно бегут от него, тайно влекутся к нему. Hybris – этим непереводимым словом называет его Платон. Hybris – гордыня титанов, больше гордости человеческой. «Человек возвеличится духом, божеской, сатанической гордости, и явится Человекобог» (Достоевский).

Вот какие глубины озаряет сквозь облако мифа огонь мистерии одним только словом: «ethrepsato, вскормил»; десять сынов-близнецов бог от смертной родил и вскормил (Pl., Krit., 113, e). Вскормил чем? Магией, знанием глубин.

…Атласу ведомы все глубины Океана —

сообщает Гомер (Hom., Odys., I, 61). Друг олимпийцев, враг титанов, называет он Атласа «злым хитрецом», «кознодеем», oloophronos (Gerhard, 38), потому что «знание глубин» для Гомера тоже «гордыня», злая сила, или, как сказали бы христиане, «сила нечистая» – «черная магия».

Дочь Атласа, нимфа Калипсо – колдунья-волшебница: там, в Океане Кромешном, на своем пустынном острове Огигии, может быть, одном из островов Атлантиды (Plutarch., ap. Levis Spence, The problem of Atlantis, 1925, p. 9), держит она Одиссея в плену – волшебством (Hom., Odys., VII, V. 244; I, V. 51). Дочь в отца: «козни» Атласа – тайны магических знаний: ими-то он и «вскормил» сынов своих, атлантов.

Вся их теократия есть теургия, магия. Мы сейчас увидим, что вся Атлантида зиждется на одном магическом действии – таинстве.

XI

Магия, душа Атлантиды – «ночная душа» всего человечества.

> Ах, две души живут в моей груди!

Может быть, мы все еще не понимаем, как следует, трагическое значение для нас этих двух душ.

Две души – два сознания: бодрствующее, дневное, поверхностное, и ночное, спящее, глубокое. Первое – движется по закону тождества, в силлогизмах, индукциях, и, доведенное до крайности, дает всему строению культуры тот мертвый, механический облик, который так хорошо нам знаком;

второе – движется по законам какой-то неведомой нам логики, в прозреньях, ясновидениях, интуициях, и дает культуре облик живой, органический, или, как сказали бы древние, «магический».

Наблюдая ряд нисходящих от нас в глубину древности великих культур, мы замечаем, что, по мере нисхождения, механичность дневного сознания в них убывает, и возрастает органичность сознания ночного, – та для нас темная область его, которую древние называют «магией», «теургией»; если же довести этот ряд до конца, то получится наш крайний антипод, противоположно-подобный двойник – противоположный в путях, подобный в цели, в бесконечной власти над природою, – та совершенно-органическая, «магическая» культура, которую миф Платона называет «Атлантидой».

Судя по исполинскому зодчеству атлантов, о котором сообщает Платон, «механика» их была не менее, а может быть, и более совершенна, чем наша; судя по нашей религии, христианству, интуиция наша не менее, а может быть, и более глубока, чем интуиция атлантов. В чем же наша разница с ними? В воле, в сознании: мы только и делаем, что подчиняем нашу интуицию механике, – покрываем наше ночное сознание дневным: атланты, наоборот, свое дневное сознание покрывают ночным, свою механику подчиняют магии; для нас механика – крылья, для них – тяжесть, которую подымают они на крыльях магии.

XII

Меньше всего Платону можно говорить о магии, теургии – душе мистерии, чьи тайны для него хранимы не только человеческим, но и более грозным судом.

Магию скрывает он под математикой: холодно, сухо, почти скучно, описывает страну атлантов, но с такою точностью, что по этим описаниям можно бы составить карту Атлантиды. Математическою точностью он, может быть, хочет нас уверить в действительности того, что описывает; но это плохо ему удается: мифом пахнет его математика.

Говоря о каналах, соединяющих столицу атлантов с морем, сообщает: «Ширина их в три плэтра, глубина во сто футов, длина в пятьдесят стадий»; и о внешних, окружающих внутренний остров с Акрополем, концентрических кольцах-островах, выведенных самим богом, правильно, как по циркулю: в первом, самом большом кольце, водяной ров и земляной вал имели в ширину три стадии, во втором – две, в третьем – одну (Pl., Krit., 115, d). «Один, два, три» – та же игра пифагорейских чисел и здесь, как в начале беседы; в числах земных – небесная «музыка сфер». Эти концентрические кольца островов – земные круги – может быть, изображают круговороты светил, ибо Атласу «ведомы все глубины», не только Океана, но и неба.

«Атлас (человек, первый царь атлантов) постиг и открыл

людям движение небесных светил, отчего и произошло сказание, будто бы он держит небо на плечах», – сообщает Диодор (Diod. III, 60, 2).

Может быть, чертя магические круги на земле – кольца островов и каналов, – он учит атлантов небесной механике-магии.

XIII

Так, в ледяных кристаллах геометрии закипает у Платона огненное вино мистерии; проступает сквозь математику страшно огромный сон самого титана, небодержца Атласа.

Сеть исполинских, оросительных и судоходных каналов, пересекающих вдоль и поперек великую равнину за Городом, напоминает «систему каналов» на планете Марс. «Трудно поверить, чтобы он мог быть созданьем человеческих рук», – говорит Платон о самом большом из них, в 10000 стадий длины, которым обведена вся равнина (Pl., Krit., 118, s).

Столь же неимоверны циклопические стены городских валов и Акрополя – одна, обитая медью, другая – оловом, третья – орихалком, oreichalkos, «горною медью» с огневыми жилками, marmarygas pyrôdeis, может быть, особым, атлантическим, исчезнувшим потом из природы, металлом – не первым ли Веществом в состоянии «магическом»? Неимоверны мосты с крепостными воротами и башнями, переки-

нутые через каналы на такой высоте, что самые большие триремы проходят под ними, не опуская мачт. Неимоверны прорытые сквозь земляные насыпи окружных валов подземные каналы и вырубленные в толще скал, в бывших каменоломнях, подземные, для целых флотов, гавани – светом каких искусственных солнц освещенные? Неимоверны титанические верфи, орудийные заводы, арсеналы, казармы, ристалища, водопроводы, бани, школы, дворцы, сады, священные рощи с «деревьями красоты и высоты божественной, daimoniou» (Pl., Krit., 117, b); и царственная тишина Акрополя, где живет царь Атлантиды, сын Атласа, «человек-бог»; и в торговой части города, с домами из белого, черного и красного камня, в тесных улицах над главною гаванью, переполненною кораблями со всех концов мира, от Гипербореи до Африки, – оглушительны грохот, скрежет, лязг медных машин, – медь атлантов крепче стали, – и в многоязычной толпе «несмолкаемый ни днем ни ночью гул голосов» (Pl., Krit., 117, e).

Все это так живо, что кажется, Платон видел это сам наяву или в пророческом сне:

Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой,
В лучах огневицы развил он свой мир;
Земля зеленела, светился эфир…
Сады, лабиринты, чертоги, столпы…
И чудился шорох несметной толпы,

Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц.
По высям творенья я гордо шагал,
И мир подо мною недвижно сиял…
Сквозь грезы, как дикий волшебника вой,
Лишь слышится грохот пучины морской, —
Атласа волшебника или Атлантики вой.
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов…

Один из валов и сметет Атлантиду, как сон: «Кто ее создал, тот и разрушил».

XIV

Но пока еще Остров Блаженных «озаряется солнцем». Солнце Атлантиды – магическое действие – таинство.

«Раз в пять или шесть лет, соблюдая чет и нечет (опять игра пифагорейских чисел), десять царей Атлантиды сходились в Посейдоновом храме, где воздвигнут был орихалковый столб с письменами закона, чтобы совещаться о делах правления, а также испытывать друг друга, не переступил ли кто из них закона, и если переступил, того судить». Но до суда клялись они друг другу в верности так: выпустив на волю Посейдоновых быков из ограды святилища и оставшись одни, молили бога, чтобы дал им изловить ему угодную жертву, выходили на лов без железа, с одними сетями и кольями;

изловив же быка, приводили его к столбу и заколали на нем, на самых письменах закона. Была же на столбе кроме закона и великая на ослушников клятва. Освятив все жертвенные части быка и очистив столб от крови, наполняли ею кратер и окропляли друг друга, все же остальное сжигали в огне. После того, черпая золотыми фиалами кровь из кратера и возливая ее на огонь, клялись судить по начертанному на столбе закону, кто переступит его, – того казнить, самим же вольно не переступать ни в чем, не властвовать, не подчиняться власти ничьей, кроме того, кто хранит отчий закон. В этом каждый клялся за себя и за весь свой род. И ***пили кровь***, и посвящали фиалы в дар богу?

После же вечери, все совершив, когда уже смеркалось, и жар углей остывал на жертвеннике, все облекались в прекраснейшие, темно-синие, как синева Океана, одежды, ***kyanên stolên*** и, «потушив все огни во святилище, садились на пепел жертвы и, во мраке ночи, судили и были судимы, если кто что преступил. Когда же светало, записывали суд и приговор на золотой доске и посвящали ее вместе с одеждами богу».

«Много и других законов было у них, но главный и святейший – ***никогда не подымать друг на друга оружия*** и помогать друг другу во всем… войну и другие дела решать по общему согласью, как решали отцы их, отдавая всегда верховную власть Атлантову роду» (Pl., Krit., 119, d – e).

XV

«Пили кровь» закланной жертвы, – что это значит, поняли бы все посвященные в Дионисовы таинства. Главное в них – ***омофагия***, вкушение от сырого жертвенного мяса, как от божеской крови и плоти, ибо теургическая сила таинства заключается в преосуществлении заколаемой жертвы в плоть и кровь самого бога: вкушая от них, вакхи алкали «исполниться богом», сделаться «богодержимыми», ***entheoi***. Омофагия есть теофагия – «боговкушение».

Поняли бы, что это значит, и все посвященные в тайны Озириса, Таммуза, Адониса, Аттиса, Митры – всех страдающих богов.

«Бога должно заклать», – читаем мы на одной шумерийской глиняной дощечке бездонной древности – может быть, то самое, что на орихалковом столбе Атлантиды (Cuneiform Texts from Babyl. Tabl. in British Museum, VI, 5). Кажется, той же древности миф сообщает Бероз, вавилонский жрец III века до Р. Х.: «Видя, что земля плодородна и необитаема, Бэл (бог солнца) отрубил себе голову, и прочие боги, смешав текущую кровь с землею, вылепили человеков; потому и обладают они разумом и естеству богов причастны» (Berossos Babyl. Fragm., ap. Damascium, de primis principlis, cap. 125).

В книге Бытия, Бог создает человека из «красной глины», ***afar***, лепит его, как горшечник – глину (Быт. 2, 7). Может

быть, земля – «красная», потому что смешана тоже с кровью, но чьею, здесь уже не сказано.

Древний шумерийский подлинник вавилонского мифа о творении мира, ***enuma eliš***, подтверждает сказание Бероза:

Боги призвали богиню,
Мудрую Мами, Помощницу:
»Ты, единая, плоть материнская,
Можешь создать человеков,
Да иго богов понесут».
Открывает уста свои Мами,
Великим богам говорит:
»Я одна не могу»…

Далее клинопись стерта, только в конце можно прочесть:

Открывает уста свои Эа,
Великим богам говорит:
»Бога должно заклать…
С божеской плотью и кровью
Мами глину смесить»…

(Cuneif. Texts, I, c)

Эа, человеколюбец, отец Таммуза Страдальца, – тот же Атлас: оба, выходя из Океана, открывают людям тайны богов, и эту, еще богам неизвестную, главную тайну: страдать – любить; tlaô , «страдаю» – корень имени «Атлас» – всей Атлантиды корень.

XVI

Вот каким солнцем озаряется Остров Блаженных; вот какой «механикой-магией» держит Атлас на могучих плечах, как легкое бремя,

> громаду
> Длинно-огромных столбов, раздвигающих
> небо и землю,
>
> *(Hom., Odys., I, 54)*

землю и небо соединяющих; вот на какой оси движется мир:

> Любовь, что движет солнце и другие звезды,
> Amor che move il sol e l'altre stelle,

по слову Данте – Виргилия – Орфея, сходивших в Ад, к тем самым «корням земли», к которым сходил и древний титан, небодержец Атлас (Hesiod., Theog., V. 517).

Если эта «белая магия» сделается «черною», то мировая ось поколеблется, небо рухнет на землю, и «конец земле, конец всему». Это знает Платон и этого боится так, что язык прилипает к гортани: «пили», говорит, но не смеет сказать «кровь». Это, впрочем, понятно и так: пьют из тех самых фиалов, которыми черпали только что кровь из кратера.

XVII

Страшно Платону – страшно и нам: хотим не хотим, мы не можем не видеть, что жертвенный бык Атлантиды – первая тень Агнца, закланного от создания мира. Громы Атлантики отвечают громам Евхаристии:

> Да молчит всякая плоть человечья
> И да стоит со страхом и трепетом,
> Царь бо царствующих
> и Господь господствующих
> приходит заклатися
> и датися в снедь верным.

А если нам уже не страшно, то это, может быть, еще страшнее: значит, ось мира уже колеблется на плечах и нашего Атласа, солнце уже и над нашей Атлантидой меркнет, черною становится и наша белая магия.

3. Умирающий лебедь

I

Отчего погибло первое человечество, – вот, кажется, главное, что говорит или хотел бы сказать Платон не только своему, но и всем грядущим векам – всему второму человечеству.

Чтобы яснее понять, что он думает о конце Атлантиды, надо в ней различить яснее, чем делает он, два века – золотой и железный, мирный и военный.

Божьи сыны, атланты, – сыны мира. «В мире жить, не подымать друг на друга оружья, ***mête pote hopea ep'allêlous oisein***, – главный закон, самим богом начертанный не только на орихалковом столбе закона, но и в сердце атлантов.

Солнце, озаряющее Остров Блаженных, – солнце мира. Атлантида – рай на земле, потому что мир есть рай, – не было другого и не будет.

II

Миром начали атланты – кончили войной. Эти два века Платон смешивает, век золотой заслоняет железным; вот почему так трудно понять его в самом главном – в ответе на

вопрос: отчего погибла Атлантида?

Кажется, он изображает ее накануне войны: мир еще не нарушен, но война уже зреет. Берег, падающий в море отвесными кручами скал, уединявший некогда райские долины Острова, вдруг делается грозною стеною крепости; и вся столица атлантов, со своими циклопическими стенами, обитыми медью, орихалком и оловом, с концентрическими кольцами рвов и валов, с крепостными на мостах воротами и башнями, с подземными каналами и гаванями, арсеналами и казармами, – одна исполинская крепость. Вся Атлантида, готовая кинуться из глубины Атлантики на Европу и Азию, ощетинилась, как зверь – «Зверь, выходящий из бездны», Апокалипсиса.

III

Чтобы дать понятие о военной мощи атлантов, Платон приводит точные цифры набора, производимого на одной только великой равнине за Городом, разделенной на 60000 военных округов: 10000 боевых колесниц, 240000 коней, 1200 военных судов и 1200000 пешего войска (Pl., Krit., 119, c). А эта равнина лишь малая часть одного из десяти Атлантических царств. Если же прибавить к ним поселения атлантов в Америке, Европе и Африке, то общие военные силы державы должны исчисляться в десятки миллионов людей: «Множество неисчислимое, aperantos arithmos», – говорит

Платон.

Вплоть до нашей мировой войны такого войска уже не будет в истории. «Басней» казалось оно во времена Платона, и вот, через двадцать пять веков, оказалось-таки «сущей истиной».

IV

Десять царей Атлантиды решили войну. Как – помимо народа, против него или с ним? Этого мы не знаем, потому что не знаем, какое было в Атлантиде правление. Мы только отчасти можем об этом судить по тому, что сообщает Платон о правлении в тогдашних «Афинах» или неизвестном городе этого имени.

В «басне» об Атлантиде скрыта «сущая истина», а в допотопных Афинах нет ничего, кроме басни: но, может быть, и по ней проходят бледные отблески той же истины, как световые картины волшебного фонаря по белой стене; если так, то мы можем узнать из них и кое-что об Атлантиде.

Кажется, оба правления – афинян и атлантов, вопреки различию внешнему, – там республика, здесь монархия, – по внутреннему существу, родственны: теократии, олигархии – оба, и оба – «наилучшие», по мнению Платона.

V

Власть Бога над людьми – власть гения, – «пусть царствует гений», такова основная мысль Платонова Града, Полиса, метафизика в политике, осуществляемая в обоих правлениях одинаково.

«Богоподобные люди», andres theioi (Pl., Krit., 110, c), верховные вожди Афинской республики, соответствуют «сынам божьим», десяти царям Атлантиды. Эти – «семя» отца Океана, Атласа, те – матери Земли, Геи; но и те и эти – Богом поставленные над людьми, «Стражи», phylakes (Pl., Krit., 112, d), особая порода людей, высшая, отделенная от низшей – не только политически, искусственно, но и физически, естественно. Выше всех – «богоподобные люди», «люди-боги» – должно быть, мудрецы и пророки; глухо, двумя словами, говорит о них Платон, может быть, скрывая тайну мистерии от непосвященных; «воины», герои, – под ними, и, наконец, в самом низу, все прочие граждане.

«Были и другие сословия граждан, занимавшихся ремеслами и добычей всего, что дает людям земля. Но племя воинов, как отделили его от других людей люди-боги, в самом начале, так и жило потом всегда отдельно. Каждый имел все для себя и для детей своих нужное, но ни у кого никакой собственности не было, все же, что имели, почитали общим, hapanta koina nomizontes» (Pl., Krit., 110, c – d). Около святи-

лища Афины и Гефеста, на высоте Акрополя, в те дни гораздо более обширного, чем нынешний, разрушенный потопами и землетрясениями, «в месте, огражденном стенами, как сад одного дома, жили они в общих домах, имея общую трапезу и все довольство, но серебром и золотом никогда ни для чего не пользуясь и соблюдая середину между богатством и бедностью»; жили в домах прекрасно устроенных, переходящих по наследству, из рода в род, всегда в одном и том же виде. «Было же тех Стражей около двадцати тысяч, и это число старались они сохранить неизменным… И будучи не только Стражами своих соотечественников, но и других, свободно их власть признавших эллинов, потому что власть их была справедливою… славились они и почитались по всей Европе и Азии, больше всех тогдашних людей, за красоту тел и совершенство душ» (Pl., Krit., 112, b – c).

VI

«Собственности никакой ни у кого не было, но все, что имели, почитали общим»: это, говоря нашим грубым, но точным словом, – ***коммунизм***. Если Бог один, один Божий закон для всех людей, то и совершенное правление одно – коммунизм – земной рай, золотой век – не только в Афинах, но и в Атлантиде.

Этот бывший рай Платона несколько напоминает будущий рай Великого Инквизитора у Достоевского. «Стражи» –

у этого, «мудрецы» – у того: «тысячи мудрых, скорбных, и миллионы счастливых младенцев», а надо всеми единый Страж – «великий и умный Дух Небытия».

VII

Рай на земле – коммунизм, но какой – мирный или военный? Кажется, Платон не различает их вовсе; мы же различаем в высшей степени.

«Было у множества их одно сердце и одна душа, и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее». Кто это говорит, Платон об атлантах – афинянах? Нет, ев. Лука – об апостольской общине (Деян. 4, 32). Haranta koina – у Платона, panta koina – у Луки: те же слова у обоих.

«Сердце одно, одна душа» – вот мирный коммунизм, – в самом деле, рай на земле, золотой век, царство Божие. Этого рая мы еще или уже не знаем, но ад военного коммунизма знаем хорошо.

VIII

Может быть, в Атлантиде мирный коммунизм превратился в военный с такою же «магической» внезапностью, с какою молоко скисает в грозу, или вокруг опущенной в соляной раствор палочки он вдруг весь кристаллизуется. Это за-

кон физики – Божий закон естества; это было и будет от начала мира до конца. Этого Платон еще не знает, но мы уже могли бы знать.

IX

«Мир лучше войны», помнит Египет, вечерняя заря Атлантиды; Греция – глухая ночь – уже забыла. Не потому ли и Платон забыл или помнит слишком смутно, отчего погибла Атлантида?

«Басней» заслоняет «сущую истину», но и сквозь басню слышится истина.

«В роды родов, доколе божеское семя господствовало в них (атлантах), блюли они закон, и богом рожденные, волю его творили во всем, потому что велики были все помыслы их, и что бы им судьба ни посылала, они поступали мудро и милостиво друг к другу, ставя все ни во что, кроме добра, почитая все свое величие за малость и неся, как легкое бремя, тяжесть золота и всех своих сокровищ, не падая под ними, как пьяные, не теряя над собою власти, но трезвясь и видя острым оком, что все это ко взаимной любви и добру само прилагается, а от корысти и жадности не только гибнет само, но губит своих обладателей.

Этим-то познанием, а также сохранявшейся в них божеской природой, умножались у них все те блага, о которых мы говорили».

Так было в роды родов, но не вечно. «Божеское, смешиваясь слишком часто и много с человеческим, постепенно убывало в них, и когда, наконец, человеческое совершенно возобладало над божеским, то, уже не в силах вынести того, что имели, развратились они. Зрячие видели, что, погубив прекрасную славу свою, сделались они презренными, а слепые почитали себя все-блаженными и всепрекрасными, в то время как пресытились они неправедным богатством и могуществом» (Pl., Krit., 120, d – e. 121, a – b).

Тогда-то, обуянные «духом божеской, титанической гордости» – hybris, решили они, «устремившись из глубины Атлантики на всю Европу и Азию, поработить их одним ударом».

X

Бога-жертву заклав, божьей крови испив и облекшись в прекраснейшие, темно-синие, как синева Океана, одежды, десять царей Атлантиды сидели на стынущем пепле жертвы, во святилище, где все огни были потушены, и только рдяный отблеск от потухавших на жертвеннике углей да звездный свет мерцали на орихалковом столбе Закона.

«Мир или война», решали они судьбы Атлантиды, судьбы двух человечеств – своего и нашего. Были, может быть, и среди них слепые и зрячие, глупые и мудрые. Если так, то уже не могли они решить, по древнему согласию – древней «ма-

гии», а должны были решать по новой «механике» – большинству голосов: «мир или война?» И глупых оказалось, как почти всегда, больше, чем мудрых; они-то и решили войну – мировую войну за мировое владычество.

Но если и один только мудрый был среди них, то, сидя на стынущем пепле жертвы, он знал, что вся Атлантида будет пеплом и жертвою.

XI

Он знал, что ось мира колеблется, меркнет солнце, озаряющее Остров Блаженных, белая магия становится черною: пили кровь божью – будут пить кровь человеческую; жертвовали миру собою – будут жертвовать миром себе.

Скисло молоко в грозу; кристаллизовался соляной раствор вокруг палочки, с магической внезапностью; кручи райского берега сделались срывами в ад.

«Умный и страшный Дух Небытия» торжествовал: кончился мир, началась война.

XII

«И воззрел Господь Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле» – путь мира на путь войны. «И сказал Господь Бог: конец всякой плоти пришел пред лицо Мое, ибо земля наполнилась от них зло-

деяниями. И вот, Я истреблю их с земли» (Быт. 6, 12–13).

XIII

«Бог богов, Зевс, – повествует Платон, – царящий в законе, всевидящий, видя, как низко пал род их (атлантов), и решив их казнить, чтобы в разум пришли и покаялись, собрал богов в обитель славнейшую, воздвигнутую в сердце мира, откуда видно все, что причастно рождению, и, собрав их, сказал…»

Что сказал, мы никогда не узнаем: «Критий» на этом слове обрывается. Что произошло и с Атлантидой, мы не узнали бы, если бы не краткие слова «Тимея». Афиняне победили атлантов. Но после того «произошли ужасные землетрясения, потопы, и в один злой день, в одну злую ночь, ваше (афинское) войско, все до последнего воина, поглощено было внезапно разверзшейся под ним землею, и остров Атлантида, погрузившись в море, исчез» (Pl., Tim., 25, c – d).

XIV

Гибель первого человечества – величайшее из всех событий мира – описана одним только словом: «исчез», êphanisthê.

Бог ***«вскормил»*** атлантов; люди ***«пили»*** кровь бога; остров Атлантида ***«исчез»***: слово для начала, слово для середи-

ны и слово для конца. Вся «Атлантида» – в трех словах – трех лучах, сверкающих сквозь облако дыма – мифа – от огня мистерии. Чудо Платонова гения в этой краткости. Равная – может быть, только у Гераклита; большая – только в «Бытии». Но для нас, увы, эти три слова – три загадки, одна темнее другой, и, кажется, последняя – самая темная.

Казнь Атлантиды понятна, но за что казнены афиняне – «лучшее племя людей», только что совершив «величайший подвиг»?

Вспомним еще раз, в конце беседы, ее начало и цель: плотью и кровью облечь отвлеченную схему Сократовой истины, показать совершенную республику – «Град Божий» – в героическом действии. Что же показано? Общая гибель злых и добрых. «Участь одна праведному и неправедному, доброму и злому… Все идет в одно место: изошло из праха и отыдет в прах» (Екклезиаст). Но ведь, с такою мудростью, если что и построишь, то разве только «Город мертвых», а не «Город живых».

Или прав Титан:

> Новый кормчий правит небом,
> На Олимпе Зевс насильем
> Стародавние законы
> Святотатственно попрал?
>
> *(Aesch., Promet., v. v. 148–151)*

Прав Иов: «О если бы человек мог состязаться с Богом,

как сын человеческий с ближним своим!» – «Вот я кричу: „Обида!“ и никто не слушает; вопию, и нет суда»? (Иов., 16, 21; 19, 7.)

Или правее всех жена Иова: «Похули Бога и умри»? (Иов., 2, 9.)

XV

Здесь, у Платона, концы с концами не сходятся: начал за здравье, кончил за упокой Сократовой и своей Республики. Град Божий – плод всей своей мудрости – хотел вознести до неба и низверг в преисподнюю; только что попробовал сдвинуть его неподвижную схему, как все рушилось, словно песочная башенка, игрушка детей.

«Люди-боги» или Сократовы «демоны» вели наилучшим путем наилучшую Республику, и вот до чего довели – до хулы на Бога в бессмысленной гибели.

XVI

Или Зевс все-таки прав, казнив атлантов и афинян общею казнью, потому что и эти не лучше тех: «всякая плоть извратила путь свой на земле»? Но, если, как учит Платон, от «уцелевшего малого семени» первого человечества произошло второе, то нет ли и в нем той же заразы, и спасут ли его новые «люди-боги», вожди новой Республики, – не поведут

ли тем же путем к той же гибели?

Знает ли это Платон? Или того, что знает о далеких атлантах, не хочет знать о близких афинянах, – закрывает на это глаза от какого-то страха?

XVII

Страх смертный находил на него, когда он писал «Атлантиду»; не дописав, умер от страха. Кажется, читая последние строки диалога, видишь, как рука его слабеет, дрожит.

Конец «Атлантиды» – конец Платона. Ею он болен, от нее умирает. Остров Блаженных – предсмертная греза его, горячечный бред:

> Болезненно-яркий, волшебно-немой,
> Он взял легко над гремящею тьмой —
> тьмой смерти.

XVIII

«Если не покаетесь, все также погибнете!» – хочет он крикнуть афинянам, видя гибель атлантов, и не может, – чувствует, что ему самому нужно в чем-то покаяться, но не знает, в чем.

XIX

Есть у Платона диалоги метафизически более высокие, но нет более трагически-глубокого, чем этот. В «Атлантиде» вся его собственная трагедия. Чем больше вглядываешься в нее, тем яснее видишь, что он ее не выдумал, а только передал в ней то, что слышал от других, во что другие верили. Верил ли и он?

«Атлантида была – Атлантиды не было», двуострое жало этой дилеммы, кажется, пронзает сердце Платона еще больнее, чем наше; эта загадка для него еще неразгаданней.

XX

Люди перед смертью иногда сходят немного с ума: «Атлантида» – такое безумье Платона.

«Я не чувствую в себе прежней твердости рассудка», – признавался Ньютон, когда писал «Комментарий к Апокалипсису». В том же мог бы признаться и Платон, когда писал «Атлантиду».

«Выжил старик из ума!» – может быть, смеялись над ним афиняне, так же, как потом, над апостолом Павлом, благовествовавшим «безумие креста»: «Об этом послушаем тебя в другое время!» (Деян. 17, 32.)

Павлу смех не страшен: он знает, что «мудрость человеков

– безумие пред Господом». Этого не знает Платон и, если не договаривает многого, то, может быть, потому, что даже в предсмертном бреду боится смеха больше, чем смерти.

XXI

Можно сказать, что Платон умер, так же как вся языческая древность, от жажды и голода – жажды истинной Крови, голода истинной Плоти: плоть и кровь в Дионисовых, Озирисовых, Таммузовых и прочих таинствах не утоляют, потому что призрачны.

Бог Загрей-Дионис, растерзанный титанами где-то на небе, вечно сходит на землю в образе жертвы-Быка, чтобы насытить алчущих плотью своей, утолить жаждущих кровью: в это можно верить, как в сокровенное знаменье, символ – святую и мудрую сказку древности. Бог сошел на землю однажды в образе человеческом – Орфея-пророка или Вакха-царя, завоевателя Индии, вошел из вечности в века – в историю, родился, жил и умер, как человек, лицо историческое, о чем, однако, забыла история, и помнит только миф, – верить в это люди уже не могут, только что научились отличать миф от истории. «Было» – говорит миф; «не было» – говорит история; «будет» – могла бы сказать мистерия, но если и сказала, то не так, чтобы оправдать себя в истории.

Миф рассеялся, как фимиам с жертвенника; огонь потух, храм опустел, и опустошилось таинство, сделавшись хо-

лодною мудростью книжников, пламенным бредом безумцев или тою ужасною пыткою, о которой говорит пророк: «Как алчущему снится, будто он есть, но пробуждается, и душа его тоща; и как жаждущему снится, будто бы он пьет, но пробуждается, и вот, он томится, и душа его жаждет: так будет и множеству всех народов» (Ис. 29, 2).

Это и значит: будут умирать от жажды и голода. Так умер и Платон.

В смертной муке не помог ему Сократ – Сократ, отказавшийся от посвящения в Елевзинские таинства, потому ли, что не очень был голоден и жаждал, или потому что плохо верил в утоление таинством. Посвящаться отсоветовал ему и ***Демон***. Что такое Демон Сократа, – в ином роде загадка, но почти такая же темная, как «Атлантида» Платона. Вежливо отказался от посвящения Сократ, а ученик его, Алкивиад, за грубое кощунство над тем же таинством приговорен был к смерти и спасся только бегством. Другой ученик, Еврипид, за такое же кощунство в «Вакханках» над Дионисовым таинством, растерзан был дикими овчарками или мэнадами, у подножья горы Пангея, на родине своей – родине Вакха. Еврипид – «безбожник» тайный, а Эпикур, тоже ученик или почти ученик Сократа, – безбожник явный. Судьи Сократа, осудившие его самого за «безбожье», конечно, грубо ошиблись, но, может быть, не так грубо, как это кажется нам: «демон» его опаснее, чем и это нам кажется.

XXII

Вся «Атлантида» – мистерия; вся – на крови: «пили кровь». Не потому ли Сократ и молчит о ней так упорно? «Это не басня, а сущая истина», – сказал и умолк, может быть, усмехаясь «демонически»; сам же искусил ученика и сам же покинул его в смертной муке.

«Отче Авраме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы смочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламене сем» (Лук. 16, 24).

Нет, перста своего не омочит Сократ, языка не прохладит Платону.

Тот же огонь, что сжигает его, сжег и Атлантиду, и все воды Атлантики огня не зальют: вспыхнет снова и сожжет мир.

Два бывают конца – водный и огненный, потоп и пожар hydatôsis – ekpyrosis по орфической эсхатологии (Franz Cumont, Les religions orientales dans je paganisme romain, 1909, p. 261. – Berossos, Babylon., Fragm., ap. Damascium.): это знает Платон, этого страшится и жаждет – умирает от жажды и страха.

XXIII

Стаи перелетных птиц каждый год слетаются туда, где бы-

ла Атлантида, кружатся над водою, ищут земли, не находят, и часть их падает в воду, изнеможенная, а остальные улетают обратно (Lewis Spence, The problem of Atlantis, 1925, p. 55). То, что мы называем «инстинктом», – вещее «знание-воспоминание», anamnesis Платона, – сильнее в животных, чем в людях: десять лет для него минута. Древнюю родину, Остров Блаженных, помнят они, как вчера.

Манит нас всех Океан, обтекающий Остров Блаженных.

Люди забыли его – птицы помнят.

Помнит и вещий мудрец: в поисках древней родины, кружится над океаном, ищет земли, не находит ее, падает в волны и, умирая, сладкозвучно поет Гиперборейский лебедь, Платон.

4. Атлас – Енох

I

«Видел я в ночных видениях: вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И дана Ему власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему» (Дан. 7, 13–14).

Если на каких-либо словах Писания останавливался взор Иисуса Назорея чаще всего, то, вероятно, на этих – пророка Даниила – о Сыне торжествующем, и еще на тех – пророка Исаии – о Сыне страдающем: «как овца, веден был на заклание» (Ис. 53, 7). Кажется, из слов Даниила Он и взял имя Свое, впервые на земле, прозвучавшее здесь: bar enasch, «Сын Человеческий». И если основная ось христианства есть откровение о Сыне, то можно сказать: не будь Даниила, христианства бы не было.

II

Книга Даниила появилась около середины II века до Р. Х., а лет через пятьдесят первая повествовательная часть книги Еноха, Mashafa Hênôk, и еще лет через пятьдесят

– семьдесят, почти в самый канун Рождества Христова, – вторая часть ее, апокалипсическая, – «Притчи Еноха» (W. Baldensperger, Die messianisch-apokalyptischen Hoffnungen des Judenthums, 1903, p. 17–22).

Книга эта – продолжение и завершение Даниила – есть вершина всех мессианских пророчеств Израиля (W. Baldensperger, 119). Здесь впервые Мессия возносится с престола отца Своего, Давида, на престол Бога-Отца; Сын Человеческий становится Сыном Божиим Единородным: «Избранный Мой воссядет на престоле Моем», – говорит Господь (Fr. Martin, Le livre d'Hénoch, trad. sur le texte éthiopien, 1906, p. 104. – W. Baldensperger, 120, 138).

Взор Иисуса Назорея, может быть, останавливался и на этих словах.

Книга Даниила, принятая в канон, имела явное, всемирно-историческое действие; Книга Еноха, оставшись вне канона, сделалась потом «отреченною», «апокрифическою». Ту – знают все, эту – почти никто; но, может быть, всемирно-историческое действие этой – не меньше – той.

III

Судя по тому, что падшие Ангелы Еноха, искусители первого человечества, сходят на гору Ермон, книга эта родилась где-то на севере Палестины, может быть, в Галилее, родине Иисуса.

В эллино-римской столице Ирода Четверовластника, Тивериаде, на юго-западном берегу Геннисаретского озера, чуть скрытого цепью холмов от Назарета, цвела знаменитая школа раввинов, изучавшая мессианскую Кабалу – физику семи дней творения, – именно то, чего так много в Книге Еноха. Тут же глухо тлели, как угли под пеплом, мессианские чаяния зелотов-***каннаимов***, «ревнителей» – будущих, против Рима, мятежников. Может быть, Книгу Еноха и сочинил один из них.

IV

«Пятый от Адама, Енох, как полагают Вавилоняне, изобрел звездочетство (астрономию); ***он же есть Атлас греков***», – сообщает предание, идущее, должно быть, от вавилонского плена Израиля, церковный историк Евсевий Кесарийский, и подтверждает Александр Полигистор.

Атлас – Енох: этого достаточно, чтобы убедиться, что Книга Еноха – об Атлантиде.

V

Подлинник, арамейский или еврейский, бесследно исчез; может быть, уничтожен евреями в позднейшие, христианские века, за то, что в этой книге Мессия, Сын Человеческий, слишком похож на Христа. Но в городе Акмиме-Панополе, в

Верхнем Египте, найден папирус с греческим переводом части книги, а перевод эфиопский другой части сохранился в Абиссинии. Кажется, в Египте знали и чтили «Еноха» больше, чем в самой Палестине.

Первая родина его – Вавилон, вторая – Египет. Чем же породнился он с ними? Тайною Запада, сквозящею сквозь тайны Востока, как очень глубокое дно – сквозь очень прозрачную воду.

VI

В Книге Еноха, люди-исполины допотопного мира, сыны «сынов Божьих», бен-Элогимов, падших ангелов, – суть люди Крайнего Запада.

«Весь простой народ в Египте верит, opinio vulgi, что злые волшебства и искусства, artes, людям открыли Ангелы», – сообщает христианский писатель Кассиан (IV–V вв.) заметку библейского толковника Серена (Serenus) к VI гл. Бытия, где говорится о тех же исполинах (Cassianus, Collatio, VIII, 21). Вера в падших ангелов, обладателей волшебного знания, магии, здесь, в Египте, сохранилась и в народе, и в церкви. Египетские отцы, Зосима, Пандор и сочинитель христианской «Кабалы», Pistis Sophia, хорошо знают «Еноха» (Lawlor, Hermathena, 1904, p. 180).

VII

Тайна Запада древнее всех тайн Востока, – это помнит Египет. «На Запад! На Запад!» – кличут, не умолкая, шесть тысяч лет, плакальщицы египетских похоронных шествий. Запад, Amenti, – вечная родина человеческих душ – «царство мертвых». Тени их, переселяясь на Запад, где «Поля Блаженных», Ialu, – «второй Египет», переплывают в ладьях через «Воды смерти», «Мрачное море», Mare Tenebrosum. Туда же направляет свой путь Гильгамеш, вавилонский богатырь солнечный, через те же «Воды смерти», к последнему человеку первого человечества, Ною-Астрахазису (Gilgam., IX, 65–77).

В Мрачное море Запада каждый день заходит солнце Египта и Вавилона, как зашло однажды солнце Атлантиды. Не потому ли и сохранилась память о ней в Египте, в той иероглифной записи Неитова святилища, о которой Саисские жрецы сообщили Солону?

VIII

В поздние годы кесаря Августа – канун Рождества Христова, – где-нибудь в Александрии или в Саисе, книжник ли иудейский, христианский ли учитель, напоенный эллинской мудростью, подобно Филону и Клименту, не могли не ви-

деть, сличая Платона с Енохом, что оба говорят об одном – об Атлантиде. Если же потом, двадцать веков, этого уже никто не видел, то, может быть, потому, что надо быть не только иудеем или не только эллином, как мы все, а тем и другим вместе, чтоб это увидеть, и еще, может быть, потому, что эти два голоса, Платона и Еноха, говорящие об одном, – слишком разные. Трудно, в самом деле, представить себе два существа, более разные: пропасть, отделяющая доныне все иудейство от всего эллинства, христианского и языческого одинаково, уже легла между ними.

Платон – «классик», Енох – «романтик», в более, конечно, широком смысле, чем наш, только эстетический, – потому что «классиками» кончаются, – начинаются «романтиками» все духовные миры, культуры. Фидиева Зевса Олимпийского риза из слоновой кости и золота – язык Платона, но под этою ризою сердце мертвого бога – идола; язык Еноха – одежда из верблюжьего волоса, но под нею – сердце Бога живого. Платон умирает в «безумье»; Енох в нем живет. Даже бред Платона ясен и правилен, кристалловиден, подобен геометрии; даже геометрия Еноха подобна бреду, но, может быть, потому, что она уже не земная, не Евклидова. Тот ищет, этот нашел; тот падает, этот летит; «было» – у того; у этого – «будет». Мудрость Платона – смертная; мудрость Еноха – воскресная.

То, что хочет и не может сделать мудрец, делает пророк: связывает бывший конец с будущим, Атлантиду – с Апо-

калипсисом. Повесть о Страшном суде над первым человечеством Енох начинает пророчеством о суде над человечеством вторым: «Се, грядет Господь со тьмами святых Своих, сотворит суд» (Hénoch, I, 9). Этого «грядет» и не мог сказать Платон, – не могла сказать вся Греция, ни Египет, ни Вавилон, – все дохристианское человечество, – мог только Израиль.

IX

«Чувство Конца» у Платона притуплено; у Еноха почти так же остро, как в Евангелии. «Царство Божие ***приблизилось***», начинает Иисус благовестие; «***близок*** день спасения», начинает Енох. «Подожди немного… и растают горы пред лицом Господним, как воск перед лицом огня» (Hén., LI, 2; LII, 5–6). Это значит: был конец водный – потоп, Атлантида; будет конец огненный – пожар, Апокалипсис.

Ekpyrôsis, «пожар», hydatôsis «потоп» – эта пифагорейская эсхатология у Платона – ледяной кристалл геометрии, а у Еноха – все кристаллы плавящий огонь.

X

Но чем эти два голоса различнее, тем несомненнее, если только уметь вслушаться, что оба говорят об одном. Чем они различнее, тем нужнее друг другу и еще нужнее нам, как две

половины одного целого. Если бы не было «Еноха», мы не знали бы, что Апокалипсис ***будет***; если бы не было Платона, мы не знали бы, что Атлантида ***была***. А то знание без этого – мертво.

XI

Книга Еноха есть талмудический «толк», midrasch, к VI главе Бытия – одному из самых таинственных мест одной из самых таинственных книг:

> «Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они прекрасны, и начали брать их в жены себе, какую кто пожелал.
>
> И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть презираему людьми, потому что плоть они; пусть же будут дни их сто двадцать лет».

Смертная плоть приобщилась к бессмертной, через «сынов Божиих», бен-Элогимов, и возгордилась, начала презирать единого вечного Духа-Бога. Чтобы смирить ее, Он возвращает ее в смерть – время: вечность кончилась, началось время.

> «В то время были на земле исполины; особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди.

…И воззрел Господь на землю; и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле.

И сказал Господь Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лицо Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями. И вот, Я истреблю их с земли».

(Быт. VI, 1–13)

Что это значит? Камнем соблазна и камнем преткновения лежат эти слова поперек дороги всем «толковникам», как исполинская, упавшая с неба глыба аэролита: ни обойти, ни сдвинуть. Лучше не касаться их вовсе, не объяснять, – советует бл. Августин (August, Civ. Dei, XV, 23). Трудно не объяснять: люди не знают, что с этим делать, но чувствуют, что это один из краеугольных камней Писания; вынуть его – разрушить все, потому что здесь ответ на вопрос, решающий судьбы двух человечеств: отчего погибло – первое, и может погибнуть – второе. Но странно не связан, не связуем ответ со всем окружающим: точно обломок иного Бытия, древнейшего, не вставленный в новое, а положенный сверху.

XII

«Сильные, издревле славные люди». Телом ли только сильные? Нет, и духом; люди великого духа – «богатыри», по смыслу еврейского подлинника (Delitzsch, Genesis, 1872, p. 197), потому и «славные», доброю, конечно, славою: злую мог ли бы так назвать Дух Божий, говорящий в Писании?

Как же «славные», «добрые» осквернили землю такими злодействами, что Богу надо, чтобы очистить ее, истребить весь человеческий род, смыть его с лица земли потопом, стереть, как написанное на аспидной доске стирают губкою? Отчего доброе сделалось злым, чистое растлилось?

Вот на эти вопросы и отвечает Енох: корень зла не на земле, а на небе; с неба сошло оно на землю: плоть человека растлили ангелы. Странен и страшен ответ. Очень понятно, что все отшатнулись от него. Подлинник «Еноха» уничтожен раввинами, а постановлением Апостольским – правда, лишь так называемым «апостольским», памятник относится к V веку, – книга «отречена», объявлена «пагубною и противною истине» (Constit. Apostol., VI, 16).

Но если «Енох» отречен, то и апостолы, Петр, Иуда, Павел – тоже, потому что все они согласны с ним (II Петр. 2, 4; 3, 5–7. – Иуд. I, 5–7; 14–15. – I Кор. II, 10).

Кто, в самом деле, эти «сыны Божии, ben elohim, сходящие с неба на землю, к дочерям человеческим»?

«Был день, когда пришли сыны Божии, предстать перед Господа» (Иов. 1, 6; 2, 1). Нет сомнения, что здесь, в Книге Иова, бен-Элогимы – ангелы, так же как в Псалмах: «Воздайте Господу, сыны Божии, воздайте Господу славу и честь!» – «Кто на небесах сравнится с Господом? Кто между сынами Божиими уподобится Господу?» (Пс. 28, I; 88, 7)

Ангелы не только «сыны Божии», но и «боги»: «поклонитесь пред Ним все боги» – «ангелы», по переводу LXX тол-

ковников (Пс. 96, 7). «Бог стал в сонм богов» – «ангелов», по тому же переводу (Пс. 71, I).

XIII

Боги языческие могут плотски соединяться со смертными женами. «Вышние силы входили в тела человеков – отчего и рождались герои», просто объясняет Сервий, толковник Виргилия (Serv., ad. Aen., VI, 13). – «Сильные, издревле славные люди», «исполины» Бытия, – не эти ли «герои», «полубоги»? Но если так для язычников, то для иудеев и христиан не так: равный ужас внушает и тем и другим это «смешение крови женской с ангельским огнем».

Равви Шимон Бен-Иохай изрекает анафему всем, кто сынов Божиих, сходящих к дочерям человеческим, считает за ангелов (Bereschit Rabba, c. 26). «Древняя басня о соитии ангелов с женщинами достаточно опровергается своею нелепостью, так что удивляться должно, что ученые люди соблазнялись столь грубыми и дикими бреднями», – возмущается Кальвин, забывая, откуда эти бредни: Слово Божие соткано так, что распустить одну петлю значит всю ткань распустить (Delitzch, 191).

XIV

Как же быть с «аэролитом»? Что это – просто «нелепость»

или непонятная истина? Могут ли соединяться бесплотные с плотью? Могут, отвечает апостол Иуда, сравнивая грех ангелов с грехом Содомлян, «ходивших за иною плотью» (Иуд. 1, 7). Так же отвечает Енох: «Вы, святые духи, вечно живущие, осквернились женскою кровью, возжелали крови человеческой и зачали плоть и кровь… подобно тем, кто умирает и погибает» (Hén., XV, 4).

Это значит: дух и плоть суть явления одной сущности, две динамики или, по слову Гете-Аристотеля, две «энтелехии» одной силы: дух – энтелехия плоти, плоть – духа; духи плоть единосущны – не только соединимы, но и неразделимы. Как же нам, людям, этого не знать, когда быть человеком – жить и значит соединять дух с плотью?

Первая точка соединения – зачатие, где прибавляется к элементам химическим – кислороду, водороду, азоту – ***еще что-то***, как бы в серую ткань вещества вплетается какая-то невещественная нить – голубая, небесная, или красная, подземная; вместе с мужским семенем отца западает в лоно матери еще какое-то иное семя.

Если человек будет чем-то после смерти, то, может быть, и до рождения был чем-то; был и будет неземным существом – «ангелом» или «демоном».

XV

«Мера человека есть мера и Ангела», – по чудному и

страшному слову Апокалипсиса (Апок. 21, 17). «Господи, кто есть человек, что Ты помнишь его, и сыне человеческий, что Ты посещаешь его? Немного Ты умалил его перед Ангелами» (Пс. 8, 5–6). – «Разве не знаете, что мы будем судить Ангелов?» (I Кор. 6, 3).

«Ангелы» и «демоны» где-то очень далеко от нас? Нет, близко, рядом с нами или даже в нас самих; наша плоть и кровь смешана с ангельским или демонским огнем. Это кажется «нелепостью» ледяно-глубокому философу, Кальвину, но огненно-глубокий пророк, Енох, знает, что это чудная и страшная истина. «Будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Иов. I, 51).

XVI

Каждый человек, достойный этого имени, небывал, неповторим, единствен – ***личен*** и, в этом смысле, ***божествен***. Личное и есть привходящее к химическим элементам, в миг зачатия. Этого природа не знает, не хочет, как будто страшится; это истребляет она смертью, но, может быть, не истребит, потому что это над нею – иная природа, высшая.

Мнимые люди – «плевелы», всеваемые дьяволом в пшеницу Божью – рождаются только от отца и матери; а люди настоящие – от отца и матери, и ***еще от кого-то***; тело – от тела, а душа откуда?

По небу полуночи Ангел летел…
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.

Что такое «Ангел», мы не знаем, но ведь и что такое «кислород», «водород», «азот», мы тоже не знаем.

XVII

«Людям дана власть рождаться чадами Божьими, которые не от крови, не от хотения плоти, не от хотения мужа, но от Бога родились» (Иов. I, 12–18). Это значит: каждое зачатие есть бесконечно малая дробь того, что религиозный опыт в мифе или в мистерии называет «бессеменным зачатием». В каждом здешнем, человеческом, зачатии – коэффициент нездешний, божеский или демонический; к каждой земной невесте приходит неземной Жених, и первый поцелуй любви – Его.

XVIII

«Когда размножились сыны человеческие, то родились у них дочери, прекрасные на вид и вожделенные; и увидели их ангелы, сыны Неба, и пожелали их, и сказали: „Сойдем к ним, выберем себе жен из дочерей человеческих и зачнем от них“. – „И Семиаза (Semyasa), вождь их, сказал: „Боюсь,

что вы не посмеете этого сделать, и я один буду повинен в великом грехе“. И сказали ангелы: „Поклянемся друг другу великою клятвою, что сделаем то и не отступим“… И поклялись… Было же их двести… И сошли они на гору Ермон… И взяли себе жен… каждый взял жену, какую пожелал, и входили к ним, и спали с ними“ (Hén. VI, 1–6; VIII, 1).

Трудно судить по этим скудным словам «Еноха» о том, что за ними, как по черноте обугленного камня, аэролита, – о раскалявшем его добела огне. Здесь тайна зла едва приоткрыта, потому ли, что говорящий боится соблазнить других, или потому, что сам чего-то не знает. Ясно одно: сошествие ангелов на землю – последнее действие какой-то неземной трагедии; что началось на небе, – кончается на земле.

«Произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона; и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был древний змий на землю… и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12, 3–9). Здесь, на земле, продолжается небесная война – восстание – «революция», как мы сказали бы. Вся наша земная трагедия – всемирная история – лишь бледная зарница той небесной грозы. Бен-Элогимы, сыны Божии, сходят к сынам человеческим, чтобы зажечь и среди них пламя восстания, поднять землю на небо.

XIX

Есть в «Божественной комедии» Данте сумеречные ангелы, не сделавшие выбора между Богом и дьяволом, но «оставшиеся сами по себе»: кажется, бен-Элогимы из них.

XX

Важно для понимания будущих мистерий, что вся эта небесно-земная «революция» начинается в точке пола: пламя, испепеляющее мир, есть пламя Эроса.

XXI

Скудны слова, как бы мертвы, каменны, но под ними бьет живой родник того, что мы называем «романтикой». Это верно угадал христианский поэт III века, Коммодиан:

> Жены, прельстившие Ангелов, так были прекрасны,
> Что те уже не могли, не хотели вернуться на небо.
> Tanta fuit forma feminarum quae flecteret illos,
> Ut coinquinati non possent coelo redire.
>
> *(Commodianus, Instructiones adversus gentium deos, c. III)*

Новые романтики XIX века, тоже сумеречные «ангелы», Байрон и Лермонтов, читая Коммодиана, могли бы задумать-

ся:

Я был ведь сам немножко в этом роде.

(Лермонтов. Сказка для детей)

XXII

Ангелов, соблазненных женскою прелестью, вспоминает и ап. Павел, менее всего похожий на романтика. «Всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает голову свою… Муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия, а жена есть слава мужа… почему жена и должна иметь на голове свой знак власти над нею, для ***Ангелов***» (I Кор. 11, 5–10).

Что это значит, верно понял Тертуллиан (Tertul., de veirginis, c. VII): сила женской прелести такова, что ею могут соблазниться и чистейшие души, предстоящие таинству. Кажется, никто никогда не говорил большей, хотя и нечаянной, любезности женщинам.

Здесь корень той небесной романтики, которая облагоухает некогда мир Благовещенской лилией.

5. Рождение войны

I

Тайну Запада помнят три горы Востока – Ермон, Арарат и Кавказ, – гора падших Ангелов, гора Скованного Титана и гора Потопа. Вечное солнце Запада рдеет на вечных снегах Востока.

II

Бог знает, когда и откуда, – может быть, в незапамятной древности, от подножья Арарата, где сплетен был первый венок допотопных сказаний, занесено одно из них к подножью Кавказа. Здесь подслушал и понял его, как никто, русский мальчик, Лермонтов. «Демон» – лучший толковник к «Еноху». Стоит только заменить «Кавказ» «Ермоном», чтобы песнь бен-Элогимов зазвучала в песни Демона:

Лишь только ночь своим покровом
Верхи *Ермона* осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит…
К тебе я буду прилетать,
Гостить я буду до денницы

И на шелко́вые ресницы
Сны золотые навевать…

Может быть, песнь эту слышали дочери Ламеха, в пастушьих кочевьях, у подножья Ермона. Вьются ли до голубого неба взметаемые северо-восточным ветром с горных полей, ослепительно-белые под ярким солнцем, снежные вихри – это они, бен-Элогимы, в сребровеющих ризах; режут ли черное небо пустыни падучие звезды огненными дугами, и это они, влюбленные ангелы.

И целый день, вздыхая, ждет.
Ей кто-то шепчет: «Он придет».
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он явился ей,
С глазами полными печали
И чудной нежностью речей…
Трепещет грудь, пылают плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах…

III

«И входили Ангелы к дочерям человеческим, и спали с ними, и учили их волшебствам»: тайнам лечебных корней и злаков, звездочетству и письменам, и женским соблазнам:

«подводить глаза, чернить веки, украшаться запястьями и ожерельями, драгоценными камнями и разноцветными тканями», а также «***вытравлять плод и воевать*** – ковать мечи и копья, щиты и брони». Убивать и не рождать – это главное, и все остальное сводится к этому (Hén., VII, 1, VIII, 1–2; LXIX, 9).

Может быть, благочестивый раввин, сочинитель «Еноха», вглядываясь в крашеные лица Тивериадских блудниц, проезжавших в носилках по улицам города, под сенью Римских орлов, понял, что блуд связан с войною, язва рождения – с язвою убийства, в один проклятый узел – «культуру демонов», cultura daemonum, как определяет Коммодиан верно для III христианского века, и еще вернее для XX-го (Cassian., c. III).

IV

Очень любопытно презрение Еноха к искусству письмен. Ангелы «научили женщин писать на папирусе жидкою сажею (чернилами), от чего множество людей, из века в век и до сего дня, заблуждают, ибо не для того люди посланы в мир, чтобы скреплять истину слов тростью и сажею» (Hén., LXIX, 9–10). Но если вообще все письмена от дьявола, то Священное Писание от кого?

Так же любопытно, что и наука о звездах, по Еноху, – бесовская, а по Иосифу Флавию, вся мудрость Авраама –

«звездная» – Божия (Joseph. Flav., Antiq., I, 69, ed. Niese).

Судя, вообще, по тому, как свалено здесь все в одну кучу, ничего из «демонской культуры» не спасется в день Суда.

V

Так – в Книге Еноха, но в несколько позднейшем апокалипсисе, «Книге Юбилеев», не так. Здесь, кажется, сохранилось первоначальное сказание о более глубоком соблазне Ангелов:

> «Ангелы Господни, те, чье имя Егрегоры, Egrègoroi (Бодрствующие, Бдящие), сошли на землю, чтобы научить сынов человеческих творить на земле правду и суд».
> *(Jubil., lib. IV, 15)*

Сходят для добра, если же все-таки делают зло, то невольно, вводят других в соблазн, потому что сами соблазнены; губят, потому что сами гибнут. Ибо тончайший соблазн – не голое зло, ни даже прикрытое маскою добра, а то, которое считает себя добром искренне; нераскаяннейший грех – для «святой цели», война жесточайшая – за «вечный мир».

Падшие ангелы – такие же за человека страдальцы, человеколюбцы, как титаны, Атлас и Прометей.

«Все от меня – искусство, знанье, мудрость» (Aesch., Prom., v. 506), – мог бы сказать и ангел Азазиил.

Вавилонский бог, Оаннес-Эа, чтобы научить людей тай-

нам богов, выходит из Океана – нижней бездны, водной, а бен-Элогимы сходят с неба – верхней бездны, звездной, но тайна обеих одна – магия.

Магии – божественной механике – учат людей и Атлас и бен-Элогимы. Магия – душа Атлантиды – соединяет обе половины мира – Восток и Запад.

VI

Любят ли сыны Божьи сынов человеческих? Нет, только жалеют; восстают на Бога из жалости к людям, так же как Атлас и Прометей.

> …Выслушайте повесть
> О жалких смертных. Это я им дал,
> Бессмысленным, могущественный разум.
> Не с гордостью об этом говорю,
> А лишь затем, чтоб объяснить причину
> Моей любви к несчастным…
>
> *(Aesch., v. V. 442–446)*

«Жалкие», «несчастные» – жертвы Бога, – вот что влечет к людям титанов и падших ангелов. Серафимы любят, Херувимы знают, а бен-Элогимы жалеют. Всем, кто не сделал выбора между Богом и дьяволом, но «остался сам по себе», – жало жалости пронзительно-сладостнее жала любви. Бога нельзя жалеть, а человека – можно, – вот соблазн. Ка-

жется, Лермонтов понял его, как никто.

Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью,
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он ее жалел.

VII

Кто, не сделав выбора, смешивает Бога с дьяволом, тот смешивает и любовь с жалостью. Что такое жалость? ***Как будто*** любовь – тень любви. Любовь над смертью торжествует, жалость ей покоряется; вечности требует любовь, жалость довольствуется временем. Если человек смертен весь, то любить его нельзя – можно только жалеть. Любовь иногда, в самом деле, безжалостна; жалость всегда ***как будто*** любовна. В здешней жизни, царстве смерти, горько любить, сладко жалеть. Путь любви на гору, путь жалости под гору; любить трудно, легко жалеть: вот почему так мало любящих, так много жалеющих.

VIII

Дьявол уже соблазнил одну половину мира, Восток, буд-

дийскою жалостью; хочет теперь соблазнить и другую половину – Запад; хочет убить Бога – любовь – жалостью.

IX

Видно по черноте обугленного камня, аэролита, каким огнем он горел, раскаленный добела, – «сладострастьем бесплотных духов», сладчайшею страстью, ***как будто*** небесного эроса – жалостью.

X

Родина ангелов там же, где был Эдем, – в верховье Двух Рек, Тигра и Ефрата. Ангелов заимствовал оттуда Израиль, после Вавилонского плена, и передал нам. Наши херувимы – ассирийские kherubu; наши ангелы-хранители – вавилонские lâmassu.

Чтобы увидеть живого бен-Элогима, надо вглядеться в стенное изваяние ангела, сохранившееся в развалинах Ниневийского дворца (Delitzsch, Mehr Licht, p. 51). Если бы мы увидели его на церковном иконостасе, то не сумели бы отличить от наших византийских ангелов.

Длинная, как бы женская, риза, такие же волосы, лицо отрока-девы; круглая на голове шапка-тиара вавилонских царей; два крыла подняты к небу, два – опущены к земле; правую руку тоже поднял, опустил – левую, и взор поник, как

будто соединяет небо с землею, в вечном мире или в вечной войне.

Tlaô – «страдаю», «терплю» – корень в имени «Атлас», всей «Атлантиды» корень, – нельзя не вспомнить, вглядываясь в это скорбное лицо. Видно, что уже не вернется на небо:

Non possunt coelo redire.

Не может, не хочет вернуться – хочет страдать с людьми. Любит ли их? Нет, жалеет. О, как не понять дочерей человеческих, соблазненных этою небесною жалостью! Кто кого пожалел, кто кого соблазнил?

То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик – о нет!
Он был похож на вечер ясный;
Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.

(Лермонтов. Демон)

XI

Миром начали атланты, кончили войной, и ученики бен-Элогимов так же. Ангелы ведут войну на небе, люди – на земле; с Богом воевать научили их ангелы, а воевать друг с другом люди сами научились. «Все от меня – искусство, знанье, мудрость», – говорит бен-Элогим – Прометей; «Все для

меня», – говорит Дух Войны. Вся механика-магия – бесконечная власть человека над природой – вся «культура демонов», служит ей одной, Войне.

«Там (в допотопном мире) были изначала славные исполины, nephilim, весьма великие, ***искусные в войне***», по слову пророка (Варух., 3, 26). Все искусство этих «славных», все величие – война.

XII

Дело, впрочем, и тут не обходится без жалости.

Ангелы учат людей ковать оружье, чтобы слабые могли защититься от сильных; но выходит, наоборот, как почти всегда у не любящих – только жалеющих: сильные подымают оружие на слабых.

«…Ангел Азазиил, соблазнивший Еву, научил сынов человеческих смертным язвам – щиту, броне, мечу – всем орудиям убийства. Вышли они из рук его против всех, живущих на земле, от того дня и до скончания века» (Hén., LXIX, 6–7).

«В мире конца не будет войне», по «Сибилле», почти современной «Еноху» (Sibyllina, III, 158). – «Все будут убивать друг друга», по вавилонскому пророчеству незапамятной древности (H. Winkler, Die babylonische Geisteskultur, p. 100).

«Смертная язва» веков и народов – война; только царство

Мессии – конец истории, конец войны. «В эти дни, – возвещает Енох, – уже не будет ни железа, ни меди для войны, ни свинца, ни олова… Все это истребится на лице земли, когда явится Избранный» (Hén., LII, 8).

XIII

Первые на земле воины – жены, ученицы воинов небесных. «Жены воюют, а мужи прядут шерсть и нянчат детей», по греческому мифу об амазонках, живущих рядом с атлантами (W. Leonhard, Hettiter und Amazonen, 1911, p. 82). Некогда жили они в Ливии, у подножья Атласа, на берегу озера-моря, Тритониса, сообщает Диодор очень древнее сказание об амазонках; но, изгнанные оттуда страшным землетрясением – может быть, концом Атлантиды, – иссушившим озеро и превратившим дно его в солончаковую степь – в часть нынешней Сахары, бежали в Европу и Азию, под предводительством царицы Мирины, чья память сохранилась и у Гомера (Diod. Syc., III, 52. – Hom., Il., II, 811).

Часть афинских воинов, «стражей», phylakes, спасших Европу и Азию от нашествия атлантов, составляли женщины, по «Критию» Платона, ибо «дело войны было тогда у жен и мужей общее» (Pl., Krit., 112 d; 110 b). Вот почему и богиня их – Амазонка – Афина Тритония, по имени древней родины своей, озера Тритониса.

Амазонки у Платона, амазонки у Еноха. Мелкие улики

иногда сильнее крупных. Общая эсхатология просвечивает у обоих, как один на двух письмах, водяной знак почтовой бумаги, – в копье и шлеме богини Тритонии.

XIV

«Атлас-Енох изобрел звездочетство» (астрономию), по Евсевию Кесарийскому. «Атлас (царь атлантов) открыл людям движения небесных светил», по Диодору.

Бог Океан, или Атлас, обводя акрополь атлантов геометрически-правильно, как по циркулю, концентрическими кольцами рвов и валов, учит людей тайнам звездной механики-магии в круговороте небесных светил. Когда же «белая магия» сделается «черною», и Атлантида, как брошенный в воду камень, пойдет ко дну, разойдутся от нее такими же концентрическими кругами исполинские валы по всей Атлантике.

Звездным тайнам учат и бен-Элогимы дочерей человеческих (Hén., VIII, 13). Ангел Баракиил, наклонившись низко, что-то чертит пальцем на песке пустыни или на снегу горной поляны Ермонской, а ученица его, бедная пастушка Адда, дочь Ламеха, смотрит из-за плеча его, осененная белым крылом, и видит круговой лабиринт звездных путей, как бы расходящиеся от брошенного камня круги на воде.

Лабиринт – второй водяной знак двух разных писем, иудейского и эллинского, – у Платона и Еноха общий знак

Атлантиды.

XV

Кто же эти бен-Элогимы, учителя полудиких ханаанских кочевников? Может быть, гости далекой страны, залетевшие к ним по небесной лазури волн морских, на белых, пурпурных или золотистых крыльях парусов. Путь бронзового века, переселенческий, военный, торговый и просветительный, путь от Фарсиса-Тартесса до Ханаана – великий Средиземный путь из Атлантиды в Европу и Азию.

XVI

Первый плод с древа познания сорвала Ева. Женщины все начинают и, может быть, кончат все; мужчины только продолжают.

Муж владеет женою, по закону патриархата, мужевластья, в середине всех мировых веков-эонов, а в концах и началах – жена владеет мужем. Знаменье всех эсхатологий – «Жена, облеченная в солнце», или «великая блудница» Апокалипсиса.

От Неолита до Микен, по всему побережью Средиземного моря, идолы – почти все только женские, и в священнодействиях – не жрецы, а жрицы (Ang. Mosso, Escursioni nel Mediterranneo e gli scavi di Creta, 1907, p. 214). Мать Земля

древнее Отца Небесного.

XVII

С женщин все начинают и ангелы «Еноха». В точке пола, в Эросе (это, повторяю, важно для понимания будущих мистерий), ищут они точки опоры для своего рычага, чтобы поднять землю на небо.

«…Ангелы входили к дочерям человеческим… и зачинали они и рожали исполинов, nephilim (titanoi, по Гизехскому папирусу). – И те исполины наполнили землю злодейством и кровью» (Hén., VII, 1–2; IX, 9).

«Сильные, издревле славные люди», в Бытии, «герои», у Платона, – имя их явное, а у Еноха – тайное: «Нападающие», «Насильники», epipiptontes, biaioi (Delitzsch, Genesis, p. 275): «те, кто угнетает и нападает, воюет и убивает, и разрушает все на земле» (Hén., XV, 11), – первенцы Войны.

XVIII

«Все плоды трудов человеческих пожирали исполины, так что люди уже не могли их кормить. И обратились они на людей, чтобы и их пожирать». А потом – и на самих себя: «и ели плоть свою, пили кровь» (Hén., VII, 3–4).

Что это значит, объясняет шумерийская клинопись, найденная в развалинах города Ниппура, от конца третьего ты-

сячелетия, когда шумерийский, довавилонский язык был уже мертвым, как церковная латынь средних веков. Найденные в допотопном городе Шуриппаке древнейшие клинописи относятся не позже, чем к середине IV тысячелетия, но, вероятно, только повторяют подлинники неизмеримо большей древности, может быть, не далекой от X тысячелетия, когда, по летосчислению Платона, погибла Атлантида (Spence, 214).

Клинопись Ниппура, где сохранилось сказание о бедствиях допотопного мира, полустерта, дощечка сломана; но вот что можно прочесть:

…Когда третий год наступил,
Взбунтовались люди в городах своих…
Когда четвертый год наступил,
Истощились хлебные житницы…

Дальше несколько строк выпало. В них, должно быть, говорилось о всемирном голоде, следствии всемирной войны и бунта. И опять можно прочесть:

…Люди, как тени, бродят по улицам…
Пятый же год когда наступил,
Дочь косится на мать подходящую,
Мать дверей не отворяет дочери.
Мать наблюдает за весами дочери.
Год шестой когда наступил,

Люди людей пожирали от голода…
Мать дитя свое изготовила к трапезе…

(Cuneiform texts from Babyl. tabl. in the Brit. Museum, XV, 49)

Может быть, эта мать – супруга бен-Элогима. Ангел жалеет мать, мать жалеет ребенка, и вот что выходит из жалости.

Было и будет; было вчера – будет завтра.

XIX

Два сказания об исполинах переплетаются в Книге Еноха, как будто противореча друг другу.

Нефилимы – существа из плоти и крови; точно сообщается даже их рост, такой, впрочем, нелепый, что это похоже на детскую сказку: «Три тысячи локтей» (Hén., VII, 2). Жадны так, что пожирают сначала все на земле, а потом и друг друга.

Это, по одному сказанию, а по другому: «не пьют, не едят», – бесплотные, «незримые духи» (Hén., XV, 11). Духи Войны – исполинские силы разрушения; осязаемые – незримые, пожирающие плоть – бесплотные, кровавые – бескровные, – нам страшно знакомые.

Вспомним бред Достоевского-Раскольникова: «Мир осужден был в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной, моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу… Появились какие-то новые тряхины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа одарены были умом и волей. Люди, принявшие их в себя,

становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими… Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали… Собирались друг на друга целыми армиями; но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололи и резали, кусали и ***ели друг друга***… Все и всё погибало» (Достоевский. Преступление и наказание).

XX

«Были изначала исполины, славные, ***весьма искусные в войне…*** Но они погибли от своего безумья», – ясно и отчетливо говорит пророк (Варух., 26, 28).

Царство атлантов и царство нефилимов – все первое человечество – погибло и, может быть, погибнет второе – от безумья войны. Глухо говорит об этом Платон, а Енох так внятно, что надо быть глухим, чтобы не слышать: «…и повелел Господь истребить всех живущих на земле, за то, что познали они тайны Ангелов и силу бесов, и все их обаяния… и ***литье металлов***», т. е. оружие, войну (Hén., LXV, 6). «Смертным язвам войны научил людей ангел Азазиил… Вышли они из рук его против всех живущих на земле, от того дня и до скончания века».

XXI

«Ты, Господи, судишь того, кто поступает ***с дерзостью и гордостью***… Некогда ты погубил исполинов, уповавших на силу и ***дерзость*** свою», молится первосвященник Израиля, Симон, во дни царя Антиоха ***Эпифана – «Явленного»*** бога, «Человекобога» (III Маккав. 2, 4).

«Дерзость», hybris, – «дух титанической, божеской гордости» – общий дух нефилимов и атлантов: «с дерзостью устремилась держава их из глубины Атлантики на всю Европу и Азию».

Дух один – имя одно: «Бодрствующие», «Бдящие», egrêgoroi, – имя падших ангелов; «Стражи», phylakes, – имя «богоподобных людей», andres theioi, правителей допотопных Афин; смысл обоих имен один: кто «стережет», тот «бодрствует».

«Стражи» Платона суть воины, и «Бодрствующие» Еноха тоже. «Произошла на небе война», и сошедшая на землю часть небесного воинства разделяется на «десятки», «декады», с военачальником, «дэкархом», во главе каждого. Все они у Еноха названы по именам: Самиаза, Аракиб, Арамиил, Азазиил и проч. (Hén., VI, 7.) Видно, что этому военному устройству он придает большое значение, потому что смысл всей книги – ***рождение войны.***

XXII

Имя одного из младших близнецов-атлантов у Платона Azaes (Pl., Krit., 114, c), а у Еноха Azazeel – имя ангела, научившего людей войне. Может быть, это созвучие имен не случайно.

XXIII

«Стражей» у Платона 20000, «бодрствующих» у Еноха 20, по одним спискам, 200 по другим (Fr. Martin, p. 12). Нули отпадают или прибавляются с легкостью, а два остается – роковое число для «не сделавших выбора», двойственных.

XXIV

«Стражи» стерегут безоружных; «Бодрствующие» бодрствуют над спящими. Что это напоминает? «Тысячи мудрых, скорбных, и миллионы счастливых младенцев» в земном раю Великого Инквизитора – в будущей «культуре демонов».

Может быть, «демон» Сократа стоял и за спиною Платона, когда мечтал он о своем рае – второй Атлантиде – совершенной Республике.

XXV

Кто эти «Бодрствующие» во всемирной истории? Ангелы-демоны великих культур, такие исполины духа, как Александр, Цезарь, Наполеон? Нет, и эти – усыпленные жертвы стоящих за ними Бесплотных, Бодрствующих.

«Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники… Я есмь пастырь добрый… Овцы мои слушаются голоса моего… и они идут за мною. И я даю им жизнь вечную, и не погибнут во век», – говорит единый Бодрствующий, Егрегор Божественный (Ис. 10, 8; 11, 27–28).

Этого еще не знает Платон, но уже знает Енох; вот почему голоса их так различно говорят об одном.

6. От Еноха к Иисусу

I

«Ангелы, оставившие вышний сонм и погрязшие в похотях, открыли женам неизреченное, aporrêta, что запало в их гнозис», – толкует «Еноха» Климент Александрийский (Clement Alex., Strom., V, 1). Слово aporrêta взято из языческих мистерий: тайна их – тайна падших ангелов.

«Вы были на небе, но вам еще не были открыты все тайны небес; вы познали только ***тщетную тайну***; в ожесточении ваших сердец, вы открыли ее женам, и жены и мужи умножили ею зло на земле», – судит Господь падших ангелов «Еноха» (Hén., XVI, 3–4).

II

Что это за «тщетная тайна»?

Может быть, бен-Элогимы слышали громовую песнь Херувимов:

> Приходит заклатися
> и датися в снедь верным.

Слышали, но не поняли, было это или будет; ***может быть***, и было – ***как будто*** было. Был или будет Сын, тоже не поняли. Тот, «спадший с неба, как молния», подобно им, не сделавший выбора, колеблющийся, двойственный, мерцающий, —

Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет,

не любящий – только жалеющий, сын, восставший на Отца, – ***может быть***, и Сын, – ***как будто*** Сын.

Вот первая, тщетная тайна, а вот и вторая.

Смертная мука всех языческих таинств – ненасыщающая плоть, неутоляющая кровь – тень Плоти и Крови.

«Пили кровь», – говорит Енох об исполинах; «Пили кровь», – говорит Платон об атлантах. Пьют сначала тень крови, тень плоти едят, а потом, истребляя, пожирая друг друга, будут есть уже настоящую плоть, пить настоящую кровь.

Белая магия сделается черною, солнце померкнет, ось мира поколеблется, небо упадет на землю, – и «конец земле, конец всему».

III

«Смертным язвам» войны учит людей тот самый ангел Азазиил, который соблазнил Еву. Первое падение – одного

человека, второе – всего человечества; первый грех – непослушание, второй – мятеж; тот – немощь, этот – сила. Был ли возврат после того, мы не знаем; но знаем, что этот невозвратен. Сын Адама, Каин, убил Авеля, а теперь уже нет Авелей, все – Каины. Люди все еще люди, после того греха, а после этого – дьяволы. Всю плоть мира вовлекают они в падение свое: «Всякая плоть извратила путь свой на земле».

Мать дитя свое изготовила к трапезе.

И Мать Земля изготовила род человеческий.

Чтобы спасти мир, Бог должен истребить людей. Казнь потопа – милость для них; если бы не Бог, – сами бы себя истребили; если б не в воде, – в крови утонули бы.

IV

«К небу возопили погибавшие люди, и вопль их дошел до неба, – повествует Енох. – Выглянули из окон небесных архангелы, Михаил, Уриил, Рафаил и Гавриил; увидели всю на земле текущую кровь, всю неправду творимую, и сказали друг другу: „Воплем человеческим вопит земля к небу, жалуются души человеческие вам, святые неба: отнесите, говорят, наш вопль ко Всевышнему“ (Hén., VIII, 4; IX, 1–3).

Так и сделали архангелы. Бог решает потоп, посылает ангела сказать Ною: «Спасайся», и велит Рафаилу: «цепью свя-

жи Азазиила, кинь его во мрак, острыми камнями завали, мраком вечным покрой, доколе не будет брошен в огонь, в великий день Суда». – «И сказал Господь Михаилу Архангелу: „Самиаза свяжи и тех, кто с ним, осквернившихся с женами… заключи их под холмами земли, до дня Суда“ (Hén., X, 4–6, 11–12).

Первый Суд – конец первого мира – соединяет Енох с концом второго. То же делает ап. Петр или неизвестный сочинитель Послания Петра: «Бог ангелов согрешивших не пощадил, но, связав узами адского мрака, предал блюсти на суд» (II Пет. 2, 4). И неизвестный сочинитель «Послания Иуды»: «Ангелов… оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня» (Иуд. I, 6).

Кто «заключен под холмами» и «связан узами адского мрака», мы знаем, – титаны.

> Люди скорбят над тобою,
> Над вековечною славой
> Братьев, титанов погибших, —

плачет хор океанид у ног Скованного Прометея (Aesch., Prom., v. v. 408–409).

Прометей на Востоке, Атлас на Западе соединяют Атлантиду с Европой – Азией. Казнь падших ангелов – казнь титанов-атлантов.

V

«В те дни, – продолжает Енох, – увидел Ной, что земля трясется, и близко ее разрушение. И пошел ***оттуда на край земли***» (Hén., XLV, 1).

Что значит «оттуда»? Значит: «с Востока», потому что на Востоке – Ермон, куда сошли ангелы. Что значит «край земли»? Значит: «Запад», потому что Ной идет к Еноху-Атласу, живущему на Западе. Если потоп будет по всей земле, то причина его и начало – то, от чего вся земля трясется, – не на Востоке, а на Западе. В древнейшем Бытии Еноха, – сравнительно с новым, Моисеевым, Запад и Восток перевернуты.

«Ной пошел оттуда на край земли, к деду своему, Еноху и возопил трижды плачевным голосом: „Слушай! слушай! слушай!“ и сказал: „Что на земле происходит, от чего труждается так и трясется земля?“

Далее следует рассказ уже от лица Ноя: «Произошло великое землетрясение, и голос был с неба, и пал я на лицо мое. И дед мой, Енох, пришел ко мне и, став надо мною, сказал: „Для чего возопил ты ко мне плачевным голосом?“ И сказал мне Енох: „…вся земля погибнет с живущими на ней… тебя же одного спасет Господь“ (Hén., LXV, 1–4, 10, 12).

Только потоп знает Бытие Моисея; в обломках древнейшего Бытия, у Еноха, так же как в «Атлантиде» Платона, происходит землетрясение вместе с потопом.

VI

«И показал мне Ангелов мщения, готовых развязать силы вод подземных для истребления всех живущих на земле», – продолжает Енох. – «И заключил Господь Ангелов, научивших людей неправде… в огненную долину на Западе», где «расплавленные горы металла» и «великое кипение вод», и «запах серы», и «огненные реки», – должно быть, лавы (Hén., LXVI, 1; LXVII, 4–6).

Слишком все это напоминает вулканическую зону Атлантики, где погибла Атлантида, чтобы и о ней самой не напомнить.

VII

«…И пало небо на землю, и земля поглощена была великою бездною; и рушились холмы на холмы, горы на горы… И я возопил: „Погибла земля!“ (Hén., LXXXIII, 3–5)

Так повествует о потопе Ной израильский, а вот как о нем повествует Ной вавилонский, Атрахазис, в шумерийском «Гильгамеше» XXV века, может быть, повторяющем значительно древнейший подлинник:

Ануннаки-дьяволы подняли факелы,
Облистали Землю страшными блесками.
Ярость Ададова вздыбилась до неба,

Свет дневной обратила во тьму
И разбила землю, как сосуд горшечника. —
Дул, не слабея, весь день, ветер полуденный,
Выл и ревел, гнал воды на-горы.
Как полки, на людей волны падают;
Люди друг друга не видят во тьме,
Небо не видит земли погибающей.

(Gilgam., XI, 97 et ss.)

VIII

«Семь водопадов падали с неба на землю, – продолжает Енох. – И открылись под землей источники вод… и вся земля покрылась водой… ***и воды кипели***». Кипели, должно быть, на вулканическом огне. – «И плавал ковчег на воде» (Hén., LXXXIX, 2–6).

Если потоп есть гибель первого мира, то, может быть, Ноев ковчег – корабль атлантов, спасшихся от гибели, – «уцелевшее малое семя» будущего мира.

«Промысел Твой, Отец, правит кораблем… Ты даешь ему путь в море и безопасную стезю в волнах… Ибо, в начале, когда погибали гордые исполины, правимая Твоею рукою надежда, прибегнув к ковчегу, сохранила… ***семя рода***» – второго человечества, толкует Соломон Еноха (Прем. 14, 3–6).

«Лучшее племя людей обитало на вашей земле (до потопа), и вы произошли от его уцелевшего ***малого семени***,

perileiphtentos spermatos bracheos», – говорит Саисский жрец Солону (Pl., Tim., 23, c).

Если «уцелевшее семя» Атлантиды – Ковчег, то последний Атлант – Ной. «Ной – остаток ваш», – говорит Енох (Hén., CVI, 18). «Ваш», значит: «первого человечества»; первого – «остаток», начаток – второго. «Ной утешит землю» (Hén., CVII, 3).

Первый вестник Духа Утешителя – Ной, и голубь Ноя, под радугой Завета, соединяющий два мира, Атлантиду и Историю, есть Голубь Духа.

IX

В очень ясные дни Средиземное море, если смотреть на него с высоты Ермона, воздушно-голубое, высокое, как небо, сливается с ним так, что их не различить, и белые на море паруса – точно белые крылья ангелов. Ангелами кажутся полудиким пастушкам Ханаанских кочевий гости неведомых стран, обладатели чудесных знаний, атланты.

X

«Малое семя» их уцелело и в истории.

«Там видели мы исполинов, nephilim, сынов Энаковых, от исполинского рода; и мы были в глазах наших перед ними, как саранча; такими же были мы и в их глазах», – говорят

Моисею посланные в Ханаан, разведчики (Числ. 13–34). У страха глаза велики: может быть, никаких исполинов не видели, но, видя издали «большие города с укреплениями до небес» (Втор. 9, I), вспомнили древнее сказание о допотопных исполинах. Здесь, кажется, миф сливается с полуисторией, как тень с полусветом в утренних сумерках.

XI

Вестник Духа – Ной; вестник Сына – Енох. «Сыном человеческим», в смысле, конечно, прообразным, называет его Ветхий деньми, «Глава дней» (Hén., LXXI, 14). Енох, по толкованию раввинов, есть «образ Мессии», metatron (Baldensperger, 18).

«Всех дней Еноха было 365 лет», по Бытию (Быт. 5, 23). 365 дней – солнечный год; сам Енох – тень грядущего солнца – Сына, отброшенная назад, из второго человечества в первое. Гильгамеш, Геракл, Мелькарт, Дионис, Озирис, Таммуз, Аттис, Митра – другие тени того же солнца.

XII

«И ходил Енох перед Богом, и не стало его, потому что Бог ***восхитил*** его» (Быт. 5, 24). – «Верою Енох ***переселен*** был так, что не видел смерти; и не стало его потому, что Бог переселил его» (Евр. II, 5).

Это «восхищение», «переселение», metathesis, – не внешнее, а внутреннее – то же что «исступление», «исхождение из себя», ekstasis, в оргийных таинствах. «Верою переселен», – ясно и отчетливо говорит Послание к Евреям: «верою», значит внутренним религиозным опытом, «умным деланием» христианских подвижников.

«Человеку надо ***измениться физически***, чтобы сделаться Богом», – так же ясно и отчетливо говорит сумасшедший Кириллов у Достоевского. Кажется, metathesis, «переселение» Еноха и есть это внутреннее в человеке «изменение», физическое и метафизическое вместе, как бы перемещение той магнитной силы, которая управляет в человеке стрелкою внутреннего компаса – временно-пространственного чувства; стрелка начинает вдруг вертеться обратно: где был Восток, там теперь Запад.

В этом смысле и «переселение» Еноха – не географически-внешнее, а психологически-внутреннее – путь всех богатырей солнечных, от Гильгамеша до св. Христофора Богоносца и Христофора Колумба, – путь самого солнца с Востока на Запад. Но это солнце – тоже внутреннее, в сердце человека.

С временного Востока – Истории – Енох «переселен» на вечный Запад – конец мира – в Атлантиду-Апокалипсис.

XIII

«Я был восхищен в сильном вихре и унесен ***на Запад***; там увидели глаза мои все тайны небес, которые должны совершиться (Hén., LII, 1–2). – «Я был восхищен к огню Заката, поглощающему закаты всех солнц… и к огненной реке, где течет огонь, как вода, изливаясь в великое море Запада… И вступил я в великий мрак, куда никакая плоть не вступает» (Hén., XVII, 4–6).

Кажется, этот «великий мрак» и есть «Мрачное море», Mare tenebrosum, окружающее Атлантиду, «Киммерийская ночь» Гомера:

> Скоро пришли мы к глубоко текущим водам Океана;
> Там Кимериян печальная область…
> Ночь безотрадная там искони окружает живущих.
>
> *(Hom., Odys. XI, 13–14, 19)*

XIV

«…И увидел я (Енох) устье всех рек земных и устье бездны, „tehom“ (Hén., XVII, 8).

Ной вавилонский, Астрахазис, тоже «переселен», после потопа, на край света, в «Устье Рек», где был Едем, или в устье одной Реки – Океана, «обтекающего Остров Блажен-

ных».

Астрахазис с супругой были доныне людьми;
Ныне же будут, как боги, в сонме богов,

благословляет Астрахазиса бог Эа (Gilg., XI, 202–203).

Чтобы сделаться богом, он «переселился», «изменился физически», так же как Енох-Атлас.

XV

«…И увидел я место, где небо сходится с землей… и бездну у столпов небесного пламени… высота и глубина столпов безмерная. И увидел я другое место, без неба вверху и без земли внизу, и было оно пусто и страшно» (Hén., XVIII, 10–12).

Это напоминает нисхождение Фауста к Матерям:

Nichts wirst du sehn in ewig leerer Ferne,
Den Schritt nicht hören, den du tust,
Nichts Festes finden, wo du ruhst.
В вечно пустой дали ничего не увидишь,
Шага своего не услышишь в безмолвьи,
Точки опоры себе не найдешь.

«…И сказал мне Ангел: „Место это есть конец земли и неба; здесь темница Звезд, преступивших волю Господ-

ню“ (Hén., XVIII, 14–15). „Здесь будут заключены Ангелы, совокупившиеся с женами. Духи же их, принимая многие виды, осквернят людей и соблазнят их приносить жертвы бесам (языческим богам). Жены же, соблазнившие Ангелов, будут Сиренами“ (Hén., XIX, 1–2).

Что значит эта греческая мифология в иудейском Апокалипсисе? Кажется, эти Сирены – сестры тех Океанид, чей хор окружает кумир Посейдона-Океана, в святилище атлантов, и плачет у ног Прометея, вспоминая страдания Атласа. Вот еще одна из тех мелких улик, которые сильнее крупных; рядом с копьем и шлемом Афины Тритонии, с лабиринтными кольцами Атласа, – Океанида-Сирена есть третий общий «водяной знак почтовой бумаги» на двух разных письмах, иудейском и эллинском, – тайная связь Еноха с Платоном.

XVI

«…И показал мне на Западе великую гору… И в той горе были четыре пропасти, весьма глубокие, широкие и скользкие; три из них темные, одна же светлая» (Hén., XXII, 1).

Здесь царство мертвых – израильский scheol, вавилонский arallu, египетский amenti – вечный Запад, «Закат всех солнц». Это и значит: тайна Конца, Апокалипсиса есть тайна Запада.

Над светлою пропастью был «источник воды живой (Hén., XXII, 9) – не той ли, о которой молятся египтяне для мерт-

вых своих, отошедших на вечный Запад – Аменти: „даруй тебе, Озирис, студеной воды“?

«…И пошел я в другое место, к Западу, на конце земли»… (Hén., XXIII, 1.) Все к Западу и к Западу идет – не может остановиться, как будто ищет и знает, что только там, на Западе, найдет конец Востока – времени – в вечности.

XVII

«…И увидел я высочайшие горы… прекраснейшие, как бы из драгоценных камней», – говорит Енох (Hén., XXIV, 1–6). «Славились горы те красотой и величьем больше всех нынешних гор на земле», – говорит Платон (Pl., Krit., 118, b). – «И увидел я, – продолжает Енох, – долины такие глубокие, извилистые, что ни одна не сходилась с другою» (Hén., XXIV, 2). Тот же уют райских долин, как в Атлантиде.

«Выше всех гор была одна, как престол. И окружали ее деревья благовонные», – говорит Енох (Hén., XXIV, 3), и Платон как будто отвечает ему: «Все благовонья, какие только рождает земля, и целебные корни, и злаки, и деревья, и плоды, и цветы… все это Остров, тогда еще озаряемый солнцем, рождал в изобилье неисчерпаемом» (Pl., Krit., 115, b).

«И между деревьями, – продолжает Енох, – было одно с таким благовоньем, какого никогда я не слышал; другого подобного дерева нет на земле; благовонье его сладостней всех благовоний, и листья его, и цветы, и ствол неувядаемы;

и плод его прекрасен, подобен гроздьям пальмовым. И сказал я: „О, прекрасное дерево! Как любезна листва его и плод вожделен!“ И Михаил Архангел… предстоящий дереву, сказал мне: „…не прикоснется к нему никакая плоть, до великого дня; тогда оно будет дано смиренным и праведным, и плодами его жить будут… и возрадуются и возвеселятся… и благовонье его напитает кости их… И не будет уже ни болезни, ни плача, ни воздыхания“ (Hén., XXIV, 1–6; XXV, 4).

Это райское Дерево жизни соединяет начало мира с концом – Атлантиду с Апокалипсисом: «и по ту, и по другую сторону реки („живой воды“ Еноха, „студеной воды“ Озириса), дерево жизни, двенадцать раз приносящее плоды; и листья дерева – для исцеления народов» (Откр. 22, 2).

XVIII

На одном, очень древнем, вавилонском, резном цилиндре-печати изображены Муж и Жена, сидящие друг против друга, у Дерева с плодами, и протянувшие руки к нему, чтобы сорвать плод; за спиною Жены, в воздухе, Змей (Delitzsch, Mehr Licht, 49).

Может быть, это Ной-Астрахазис и супруга его – последние люди первого человечества, «переселенные» на край света, в «Устье рек» – Эдем, а Дерево – тот самый «Злак Жизни», которого ищет Гильгамеш:

Неутолимое им утоляется;
Имя же злака: *Вечная Молодость.*
Отнесу его людям, да вкусят бессмертья.

(Gilgam., XI, 295–297)

Идучи за ним к Атрахизису Дальнему, совершает Гильгамеш путь Солнца с Востока на Запад:

Никем, кроме Солнца, не хожен тот путь,
Замкнут Водами Смерти бездонными,

(Gilgam., X, 73–74)

водами Потопа – Атлантиды.

Тайну тебе я открою великую,
Тайну о Злаке Жизни поведаю:
Терну и Розе подобен тот Злак…
Если ж найдешь его, – жив будешь им, —

говорит Гильгамешу Атрахазис-Ной (Gilgam., XI, 202–206).

Злак жизни – тайна Запада, «роза и терн» – Роза любви, Терн страдания: tlaô, ***страдаю*** – корень имени Атлас – всей Атлантиды корень. Вот почему «Енох – Атлас».

XIX

Где находится Злак, Атрахазис не говорит, но Гильгамеш

все уже знает: подвязывает камни к ногам, бросается в море, ныряет, как водолаз, опускается на дно, находит Злак, срывает его, отвязывает камни и поднимается на поверхность.

Злак Жизни, Древо Жизни – на дне Океана, в бездне вод потопных, в «затонувшей Атлантиде», как сказал бы Саисский жрец у Платона, на Крайнем Западе, «Закате всех солнц», как сказал бы Енох.

Вечная жизнь – то, чего второе человечество ищет, первым уже найдено, или ***как будто*** найдено, ибо все повторяется в мировых веках-вечностях.

Злак Жизни похищает у Гильгамеша Змей:

> Жизни ты ищешь, но не найдешь:
> Боги, когда сотворили людей,
> Людям назначили смерть,
> А себе оставили жизнь.
>
> *(H. Grossmann, Altorientalische Texte und Bilder, 1909, I, p. 49)*

Злака Жизни Гильгамеш не находит; его найдет Енох – прообраз Того, Кто будет сам Терном страдания, Розою любви.

XX

Тот же путь солнца с Востока на Запад совершает другой солнечный богатырь – пелазгийский Геракл, ханаанский Мелькарт, плывущий на остров Эрифею (Eritheia – «Крас-

ный», как огонь заката), в царство Гериона – «Ревуна» – Океана, чтобы похитить его заповедных быков – может быть, тех самых, что пасутся в ограде Посейдонова святилища, где цари Атлантиды «пьют кровь» закланного бога Быка (E. Gerhard, Kleine Schriften, 1866, p. 18. – R. Hennig, Das Rätsel der Atlantis, p. 14).

Тот же путь совершает Геракл в последнем подвиге своем, когда с помощью Атласа, «знающего все тайны глубин», нисходит в царство мертвых – вечный Запад, чтобы сорвать с райского Дерева Жизни, обвитого Змеем, золотые плоды Гесперид (Apollod, II, 5, 11. – E. Gerhard, 219–228).

XXI

Так, все концы и начала Востока – все его эсхатологии – тянутся к Западу, подобно ветвям тех приморских сосен, которые наклонены ветром все в одну сторону. Дух Востока мог бы сказать, как Енох: «я был восхищен в сильном вихре и унесен на Запад».

XXII

Злака Жизни не вкусил Платон, как Гильгамеш:

> Мудрость дал ему бог, но жизни вечной не дал.
>
> *(Ar. Ungnad, Die Religion der Babylonier und Assyrier, 1921, p.*

128)

Умер, не дописав «Атлантиды». Внутренняя бездна ее поглотила Платона, а Енох вознесся над нею во внутреннее небо Апокалипсиса.

XXIII

В древнем Панеасе (Paneas), городе Пана, новой Кесарии Филипповой, у самого подножья Ермона, там, где Петр сказал Иисусу: «Ты – Сын Божий», сохранился, по свидетельству церковного историка, Евсевия, древнейший и, кажется, единственный образ Спасителя – медное изваяние, воздвигнутое кровоточивой женой: коленопреклоненная перед Господом, касается она рукою одежды Его, и тут же, у ног Его, прозябает из земли некий всеисцеляющий злак (Euseb., Hist. eccl., VII, 18. – Gust. Ad. Muller, Die leibliche Gestait Jesu Christi, 1909, p. 71–72). Это и есть Злак Жизни, которого искала вся языческая древность, от Гильгамеша до Платона, и не нашла, нашел Енох.

XXIV

«…И сказал мне Ангел: все, что ты видел, послужит Мессии, да будет он силен и могуществен на земле» (Hén., LII, 4). Слово это исполнилось: послужил Мессии-Христу Атлас-Енох.

XXV

Вечером, когда молоток и пила затихали в доме плотника Иосифа, отрок Иисус всходил по крутой, кремнистой тропинке, из Назарета, лежащего внизу, в котловине, на северо-западную вершину холма, откуда открываются бесконечные дали: к югу, цветущая, зеленому морю подобная, равнина Иезрееля, выжженные за нею горы пустыни Иудейской до Ефраима и Мертвого моря; дымка туманной мглы к востоку, за горами Галилеи, обозначающая низину Тивериадского озера; к западу, Средиземное море, голубое, высокое, как небо, с белыми на нем парусами, точно крыльями ангелов, такими далекими, что взор их только угадывает; к северу, над лесисто-дремучими склонами Ливана, вечные снега Ермона.

Глядя на них, вспоминал ли Иисус падших ангелов?

«Тщетная тайна» бен-Элогимов – магия – в трех искушениях дьявола – властью над веществом: «повели камню сделаться хлебом»; властью над пространством: «бросься вниз»; и властью над людьми: «все будет твое». Голод хлеба, голод чуда, голод мира – три соблазна жалости. Их не победили сыны Божии, бен-Элогимы; победил Сын.

XXVI

Первого мира конец на Западе – таков смысл «Атлантиды», а смысл христианства: конец второго мира соединит Восток и Запад: «ибо, как молния исходит от Востока и видна бывает даже до Запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мат. 24, 27).

Все христианство – поворот мира с Востока на Запад. «Я был восхищен в сильном вихре и унесен на Запад», – мог бы сказать и апостол Павел, прошедший весь путь от Ермона до Столпов Геркулесовых – великий Средиземный путь Атлантов.

XXVII

«Ибо, как во дни перед потопом, ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег; и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, так будет и пришествие Сына Человеческого» (Мат. 24, 38–39).

Если потоп есть конец Атлантиды, то Иисус говорит о ней.

XXVIII

«…Я видел все и понял, но не для рода настоящего, а для грядущего, далекого», – говорит Енох (Hén., II, 2). «Знайте,

что близко, при дверях; истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все сие будет», – говорит Сын Человеческий (Мат. 24, 33–34).

«Атлантида была – Апокалипсис будет», – сказал Енох, и говорит Иисус.

7. Атлантида – америка

I

На одной старинной, XV века, Нюренбергской карте только что открытой Америки изображен св. Христофор, ангел Колумба, исполином, переходящим вброд Океан, с младенцем Христом на руках: свет с Востока несет он на Запад, «сидящим во тьме и тени смертной», потому и назван Христофором – «Христоносцем».

II

Чем победил Колумб древний ужас «Мрачного моря», mare tenebrosum? Светом Христовым – надеждой: как бы вопреки рассудку, надеялся он найти Восток на Западе, увидеть берег в безбрежности, – и увидел, нашел. Две распавшиеся половины мира соединил радугой надежды, вспыхнувшей вновь над бездной Атлантики, так же, как некогда, над бездной потопа.

III

Верил ли Колумб в «Атлантиду» Платона? В поисках ма-

терика на Западе, укреплялся ли этою верою, как думают его старинные биографы? (R. Dévigne, l'Atlantide, 1924, p. 6. – R. M. Gatefosse, La vérité sur l'Atlantide, 1923, p. 6. – Jos. Peter, Atlantis, 1922, p. 6.) Если верил, то можно сказать: Новый Мир из веры его родился; но ничего не родилось из неверия Аристотеля.

IV

Кажется, Платон или Саисский жрец кое-что знает о существовании того материка, который мы называем «Америкой». «Плавающие, в те дни, могли переправляться с этого Острова (главного в архипелаге Атлантиды) на другие острова, и далее, на весь ***противолежащий материк***, katantikru pasan epeiron, ибо окруженная тем Океаном земля была, в точном смысле этого слова, материком» (Pl., Tim., 24, e).

Темными оставались эти слова Платона восемнадцать веков; только после Колумба засиял в них «Новый Свет».

V

Может быть, древние кое-что знали об Америке и до Платона, и помимо него.

Греческий историк IV века до Р. Х., Феопомп Хиосский, почти для нас утерянный, сообщает предание о чудной были, нашептанной мудрым Силеном царю Мидасу Фригий-

скому: «Кроме известных частей света – Европы, Азии, Ливии (Африки), есть еще одна, неизвестная, величины неимоверной, где беспредельно цветущие луга и пастбища кормят стада разнообразных, огромных и могучих животных; тамошние люди дважды превосходят ростом и долголетием – здешних» (Aelian., Varia historia, ap. Levis Spence, 8–9).

Если эти «беспредельно цветущие пастбища», как очень похоже на то, суть южноамериканские прерии, а «стада могучих животных» – буйволы, то Силен, «лесной человек» – может быть, краснокожий дикарь, попавший в Азию, на тиро-сидонских или тартесских кораблях, – кое-что знал об Америке.

VI

Встреченное Колумбом в первом путешествии, 1492–1493 гг., Саргасское «море трав» (herba его путевых дневников) знали уже финикийцы и карфагеняне (Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité. – Phenicie-Cypre, p. 48). След ими открытой Америки не сохранился ли и в Платоновом мифе истории об Атлантиде? (Hennig, p. 5.)

Мыс Доброй Надежды обогнули египетские путешественники при фараоне Нехао (VII в.). Если так же далеко заходили они и на запад, то великий Геродотов «путь из Фив к Столпам Геркулесовым» мог продолжаться и до «Столпов Атласовых» – до Атлантиды (Lew. Spence, p. 164).

Так, надо всем древним Востоком веет воспоминание – предчувствие нового Запада – нового и древнего – может быть, древнейшего, чем сам Восток.

VII

С точностью отделяет Платон «Атлантиду» от Америки. После Колумба, их смешивают: так делает один из первых историков Нового света, испанец Гомара (Gomara, Historia de las Indias, 1553) и Бэкон Веруламский (Nova Atlantis, London, 1638, p. 364. – Hennig, p. 5).

Вещая мысль древнего Востока о древнейшем Западе воскресает для нас в этом смешении: «Атлантида – Америка».

Слишком тесная между ними связь во всех областях точного знания – геологии, географии, биологии, этнографии, истории – остается необъяснимой, если не предположить, что между двумя сушами двух гемисфер, – Европой – Азией – Африкой, с одной стороны, и Америкой – с другой, – существовало некогда посредствующее звено – великий Остров-материк или ряд островов, как бы перекинутый через Атлантику мост.

Может ли точное знание восстановить это выпавшее звено? Может, отвечает современная геология, в лице таких осторожных и ответственных ученых, как ***Lapparent, Haug, Scherff, Edw. Hull, Pierre Termier*** (Lapparent, Traité de géologie, Paris, 1893, p. 193. – Haug, Bull. Soc. Géol. de France,

1900, vol. XXVIII, p. 653. – Scharff, ap. Spence 36. – Edw. Hull. The sub-ocen. physiogr. of the North Atlantic. – Pierre Termier, A la gloire de la Terre. – L'Atlantide, 1924, p. 117–146).

VIII

Тщательно произведенные в конце прошлого века измерения океанских глубин с картографическими съемками дна в центральной и восточной части Атлантики привели к двум выводам. Через всю эту часть Океана простирается от берегов Ирландии до Азор и о. Тристан д'Акуньи исполинская подводная возвышенность – так называемый ***Дельфинов Хребет, Dolphin's Ridge*** (по имени американского судна, ***Dolphin***, производившего главные съемки), подымающийся круто, в непосредственной близости от наибольших глубин, на 9000 футов средней высоты, и состоящий из трех частей – полуостровов или выступов, – одного, сближенного с Европой, другого – с Африкой, третьего – с Америкой. Судя по геологическому строению, эта возвышенность есть не что иное, как постепенно или внезапно, должно быть, в самом конце Ледникового периода, осевший Остров-материк, чьи последние уцелевшие остатки, – Антильские острова, на западе и Азорские, Канарские, Зеленого мыса, на востоке, – вершины затонувших гор, – возвышаются над водною поверхностью, как столбы разрушенного здания (Spence, 126–

128).

Таков вывод первый, а вот второй. Судя по сейсмическим явлениям на этих островах – множеству действующих доныне или только что потухших вулканов, по извержениям и землетрясениям, а также по внезапным подъемам и оседаниям почвы на дне Океана, – вся центрально-восточная часть его принадлежит к вулканической зоне. На всем ее исполинском протяжении, в 3000 километров ширины, дно Атлантики движется, и каждую минуту могут здесь произойти катаклизмы самые ужасные. Геологически очень недавно, – можно сказать, почти вчера, – и произошел один из них – «конец Атлантиды» (P. Termier, 130).

IX

Летом 1898 года, километрах в 900 от Азорских островов, при поднятьи разорванного и затонувшего трансатлантического кабеля между Брестом и Кодским мысом (***Cap Cod***), с помощью особого прибора – граппин – стальных, с когтями, лап, влачащихся по дну океана, выловлена была стекольчатая лава – тахилит, образующаяся не в воде, а на воздухе. Это значит: извержения вулканов происходили здесь, когда затонувшая впоследствии суша была еще над водною поверхностью (Termier, 131–132).

Микроскопические исследования Мартиникских лав показали существенное различие между кристаллическим

строением лавы, стынущей на воздухе медленно, и внезапно – в воде. Вместе с тем известен определенный период времени – около 15000 лет, за который лавные кристаллы, подверженные действию морской воды, разрушаются. Выловленный у Азор, тахилит не разрушился и, следовательно, происходит от лавы, застывшей менее, чем за 15000 лет, что совпадает с концом Атлантиды, по летосчислению Платона – 9600 лет до Р. Х. (Fred Finch Strong, The Messenger, 1919. – Spence, 27–28.)

«Вывод неизбежен: суша, находившаяся в 900 километрах к северу от Азорских островов, а может быть, включавшая и эти острова, погрузилась в морскую пучину, в пору сравнительно такую недавнюю, что геологи называют ее „настоящею“, да и, в самом деле, это как бы вчерашний день для нас, сегодняшних» (Termier, 132). – «Ибо, пред очами Твоими, тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи» (Пс. 89, 5).

X

Чудный прибор изобретен одним американским ученым для измерения океанских глубин – «звуковой лот», ***thonic depth-finder***. Очень сильная звуковая волна, посылаемая укрепленным на дне корабля стальным диском, возвращается эхом с морского дна. Исчислением времени, отделяющего звук от эха, определяется с точностью глубина, так что ряд

таких исчислений, по мере движения судна в море, дает картографический снимок дна со всеми его высотами и глубинами (Spence, 104).

Как бы вопрошаемые этим прибором: «Была ли Атлантида?» бездны Атлантики отвечают: «Была».

XI

Камень трех цветов – белого, черного и красного – шел на постройку домов в столице атлантов, сообщает Платон (Pl., Krit., 116, a). Белый известняк, черную и красную лаву подымают со дна Океана и когти граппин, – как бы трехцветные камни атлантских домов (Termier, 123–124).

XII

«С точки зрения геологической „Атлантида“ Платона вероятна в высшей степени», – заключает Термье (Termier, 140).

«Кто ее создал, тот и разрушил». Нет, двадцать пять веков сомнений ее не разрушили. Вот урок всем маловерным Аристотелям, бывшим и будущим.

XIII

Так говорят земля и вода. Что же говорят растения и жи-

вотные?

«Флора и фауна двух гемисфер подтверждают догадку геологов о бывшем некогда в Атлантике, общем центре, где началась органическая жизнь, а также о существовании великих материковых мостов, соединявших берега Океана на юге и севере, до и во время Ледникового периода» (Edw. Hull, ap. Spence, 36–37).

Нынешняя фауна четырех архипелагов – Азорского, Мадерского, Канарского и Зеленого мыса – не островная, а материковая. В частности, моллюсковая фауна их родственна Средиземноморской и отлична от экваториально-африканской; та же родственность наблюдается и с фауной четвертичного периода. Вместе с тем четвертичные образования Канарских островов сходны с Мавританскими, включая в себя те же роды моллюсков. Земляные черви, Олигохеты (Oligochetes), на Канарских островах, также родственны этому роду животных в Южной Европе (L. Germain, Le probleme de l'Atlantide et la Zoologie. – Annales de Géographie, t. XXII, 1913, № 123, p. 215–219).

Вывод из этих двух наблюдений тот, что в эпоху, близкую к нашей, – по крайней мере, в конце Ледникового периода, острова названных четырех архипелагов связаны были с Африканским материком.

XIV

Третий факт: среди нынешних моллюсков на тех же островах существуют пережитки ископаемых родов европейского Ледникового периода. Точно такие же пережитки сохранились и в царстве растительном: вереск (Adiantum reniforme), ныне исчезнувший из Европы, но известный в Португалии, в эпоху Плиоцена, и продолжающий жить на Канарских и Азорских островах; из чего следует, что материк, некогда обнимавший эти архипелаги и связанный до Плиоцена с Иберийским полуостровом, оторвался от него впоследствии.

И, наконец, четвертый факт: географическое распределение моллюсков Oleacinidae, живущих только в Центральной Африке, на Антильских, Канарских, Азорских островах, на о. Мадере и в Средиземноморском бассейне, предполагает существование, в начале Миоцена, материка, включавшего все эти области.

Остаются еще два наблюдения: пятнадцать родов моллюсков живут только на Антильских островах и на Сенегальском побережье Африки, что необъяснимо переносом зародышей, а коралловая фауна о. Св. Фомы включает в себя шесть родов, из которых один водится, кроме этого острова, только на подводных скалах Флориды, а четыре – только на Бермудских островах, что опять-таки необъяснимо перено-

сом зародышей, так как водяная жизнь их слишком коротка для переноса морскими течениями.

Некоторые виды насекомых, например бабочка Setomorpha discipunctel, известная на Канарских островах, встречаются также и в Африке, и в Америке (L. Germain, 216).

XV

«Общий из всего этого вывод: существование Атлантического материка, связанного с Иберийским полуостровом и Западной Африкой (Мавританией) и простиравшегося, еще в Миоцене, до Антильских островов, а потом раздробленного на куски. Может быть, последний, тоже обреченный на гибель остаток его, и есть „Атлантида“ Платона» (Termier, 140–142. – Germain, 222–224).

Черви земляные больше знают о ней, чем Аристотель. Повесть об Атлантиде записана, так же как святыми письменами Саисских жрецов, – розовыми ветками кораллов, сизыми – вересков, и опаловой радугой Олеацинид.

XVI

«Как же не быть пораженными почти совершенным согласьем этих зоологических выводов с геологией? – спрашивает Термье. – И кто при таком совпадении столь различных

доказательств мог бы еще сомневаться в существовании до времени, очень близкого к нашему, обширных земель в той части Атлантики, которая находится к западу от Геркулесовых Столпов? Большего мы не знаем, но и этого достаточно, чтобы считать вероятным сохранение, долго спустя по открытии Гибралтарского пролива, некоторых из этих земель и, среди них, того чудесного Острова, который назван Платоном „Атлантидой".

«Одно остается доказать, – что гибели острова предшествовали человеческие поселения в западной части Европы. Катаклизм несомненен. Но существовал ли тогда человек, видевший его и запомнивший? Весь вопрос в этом, – вопрос будущего», – думает Термье (Termier, 143), но, может быть, ошибается: это вопрос не будущего – не времени, а вечности. Наша эмпирическая, здешнего порядка, связь с Атлантидой порвана. Видел ли человеческий глаз гибель первого мира, мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем. Доводов за Атлантиду множество, но ни одного неотразимого. Все они, как зарницы в темную ночь: после каждой ночь еще темнее.

Здесь мы чего-то не знаем, может быть, потому, что нам и ***не нужно знать***. Бывший конец мира – «Атлантида», так же, как будущий – «Апокалипсис», познается не внешним, научным, а внутренним, религиозным опытом.

XVII

«Я думаю о последнем дне Атлантиды: не будет ли похож на него последний день человечества?» – заключает Термье (Termier, 143). Может быть, не только геологам следует подумать о возможном сходстве этих двух дней.

XVIII

Страх Атлантиды, свойственный многим ученым, понятен: раем мечтательных глупцов и невежд, людей научно-безответственных, сделался Остров Блаженных. Но, кроме этого нужного страха, есть и другой, ненужный, тоже, впрочем, понятный. «Малое знание отводит от Бога, большое – приводит к Нему» (Ньютон). Вот почему люди малого знания, – а таких среди ученых много, – боятся Атлантиды, конца мира, эсхатологии, религии, Бога.

Слишком явная связь Нового Света со Старым объясняется переселением с Востока на Запад, то из Центральной Азии через Камчатку и Берингов пролив, то через Тихий океан и Полинезию, – каким угодно, окольным и далеким, невероятным путем, только не прямым и близким, – через Атлантику (J. M. Robertson, Pagan Christs, 1911, p 341). Трудно даже сейчас небольшой экспедиции пройти этот далекий путь; каково же целым диким племенам, в эпоху Палеолита, и при-

том, сохраняя живую связь с первою родиною, через такие бездны пространства и времени!

XIX

«Всякий гад бичем (Божьим) пасется», по Гераклиту. Страх «Атлантиды» – страх бича Божьего, а кто гад, и почему, мы могли бы узнать, если бы хотели.

XX

Связь двух гемисфер яснее, чем где-либо, в религии. Воды, земли, злаки, звери, люди говорят, – договаривают боги.

Религиозное единство Востока и Запада так же осязает историческая мысль в бездне веков, как «звуковой лот» – затонувший материк, в бездне Атлантики.

8. Радуга потопа

I

Два рисунка на одной странице: древнемексиканский бог, Кветцалькоатль, Quetzalcoatl, из Ацтекской рукописи, и древнегреческий Атлас из Национального музея в Неаполе (Codex Borgia, f. f. 49–59. – Codex Vaticanus B, f. f. 19–23. – Spence, 98, pl. VI). Стоит только взглянуть на них, чтобы убедиться, что это один и тот же бог в двух изображениях, как бы одно лицо в двух зеркалах.

Атлас опустился на одно колено, так же и Кветцалькоатль; руки поднял тот, поднял и этот. Звездную сферу небес держит на руках тот; что-то невидимое, выходящее за поле рисунка, но, судя по смыслу его, небесную твердь, держит и этот. Все Ацтеки – бритые или безбородые; но Кветцалькоатль так же бородат, как Атлас.

Два видимых бога, а между ними, может быть, третий, невидимый. Выпало звено из цепи; глаз в темноте пустого места не видит, но рука осязает.

Греки ничего не знают о Кветцалькоатле, мексиканцы – об Атласе, как жители одной планеты ничего не знают о жителях другой; но вот, в этом сошлись, как будто пишут два портрета с одного лица.

II

Одного мы прежде знали
Бога, скованного цепью, —
Знали Атласа-титана,
Что раздавленный, согнувшись,
На плечах могучих держит
Беспредельный свод небес,

этот плач Океанид у ног Прометея к обоим возносится – Кветцалькоатлю и Атласу. Прежде знали одного, а теперь узнали двух, но и в двух – один: две гемисферы в одну соединяет небодержец и страстотерпец Атлас.

Quetzalco-Atl – Atl-as: корень двух имен один – всей Атлантиды корень; tlaô – значит по-гречески «страдаю», «терплю»; atl, по-древнемексикански значит «вода». Между «водой» и «страданием» – вся Атлантида.

Кветцалькоатль-Атлас – то же, что Дионис в древнегреческих таинствах, – любящий и страдающий бог Сын.

Бездну веков вопрошает религиозная мысль, как «звуковой лот» – бездну Атлантики: «Кто там?» и эхо отвечает: «Сын».

III

«Все мы – дети Воды. О, Тлалок, Водяной, помилуй нас, не погуби!» – в этой древнемексиканской молитве – вся душа Атлантиды-Америки (Spence, 136). Вся она в этих двух мыслях, двух корнях: tla – atl, «страдание» – «вода».

IV

Царство Майя, на Юкатанском полуострове, современно первым христианским векам. Но Майя – пришельцы из какой-то далекой и неизвестной страны, – только очень поздняя ветвь Тольтекских и Нагуатльских племен (Totlec, Nahyatl), чьи корни, может быть, уходят в древность, неисследимую для нас, подобно тому как Саисский Египет уходит в допирамидную, шеститысячелетнюю древность.

К такой же древности, может быть, относятся и глифы Маянских письмен. Вот один из них, так называемый «Небесный Щит».

Два концентрических круга означают, должно быть, окружающие город стены и рвы; внутренний кружок – должно быть, Акрополь, а четыре к нему ведущих радиуса – пересекающие город улицы: все, как в столице атлантов, по описанию Платона. Город находится между двумя «мумийными связками», mummybundls, – исполинскими, туго набитыми

кулями, в каких погребали Майи усопших; в каждую «связку» входило множество тел. Слева – куль черный, справа – белый: первое погибшее человечество – в том; в этом – второе. А надо всем – продолговатый, четырехугольный «щит», разделенный надвое: справа – молниеносные стрелы, слева – небесная, над морскою пучиною, хлябь, в виде огромных капель дождя, падающих на такие же огромные волны (Spence, pl. IX, 1).

Весь потоп Еноха-Атласа, вся «Атлантида» Платона сжаты, сосредоточены в этот магический знак – хранящий землю от второго потопа, Небесный Щит.

V

А вот и другой знак тех же письмен.

Струйчатые полосы, расположенные лункою или петлею в нижней части рисунка, означают «великие воды потопа»; три четыреугольника, каждый с кружком внутри, вписанные в лунку – три затонувшие, с городами острова, а выходящий из вод человек-дерево – безголовое туловище-ствол с могучими ветвями-руками, распростертыми к Востоку и Западу, есть второе, восстающее из водного гроба, человечество (Spence, pl. IX, 5).

Если в том знаке – Небесном Щите – воскресение мертвых ***будет***, то в этом – оно уже ***есть***.

VI

Память о потопе сохранилась, кажется, у всех народов Нового и Старого Света: это, можно сказать, единственно общее и первое воспоминание всего человечества (Delitzsch, Genesis, p. 203). Но здесь, в Центральной Америке, оно сохранилось так живо, как больше нигде во всем мире, кроме разве еще древней Вавилонии – Шумеро-Аккада. Здесь это больше чем воспоминание – это как бы горячешный, все один и тот же, неотвязно мучающий бред: было вчера – будет завтра. Мало говорится об этом, потому что незачем: слишком хорошо помнят все – помнят, как «очевидцы»; и страшно говорить, язык прилипает к гортани.

VII

«Раз в четыре года, – восьмидневный пост, в память о том, что мир погибал трижды», – сказано в древнемексиканском кодексе Telleriano Remensis, в подстрочном примечании к календарю годовых праздников, под 30 января, 12 yzcatli (Dévigne, 98). И больше ни слова; молчание – молитва: «О, Тлалок, Водяной, помилуй нас, не погуби!»

VIII

«Небо спустилось к воде (Океана), и ***в один день*** погибло все; все, что было плотью, истребил тот день», – как будто повторяет Платона календарный кодекс Chimalpopoca, Повествование Солнц (Donelly, 90): «***В один день***… остров Атлантида, погрузившись в море, исчез». Видно по этой краткости, что обоим рассказчикам одинаково страшно.

Несколько длиннее рассказ в поздней, XVII века по Р. Х., записи, кажется, древнейших сказаний доколумбовой Америки, – в Гватемальском кодексе Popol Vuh: «Воды, поднятые Сердцем Неба, Гураканом, закипели, и нашел на всю тварь великий потоп… Падала с неба горящая смола, лицо земли почернело, черный дождь шел днем и ночью, и шум был в небе, как от бушующего пламени. Люди бегали, давили друг друга, взлезали на крыши домов, но дома под ними падали; взлезали на деревья, но деревья стряхивали их; прятались в пещеры, но пещеры давили их. Вода и огонь истребляли все (Donelly, 91–92. – Roisel, Les Atlantes, 1874, p. 36. – Spence, 117.).

В Книге Бытия – только потоп, а здесь, так же как у Платона и Еноха, – пожар и потоп вместе, что, конечно, согласнее с «памятью земли», Геологией.

IX

Надпись Паленкского храма (Palenqué), в царстве Майя, говорит о «страшном землетрясении, подымавшем землю волнами, как море», о зияющих кратерах, клубах дыма и потоках лавы, о всесокрушающем взрыве паров от соприкосновения подземных вод с расплавленными металлами. «Все это было, и память о том хранится в этих святых письменах», – заключает надпись. – «Шорох камней, влекомых прибоем, шелест катящихся раковин, шум волны, вьющейся рогом по берегу, слейте ваши голоса с голосом святых письмен, ибо мудрость та же, та же память и в вас» (F. de la Rochefoucauld, Palenque, 1888, p. 124).

X

«Люди сделались рыбами», – сказано в одном древнемексиканском описании потопа (Codex Vaticanus B, ap. Donelly, 89), и в древневавилонском:

> Люди, как рыбья икра, воды наполнили.
>
> *(Gilgam., XI, 214)*

Тем же страшным запахом потопных вод – человечьей икры – пахнет глиняная дощечка Ниневийская и агавный листок древнемексиканского папируса. Чтобы двум рассказчи-

кам на двух концах мира мог случайно прийти в голову образ такой меткий и странный, как «люди – рыбы», «человечья икра», невероятнее, чем то, чтобы один ключ мог отпереть два разных замка. А если совпадение не случайно, – значит, от Месопотамии до Мексики протянулась между этими двумя рассказами, как тончайшая паутинка, незримая нить.

XI

Самое частое и древнее сказание почти всей доколумбовой Америки сохранило память о великом переселении народов, бегущих от какого-то ужасного бедствия на море (Conr. de Meyendorff, L'Empire du Soleil. Perou et Bolivie, 1909, p. IX).

«Книга Переселений», Tira, несомненно доколумбовский, очень древний кодекс Тольтеков, сообщает о восьми племенах, пришедших на берега Тихого Океана (M. R. Mena, Les arts anciens de l'Amérique. Exposit. du Louvre, 1928, p. 99). Надпись Паленкского храма говорит о таком же переселении племени Nahuatl Quiché: «Страшным ураганом горький Океан, вечно боримый людьми, прорвал плотины, разрушил дома, очаги, корабли. Видя то, союз народов бежал, ища спасения на твердой земле… далеко, далеко… Нас вели звероловы-кочевники через пустыни, болота и непроходимые чащи лесов» (De la Rochefoucauld, 102).

Родина Ацтеков – Aztlan – «земля на великих водах»,

«остров». С этим словом почти всегда связан иероглифный знак воды. Aztlan – Atlant, это созвучье, может быть, не случайно. Остров с горою, окруженною концентрическими кольцами стен и каналов, подобно Акрополю в столице Атлантов у Платона, изображается и на Ацтекских рисунках Ацтлана (Spence, pl. XIV, p. 202).

По тому же атлантидному плану построена и древняя столица Мексики, как видно из рисунка, сохранившегося от времен последнего Ацтекского царя, Монтезумы (Spence, pl. XIV, p. 202).

Сущность всех этих планов – сложное, в концентрических кольцах, сплетение воды и земли, как бы земноводный лабиринт.

XII

«Остров Атлантида, погрузившись в море, исчез. Вот почему, до настоящего времени, моря этого нельзя ни переплыть, ни исследовать: ход кораблей преграждается множеством ила, поднявшегося над Островом», – сообщает Платон (Pl., Tim., 25, d). «В начале Внешнего моря находятся мелкие места; воды его тинисты, и тамошние подводные камни называются ***Мелями***, brahê», – сообщает Аристотель (Aristot., de mirabilibus auscultationibus, 245. – Hennig, 10).

Ужас внушало пловцам это «Мрачное море» Тацита, «Травяное море» финикийцев, «Воды смерти» Гильгамеша.

Только Христоносец – Христофор Колумб победил древний ужас.

XIII

Травами Саргасского моря, чья площадь, по исчислению Гумбольдта, вшестеро больше Франции, всплыла будто бы растительность затонувшего материка, как сено над скошенным, во время половодья лугом, и плавает так, вот уже десять тысяч лет: можно только подивиться, что люди поверили и еще верят этой нелепой сказке. Мы теперь имеем очень простое объяснение Травяного моря: множество плавучих водорослей, отрываемых, в пору летних тропических бурь, от прибрежных скал и коралловых рифов у Антильских островов, Виргинии, Порто-Рико, Гаити, Ямайки, и уносимых двумя теченьями, Антильским и Флоридским, образует бесконечные травяноводные степи (J. Peter, Atlantis, p. 20).

Скептики могли бы, казалось, радоваться: лишний довод в пользу Атлантиды пал. Но вот пример того, как надо быть осторожным в принятии мнимо-научных доводов за и против Атлантиды: ничего не говорит о ней Саргасское море в памяти земли, геологически, но, может быть, очень много говорит психологически, в памяти человечества.

В древнемексиканской летописи Cakchiquel повествуется о переселении из-за моря одного центральноамериканского племени: «Мы пришли на берег моря. Там собрались воины

Семи Городов, и многие погибли на наших глазах (должно быть, от голода). – „Как переплыть море? – говорили они. – Кто нам поможет? Был же там лес красноствольных деревьев (сосен). Мы нарубили шестов и, отталкиваясь ими, вышли в открытое море – в бесконечность вод“ (Gatefosse, La vérité sur l'Atlantide, – 1923, p. 71).

Почему надо было не грести веслами, а отталкиваться шестами, – это мы поймем, вспомнив «Воды Смерти», преградившие путь Гильгамешу на Крайнем Западе:

> Нет путей через море, нет переправ,
> Никем, кроме Солнца, не хожен тот путь,
> Замкнут Водами Смерти бездонными…
> Как же ты, Гильгамеш, переступишь их,
> Как Воды Смерти пройдешь?
>
> *(Gilgam., X, 71–77)*

Что это за воды, объясняет Платон: «Моря того нельзя ни переплыть, ни исследовать, потому что ход кораблей преграждается множеством ила, поднявшегося над Островом». Вот почему и Гильгамеш, подобно переселенцам Какшиквэльской летописи, не гребет веслами, а отталкивается шестами и, увязая в иле, чаще водорослей, гнутся шесты, ломаются (Gilgam., X, 141–158).

Очень знаменательно, что о самом главном, – почему нельзя грести, в чем увязают весла, – в обоих сказаниях умолчано: смрадный ил, как бы тлен целого погибшего ми-

ра, слишком страшен.

Если два рассказчика, ничего друг о друге не зная и расходясь во всем сказочном, сходятся в такой подробности, похожей на действительность, как эти шесты вместо весел, то очень вероятно, что они говорят о чем-то одном, действительно бывшем. Кто-то умер, мы не знаем кто, когда и как; знаем только, что умер и погребен на этом кладбище – Море Мрака, Водах Смерти.

XIV

Эти два сказания о Море Ила, так же как и те два – о «людях-рыбах», связаны тончайшею, от Вавилона до Мексики протянутой паутинкою. Силы небесные колеблются, рушатся горы, исчезают материки, а паутинка цела.

XV

В безднах вод потопных, Вод Смерти, на Крайнем Западе, Гильгамеш находит Злак Жизни:

> Неутолимое им утоляется;
> Имя же Злака: Вечная Молодость…
> Отнесу его людям, да вкусят бессмертья.

(Gilgam., XI, 296–298)

Тот же Злак, райское Древо Жизни, находит, вместе с ис-

точником Воды живой, и Атлас-Енох там же, на Крайнем Западе, «Закате всех солнц» (Hén., XXII, 9; XXIV, 1–6; XXV, 4–6).

XVI

Только что высадившись на берег Флориды и думая, что новооткрытые земли – рай земной, «Эдем на востоке», а в раю должен быть источник живой воды – «эликсира жизни», как называли ее алхимики, – спутники Колумба бросились ее искать и тут же встретились с туземцами, таино-аравакаами с о. Кубы, ничего о европейцах не знавшими и прибывшими сюда для тех же поисков, потому что и здесь, на Западе, сохранилось то же предание о земном рае. Двигаясь с двух противоположных концов мира, люди Востока и Запада встретились, как бы две исполинские параболы пересеклись в одной точке.

XVII

Так все эти паутинки тянутся, соединяя два человечества, и вечное солнце, над черною бездною потопа, отливает в них вечной радугой.

9. Лунные титаны

I

Летосчисление доколумбовой Америки установить почти невозможно, по двум причинам: позднему времени, скудности и плохой расшифровке письменных памятников, а также потому, что между двумя историческими слоями – новым и древним, Майя-Ацтекским и Нагуа-Тольтекским в Мексике, Инковским и Тиагуанским в Перу – зияет прерыв, глубины, для нас неисследимой (W. Lehmann, Altmexikanische Kunstgeschichte, p. 15–16).

Судя по письменным памятникам, американский Запад моложе европоазиатского Востока, но судя по вещественным, – не так.

Найденная под вулканическою лавою, в Аюско-Тлалпаме (Ajusco-Tlalpam), цилиндро-коническая башня Тарасков (Taraska) относится к XI тысячелетию – следовательно, на тысячу лет древнее конца Атлантиды, по летосчислению Платона (Ména, 98). Солнечная пирамида в Тэотигуакане (Teothihuacan), в центре Панамского перешейка, воздвигнута, вероятно, в начале V тысячелетия, следовательно, за полторы тысячи лет до пирамиды Хеопса, а сколько нужно веков, чтобы могло возникнуть подобное зодчество! (Ména,

99.) Может быть, солнце в Тэотигуакане уже взошло, когда в Египте и Вавилоне чуть брезжил свет – по крайней мере, свет ***нашей*** истории. Судя по таким памятникам, Запад древнее Востока, или оба одинаковой древности.

II

«Мы – Земля», – говорят о себе обитатели царства Майя в Паленкской надписи (La Rochefoucauld, 103). «Майя» значит – «Мать-Земля», так же как Mama Oglo перувианская (A. Réville, Les religions de Mexique, 1885, p. 24; 304), Mama Istar вавилонская, Ма Kubeba хеттейская. Ма – общий корень всех имен одной Матери, в первом детском лепете человечества.

Может быть, царство Майя – лишь поздний цвет, на том иероглифном Древе-человеке маянских письмен – втором человечестве, выходящем из вод потопа, еще безглавом, безликом, но уже распростершем могучие ветви-руки к Востоку и Западу.

III

Случайно ли сходство древнеамериканского и вавилоно-египетского зодчества – исполинских, на плоскогорье Анагуака, в Мексике, пирамидоподобных, «божьих домов», тэокаллов (theokallis), перувианских гробниц (huacas), с од-

ной стороны, и египетских пирамид, вавилонских ступенчатых башен, зиггуратов (ziggurat), с другой? (Dévigne, 149.)

Пятиярусная башня в Тэотигуакане напоминает пирамиду, с такими же ярусами, фараона Зосера, Zôser, III династии, в Sakara (J. Capart, Art égyptien, I, pl. IX). Стройка пирамид уступами и здесь, в Египте, древнее – сплошной. Насыпь, искусственный холм, служит основанием пирамиды Мейдумской в Нижнем Египте, так же как тэокаллов Центральной Америки – этой, можно сказать, «земли пирамид»: Кортец насчитал их в одной Холуле четыреста.

В довавилонском Шумеро-Аккаде, так же как в древней Мексике, число пять – священно, раньше семи: пять богов-планет, пять небес-эонов. Вот почему шумеро-аккадские башни, зиггураты, и древнемексиканские тэокаллы пятиярусны.

IV

Главных сходств между египетским и центрально-американским пирамидным зодчеством семь: выбор места, расположение четырех сторон основания по четырем концам света, прохождение астрономического меридиана сквозь центр пирамиды, стройка уступами, посвящение солнцу, ход через «улицу мертвых», внутреннее строение. Может быть, все эти сходства случайны; но случай на случай – невероятность на невероятность, в геометрически растущей прогрессии.

V

На одном рисунке острова Ацтлана, древней родины ацтеков, коленопреклоненные люди, стоя вокруг пирамиды, молятся (Dévigne, 156). Если «Ацтлан» есть «Атлант» – гора-столп небодержца Атласа и гора Акрополя в столице Атлантиды, по описанию Платона, то может быть, в пирамидном зодчестве сохранилась память о древней родине всего человечества.

VI

Сходство в календаре: пять дополнительных дней к 360 – древнемексиканского года – то же, что ***эпагомены***, прибавочные дни года мемфисского. Звездный круг Зодиака делится на 12 животных знаков в Египте и Вавилоне, так же как в древней Мексике (Dévigne, 179).

Сходство в одежде: тот же головной плат с обрамляющими лицо двумя лопастями, те же из разноцветных бус, расположенных широкими лучами, царские ожерелья – у египетских и древнемексиканских богинь (Ména, Expos. du Louvre, № 58, Trocadero, № 20.001).

Сходство в стенных росписях: цвет мужских лиц кирпично-красный, женских – золотисто-желтый.

Сходство в великом, так же как в малом: теократия в Перу

подобна египетской. Перуванский царь, инка, есть воплощенный бог солнца, так же как фараон; койя, супруга инки, – родная сестра его или сводная, так же как супруга фараона: строго соблюдается в обоих царствах закон «божественных кровосмешений», дабы сохранить чистоту «солнечной крови» (Robertson, 376).

VII

Главная общая мысль европо-афро-азиатского Востока и американского Запада – воскресение плоти.

Самое древнее, тайное и святое имя Озириса, бога Воскресителя – Amenti, Запад. С Крайнего Запада – «Ацтлана», сказали бы Ацтеки, «Атлантиды», сказал бы Саисский жрец Платона, – пришел Озирис на Восток, в Египет. Тайна его – воскресение – тайна Запада.

> Придя на Запад солнца,
> увидев свет вечерний,
> поем Отца, Сына и Духа,

эта наша молитва – оттуда же, с Запада.

VIII

Исполинские тэокаллы Центральной Америки и пирамиды Египта – жертвенники Солнца, дающего вечную жизнь.

Маленькие пирамиды, гуаки, в Перу – обители мертвых до дня воскресения.

IX

Мумии перувианские подобны египетским: те же почти надрезы на тех же местах, для извлечения внутренностей; те же соления обеззараживающими солями, умащения душистыми смолами; то же укутывание льняными повязками (Spence, 169). В Кузко (Cuzco), столице Перу, в храме Солнца, спутники Пеззаро нашли тридцать мумий царей, Инка, сидевших вокруг золотого жертвенника, а в соседнем храме Луны – такое же число цариц.

«Книгою Мертвых» называют современные ученые ацтекский кодекс Vaticanus A, по сходству его с египетскою Книгою Мертвых.

X

В царстве Майя, так же как в Египте, внутренности мертвых тел хранятся в четырех, по четырем концам гроба, глиняных или каменных сосудах, – «канонах», как называли их греки, с крышками, изображавшими в Египте головы четырех богов-небодержцев, «атласов», на четырех концах света. Перед вложеньем в сосуды внутренности окрашивались египетскими бальзамировщиками в четыре цвета: в северный,

красный, – легкие; в южный, белый, – печень; в восточный, желтый, – желудок; в западный, черный, – кишки. В царстве Майя несколько иное соответствие, но окраска та же: белая, черная, желтая, красная (D. A. Mackenzie, «Folklore», June, 1923, ap. Spence, 165–166).

Если и это случайность, то есть ли вообще «закон вероятностей», и не вся ли история – игра случая?

XI

Племя гуанчей (Huantsch) на Канарских островах – последнем обломке разрушенного материкового моста между Америкой и Африкой, уцелевшем среднем звене порванной цепи, – так же изготовляет мумии, ***хахо***, и так же погребает их в пирамидных гробницах, как в Египте и в Перу – на обоих противоположных концах моста, крайних звеньях цепи (Dévigne, 177. – Gattefosse, 93. – Spence, 171–172).

XII

Гуанчи – островитяне, но мореходства не знают, точно раз навсегда запуганные морем, все еще помнят гибель первого мира – потоп. Так же не знают мореходства ацтеки, на другом конце моста; так же помнят гибель в воде, первой родины своей, Ацтлана (Réville, 40). «Горьким» называют Океан и дети древней Майи, – «Матери-Земли».

Все эти морские племена помнят грозное созвучие корней: tla – atl, «страдание» – «вода».

XIII

«Гуанчи», значит просто «люди». Несказанно удивились они, при первом появлении испанских и португальских путешественников XVI века: думали, что мир опустел после потопа, и никто, кроме них, от него не спасся.

Глиняные печати с ручками (pintaderas) служат им для татуировки, большею частью, геометрических узоров: это, может быть, жалкие остатки геометрии, землемерия, мудрости земной – начала астрономии, звездной мудрости Атлантовой. Точно такие же печати с ручками и с теми же геометрическими узорами найдены в раскопках Юкатана, Мексики и во многих неолитических стоянках Лигурии, Апулии, Фракии, – по всему великому Средиземноморскому, Атлантическому пути на Восток (E. Kletnoff, Journ. «Renaissance», Sept. 1928. «L'Atlantide, est elle un mythe?»).

Птичьему свисту и щебету подобен гуанчский язык, так же как языки древнемексиканские. Uitzilopochtli, Xiuhtecutli, Tezcatlipoca, Quetzalcoatl – эти имена ацтекских богов напоминают щебет и свист колибри в тропических лесах и болотах Центральной Америки.

XIV

Гуанчи – одна из ветвей афроатлантического племени, а другая ветвь – берберы – ливийцы, lebou египетских памятников, живущие на великом «пути из Фив к Столпам Геркулесовым» (Геродот) и, может быть, далее к Атлантиде. Диодор сообщает, что берберы жили в Северной Африке, у подножья Атласских гор, вокруг озера-моря Тритониса, и называет их «атлантами», давая тем понять, что здесь и была «Атлантида» (Diod., III, 53, 4; 54, 1). Это считает вероятным и кое-кто из современных географов (E. F. Berlioux, Les Atlantes, 1883). Но, по общему правилу, – где древние и новые географы находят «Атлантиду» вне Атлантики, там, вероятно, лишь Атлантская колония, – так и здесь, в Берберии. Связь ее с Атлантидой подтверждается и сообщением Диодора: узкий перешеек, отделявший некогда озеро Тритонис от Океана, прорван был землетрясением, воды озера излились в Океан, и высохшее дно сделалось песчаной пустыней – должно быть, частью нынешней Сахары (Diod., III, 55, 4. – Berlioux, 39).

Atl, на языке берберов, так же как на древнеамериканском языке Quiché-Nahuatl, значит «вода» (Gattefosse, 46). Если то землетрясение, о котором сообщает Диодор, связано с концом Атлантиды, то, может быть, и берберы, «атланты», так же как древние американцы, понимали смысл рокового со-

звучия tla – atl, «страдание» – «вода».

XV

В самом устье Гибралтара, близ нынешнего Кадикса, древнего Гадеса – Гадира (Gades – Gadeiros), получившего имя свое от противолежащей «Гадирской области», epihorion Gadeiron, – части Атлантиды, по мифу Платона (Pl., Krit., 114, b), находился незапамятно древний город Тартесс, Tartessos, италийцев и греков, Фарсис, Tarschisch, евреев, Turscha (Этруски) египтян. Кое-кто из современных историков находит и здесь «Атлантиду» Платона (Schulten, Tartessos, 1922, p. 53. – Hennig, 18–29). Но, вероятно, и Тартесс – только Атлантская колония, великая Средиземноморская столица бронзового века (Hennig, 14–15). Путь из царства Бронзы, «Атлантиды», в царство Камня, Европу-Азию, начинается, может быть, здесь, в Тартессе; здесь же для нас начинается История, потому, что весь исторический смысл того, что мы называем «Атлантидою», не что иное, как переход от Камня к Бронзе.

XVI

«Есть у них (Тартессян) книги, законы и поэмы шеститысячелетней будто бы древности», – сообщает Страбон (Strabo, III, 139). Три к шести – небольшая прибавка для та-

кого счета времен: помня то, что было за 6000 лет, можно помнить и то, что было за 9000 – конец Атлантиды.

Может быть, и пророк Исаия, возвещая Фарису, Тартессу, будущее, помнит бывшее: «Плачьте, корабли Фарсиса, ибо он разрушен! – День Господа Саваофа грядет на все гордое и высокомерное (вспомним „гордыню“, hybris, Атлантов в мифе Платона), на все высокие горы… и на всякую высокую башню… и на всякую крепкую стену, и на все корабли фарсисские», – как некогда на атлантские (Ис. 23, 1; 2, 12, 14–16).

XVII

«Был у царя (Соломона) Фарсисский корабль с кораблем Хирамовым на море… В три года раз привозил он золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов», – или «эфиопов», по толкованию Иосифа Флавия (III Цар., 10, 22).

Мы знаем, откуда шло фарсисское золото, – с берегов Гвинеи, нынешней земли иорубов и иабаданов, древнего царства Уфа (Ufa) (Leo Frobenius, Atlantis, B. X. Die Atlantische Götterlehre, 1926, p. XVII–XVIII).

Первые путешественники, испанцы и португальцы XV–XVI веков, нашли здесь, на Золотом берегу Гвинеи, почти такие же чудеса древней культуры, как в Перу и в Мексике, неизвестно когда и откуда занесенные в эти непроходимые тропические леса и болота, страну дикарей-людоедов. Все

это потом исчезло бесследно, как марево, от одного прикосновения «белых дикарей», с их водкой, кнутом и евангелием; только смутная память о том сохранилась в путевых записях первых путешественников.

Что же было здесь в царстве Уфа? «Атлантида», полагает новейший исследователь этих мест, немецкий ученый Лео Фробениус (Frobenius, VII). Но кажется, и здесь, как в Тартессе и Тритонисе, было только поселение атлантов.

Если так, то понятно, почему грузились уфийским золотом тартесские – те же «атлантские» – корабли, для трехлетнего плавания из царства Уфа в царство Хирама, и почему не только сам царь Соломон во славе своей, но и ангелы Господни одеваются «атлантским» золотом, в видении пророка Даниила: «Вот один муж, облеченный в льняную одежду, и чресла его опоясаны Уфийским золотом» (Dan., 9, 5–6).

«Золото» на языке гвинейских негров – sika, на еврейском – schekel, на вавилонском – sickel, на мидийском – siglos (Frobenius, XVIII). Словом этим, как фосфорной спичкой на темной стене, оставлен в веках и народах золотой след Атлантиды.

XVIII

Нынешние негры внутреннего Конго вырезывают в татуировке на лбу концентрические кольца-кружки; тот же знак на финикийских, от первого тысячелетия до Р. Х., глиня-

ных масках негров – может быть, тех самых «эфиопов», которых привозили царю Соломону корабли Хирама, вместе с уфийским – атлантским золотом (Frobenius, XVII); тот же знак – в иероглифе ацтекских рисунков – концентрических кольцах валов и рвов, окружающих гору Ацтлан, подобно горе Акрополя в столице атлантов, по мифу Платона (Spence, pl. XIV, p. 197–198. – Pl., Krit, 113, d); тот же знак – в круговом расположении камней в мегалитических постройках обеих гемисфер; тот же знак – в тайной мудрости, открываемой бен-Элогимами, сынами Божьими, дочерям человеческим, в Книге Еноха, – в круговороте небесных светил; тот же знак и в водовороте, поглотившем остров Атлантиду.

«Мы – атланты», – как бы говорят все носящие на лбу этот знак.

XIX

Главный бог в нынешней Гвинее, древней Уфе, – бог моря Олокун (Olokun). Здесь, в земле иорубов и иабаданов, в священном городе Ифэ, Ife, близ устья Нигера, найдена литая из бронзы голова Олокуна, чудесной работы, первого тысячелетия до Р. Х., все тех же дней Соломоновых (Frobenius, 3). В царской диадеме – простом между двумя рядами жемчужин, обруче, с небесною или морскою звездою и возносящимся над нею фаллическим столбиком, – широкоскулый, широконосый, толстогубый, настоящий негр, обугленный солнцем

Африки, обвеянный свежестью Атлантики, – чернокожий Посейдон, двойник того краснокожего, древнемексиканского Тлалока. Молится ему и на том, и на этом берегу Океана вся тварь – моллюски, кораллы, вересковые, бабочки, и земляные черви, и люди: «Все мы – дети воды. О, Тлалок – Олокун, Водяной, помилуй нас, не погуби!»

XX

Гванчи, Уфа, Тритонис, Тартесс – этими четырьмя точками в истории обозначен исполинский излом – вулканическая трещина между Атлантидой и Европой-Африкой. Но в мифе-мистерии трещина спаяна, восстановлен рухнувший мост – над черною бездною потопа радуга.

Тот конец моста, западный, сохранился дольше этого, восточного: кто-то успел перейти, прежде чем мост рухнул, с того конца – Антильского архипелага, – на твердую землю, Юкатан, царство Майя, и Анагуак, царство Тольтеков. Вот почему в древней Америке больше, чем в Европе, пахнет Атлантидою. Чем она была и отчего погибла, можно судить по Америке.

XXI

Белые, дневные люди – в Европе, черные, ночные, – в Африке, желтые, утренние, – в Азии, а в Америке – все еще

красные, вечерние, озаряемые солнцем вечного Вечера – Запада.

XXII

К югу от озера Титикака, на границе Перу и Боливии, на высоте 4000 метров над уровнем моря, окруженное цепью Кордильер, высочайших гор, но кажущихся с этой высоты небольшими холмами, лежит плоскогорье Тиагуанак, Tiahuanak —Умирающий Свет, – страшная, как бы неземная, на потухшей планете, пустыня (Meyendorff, 105).

Поле циклопических развалин – большей частью даже не стоящих, а лежащих, разбросанных камней, – вот все, что осталось от бывшего здесь исполинского города. Кто, когда и зачем строил его в этой пустыне, на высоте почти недоступной и необитаемой, где воздух так разрежен, что трудно дышать, – этого не помнят не только инки, считающие Тиагуанак своею колыбелью, но и племена древнейшие. Смутно лишь брезжит память о том, что люди пришли сюда из той же Страны Озер, Ahahuac, в Мексике, откуда вышли и тольтеки, и майя (Meyendorff, 102). Если так, то корень обеих Америк, Южной и Центральной, – один: великое переселение народов с Востока, из-за Океана. Тиагуанак, «Свет умирающий» Запада, есть, может быть, «свет с Востока» – Ацтлан – Атлантида.

XXIII

Кто здесь жил и строил, мы не знаем, но знаем, как, – по Вратам Солнца: только четыре камня, но такой величины, что, кажется, ничего подобного нет ни в Египте, ни в Вавилоне, да и нигде на земле.

В Кузко, столице Перу, есть исполинская глыба, в 50000 пудов, так называемый «Усталый Камень», Piedra Causada. 20000 человек подымали ее, подняли, но, чуть-чуть наклонившись и соскользнув с рычагов, она раздавила 300 человек, упала, угрузла в землю так, что уже никакая человеческая сила не могла ее сдвинуть, и лежит века – отдыхает, «усталая». Но те четыре глыбы во Вратах Солнца больше этой. Грани их обтесаны с такой математической точностью и спаяны без всяких скреп и цемента, одной своей тяжестью, так, что ни тысячелетия, ни землетрясения не сдвинули их ни на волос и, кажется, до конца мира не сдвинут.

Камни эти – величайшая победа человека над веществом. Человека ли? Кажется, поднять их могли только небодержцы атласы. «Мысль о титаническом племени ***знающих*** и проклятых за то, что хотели ***слишком много знать***, внушают эти глыбы» (Meyendorff, 108).

XXIV

Инки сообщили испанцам сказание о тех колоссах из трахита, базальта и порфира, чьи обломки лежат, разбросанные по Тиагуанакскому полю. В древние, древние дни, когда еще и солнца не было, а была только луна, да звезды, жили в Тиагуанаке исполины, зодчие здешних дворцов и храмов. К ним пришел однажды пророк и возвестил им грядущее солнце. Но не захотели солнца дети Ночи и побили камнями пророка. Солнце все-таки взошло, поражая лучами-молниями безбожное племя, пока все оно не погибло. Тиагуанакские колоссы – окаменелые трупы этих лунных титанов – «нефелимов», сказал бы Енох, «атлантов», сказал бы Платон.

XXV

В камни превращено племя лунных титанов, по одному сказанию, за убийство пророка солнца, а по другому – за осквернение земли кровью человеческих жертв, приносимых еще до рождения солнца, свирепой богине Ущербной Луны, Ka-Ata-Killa (Meyendorff, 103–104).

Если в Тиагуанаке сохранилась, действительно, память о глубочайшей древности Ацтлана – Атласа, то, может быть, туда и уходит корнями своими религия человеческих жертв.

10. Отчего погибла Атлантида?

I

Жертвенна всякая любовь, и чем сильнее, тем жертвенней. Бог – предел человеческой любви и жертвы; Богу жертвуют люди тем, что им всего дороже, – собою ***или*** другим человеком. В этом «или» – скользкая грань между божеским и демоническим в религии. Бог как будто искушает человека страшным выбором «пожертвуй собой или другим», а на самом деле, человек сам себя искушает, испытывает – познает себя в Боге.

В этом смысле, человеческая жертва заложена в существе не только всех религий, но и самой Религии.

II

«Бог искушал Авраама и сказал ему: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь… и принеси его во всесожжение… Авраам пошел… устроил жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего, Исаака, положил его на жертвенник. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего… Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: …не подымай руки своей на отро-

ка… ибо теперь Я знаю, что ты не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня… И возвел Авраам очи свои… и вот, позади его, овен, запутавшийся в чаще рогами своими» (Быт. 22, 1–13).

Если бы Авраам не любил сына своего, как себя – больше себя, то принес бы жертву не Богу, а дьяволу. Это значит: глубине жертвенного в религии соответствует возможная глубина демонического. Кажется, нигде в мире не достигало оно таких глубин, как в древней Америке, и, если с ее началом связан конец Атлантиды, то на вопрос, чем она была и отчего погибла, могут ответить только эти глубины, как «звуковому лоту» отвечают бездны Атлантики.

III

Ужасом дышат детски-неумелые и простодушные рисунки испанских монахов с изображением человеческих жертв, – чем простодушнее, тем ужаснее (Codex Vaticanus, de los Rios; Codex Magliabechino, Bibl. Nat. Fiorent.; Codex Fejervary – Mayer, Liverpool).

Ночью, при свете факелов, жрец, закутанный с головой в черную одежду, вроде монашеской рясы, возводит обреченную жертву по лестнице тэокалла, пирамидного храма, на вершину его с часовенькой бога Солнца Вицилопохтли (Huitzilopochtli), укладывает, связанную по рукам и ногам, на вогнутый жертвенный камень-монолит, так что ноги све-

шиваются с одной стороны, а голова и руки – с другой, вспарывает грудь кремневым ножом – камень древнее, святее железа, – вынимает из нее еще живое, трепещущее сердце, показывает его Ночному Солнцу – незримому, всезрящему, – сжигает на жертвенном огне, мажет кровью губы свирепого бога и окропляет ею стены храма (Robertson, 362. – Réville, 57).

80000 человеческих жертв пало при освящении одного великого пирамидного храма в городе Мексике, а среднее число жертв в обыкновенные годы достигало 50000. Шествия жертв тянулись иногда на несколько верст, заклания продолжались несколько дней. Целые пирамиды воздвигались из черепов (Réville, 121–122). «Меньше смердят наши кастильские бойни, чем эти храмы со стенами, покрытыми запекшейся кровью, и полами, залитыми – жидкою», – вспоминает испанский путешественник, Берналь Диац (Réville, 57).

Это неистовство жертв таково, что кажется, весь народ сошел с ума и поверил – понял, как дважды два четыре, что Бог есть дьявол.

IV

Один из знаков Маянских письмен изображает связанного, голого человека, сидящего на корточках, высоко поднявшего колени и опустившего на них голову: это жертва; а рядом – исполинская голова кондора-стервятника – Смерть

(Spence, pl. VIII; p. 1341). Вглядываясь в этот знак, вдруг начинаешь понимать, что он изображает не одного человека, а все человечество.

V

Люди сошли с ума? Нет, знают, что делают. Все величье Ацтекской империи зиждется на человеческих жертвах. Войны ведутся для того, чтобы захватить как можно больше пленников-жертв; чем их больше, тем вернее победа. Войны для жертв, жертвы для войн: одно на другое, как масло на огонь, и огонь разгорается – растет величье империи в вечной войне – религии дьявола.

VI

Кровью утолит кровожадного бога – внешняя мысль, мифология жертвы, а тайная мысль, мистерия: приобщиться богу в жертве. Люди вкушают плоть, пьют кровь человеческих жертв, потому что жертва – сам бог: «боговкушение», teoqualo, так и называется эта мистерия.

Около зимнего солнцестояния лепят из маисового теста, смешанного с кровью закланных жертв-детей, изваяньице бога Солнца, Вицилопохтли, ставят его на высокое место и, после многих молитв и заклинаний, жрецы, пуская стрелы из лука, пронзают сердце бога: зимнее солнце умирает, что-

бы воскреснуть в весеннем. Изваяньице дробится на части, и от него вкушают посвященные (Réville, 65).

VII

Богу Тлалоку, Посейдону краснокожему, приносятся человеческие жертвы на одном конце рухнувшего моста, в Америке, а на другом – в Африке – богу Олокуну, Посейдону краснокожему (Frobenius, p. VII).

«Пили кровь», – говорит Платон об атлантах; «Пили кровь», – говорит Енох о нефелимах. Эта кровь и соединяет обе гемисферы – Восток и Запад.

VIII

Знаменье бога водяного, Тлалока, огненного – Ксиухтеукли, солнечного – Вицилопохтли, и многих других богов – крест. Столько крестов на древних памятниках Перу и Мексики, что испанцы не могли надивиться, и сначала радовались, думали, что апостол Фома, благовестник Индии Восточной, перелетев через Океан, в Западную, принес и туда Крест Господень (Dévigne, 191. – Réville, 229. – Donelly, 226, 248). Радовались, пока не вгляделись, как следует. «Дьявол крадет у нас все, что плохо лежит!» – поняли, наконец, – ужаснулись этим христианским подобьям, как бы опрокинутым в дьявольском зеркале.

IX

Крест на стенном изваянии Паленкского храма, в древнем царстве Майя, – совершенное подобье христианского креста, – возвышается на голове рогатого чудовища, напоминающего бога Быка – Минотавра; бог Птица, тоже чудовище с тетеревиным хвостом, с когтями кондора и головою тапира, сидит на кресте; слева, женщина в бранных доспехах, как бы Амазонка, – царица Майанская, жжет куренья в кадильнице; справа, жрец-колосс, толстогубый, крючконосый, в поварском колпаке и таком же переднике, держит на ладони спеленутого младенца с гнусно старческой рожицей, точно у новорожденного бесенка, и подносит его богу, как человеческую жертву; острые, звериные зубки скалит младенчик, как будто смеется, показывая богу язык (La Rochefoucauld, 23–24).

Что это, просто горячечный бред или какая-то «черная магия», древняя тайна древней ночи, – может быть, та, за которую дети ее, лунные титаны, поражены были лучами-молниями солнца?

X

«Так надругаться над Крестом Господним мог только дьявол», – думали, должно быть, глядя на подобные кресты, бла-

гочестивые испанцы, спутники Фернанда Кортеца.

XI

С нашим христианским крестом ничего не имеет общего древнемексиканский крест – упрощенный знак пятилучной звезды-солнца, или магический знак для вызывания дождя: дождь, приносимый четырьмя, с четырех концов неба, ветрами, заклинается четырьмя концами креста, – успокаивают нас ученые, но не успокоят (Robertson, 368. – Réville, 91).

XII

Страшен Паленкский крест, а тласкаланский, посвященный Богу Тлалоку, еще страшнее. Племя тласкаланов (Tlaskalan), на празднествах бога Тлалока, пригвождало человека к древесному столбу в виде креста и медленно убивало его стрелами или заколачивало до смерти палками. «Древом Жизни» назывался этот крест (Robertson, 368).

Нет, не успокоят нас ученые: мы видим, что видим, в дьявольском зеркале.

XIII

Судя по рисункам кодекса Fejervary-Mayer в Ливерпульской библиотеке, при истязании человеческих жертв в Ац-

тексских таинствах, так же как в «черных обеднях» и шабашах средних веков, лютое сладострастие соединялось с лютою жестокостью: в этом соединении, кажется, все существо сатанинской религии.

XIV

Гады завелись в тропических лесах и болотах Мексики, пауки сладострастно-жестокие, утонченнейшей «культуры демонов» одичалые наследники, – может быть, великих атлантов жалкие выродки, – ацтеки. Ужас, наводимый ими на добрых католиков, спутников Кортеца, слишком понятен. Вырезать железом, выжечь огнем эту язву решили они и, что могли, сделали: с помощью Святейшей Инквизиции истребили двенадцать миллионов туземцев. Язвы, однако, не выжгли, а заразились ею сами: привезли из Нового Света в Старый половую заразу, сифилис, страшный бич Божий.

XV

Два пути гибели – один, в Мексике, другой, в Перу. Здесь человеческие жертвы почти уничтожены, – почти, но не совсем: к древней колыбели Перу, Тиагуанаке, родине человеческих жертв, тянется тонкая ниточка крови, – такая тонкая, что можно сказать, этого безумья здесь, в Перу, уже нет, но есть зато другое.

Только один человек существует в Перу действительно – царь Инка – земное Солнце; все остальные люди лишь тени его, призраки; он один ***есть***, все остальные ***кажутся;*** бытие одного – небытие всех.

Царь-Солнце учит людей равенству: равным и общим должно быть все для всех, как солнечный свет и тепло. Тот же «коммунизм» в Перу, как в допотопных Афинах и, может быть, в «Атлантиде» Платона: «собственности не было ни у кого; все же, что имели, почитали общим». Собственность в Перу хотя и была, но мнимая, как все: «мое не мое – царское, божье, общее». Это коммунизм глубочайший – не внешний, а внутренний, духовный.

Все, что нужно, есть у каждого, и ничего лишнего: ни богатых, ни бедных, ни голодных, ни пресыщенных. Труд и отдых, пища и одежда, брак и девственность, жизнь и смерть – все установлено царским – божьим уставом, для всех одинаковым. Шагу ступить, пальцем пошевелить нельзя по своей воле. Тысячники, сотники, десятники – те же Платоновы «стражи», phylakes, Еноховы «бдящие», egrêgoroi, – все стерегут, бдят надо всем. «Тысячи мудрых, скорбных, и миллионы счастливых младенцев», как в земном раю Великого Инквизитора.

XVI

То, что мы называем просто ***«культурою»***, о «культуре

демонов» не думая, уже цветет в Перу, когда еще Европа не вышла из варварства: слава военных побед и мирных трудов, чудеса искусств и наук, циклопическое зодчество, сети оросительных каналов, акведуки на сотни, дороги на тысячи верст, мощенные порфирными плитами, залитые цементом или горною смолою, гладкие как зеркало, бегущие через пустыни, горы и пропасти, с висячими мостами и туннелями, с первою в истории почтою; мудрые законы, правые суды, порядок, обилье счастья – золотой век, рай на земле.

Вечною кажется Империя Солнца. Но вот, триста – четыреста человек пьяной и распутной сволочи, конквистадоров Франческо Пизарро, завоевало ее, – взяло, можно сказать, голыми руками эту великую Империю, как дети берут в поле птичье гнездо. Как могло это быть? Могло, потому что все величие Перу было только снаружи, а внутри – пустота, тлен и прах; прахом все и рассыпалось, как великолепно-раззолоченная, но истлевшая мумия, от одного прикосновения свежего воздуха.

Чтобы уравнять людей в рабстве окончательно, надо вынуть из них душу: душу вынули из Перу, и остался труп. В царстве был только один человек – царь; царь исчез – исчезло все.

XVII

Два пути гибели – гибель одна. В Мексике, тела челове-

ческие, в Перу, души поглощает бог; там кровавая жертва многих, здесь бескровная – всех.

Но с путями гибели указан и путь спасения, с ядом дано противоядие, свет зажжен во тьме.

11. Крест в Атлантиде

I

Бог Кветцалькоатль, тот самый, что изображается на древнемексиканских рисунках небодержцем Атласом, родился человеком, смертным от смертной, чтобы спасти людей. Бог – человек; воистину, бог, и человек, воистину: таков главный догмат новой или древней, вечной, только забытой, религии.

В Агуанак, Страну Озер, на Мексиканском плоскогорье Нижних Кордильер, – колыбель всех древних американских племен – людей Умирающего Света, приходит Кветцалькоатль из страны Света Воскресающего, Тлапаллана (Tlapallan), где-то на востоке, за Океаном, может быть, на материке, лежащем между двумя Светами – Новым и Старым.

Вождь, пророк и законодатель тольтекского племени, в священном городе Tulla, он учит людей всем наукам, искусствам и промыслам, как титан Прометей и бог-рыба, Оаннес, выходящий тоже из Океана. Люди любят его, потому что он любит их сам. Itzamna – имя его в царстве Майя. «Итцамна – Звезда Утренняя, Роса Небесная. Он всех нас любил: лейтесь же слезы, как дождь, из очей при имени его святом!» – сказано в Паленкской надписи (La Rochefoucauld, 71; 49).

Как любят его, видно по тому, как помнят: помнят, что

он похож был на пришельца из чужой земли, бел лицом среди краснокожих, бородат, среди безбородых; помнят белую одежду его и даже тонкий узор на ней – «красные по белому полю крестики», и высокую, как бы царскую, тиару на голове, и грубую, как у бедного странника, обувь; помнят голос его, то тихий, как щебетанье колибри, то грозный, как шум океана, и глаза, такие светлые, что в них страшно было смотреть.

Сердцем был чист, как дитя; женщин не знал, сам похож на женщину – девушку, несмотря на длинную, как у Атласа, бороду; подобно Дионису, Адонису, Таммузу, Аттису, Митре, – всем страдающим богам мистерий, соединял в себе две природы, мужскую и женскую (Donelly, 144).

II

«Нагого одень, голодного накорми; помни, плоть их подобна твоей, люди и они такие же, как ты; слабого люби, потому что и он – образ Божий», – учит Кветцалькоатль (Robertson, 367).

«Слабого да не обидит сильный», – как будто отвечает пророку тольтекскому вавилонский царь Гаммураби, законодатель, живший за тысячу лет до Моисея (Grossmann, Altorientalische Texte, und Bilder, I, 168). – «Тому, кто сделал зло тебе, плати добром», – отвечает и шумерийская, может быть, еще древнейшая, клинопись, как бы нагорная пропо-

ведь до Авраама: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь» (O. Weber, Die Littératur der Babylonier und Assyrier, p. 97). Вот, кажется, из всех паутинок-радуг, соединяющих Восток и Запад, – самая чудесная.

III

Богу любви учил Кветцалькоатль приносить не кровавые жертвы, животные и человеческие, а фимиам, цветы и плоды, молитвы и чистое сердце (Donelly, 144. – Robertson, 371).

> Диким людям Орфей, святой богов прорицатель,
> Ужас внушил к убийствам и мерзостной пище.
> Silvestros homines sacer interpresque deorum,
> Caedibus et victo foedo deterruit Orpheus,
>
> *(Horat., Ars poet., v. 391)*

это можно бы сказать и о тольтекском пророке.

«Если же хочешь принести Богу человеческую жертву, будь ею сам, себя самого принеси в жертву, а не другого, плоть и кровь свою, а не чужую», – учит Кветцалькоатль (Réville, 74). Кажется, и нож Авраама, занесенный над Исааком, не святее этого.

IV

Вечный мир, конец всех войн, возвещал людям пророк.

«Когда же говорили ему о войне, он затыкал уши» (Donelly, 144. – Robertson, 371). Люди и это запомнили и хорошо сделали: сто́ят человеческой памяти больше многого, что сохранилось в ней, эти заткнутые уши Кветцалькоатля Мирного. «Он всех нас любил; лейтесь же, слезы, как дождь, из очей при имени его святом!»

V

В древнем городе Тулла наступил золотой век, земной рай, не мнимый, как в Перу, а настоящий, потому что иного рая на земле и не будет, кроме этого, – вечного мира.

Но счастье длилось недолго. Бог войны Вицилопохтль, видя, что царству его приходит конец, сошел на землю, чтобы сразиться с Кветцалькоатлем.

В ярмарочный день собралась на площади толпа. В середине ее старичок, неизвестно откуда взявшийся, держа на ладони восковую куколку в виде скомороха-плясуна, забормотал себе что-то под нос, и куколка начала плясать, как живая, – может быть просто заводилась машинкою. Что тогда произошло в толпе, никто хорошенько не помнит: люди точно вдруг осатанели от чуда, ринулись вперед, чтобы лучше видеть его, напирая, давя и топча друг друга так, что, когда представление кончилось, вся площадь залита была кровью и усеяна телами убитых, как поле сражения. Надо бы убить старичка, – и убивали, но он все оживал. Поняли, наконец,

что это колдун, посланец бога Вицилопохтля, а может быть, и он сам, и покорились. А колдун продолжал морочить людей черной магией или механикой, убеждая их, в чем легко убедить, – что широкий путь лучше узкого: жертвовать надо не собой, а другим, платить за зло не добром, а злом, не щадить, а убивать врага на войне, – так Бог велел, а кто против Бога, тот с дьяволом, как этот обманщик, Кветцалькоатль, морочащий их дьявольским мороком; если они его не прогонят, то он погубит их всех. И люди колдуну поверили больше, чем пророку, так же естественно, как вода течет вниз, а заводная куколка движется. Кветцалькоатля не изгнали, не убили, а только забыли, ушли от него. И он ушел от них туда, откуда пришел, – в Тлапаллан, страну Восходящего Солнца за Океаном (Réville, 73–80. – Robertson, 370. – Spence, 106. – Donelly, 144).

Бога мира победил бог войны, и все пошло по-старому – вечному: снова началась война, полилась кровь человеческих жертв, и будет литься, пока Ушедший не вернется. Люди сначала забыли его, но потом вспомнили, что он сказал, уходя: «Я к вам вернусь». И ждали его, верили, что он снова придет. Вот почему, когда увидели белых, бородатых людей, Колумбовых спутников, то подумали, что это от него, Ушедшего, вестники – существа «богоподобные», teul (Réville, 46), – «люди-боги», andres theioi, сказал бы Платон, «сыны Божии», ben elohim, сказал бы Енох.

Когда же христианская сволочь Фернандо Кортеца начала

их грабить, убивать и жечь на кострах Святейшей Инквизиции, то поняли, с кем имеют дело, и, может быть, ужаснулись христианскому кресту не менее, чем христиане ужасались их крестам, языческим.

VI

Атлианством можно бы назвать религию Кветцалькоатля-Атласа, по древнему корню этих двух имен: atl – может быть, всей Атлантиды, корню.

Что «атлианство» здесь, на древнем Западе, то «христианство до Христа» в языческих мистериях страдающего бога-человека, на древнем Востоке. Тайна Востока и Запада – Крест. Может ли быть Крест до Голгофы? Для маловерных тут «соблазн креста», тот самый, о котором говорит Павел: «Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Эллинов безумие» (I Кор. 1, 23). О, конечно, для некрещеных или от креста отступивших, крест и на Голгофе так же мало значит, как на Юкатане: там – позорное орудие римской пытки, здесь – магический знак дождя или солнца. Но знающие знают: Словом на кресте распятым, сотворена вся тварь, – как же ей не быть запечатленной Крестом? Вот почему в двух мирах – погибшем и спасаемом, в Атлантиде и в Истории – один и тот же Крест.

VII

Ангелы Апокалипсиса говорят голосами громов небесных, а Кветцалькоатль Тишайший заимствует голос подземных громов у «Ревущей Горы», Tzatzi-tepetl, – вулкана в извержении (Réville, 74). Что это значит? Остров Ацтлан погиб от воды и огня – вулканических сил. Чтобы спасти людей от второй Атлантиды, Кветцалькоатль напоминает им первую, ее же громами: «Если не покаетесь, все так же погибнете».

Может быть, и страна Восходящего Солнца, Тлапаллан, материк или остров за Океаном, куда уходит и откуда снова придет страдающий бог-человек, Кветцалькоатль-Атлас, есть не что иное, как Ацтлан – Атлантида.

Это и значит: чем была и отчего погибла Атлантида первая, мы можем судить по второй, – Атлантиде-Америке.

VIII

Что произошло в Стране Озер, Анагуак, незапамятно-древней колыбели всех американских племен, – какой геологический переворот, извержение одного или многих вулканов, Ревущих Гор, – малая Атлантида, повторение большой, – мы не знаем, но знаем, что единственно общая всем древнеамериканским племенам, мистерия-миф о страдающем боге Кветцалькоатле связывает этот геологический

переворот с переворотом духовным – с какой-то победой одной религии-магии над другой, «черной» – над «белою».

Так же точно связывает их вавилонское сказанье о потопе – клинопись III тысячелетия, кажется, повторяющая подлинник неизмеримо большей древности, V–VI тысячелетия (Spence, 214–215); связывает их и Бытие Моисеево, и Апокалипсис Еноха, и египетский миф у Платона. Азия, Африка, Европа, Америка говорят о погибшем человечестве одно и то же: гибель его была не только физической, но и духовной.

IX

Чтобы не выпасть из мифа-истории в голый миф, как это часто бывает, когда речь идет об Атлантиде, надо говорить о ней очень условно, не уставая повторять «если».

Если в конце Ледникового периода, в Атлантическом океане, существовал какой-то огромный остров-материк, и ***если*** он погиб от одного внезапного или многих постепенных, геологических переворотов, как это подтверждается памятью земли и всей земной твари, то, вероятно, физическая гибель эта была не случайной, бессмысленной, а предрешенной чем-то в самих гибнущих, – казнью за что-то.

X

Что погубило Атлантиду? Это мы могли бы понять, если бы поняли, что столь напугавшее Колумбовых спутников множество древнемексиканских крестов связано религиозно-действительною, нерасторжимою связью с нашим христианским Крестом.

Явлен был Крест, орудие спасения, но люди сделали его орудием гибели; свет был показан во тьме, но люди возлюбили тьму больше света; противоядие было дано, но люди выбрали яд.

Участь бен-Элогимов постигла и атлантов: «Вы были на небе, но вам еще не были открыты все тайны небес; только тщетную тайну познали вы… и умножили ею зло на земле», – крайнее зло, неземное, какого еще не было в нашем втором человечестве и не будет до конца мира.

Явлен Крест и поруган. «Так надругаться над Крестом Господним мог только дьявол», в этом простодушном ужасе Колумбовых спутников что-то верно угадано.

Как бы весь мир сошел с ума, но не похож в безумье на того бесноватого, который бьется с пеною у рта, у ног Господних, и может быть исцелен; нет, холодно, спокойно, бесстрастно, как бы разумно, безумствует мир; людям кажется на самом краю гибели, что они достигли вершины мудрости, знания, силы, величья, красоты; «всепрекрасными», «всеб-

лаженными», – «людьми-богами», по слову Платона, считают себя эти несчастные. Богом считает себя каждый из них и готов принести в жертву себе одному всех.

Эта великая «культура демонов» блудница сладострастно-кровавая под знаменьем Креста, – как бы «черная обедня», сатанинский шабаш, справляемый не кучкой людей во мраке ночи, а целым народом или даже всеми народами – всем человечеством.

Чтобы скрыть этот ужас и мерзость от лица Божьего, нужны были все воды Атлантики.

XI

Что погубило Атлантиду? Можно бы ответить на этот вопрос одним словом, самым для нас понятным и близким, вчерашним и, может быть, завтрашним. Стоит только поднять глаза, чтобы на грозно-черном и все чернеющем, грознеющем небе нашей, второй Атлантиды – Европы прочесть это слово, написанное огненными буквами: ***Война***.

XII

«Мир или война?» – решают десять царей Атлантиды, бога-жертву заклав, божьей крови испив, сидя на стынущем пепле жертвы, в Посейдоновом святилище, где все огни потушены, и только рдяный отблеск от углей на жертвенни-

ке да звездный свет мерцают на орихалковом столбе Закона. «Мир или война?» – решают они судьбы двух человечеств, своего и нашего. Решили: «Война». Но, если был среди безумных мудрый, он знал, сидя на стынущем пепле жертвы, что вся Атлантида будет пеплом и жертвой.

XIII

«В мире конца не будет войн», – по Сибиллину пророчеству, и по древневавилонскому: «Все будут убивать друг друга».

В мире жить, «никогда не подымать друг на друга оружья» – главный закон, самим Богом начертанный не только на орихалковом столбе Закона, но и в сердцах человеческих, люди нарушили: вечный мир кончили, начали вечную войну, – вот преступленье атлантов.

XIV

«Пили кровь», – говорит Платон об атлантах; «Пили кровь», – говорит Енох о нефелимах. Божью кровь пили, божью плоть ели, а потом, истребляя, пожирая друг друга, будут есть свою собственную плоть, пить свою собственную кровь. Белая магия сделается черною, солнце померкнет, ось мира поколеблется, небо упадет на землю, и «конец земле, конец всему».

«Я разрушу, что создал; потоплю землю, и земля снова будет водою», – этот приговор египетского бога Атума, может быть, написан был в Саисском святилище, рядом с мифом-историей о конце Атлантиды.

XV

«Старые, глупые сказки! Какое нам дело до них – до всех Содомов и Гоморр, погибших великих культур – малых Атлантид? Разве мы такие?» – говорит об этих язычниках наша «христианская», об этих грешниках наша «святая» Европа.

«Буду чуть слышным шепотом жизни я, жизнь всемогущая, – говорит царица Майя в Паленкской надписи. – Поздних веков пришелец, хочешь ли узнать, кто мы? Спроси о том зарю, спроси леса, бурю спроси, спроси Океан, спроси любовь; узнаешь: мы – Земля» (La Rochefoucauld, 28; 49). Земля, до неба вознесенная, до ада низвергнутая. Будем же помнить: прежде чем сделаться адом, земля была или казалась раем. Сколько тысячелетий, прежде чем начать войну, Атлантида хранила мир, сколько золотых веков озаряло солнце мира! Люди пали так низко, потому что были на такой высоте. Так ли мы уверены, что наша высота бóльшая и что нам с нее труднее упасть?

Будем помнить, что наш христианский Крест, может быть, более поруган, чем те, древнемексиканские, и что Святейшая Инквизиция тут же, в Мексике, принесшая столько че-

ловеческих жертв под знаменьем Креста Господня, – из этих поруганий не наибольшее.

XVI

Чем была религия атлантов, нам так же трудно судить по «атлианским» обломкам ее, как, не зная Евангелия, трудно судить о христианстве по рассказам недокрещенных дикарей-людоедов.

Бога своего назвать не умеют по-человечески, – как птицы щебечут «Кветцалькоатль», но помнят то, что мы уже почти забыли: Бог есть мир; для того и родился Бог человеком, чтобы возвестить мир людям, в темных сердцах человеческих взойти Звездою Утреннею, пасть на них Росою Небесною.

Помнят, что Бог есть Дух: самое святое, тайное имя Кветцалькоатля – ***Ehekatl*** – Ветер, Дыхание, Дух; помнят, что второе пришествие его будет царством Духа (Réville, 83).

Помнят, что природа человека божественна: «Боги испугались, что создали человека слишком совершенным, и наложили на дух его облако – лицо», – смертное лицо Адама (Donelly, 169).

Помнят, что Кветцалькоатль родился человеком воистину, смертным от смертной, но был уже до создания мира: «Вначале было только море, – ни человека, ни зверя, ни птицы, ни злака, и Пернатый Змей, Жизнедавец, полз по воде, как рдяный свет» (Donelly, 165). – «Дух Божий носился над

водою», – реял голубем: так в Бытии Моисеевом, а в древнетольтекском, – образ Кветцалькоатля – «Змей Пернатый» с лицом человека – «Птица-Змей», ***Kukuklan*** (Réville, 240). Это значит: в боге-человеке – два естества, – земное и небесное: птица в небе, змей в земле; мудр, как змей, прост, как голубь. Кветцалькоатль – свившийся в кольца, спящий Змей, каким он изображается в бесчисленных изваяниях: спит, но проснется; ушел, но придет (Réville, 72).

Змей для нас дьявол. Что же значит: «Как Моисей вознес змея в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому»? (Ио. 3, 14.) Мы и это забыли, а они помнят: в древнетольтекском рисунке райское Дерево Жизни, Tamoachan, с надломленным посередине стволом, источающим кровь, обвивает кольцами Змей с лицом Мужеженщины, arsênothêlys, как определяют Гностики-Офиты существо «второго Адама», «Сына Человеческого» (Dévigne, 192. – Donelly, 165).

XVII

«Медного Змея» на кресте как будто предчувствуют теотигуанакские ваятели, сплетая кольца базальтовых змей в подобие крестов (Ména, Les art anciens de l'Amérique. Expos. du Louvre. 1928 passim.).

Надо было сделать выбор между двумя Змеями – губящим, на Древе Познания, и спасающим, на Древе Жизни; выбора сделать не сумели атланты и погибли. Сумеем ли

мы? Наше бывшее христианство – уже почти «атлианство» – умирающий свет Атлантиды. Это очень страшно – страшно, как то «зерцало гаданий», о котором говорит апостол Павел. Чье лицо в зеркале? Вглядываемся и узнаем себя – Атлантиду-Европу.

XVIII

Жуткое чувство ***воспоминанья-узнаванья***, бесконечно-далекого – близкого:

> Все это уж было когда-то,
> Но только не помню, когда…

египетский nem-masu, «повторение бывшего», орфический apokatastasis, «восстановление бывшего», – смутное, как бы сонное, и, вместе с тем, очень ясное, трансцендентно-физическое чувство «дурной бесконечности» овладевает нами, по мере того, как мы узнаем – вспоминаем Атлантиду.

> Все это уж было когда-то…

Был и Он? Нет, Сын Человеческий был только раз на земле, а это лишь тень Его, простершаяся от начала мира до конца. Если же мы смешиваем Тело с тенью, то, может быть, потому, что мы сами уже только тень.

XIX

Все это уж было когда-то…

«Мир или война?» – снова будут решать десять царей Атлантиды, сидя на жертвенном пепле, во святилище, где все огни потушены; снова решат: «война», и снова мудрый среди безумных ***узнает – вспомнит***, что вся Атлантида-Европа будет пеплом и жертвой.

XX

Очень далеко от нас Атлантида, если очень далеко война, а если война, то и Атлантида очень близко.

XXI

Мы не такие, как атланты? Нет, такие же.

Когда Фернандо Кортец, готовясь принести двенадцать миллионов человеческих жертв для завоевания Мексики, стыдил ее последнего царя, Монтезуму, человеческими жертвами, тот ему отвечал:

– Вы, христиане, на войне делаете то же самое (Réville, 149).

Так могла бы ответить и Атлантида грешная «святой» Ев-

ропе. Если же есть разница, то едва ли в нашу пользу. Судя по ученикам своим в древней Америке, атланты приносили в жертву только врагов своих – военнопленных; мы же – врагов и друзей, чужих и своих, потому что наша вторая всемирная война, международная, тотчас обернется гражданскою, убийство – братоубийством. «И приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь неповинную… и осквернилась земля кровью» (Пс. 105, 37).

Все это уж было когда-то,
Но только не помню, когда, —

тысячу или десять тысяч или десять лет назад? Было вчера – будет завтра.

XXII

И еще разница: те приносили человеческие жертвы богу-дьяволу, а мы – себе, потому что каждый из нас – сам себе Бог. Но вывод из обеих религий один:

Жертвы падают здесь.
Не вол, не овца,
А люди, люди без конца.
Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer unerhört.

(Goethe, Die Braut von Korinht)

Вечная война – война всех против всех, до последней черты братоубийц Каинов.

XXIII

Чем же мы лучше тех жалких и страшных атлантических выродков, сладострастно-жестоких пауков Анагуакских? Может быть, не лучше, а хуже, потому что нам больше было дано и спастись было легче: наше противоядие было сильнее, наш свет ярче. Но солнца так же не захотели и мы, как люди Умирающего Света, лунные титаны; так же как атланты, мы считаем себя в безумье мудрыми, в слепоте – зрячими, «всеблаженными» – на краю гибели; та же и у нас «культура демонов»; тот же будущий, а кое-где уже настоящий, «военный коммунизм» благополучных инка; тот же яд и в наших костях – половая проказа, духовный сифилис; тот же путь к той же цели – мировая война за мировое владычество; те же человеческие жертвы богу-дьяволу.

XXIV

Как же мы не видим, что бич Божий уже занесен над нами; что наша Атлантида не где-то далеко, извне, а близко, в нас же самих; что сердце наше зреет для нее, – под страшным

солнцем, страшный плод Гесперид?

«Буду чуть слышным шепотом жизни я, жизнь всемогущая», – могла бы сказать и Европа, как древняя царица Майя.

XXV

Кажется, никогда еще так близко не заглядывало в лицо будущему бывшее; никогда еще так не вопияли древние камни среди немоты человеческой: «Было и будет!»

Слышит ли хоть кто-нибудь из нас этот вопль? Понял ли хоть кто-нибудь, чему усмехается, глядя в наши глаза пустыми глазницами, тот древнемексиканский череп из горного хрусталя – прозрачный ужас (Ména, Les arts anciens de l'Amérique. Expos. du Louvre, 1928. № 25, ville Mexico; Musée Trocadero, № 7.621); о чем плачет тот Маянский сфинкс – «Вечерняя Звезда», с лицом девы-отрока: судорогой слез опущены углы навеки замолчавших губ, слезы как будто застыли в широко раскрытых глазах, но не прольются – сохнут на сердце, как вода на раскаленном камне; или тот другой Копанский сфинкс – может быть, самое тихое, мудрое и скорбное из всех человеческих лиц, – лицо того, кто видит гибель мира и знает, что можно бы мир спасти, но также знает, что спасти нельзя, потому что мир ***хочет погибнуть*** (Фотографические снимки с этих двух «Сфинксов» были на выставке древнеамериканского искусства в Лувре, 1928 г.

Les arts anciens de l'Amérique, без номеров, в 1-й большой зале, справа от входа; первый – с лицом, напоминающим египетского царя Ахенатона-Аменхотепа IV (1350 до Р. Х.) из Uxmal, Yucatan; второй – из Copan, Honduras).

Слышит ли хоть кто-нибудь из нас, что говорит этот погибший брат наш, Атлант: «Если не покаетесь, все так же погибнете»?

12. Атлантида – преистория

I

Что для человека смерть, то конец мира для человечества.

Полною жизнью живущий, здоровый человек забывает смерть естественно, не верит в нее; знает о ней, но ее не знает; только в редчайшие миги-молнии, вдруг вспоминает – видит ее лицом к лицу, чувствует ее изнутри, как будто уже умирает. Чем больше таких минут в жизни человека, тем больше он – человек, образ и подобие Божие.

II

Точно такие же миги бывают и в жизни человечества: вдруг перестает оно чувствовать себя «бессмертным животным» и вспоминает – видит смерть, конец мира, будущий, свой и бывший, первого человечества. В эти-то миги и рождаются эсхатологии, апокалипсисы, слагаются мифы или, вернее, единственный, всем векам и народам общий, древнейший миф о гибели первого мира – Потопе.

Если человечество – только «бессмертное животное», то мифы эти «пустые басни»; но, если оно, то и они – нечто большее. «Возвещая исступленными устами грозное, Пифия

гласом своим в Боге проницает тысячелетия», – учит Гераклит (Heraclit., Fragm.,12. – E. Pfleiderer, Die Philosophie des Héracht., v. Ephes. im Lichte der Mysterienidee, 1886, p. 51). Пифия-Эсхатология – проницает века-эоны вперед и назад, до конца и до начала мира, – вспоминает будущее в прошлом, предсказывает прошлое в будущем.

Если так, то все эти мифы или опять-таки один, всему человечеству общий миф о конце первого мира есть начало Истории – Преистория – «не измышленная басня, а сущая истина, ***mê plasthenta mython all'alêthinon logon***», по слову Сократа (Pl., Tim., 26, e).

III

Нужно ли второму человечеству знать о конце первого? Нужно, потому что смертное человечество будет жить не так, как «бессмертное животное»: видя благой конец, не пожелает «дурной бесконечности»; светом конца все для него озарится, изменится.

IV

Если бы второе человечество умерло, как первое, и родилось третье, то наша история казалась бы ему не менее «баснословною», чем «Атлантида», преистория, кажется нам. Вчерашнего дня не помнят однодневные бабочки: так мы не

помним преистории.

V

Спутница живой земли – мертвая луна, Атлантида небесная. Там, где заходит дневное светило – История, восходит ночное – Преистория. Путь к нему по векам и народам, как золотой, по морю, путь лунного света, – Миф-Мистерия.

Обе Атлантиды – одна, погребенная в море, другая – в небе, – освещают нас одним и тем же лунным светом Конца; обе говорят Земле, пока еще озаряемой солнцем: «Помни Конец!»

VI

Миф уводит нас к юности мира, где земля ближе к небу, люди – к богам, время – к вечности. Действие мифа происходит на земле, но еще не совсем нашей; во времени, но еще не совсем отделившемся от вечности.

VII

Конец первого мира – начало второго – разделяет два мировых Века-Эона, как черта горизонта разделяет небо и землю. Между этими веками «утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти от нас туда не могут, так же и оттуда

к нам не переходят»; но и через пропасть слышат и видят друг друга.

Или, говоря языком Преистории, от нынешнего человека, ***Homo Sapiens***, отличается Ледниковый предок его, ***Homo Musteriensis***, не только духовно, но и физически, строением и мозговою емкостью черепа, а может быть, и составом нервной ткани. Если так, то пять чувств у него не совсем те, что у нас, и чувство времени тоже. Это значит: исторические меры времени не соответствуют доисторическим: те об эти ломаются, как стекло о камень.

Скольким векам или тысячелетиям Палеолита равняется наш век, мы не знаем. Может быть, для тогдашних людей были бы невыносимы и непредставимы наши краткости, сжатости, скорости, так же как для нас – их протяженности, медленности, вечности.

VIII

«Сто тысяч лет прошло – минута, – люди-козявки появились на земле; еще сто тысяч лет – минута, – козявки исчезли, и опять хорошо стало, чисто», – говорит Финстераргорн Шрекгорну в бледно-зеленом небе вечности (Тургенев).

«Времени больше не будет», – говорит ангел Апокалипсиса. «Времени еще не было», – мог бы сказать ангел Преистории.

IX

Ученые все еще спорят о том, когда появился человек на земле, и, вероятно, будут спорить всегда: за 15–20000, за 250000, за 500000 или 1500000 лет до Р. Х.? (Waldeyer, Antropologie, t. I, p. 761. – G. Mortillet, Le Préhistorique, 1883, p. 1614, S, s. – Penck, Antropol., t. IX, p. 257. Keith, Antropol., t. XXXIII, p. 219.) Лучше бы просто сказать: не знаем. Выход для нас из истории в преисторию – выход из времени в вечность.

X

Два мировых Века-Эона соединяет одна точка – Огонь. Первый огонь на земле зажег Ледниковый праотец наш, Homo Musteriensis, чей полузвериный череп найден в 1908 году в Лемустьерской пещере (Le Moustier) над Везером (Veser) (Schuchhardt, Alt-Europa, p. 19).

> Огонь я смертным дал,
> Похитил я божественную искру…
> И людям стал огонь любезным братом,
> Помощником, учителем во всем,

говорит Прометей (Aesch., Prom., v. v. 109–111). Что это, миф? Нет, преистория. Мы не знаем, когда, но знаем, что

это ***было***: кто-то зажег первый огонь на земле – кто-то один, раньше всех, кого можно бы назвать по имени, если были тогда имена, и люди запоминали бы имя, достойное памяти.

Страшный, голый, косматый, как пещерный медведь, с чудовищным выступом надбровных костей, с огромною челюстью и срезанным лбом, этот человекоподобный, антропоид, и был Прометей – Промыслитель.

Все от меня – искусство, знанье, мудрость,

мог бы и он сказать, как титан (Aesch., Prom., v. 506). Все, что сделано людьми потом, – меньше Огня; короче путь от огня к авиону, чем от безогненной ночи к огню. Миг, когда в черноморозной тьме или под бледно-зеленым небом Ледниковой вечности, в диком становище, где свалены были в кучу с обглоданными костями оленей и мамонтов, человеческие кости, после людоедского пиршества, – миг, когда вспыхнуло первое пламя костра от головни лесного пожара, зажженного молнией, от воспламененных трением двух кусков дерева или от выбитых из камня о камень искр, – этот миг был одним из величайших в жизни человечества: только с Огнем родился Человек. В маленьких, как у гориллы, сближенных, глазках человекоподобного блеснула с блеском огня безумная мысль: «Я Бог!»

XI

Разум и безумье вместе родились.

Я людям дал могущественный разум,

хвалится огненный Титан.

Не с гордостью об этом говорю,
Но лишь затем, чтоб объяснить причину
Моей любви к несчастным: люди долго
И видели, но не могли понять,
И слышали, но не могли услышать;
Подобные теням, как бы во сне,
По прихоти случайностей, блуждали,
И было все в них смутно; и домов,
Открытых солнцу, строить не умели
Из кирпичей и бревен, но в земле,
Как муравьи проворные, гнездились
Во тьме сырых землянок и пещер.

(Aesch., Prom., v. v. 445–453)

Вспыхнул огонь и сделал людей богоравными.

Чем он был для этих «несчастных», мы себе и представить не можем; ясно одно: он был для них живым существом, де-

моническим, – богом, павшим с неба на землю и людьми захваченным в плен.

Власть бога над человеком – религия; власть человека над Богом, – магия. Кто первый человек с огнем? Homo Sapiens, Разумный, Homo Faber, Искусный? Нет, Homo Magus, Колдун. Огонь – отец магии: богом овладел человек, овладев огнем, так ему казалось несчастному, безумному.

Богом всей твари сделался маг. Тяжелоступный мамонт, длинношерстный носорог, и дикий конь, и пещерный медведь, и могучий бизон, и кроткая лань, и россомаха лютая – все бежали от человека с огнем, потому что знали, что Бог в огне; или приходили к нему, покорные, ложились у ног его и поклонялись ему, как Адаму в раю.

Древнего титана, Мустериена, низверг новый олимпиец, Кро-Маньон.

Лет за 20000 до Р. Х. – по летосчислению, будем помнить, условному, мерке, на громадах времени, ломкой, – в Ледниковой Европе, едва населенной обезьяноподобным, мустериенским или неандертальским племенем, появляется вдруг, неизвестно откуда, новое племя кроманьонов (Cro Magnon), – «одно из физически и духовно высших племен, какие когда-либо видел мир» (Arth. Keith, Ancient Types of Men, 1911, p. 71).

Очень знаменательно, что появление это совпадает с концом Ледникового периода, – началом тех геологических переворотов в Европе и в Атлантике, которые сохранились в

памяти человечества, как миф о Потопе, – гибели первого мира; так же знаменательно, что племя кроманьонов появляется в юго-западных, ближайших к Атлантике, частях Европы, – у Бискайского залива, в Пиренеях, в Дордоньи (Франции), и притом, в полном расцвете культуры, видимо, зародившейся и прошедшей первые ступени развития не в Европе, не в Африке, не в Азии, потому что здесь ранних следов кроманьонской культуры не найдено: как бы новое светило внезапно восходит из-за Атлантики, озаряя лучами своими Ледниковую ночь Европы; так же знаменательно, что в этой духовно-единой культуре, судя по широте ее распространения, происходит «не местное развитие одного народа, а сотрудничество многих, друг на друга влияющих ***колоний***», как бы зачатье европейской всемирности (H. F. Osborn, Men of the Old Stone Age, 1915, p. 311–312); так же знаменательно, что переселенческий путь кроманьонов, от Гибралтара до Сиро-Финикии, совпадает с великим Средиземно-атлантическим путем на Восток: Фарсис и Гадес (Кадикс) – может быть, «Атлантские» гавани, находятся в начале пути, а в конце – Ермон, на чью вершину слетают Еноховы ангелы, гости небесные, и к чьему подножью прилетают на крыльях парусов, заморские гости – может быть, атланты; так же знаменательно, что гуанчи на Канарских островах, – одном из уцелевших остатков Атлантического материка, – те же кроманьоны.

Многие же связи их с доисторической Америкой всего

знаменательней.

XII

Маленькое, замкнуто в Пиренеях живущее племя басков говорит на языке, непохожем ни на один из языков Европы, Африки и Азии, но очень похожем на языки древнеамериканских племен. Если этот язык, как думают многие ученые, есть чудом уцелевший обломок кроманьонской древности, то вероятна связь языков палеолитной Европы с языками древней Америки (Farrar, Families of Speech, p. 132. – Ripley, Races of Europe, p. 38).

Связь эта подтверждается сходством кроманьонских – ориньякских (Aurignac) черепов с доисторическими черепами Lagoa Santa в Бразилии, так же как в других местах Южной Америки (J. L. Myres, The Ancient Cambridge History, p. 48).

Стоит взглянуть на ориньякских, тех же кроманьонских, звероловов на пещерных росписях ***d'Alpera***, чтобы узнать перистый гребень, – индейский головной убор: этот уголок доисторической Европы, – как бы уголок нынешней дикой Америки (Breuil, Antropologie, t. XXIII, pl. p. 562).

XIII

Греческое слово phoinix, «финикиец», значит «красный»,

«краснокожий». Так называли гомеровские греки выходцев с о. Крита, где обитали Пелазги, этеокритяне – египетские Keftiu, «люди Морских Племен», родственные ливийцам в Северной Африке, лигурам в Италии, иберам в Испании, – племенам, живущим по всему Средиземно-атлантическому пути на Восток (R. Dussaud, Les civilisations préhelleniques, 1914, p. 447. – A. Mosso, Le origine della civilità Mediterranea, 1910, p. 332). Поздние, неолитные потомки кроманьонов, все эти племена, судя по стенным крито-миноэнским и египетским росписям, – «краснокожие» или смугло-красные, безбородые, так же как тольтеки и ацтеки доколумбовой Мексики. Цвет кожи – стойкий в тысячелетиях признак: если потомки, то, вероятно, и предки – «краснокожие», совсем или отчасти.

Как бы отблеск вечного Запада, «Заката всех солнц», рдеет на юном лице Европы.

XIV

Главная же связь Европы с Америкой – в религии. Судя по пещерным ваяньям и росписям, Ледниковый бык-бизон есть бог кроманьонов – ориньяков. Как в Европе, так и в Америке. Вспомним паленкский крест на голове бога-быка и десять царей Атлантиды, пьющих кровь закланной жертвы-быка, в мифе Платона.

Прядающий, пенящийся, «ослепительно-белый» nimio

candore perfusus, солнечный Бык – Критский Зевс – несет на хребте своем юную богиню Европу, дочь «Финикии», «Красной Земли» – красного Запада (A. B. Cook, Zeus, 1914, p. 464, 467).

XV

Бык – великий бог, а маленький – Раковина, чудно-таящая в извивах своих гул Океана, немолчный зов родины (Spence, 67).

Боги кроманьонов морские, потому что и само племя морское, – первых, Каменного Века, рыбаков, костяного крючка, кремневого гарпуна и прочей рыболовной снасти изобретателей (Spence, 59–60). «Все мы – дети Воды. О, Тлалок, Водяной, помилуй нас, не погуби!» – могли бы сказать и кроманьоны вместе с тольтеками.

XVI

Римский историк I века до Р. Х., Тимаген, сообщает, кажется, очень древнее сказание о трех совершенно различных племенах, обитавших в Галлии: первом, туземном; втором, пришедшем с Востока, и третьем – поселенцах с Запада, с какого-то далекого острова, называемого «Атлантидой» (Donelly, 31).

XVII

Что такое ***друиды*** – колдуны или мудрецы, обладатели тайных знаний, основатели тайных общин, рассеянных от Галлии до Галатии, все по тем же Средиземно-атлантическим путям, – мы хорошенько не знаем. Сведения о них у Цезаря, Тацита и Плиния, вообще достоверных и точных свидетелей, обвеяны такою баснословною дымкою, что иногда кажутся мифом; но, может быть, и этот «миф» – Преистория. Как бы то ни было, первая основа друидизма под иберийскими, кельтскими, галльскими, бриттскими и другими наслоениями, – вероятно, такой же чудом уцелевший обломок доисторической древности, как язык басков.

Кажется, древнейшее из друидских сказаний, о короле Артуре, родственно египетскому мифу об Озирисе, царе Вечного Запада. Брат Сэт убивает Озириса, а короля Артура – братнин сын; сестры воскрешают обоих, но не окончательно; так же как Изида – Озириса, сестра Артура увозит его в ладье, ни живого, ни мертвого – мумию – в Царство Теней – по одним сказаниям, Остров в великом Море Запада, а по другим – «подводную страну», Avallon, где будет он покоиться до дня воскресения (Spence, 156–216).

Аваллон друидский, aalu египетский, arallu вавилонский, а может быть, и Ацтлан древнемексиканский – одна и та же «подводная страна» – Атлантида. Если так, то король Ар-

тур и Озирис встретятся в ней с Кветцалькоатлем, Геракл – с Гельгамешем, Енох – с Атласом, – все страдающие люди-боги, тени грядущего Сына.

XVIII

Вспомним все, что мы знаем о кроманьонах: новое, духовно и физически-высшее, внезапно и неизвестно откуда, на европейских берегах Атлантики появившееся племя; ряд колоний по всему Средиземно-атлантическому пути, от Гадеса до Ермона; внеевропейская, внезапно готовая культура, как бы восходящее над Ледниковою ночью светило; многоразличная – в языке, одежде, строении черепа, цвете кожи, религии – связь с племенами доисторической Америки, на одном, – с гуанчами – на другом конце рухнувшего моста-материка через Атлантику; древняя память о родине – Острове. Вспомним все это, и вывод, кажется, будет ясен: Атлантида – Европа; та виднеется сквозь эту, как морское дно сквозь прозрачную воду.

Будет или не будет Европа второй Атлантидой, – она уже была первою; начало и конец ее еще не замкнуты, но могут замкнуться в круге вечности.

XIX

Лад над разладом, мера над безмерностью, космос над ха-

осом – точность и ясность мысли, познание естества – «натурализм», в самом глубоком и широком смысле, – таков эллинский гений Европы в истории; он же и в преистории. «Кроманьоны – греки Каменного Века» (Osborn, 315–316). Женские изваянья Ориньякских пещер «напоминают современных кубистов», а лошадиная голова Maz d'Azil'я «достойна Парфенона» (Spence, 61). Таков путь кроманьонского искусства – от Парфенона до кубизма.

XX

Всякое искусство в своем религиозном пределе – «магия» – воля к сверхъестественной власти над естеством, а искусство Палеолита, особенно. Ваянья и росписи на стенах магдалиенских (позднее – кроманьонских) пещер – никогда и нигде неповторенное, а может быть, и не повторимое, чудо искусства. «Судя по ним, людям Четвертичной эпохи принадлежит едва ли не одно из высших мест в истории цивилизаций», – говорит один ученый (Th. Mainage, Les réligions de la Préhistoire, 1921, p. 89). И другой: «Сделать оставалось только несколько усилий в познаньи человеческого тела и растительного мира, чтобы народы европейского Запада достигли великого искусства, потому что они были одареннее тех народов, от которых мы получили начала искусств – вавилонян, египтян, – может быть, даже греков… Исчезновение Магдалиена было великим несчастьем для человечества:

если б не оно, мир быстро шагнул бы вперед и, может быть, прекрасный век Перикла наступил бы на несколько тысячелетий раньше» (Jacques de Morgan, L'Humanité préhistorique, 1921, p. 218).

«Может быть, С. Америка соединялась с Европой через Атлантиду», – говорит тот же ученый (Morgan, 297). Если так, то можно бы сказать об Атлантиде с еще большим правом то, что здесь о Магдалиене сказано: ее исчезновение было «великим несчастьем для человечества». Это значит: между Европой и Атлантидой существовала какая-то глубокая духовная связь.

XXI

Сила пещерных художников в особой, не нашей, остроте глаза: наш, послепотопный, так помутнел и притупился, что мы уже как бы наполовину ослепли; только по снимкам мгновенной фотографии мы знаем о некоторых положениях очень быстро движущихся тел, например в «летящем беге» зверей (galop volant). Все это видит и закрепляет в искусстве пещерный художник.

Главная же сила его в остроте, не физического, а духовного зрения. Мы видим природу, как чужое тело, извне; он видит ее, как свое, – изнутри. Мимо всех отягчающих нас подробностей, – стольких «сучков и бревен» в нашем глазу, – он схватывает предмет и проникает в душу его одной-един-

ственной, духовной чертой.

Мы «любим природу»; он лежит у сердца ее и слышит ее, как утробный младенец – сердце матери. Это единодушие человека с природой, как бы одно с нею дыхание, и есть источник «магии» – сверхъестественной власти над естеством: кто кого знает, тем тот и владеет.

XXII

Жизнью почти сверхъестественною, жуткою для нас, дышат эти звериные образы-идолы: дико ржущий Мас-д'Азильский конь, Фон-дё-Гомский, поднявшийся на задние лапы, пещерный медведь, лортетские лани в «летящем беге», Альтамирский бизон с глянцевито-черною, туго натянутою кожею огромно-тучных боков, с поджатыми, точеными ножками, только что проснувшийся и повернувший голову с настороженным зрачком – весь внимание, слух, страх – вот-вот вскочит, ринется (Morgan, 212. – Breuil, Font-de-Gaume, p. 123. – Piette, L'Art pendant l'âge du Renne, pl. XXXIX. – Breuil, Altamira, p. 105).

Кто-то сравнил пещерных художников по смелости и точности рисунка с Рембрандтом (Schuchhardt, 27). Нет, это совсем другое, большее, – не искусство, а в самом деле «магия». Это было раз, и больше никогда не будет, не вернется, как потерянный рай.

XXIII

Ледниковый человек видит всю тварь, кроме себя самого: люди в пещерных росписях – плоские, черные головастики с раздвоенными хвостиками вместо рук и ног; все без лиц; если же человеческие лица изображаются, то почти всегда, как зверино-бесовские маски, подобные бреду, чудовища, такого ужаса, что Винчи и Гойя могли бы им позавидовать.

Исключения редки – Виллендорфские и Лоссельские Венеры Стэатопиги – Тучнозадые. Судя по ним, человек мог бы себя изобразить, но не хочет, как будто чего-то боится или стыдится; может быть, наученный правдой искусства, вдруг понимает, что он – не сын природы, а пасынок, больной зверь, а не бог.

XXIV

Магдалиенские ваянья, резьбы и росписи почти всегда спрятаны в самой темной и тайной глубине пещер: чем древнее и, вероятно, чем святее, тем сокровеннее.

След Ледниковых стоянок, пепел очагов, лежит большею частью у самого устья пещер, ближе к свету и воздуху: здесь люди живут плотскою жизнью, а духовною – там, в глубине, во чреве Матери Земли, в священном мраке и ужасе (Mainage, 206).

XXV

Лучшие Альтамирские росписи находятся в главном, самом внутреннем зале, на сводах, нависших так низко, что ходить под ними можно, только согнув колени и наклонив голову, а чтобы видеть их, как следует, надо сесть на корточки или даже лечь на спину. Каково было допотопным художникам работать в таком положении, да еще при тусклом свете плошек с оленьим жиром или медвежьим салом (Breuil, Altamira, p. 76).

XXVI

В Pasiega и в других подобных пещерах, чтобы добраться до росписей, надо блуждать по лабиринту подземных ходов, ползти на четвереньках сквозь узкие и низкие щели, влезать, цепляясь за выступы камней, по крутонаклонным, почти отвесным, как печные трубы, щелям; пробираться, иногда с опасностью для жизни, через подземные топи, колодцы, потоки, водопады, пропасти; скользить по глинистым кручам, где когтями пещерных медведей, тоже скользивших по ним, оставлены глубокие царапины и даже волосинки меха отпечатались.

В Tuc d'Audoubert, чтобы войти во внутреннюю залу, надо было прорубить сталактитовую занавесь, ослепительно бе-

лую, вечно влажную от слез Земли: точно сама она соткала ее, чтобы закрыть свое допотопное святилище. В самой глубине пещеры спрятаны маленькие глиняные идолы бизонов. Перед ними, на глинистой почве, переплетаются странные, сложные, должно быть, магические линии; тут же следы человеческих ног, тоже странные, – только пятки без пальцев: судя по оргийным пляскам нынешних австралийских и африканских дикарей, может быть, и здесь происходило нечто подобное – колдовская пляска-радение перед богом Бизоном, Ледниковым быком (Mainage, 217–219. – Breuil, la Pasiega, 1913, p. 1–6; 54. – Bégouen, Les statues d'argile de la caverne du Tue d'Audoubert, «Antropologie», t. XXIII, p. 657–665).

Жутко, в темноте, белеют на красной охре, точно в крови, отпечатки живых человеческих рук – ладоней с растопыренными пальцами – должно быть, тоже магия. Ею насыщено здесь все – камни, глина, сталактиты с их вечною слезною капелью, и самый воздух.

XXVII

В главном Пасиегском зале, высоко на стене, на самом видном месте, выступают черные и красные точки, полоски, палочки, знак в виде большой буквы Е, две связанные человеческие пятки, – может быть, надпись – запрет непосвященным вступать во святое святых (Breuil, La Pasiega, p. 36).

Посередине залы возвышается каменный бугор, как бы трон, с частью спинки, кажется, слегка обтесанной: может быть, здесь был вертеп прославленного кудесника (Breuil, 5, pl. XXIV).

XXVIII

В самых древних, Ориньякских пещерах, так же как в позднейших, Магдалиенских, найдено множество слегка загнутых палок из оленьего рога, с просверленными дырами в ручках, украшенных звериной или просто узорчатой резьбой. Долго не могли понять, что это, и называли их «жезлами начальников» (batons de commandement); наконец, поняли, что это «магические жезлы», может быть, тех самых допотопных царей-жрецов, которых Платон в мифе об «Атлантиде» называет «людьми-богами», andres theioi, а Енох – «ангелами бдящими», egregoroi (Morgan, 69).

XXIX

Что же все это значит? Значит, что в пещерах Каменного века родилась не только магия, но и ***мистерия, таинство***. Едва появляется человек на земле, он уже знает, что Бог – в тайне.

XXX

Знает и то, что есть иной, может быть, лучший, мир. Это видно из того, как он хоронит мертвых: под руку кладет им кремневое оружие, куски дичины и множество съедобных раковин: значит, будут жить. Связывает их иногда веревками, что видно по положению костей в остовах; или раздробляет и раскидывает кости, чтобы не ожили: значит, боится мертвых, – знает, что они могут быть сильнее живых. Но это редко: большею частью усопшие мирно покоятся, лежа на боку, с пригнутыми к груди коленями, в положении спящего взрослого или младенца в утробе матери, чтобы легче было снова родиться – воскреснуть.

В палеолитной Офнетской пещере, у Нёрдлинга (Otnet Nordlingen), все черепа смотрят на запад, где царство мертвых, – может быть, Атлантида-Аваллон – древняя родина.

XXXI

Красный цвет – цвет крови и жизни: вот почему мертвых окунают в жидкую красную краску – как бы зарю воскресения.

В длани мертвые вложите
Краску, красок всех красней,
Чтобы выкрасил он тело,

И оно, сияя, рдело
Даже там, в стране теней.

(Schiller)

XXXII

Только в позднейших, мегалитных могилах (Hünergräber) просверливаются в надгробных плитах отверстия – «оконца», чтобы души могли вылетать, – покинув тело, гулять на свободе; в палеолитной же древности душа и тело нерасторжимы: вместе в этом мире, вместе и в том.

Как это ни странно, пещерные люди кое-что уже знают или еще помнят о «воскресении плоти», чего еще не знают или что уже забыли Сократ и Платон с их «бессмертьем души».

XXXIII

О, бедная душа моя,
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!

(Тютчев)

Сердце Ледникового человека билось уже на этом пороге

– качалось, как маятник, между Богом и дьяволом.

13. Ледниковый крест

I

В Мас-д'Азильской стоянке найдены плоские речные гальки, разрисованные красными полосками. На одной из них – крест, мохнатый, как бы из звериного меха, – живой, насколько живее наших деревянных, металлических и каменных крестов (Mainage, 233. – Piette, Les galets colories du Mas d'Asil, pl. XV, n. 4).

Мы не знали бы, что это значит, если бы не угольчатые кресты, svastika, более поздней, неолитной эпохи и кресты-спицы в колесиках, – еще позднейшего, Бронзового века. Это солнечно-магические знаки: солнце катится колесом по небу, и крест в солнце – его же лучи. Наши золотые литургийные дискосы, ostensoria, может быть, родственны этим неолитным знакам (Carl Clemen, Die Religion der Erde, 1927, p. 9).

Кажется, и тот мохнатый крест на Мас-д'Азильской гальке – тоже солнечно-магический знак. Магией человек ловит солнце, как зверя – зверолов. Здешнее солнце – живым, мертвым – нездешнее. Солнечные знаки клались в гроба, чтобы и там, в ледниковой ночи смерти, взошло незакатное солнце.

II

В очень древних, плиоценовых слоях найдены женские черепа с глубокими, выжженными рубцами на лбу, в виде буквы Т, Иезекиилева tau – креста (Clemen, 8).

Два лица у всякого знаменья – чудо и случай; выбор между ними свободен. То ли случайно, то ли чудесно, крестное знаменье выжжено на челе Преистории. Чтобы некогда вспыхнул на небе солнечный Крест – ***Сим победиши*** – нужно ли было нашему пещерному праотцу чертить свой мохнатый крест на гальке? О, конечно, он сам не знал, что делает. Но, может быть, за него знал Кто-то.

Крест Мас-д'Азильский – крест Маянский: в «злую ночь», nyktos chalepês, Атлантиды, раскололся мир пополам, и в обеих половинах вспыхнул крест.

III

Ра в Египте, Ану в Вавилоне, Ваал в Ханаане, Вицилопохтли в древней Мексике – всюду бог солнца – Отец. Очень вероятно, что и в европейском Палеолите – тоже.

Солнце – Отец, а Земля – Мать.

IV

Найденное в тех же ориньякских слоях, где и мохнатый крест Мас-д'Азиля, виллендорфское известняковое изваяние женщины напоминает своей безобразной тучностью нынешних готтентотских Венер Стэатопиг – Тучнозадых.

Голая, бесстыдная, человеческая самка, полузвериха; низко опущена голова, низко надвинута на лоб шапка жестко-курчавых волос, так что сразу не поймешь, где лицо, и, только вглядываясь, видишь, что лица нет вовсе – пустое место; и еще вглядываясь, понимаешь, что у такого тела и не может быть лица. Это очень страшно, – страшнее всех уродств.

Нет лица или почти нет у таких же Стэатопиг на известняковых плитах Лоссельской стоянки. Одна из них лежала среди человеческих костей в красной охре – «заре воскресения»; другая, тоже окрашенная, держит полумесяц с насечками – кажется, рог бизона – будущий ритон (rithon), сосуд возлияний в мистериях (G. Lalanne, Antropol., t. XXII, p. 256 ss., t. XXIV, p. 128–149. – Dr. Capitan, Laussel (Rev. Antrop., août 1912). – Mainage, 287).

Множество таких же глиняных и каменных Стэатопиг найдено в Египте, Месопотамии, Сирии, на о. Мальте, Крите и других островах Средиземного моря, в Иллирии, Фракии, Боснии, Румынии, Польше. Все они – богини-матери,

воплощения единой Матери-Земли (G. Contenau, La Déesse Nue, 1914, p. 103).

Судя по ним, и та, палеолитная, – тоже Мать-Земля – еще не Деметра, богиня пахарей, но уже Кибела, богиня звероловов, Владычица зверей, potnia thêrôn. Страшный тук ее – божественный тук не тронутый плугом земли.

V

Но вот что всего удивительнее: кто-то вдруг возмутился, не захотел Тучнозадой.

В Брассемпуйской пещере, в тех же ориньякских слоях, где Стэатопига, найдена женская головка из слоновой кости, с пышным, в виде правильных шашечек, плетеньем волос, спереди ровно, как ножницами, срезанных, а с боков ниспадающих двумя широкими и длинными лопастями, – настоящим головным убором первых египетских династий. Рот и глаза не обозначены резцом, но это, кажется, было сделано красками, что так легко на слоновой кости и, судя по мастерской законченности всей остальной работы, очень вероятно. Пробовали обозначить на точном снимке губы резьбой, глаза – краской, и все лицо вдруг оживало чудною жизнью, простое, тихое, немного грустное, с нежною, еще детскою, округлостью щек, как у четырнадцатилетней девочки. Точно такие же лица у маленьких египетских Изид.

Что это, чудо или случай? Выбор опять свободен. Но, гля-

дя на эту пещерную Изиду, как не вспомнить того, что говорит Платон о владычестве атлантов, простиравшемся до Египта, и Тимаген – об одном из трех обитавших в Галлии племен – «поселенцах с далекого острова, называемого Атлантидой»? Как не вспомнить, что Брассемпуйская пещера находится в песчаных Ландах, может быть, высохшем дне Атлантики – одном из путей из Атлантиды в Египет?

VI

«Неужели пещерные люди уже готовили пришествие богинь-матерей и предваряли Изидины таинства?» – удивляется один ученый (Mainage, 289). Да, смотришь и глазам не веришь: это она сама, Изида – первая тень грядущей несказанной Прелести.

> Jam redüt et Virgo
> Снова и Дева грядет,

по мессианскому пророчеству Виргилия (Virgil., IV eklog., v. 6).

Чтобы перейти от той, подземной, к этой, небесной, какой нужен был взлет!

VII

Солнце – Отец, Земля – Мать, а кто же Сын?

VIII

Роспись в Когульской пещере (Cogul) в восточной Испании, – самая странная из всех Магдалиенских росписей, такая юная по духу, ни на что в Палеолите не похожая, что некоторые ученые относят ее к Неолиту и даже к Бронзе. Это, впрочем, неважно: мы знаем, как религии живучи; древнее могло сохраниться и в юном.

Десять плясуний в коротких юбках, книзу расширенных, в виде колоколов, как у крито-миносских женщин, с обнаженными сосцами, тоже как у тех, в черных, остроконечных шапочках, в виде грибов-поганок, пляшут неистово, изгибая, ломая осино-тонкие станы, вокруг голого, маленького человечка (Breuil, Cogul, «Antropologie», t. XX, p. 19. – t. XXIII, p. 557. – Mainage, 288–289; 330).

Чтобы понять, что это значит, надо пройти по трем внешне разрозненным, но внутренне спаяным звеньям одной цепи.

Первое звено – тут же в Испании, в Квезо-Альперской пещерной росписи (Queso Alpera). Что-то призрачно-туманное, длинное-длинное, тонкое, с крошечной, плоской головкой, – только по раздвоенному хвостику, иероглифу ног, видно, что это человек, – вытянув неясную полоску-щупальцу, может быть, ручку, подымает на ней маленького, черного, голого человечка или мальчика, такого же, как в Когуль-

ской росписи, мастерски нарисованного, пляшущего, как бы реющего в воздухе (Breuil, Alpera, «Antropol.», t. XXIII, p. 549. – Mainage, 333).

Второе звено: золотой перстень Изопаты, города близ древнего Кносса, столицы Миносского Крита, II–III тысячелетия. Здесь, на резной печати, такие же плясуньи, как в Когульской росписи, в таких же юбках-колоколах, с такими же осино-тонкими, как бы перерезанными, станами и обнаженными сосцами, вызывают такой же неистовой пляской видение такого же реющего в воздухе бога Отрока (R. Dussaud, 375).

И, наконец, третье звено: киферонские мэнады IV–V веков, почти современницы Еврипидовых «Вакханок», тоже неистовой пляской-раденьем вызывающие младенца Иакха-Диониса, в «галлюцинации», по-нашему, в «теофании», «богоявлении», по-ихнему, в «парузии», пришествии Господа, по первохристианской мистике. Иакх-Дионис – жертва: быв однажды растерзан Титанами, вечно терзается людьми. Жертвенную лань терзают и мэнады, чтобы причаститься божеской плоти и крови.

Жертвенная лань не забыта и в Когульской росписи: тут же она, вне плясового круга, на самом видном месте, пронзенная двумя стрелами, с туманным иероглифом того человечка или мальчика, который находится и в средоточье плясового круга, может быть, для того чтобы напомнить, что бог есть жертва.

Вспомним, что Когульская и Альперская росписи находятся в Восточной Испании, а в Южной – Гадес и Фарсис – может быть, Атлантские гавани – начало Средиземно-атлантического пути на Восток через Миносский Крит, вероятную родину Дионисовых таинств. Это значит три звена – три видения бога Младенца – Когуло-Альперское, Крито-Миносское и Киферонское – спаяны внутренне, что подтверждается и внешним, слишком очевидным, сходством их. А если так, значит, людям Пещерного века уже являлся страдающий бог Сын.

IX

Jam redüt et Virgo, redeunt Saturnia regna,
Jam nova Progenies coelo demittiur alto.
Снова и Дева грядет, век золотой наступает,
Снова Отпрыск богов с высокого неба нисходит,

по тому же мессианскому пророчеству Виргилия (Virg., IV. Eklog., v. v. 6–7). «Снова» – во втором человечестве, потому что это было уже раз, в первом.

X

Солнце – Отец, Земля – Мать, Человек – Сын: это в палеолите – преистории; это и на заре истории – в древнейшем

Египте, Шумеро-Аккаде, Вавилоне, Ханаане, Хеттее, Эгее, а также в древней Америке, – на Востоке и на Западе. На две половины раскололся мир, и в обеих – забрезжила тайна Трех, не потому ли, что была до раскола, в целом?

XI

Почему же тайна эта не спасла и Ледниковой Европы, так же как не спасла Атлантиды, – оказалась для обеих «тщетною»? Чтобы это понять, надо вслушаться в хронологический шепот Преистории, вдуматься в совпадение веков-эонов.

«Магдалиенские искусства исчезают внезапно, – по какой причине, мы не знаем», – говорит Морган в конце книги о «доисторическом человечестве», забыв о том, что сказал в начале: «Может быть, через Атлантиду или какой-нибудь другой, исчезнувший материк, Новый Свет (Америка) сообщался с Европой» (Morgan, 20; 280). Если бы, говоря о конце Магдалиенской Европы, он вспомнил о конце Атлантиды, то, может быть, понял бы, что значит одновременная внезапность этих двух концов: понял бы, что связь между ними не только временная, но и причинная: это не два конца двух миров, а один – одного. «Исчезновение Магдалиена было великим несчастьем для человечества». Вспомнив и здесь о конце Атлантиды, Морган, может быть, понял бы, что этот конец – несчастье, еще неизмеримо большее, чем кажется ему.

«Долгий перерыв, hiatus, отделяет европейский палеолит от неолита в Халдее, Эламе и Египте» (Morgan, 219). С точностью мы не знаем, какой именно долгий; знаем только, что неолит в Европе начался в V–VI тысячелетии до Р. Х.; знаем также, как медленны первые шаги всех новых человеческих развитий. Если считать на перерыв три-четыре тысячелетия, то конец европейского палеолита, VIII–IX тысячелетье, совпадает с концом Атлантиды, по летосчислению Платона или Саисских жрецов: 4000 + 5000 = 9000.

Если же в кроманьонской или магдалиенской духовно-единой Европе мы наблюдаем «не местное развитие одного народа, а сотрудничество многих колоний», – западных, атлантских, судя по месту их возникновения и проложенным ими путям, то это и значит: внезапный конец магдалиенской – атлантской Европы совпадает не случайно с таким же внезапным концом Атлантиды; может быть, не только время, но и причина обоих концов общая. Свет Атлантиды в Европе потух вместе с источником света.

XII

Этот чуть внятный хронологический шепот Преистории подтверждается и более внятным шепотом Истории.

Первой в Египте исторической династии царя Менеса предшествует, по Манефону-Евсевию и Туринскому папирусу, баснословная династия «Соколов», «Горовых Спутни-

ков»; Гор – Небесный Сокол, Солнце, – пришел в Египет, вероятно, оттуда же, откуда и отец его, Озирис, – с Вечного Запада, Аменти – Царства Мертвых. Может быть, и Горовы Спутники, Сокола, прилетели не по небу, а по морю, на крыльях-парусах, так же как Еноховы ангелы, бен-Элогимы. Боги или «богоподобные люди», andres theioi, пришли из Царства Мертвых. «Мертвыми полубогами», nekyes hemithêoi, называют их оба памятника, Манефон и Туринский папирус (Eusebius, Chron., I, 134. – Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, 1921, p. 102–103. – Spence, 150–151. – Roisel, Les Atlantes, 1874, p. 94).

Что же значит эта загадка: над живыми царствуют мертвые? Вспомним Геродота: «Был путь из Фив к Столпам Геркулесовым» (Herod., II, 181); вспомним Платона: «Атланты распространили владычество свое до Египта» (Pl., Tim., 25, b). Если «царство мертвых» значит «царство погибших Атлантов», то загадка разгадана: баснословная или доисторическая династия «мертвых полубогов» есть династия «царей атлантов».

Летопись Палермского камня-обломка сообщает несомненно-исторические сведения о царе Менесе; судя же по сохранившимся на обломке именам девяти царей доменесовой династии – Ska, Tju, Zes, Uaz'anz и другим, – на отбитом куске сообщались сведения, столь же исторические, и об этой династии Мертвых – Атлантов.

По Манефону-Евсевию, она воцарилась за 5813 лет до

Менеса; по Туринскому папирусу, за 5613. Числа эти так сходны, что разница, 8–6, должно быть, простая описка. Династия Менеса начинается около 3400 л. до Р. Х.: 5613 + 3400 = 9013. По летосчислению Платона или Саисского жреца, Атлантида погибла за 9000 лет до Солона; следовательно, за 9550 лет до Р. Х. Разница сравнительно с Манефоном и Туринским папирусом – около 500 лет, при таком счете тысячелетьями, незначительна и к тому же понятна: та внезапная гибель Атлантиды-Острова, последней части великого материка, о которой сообщает Платон, могла произойти только после целого ряда постепенных и частичных, геологических переворотов, продолжавшихся, вероятно, в течение многих веков. Лет за 500 до этой окончательной гибели, уже предвидя ее неизбежность, цари Атлантиды, переселившись в Египет, и основали «династию Мертвых» (J. H. Breasted, Developement of Religion and Thought m ancient Egypt, p. XIX. – Ed. Meyer, 105).

Так летосчисление «баснословное» совпадает с историческим: там, где Атлантида – Преистория кончается, начинается Египет – История. И обе шепчут внятно: «Первого мира конец – начало второго».

XIII

Если Атлантида была, то конец ее есть только последнее звено в очень длинной цепи вулканических взрывов: это мы

знаем по истории земли, геологии; это знает и Платон.

«Вы, Эллины, – вечные дети, – говорит Солону египетский жрец. – Нет старца в Элладе… Духом все вы юны. Нет у вас никаких преданий, никакой памяти о седой старине. Причина же этого забвения та, что многими способами происходили и будут происходить истребленья человеческого рода; величайшие – огнем и водой, меньшие – тысячами других способов… В очень большие промежутки времени светила небесные уклоняются с пути своего, и все, что на земле, гибнет от чрезмерного жара… Так же и водами потопов боги очищают землю… Вот почему, только что у вас и у других народов зарождается письменность вместе с прочим, что нужно для государства, как в определенные сроки, подобно повторяющимся припадкам болезни, находят на вас новые потопы, оставляя в живых только людей непросвещенных, и вы начинаете жить как бы сызнова, теряя всякую память о том, что было в древности» (Pl., Tim., 22, b – d; 23, a – b).

Это и значит: гибель Атлантиды-Европы – того, что мы называем «Кро-Маньоном», «Магдалиеном», так же как гибель Атлантиды-Острова – только последнее звено в очень длинной цепи человеческих истреблений, водных и огненных. Но последняя гибель все же внезапна.

XIV

«Вы (афиняне) победили врагов (атлантов), – рассказы-

вает египетский жрец Солону. – Но после того произошли ужасные землетрясения, потопы, и в один злой день, в одну злую ночь, ваше войско все до последнего воина поглощено было внезапно разверзшейся под ним землей» (Pl., Tim., 25, c – d).

Миф в этом рассказе отделяется от преистории, «измышленная басня» – от «сущей истины», как масло от воды. Подвиг афинян, «освобождение Европы от рабского ига атлантов», возвеличен в мифе, уничтожен в истории. Оба воюющих стана поглощает земля; правые и виновные гибнут вместе. Если это не бессмысленная гибель, а справедливая казнь богов, как, вопреки себе, утверждает Платон или, вопреки Платону, египетский жрец, то, значит, нет правых в войне – все виновны; война – не та или иная, не за то или иное, а всякая война – злейшее зло.

В мифе, в «измышленной басне», Платон благословляет, а в «сущей истине» проклинает войну. В этом проклятье – ответ на вопрос, почему тайна Трех для первого человечества оказалась «тщетною».

XV

Кроме эллинов, были в Европе и «многие племена варваров, polla ethnê barbara», смешивает Платон миф с преисторией, но не смешает, как масло с водой (Pl., Krit., 109, a). Эллинов, конечно, в Ледниковой Европе не было вовсе, – были

только варвары, хотя, может быть, и пришедшие из Атлантиды: на этом огромном материке могли быть и варвары. О столице атлантов нам еще труднее судить по кроманьонам-ориньякам, чем об Афинах Перикла, по Скифам Танаиса, или о Риме Цезаря, по кельтам Арморики. Малые общины культурных атлантов, будущих друидов, «магов» и «мистагогов», «миссионеров», по-нашему может быть вкраплены были в эти «дикие», в нашем смысле, племена Европы.

Судя по тому, что дикари остались дикарями, пещерными людьми, но с непонятным для нас развитием искусства, «от Парфенона до кубизма», и с развитием верований, от первобытной мистерии до тайны Трех, «миссионеры»-атланты не спешили приобщить «дикарей» к внешним «благам цивилизации», в нашем опять-таки смысле, но давали им лучшее, что сами имели, – свет просвещения внутреннего и, уж конечно, самый белый луч этого света – мир.

Так продолжалось, пока в самой Атлантиде был мир; когда же там началась война, то и в Европе учителя мира сделались учителями войны: так же, как бен-Элогимы, падшие ангелы, «научили они сынов человеческих смертным язвам войны – щиту, броне, мечу – всем орудьям убийства, вышедшим из рук их против всех живущих на земле, от тех дней и до скончания века» (Hén., LXIX, 6–7).

Тем же черным огнем загорелось и на юном теле Европы, как на старом – Атлантиды, чумное пятно Войны.

«Я извлеку изнутри тебя огонь, который и пожрет те-

бя» (Иез. 28, 18). Этот внутренний огонь, предшествующий внешнему, – вулканический взрыв – Война.

XVI

Люди начали войну и уже не кончат: «все будут убивать друг друга; в мире конца не будет войне», это пророчество до наших дней исполняется. Первое человечество начало, второе – продолжит войну бесконечную.

14. Сошествие в ад

I

Бог есть Мир, Бог есть Война, – между этими двумя утверждениями – такой же переворот духовный, как тот, геологический, истребивший Атлантиду, где духовный – предшествовал геологическому. Бог, Жертва за человека, сделался богом человеческих жертв; «белая магия» сделалась «черною», солнце померкло, ось мира поколебалась, небо упало на землю, и «конец земле, конец всему».

II

Что такое «черная магия», мы могли бы знать, по собственному опыту. Что заставило вчера и заставит, может быть, завтра десятки миллионов людей умирать, убивать друг друга, в XX веке по Р. Х., так же как в сотом до Р. Х.? Что заставляет сто двадцать миллионов людей в России мучиться столько лет под игом новых Стражей, phylakes, Бдящих, egrêgoroi? Что, если не колдовское «внушение», «усыпление», «гипноз», человека «дневного», Homo Sapiens; пробуждение «ночного», Homo Musteriensis, – «черная магия»?

III

Двенадцать миллионов убитых на войне и сто двадцать миллионов мертвых заживо в России нам так же ничего не говорят, как найденные кости человеческих жертв в Ледниковых стоянках (Clement Al., Strom. 7). Крест на челе Истории нам так же ничего не говорит, как на челе Преистории.

IV

Наша механика становится «черной магией» в войне – титаническом разрушении; черная магия атлантов становится «механикой» сначала в титаническом зодчестве, а затем, тоже в войне – разрушенье.

Вспомним Дедала, Крито-миносского – может быть, Атлантского «мага-механика», творца трех чудес – Лабиринта, человеческих крыльев и человека-автомата; вспомним пляшущую заводную куколку на ладони старого колдуна, посланного против бога мира, Кветцалькоатля, богом войны, Вицилопохтлем; вспомним «икону Зверя» eikon tou thêriou, в Апокалипсисе: «сделали икону Зверя… и говорила она и действовала так, чтобы убиваем был всякий, кто не поклонится ей» (Откр. 13, 14–15).

Все мы – жертвы исполинского Робота, Автомата войны – человекообразной и человекоубийственной «иконы Зверя».

Все мы блуждаем в лабиринте великих городов, как Ледниковые праотцы наши – в лабиринте пещер, где стережет их и нас Минотавр, бог человеческих жертв.

V

Раз уже погубил Атлантиду-Европу дух «титанической, божеской гордости», hybris. «В день паденья твоего, все множество народа в тебе упадет в сердце морей… за то, что ты говоришь: „Я Бог!“ (Иез. 27, 27; 28, 2.)

Древний титан, Homo Musteriensis, украл огонь у богов и сказал: «Я Бог», а должен бы сказать «я вор». То же воровское – во всей «культуре демонов» – культуре вместо религии, пепле вместо огня, – том стынущем пепле, на котором цари Атлантиды сидят, решая: «Мир или война?»

VI

«Ты – печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в Эдеме, саду Божием… Ты был херувимом помазанным… ходил среди огнистых камней… Ты совершен был в путях твоих… доколе не нашлось в тебе беззакония… Внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрешил… За то Я повергну тебя на землю… извлеку изнутри тебя огонь и превращу тебя в пепел… Ты сделаешься ужасом, и не будет тебя во веки» (Иез. 27, 12–19). Только ли о

первой Атлантиде это сказано?

VII

Атлантида была – Апокалипсис будет.

«В один день придут на нее казни… и будет сожжена огнем. И восплачут и возрыдают о ней цари земные… И все кормчие, и все плывущие на кораблях, и все корабельщики, и все торгующие на море стали вдали. И, видя дым от пожара ее… посыпали пеплом головы свои, и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебе, город великий… ибо опустел в один час! – И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет… великий город, и уже не будет его» (Откр. 18, 8–9, 17–21).

VIII

«Бездна правосудия Божьего равна бездне милосердия», – по грозному слову Данте. Будем же помнить его, думая не только об Атлантиде бывшей, но и о будущей.

IX

«Вышли персты руки человеческой и писали против лампады на извести стены: ***мене, мене, текел, упарсин…*** Ис-

числил Бог царство твое и положил ему конец; ты взвешен на весах и найден очень легким» (Дан. 5, 5, 25, 27).

«После той ужасной катастрофы (конца Атлантиды), равновесье было скоро восстановлено: так точны весы, взвешивающие бездны, с одной стороны, и горы, с другой», – говорит современный геолог (Termier, 144–145).

Мир и война – тоже две чаши весов.

X

Что погубило Атлантиду, мы знаем; но мы должны знать, и что ее спасет. Может ли спастись Атлантида, – как будто безумный вопрос, но вот, он поставлен Божественной мудростью: «Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих… ибо ***вся тварь*** совокупно стенает и мучится доныне» (Римл. 8, 19, 22).

«Вся тварь», от начала творения, – значит, и Атлантида.

«Христос… находящимся в темнице духам, сошедши проповедывал, некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению, во дни Ноя, во время строения ковчега, в котором немногие… спаслись от воды» (I Петр. 3, 18–20). Это и значит: погибшим братьям нашим, атлантам, проповедал Господь спасенье, так же как нам, погибающим.

XI

Полчеловека нельзя спасти, можно – только всего; и полчеловечества – нельзя, можно только все.

Странное занятие спасать атлантов? Не более странное, чем спасать себя.

XII

Атлантида – жертва, пусть невольная, но все-таки жертва за нас. Мы должны и можем сделать ее не тщетною. Спасая атлантов, спасаем себя. Бог Гор в египетских таинствах воскрешает отца своего, Озириса: так мы, второе человечество, воскрешаем первое.

XIII

«Лучшее племя людей обитало на вашей земле (до потопа), и вы произошли от его уцелевшего малого семени». – «Если семя не умрет, то не оживет». Семя атлантов умерло, чтобы ожить в нас. Смертью атлантов мы живем, их гибелью спасаемся.

XIV

Древневавилонскому Ною-Атрахазису боги велят перед потопом зарыть в землю, в Шуриппаке, Городе Книг, клинописные скрижали допотопных мудрецов, и, после потопа, все опять начинается от этого «уцелевшего малого семени» (Berossos, Babylon., Fragm. – O. Weber, Die Literatur der Babilonier und Assyrier, p. 97). Все наше «знание-воспоминание», anamnêsis – наследие второго человечества от первого.

Гильгамеш, посетив Астрахазиса,

> Взором проник в глубочайшие тайны,
> С сокровеннейшей мудрости поднял покров…
> Весть нам принес о веках допотопных,
>
> *(Gilg., I, 1–5)*

весть и о Злаке Жизни, том самом, который прозябнет у ног Иисуса, в медном изваянии Кесарии Филипповой, где Петр скажет Ему: «Ты – Сын Божий».

XV

«Ной – остаток ваш», – говорит Атлас-Енох. Спасшийся дух Атлантиды, последний атлант, «Ной утешит землю» (Hén., CVI, 18. – CVII, 3). Это и значит: не только мы спасаем атлантов, но и они спасают нас.

XVI

Древней мудрости «малое семя», зарытое в землю перед потопом, – семя будущего рая, царства Божьего на земле, как на небе, – «да приидет царствие Твое», – вечный мир.

XVII

«Семя Жены сотрет главу Змия», – сказано первому человеку, Адаму, и осталось в памяти первого человечества (Delitzsch, Genesis, p. 149–150). Это слово Бытия – Первое Евангелие: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь».

XVIII

«Тщетною тайною» соблазнили человечество бен-Элогимы, падшие ангелы, те же атланты. Может быть, одну из этих тайн сообщает Кут-Ами (Qut-âmi), пророк набатеян, иудео-вавилонских гностиков в северо-западной Аравии.

Вечность состоит из ряда космических веков-эонов. «В каждом веке сохраняется нетленным тело одного человека-бога; когда же наступает новый эон, Бог воскрешает его, вдыхая дух в него, подобный Духу Своему, и человек тот становится богом для людей того эона, а потом опять умирает и сохраняется в нетлении, чтобы воскреснуть в новом эоне,

и так во веки веков» (Chwolson, Tammuz, 1860, p. 78).

Это очень похоже на «бесконечный прогресс» – самую «дурную» из всех бесконечностей. С чем ее сравнить – с верченьем белки в колесе или метаньем сумасшедшего в камере для буйных, который хочет и не может разбить себе голову о мягко обитую стену? И так – во веки веков? Нет, не так: Бог Человек жил, умер и воскрес только раз в вечности. Много теней – Тело одно. Люди-боги всех погибших миров, Атлантид, – только тени единого Солнца – Сына.

XIX

Очень хорошо говорит об этом бл. Августин: «То, что мы называем христианством, было от начала мира, пока не пришел Христос во плоти, и бывшая от начала, истинная религия не получила названия: Христианство» (A. Jeremias. Die auserbiblische Erlösererwartung, 1927, p. 6). Лучше, точнее нельзя сказать. Это и значит: тени к Телу ведут; боги всех погибших миров, заходящие солнца всех Атлантид, ведут к незакатному Солнцу – Христу.

XX

Связь второго человечества с первым порвана в истории, но уцелела в мистерии – в том, что Шеллинг называет ***«перворелигией человечества»***, Ursystem der Menschheit (Fr. W.

J. Schelling. Ueber die Gottheiten von Samothrace, 1815, 118). Боги мистерий, страдающие, умирающие вместе со своими мирами – Озирис, Таммуз, Адонис, Аттис, Митра, Дионис на Востоке, Кветцалькоатль на Западе – в обеих половинах расколовшегося мира, – суть боги этой перворелигии – горы затонувшего материка, Атлантиды.

XXI

Если наше второе человечество погибнет, так же как первое, не исполнив своего назначения, то его исполнит – третье.

Жизнь мира – Божественная трилогия: Атлантида, История, Апокалипсис – три человечества.

XXII

С тою же божественно-математическою точностью, с какою Херувимы движут солнцами, ев. Иоанн говорит:

> Три свидетельствуют на небе:
> Отец, Слово и Святой Дух,
> и сии Три суть Едино;
> и Три свидетельствуют на земле:
> Дух, Вода и Кровь,
> и сии Три об одном.

(I Ио. 5, 7–8)

Чтобы это понять, надо увидеть три человечества: первое – Атлантиду – крещеное водою потопа; второе – Историю – крестящееся Кровью Голгофы; третье – Апокалипсис – которое будет крещено Духом, Огнем.

XXIII

Первый мир – Отца, второй – Сына, третий – Духа, ибо в трех мирах совершается тайна Трех.

XXIV

Если бы физическое тело двигалось от земли к луне, то достигло бы точки в пространстве, где кончается земное притяжение, начинается – лунное: так человечество, двигаясь от начала мира к его концу, достигает точки во времени, где кончается История, начинается Эсхатология.

Конец мира может быть спасеньем и гибелью, – «новым небом и новой землей, где обитает правда», или хаосом.

Хочет ли человечество жить, как «бессмертное животное»? Хочет, но не всегда. Вдруг начинает томиться, сходить с ума от «дурной бесконечности» и, чтобы вырваться из нее, готово разбить себе голову об стену. Первый припадок такого безумья мы только что видели в мировой войне; может

быть, скоро увидим и второй. «Все будут убивать друг друга». – «Те, кто угнетает и нападает, воюет и убивает, и разрушает все на земле… обратились на людей, чтоб их пожирать»… А потом – и на самих себя: «и ели плоть свою, пили кровь свою». – «Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе… бросались друг на друга, кололи и резались, кусали и ели друг друга. Все и всё погибало».

Только сейчас, после первой всемирной войны и накануне второй, мы начинаем понимать, что возможная цель «бесконечного прогресса» – бесконечная война – самоистребление человечества.

XXV

«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам» (Ио. 14, 27). Вот в нашей «христьянской» Европе самые забытые слова Забытого, самые неизвестные – Неизвестного.

Если же, на краю гибели, Европа все-таки вспомнит о Нем и захочет вернуться к Нему, то боги Атлантиды укажут ей путь к Неизвестному.

Часть II.Боги Атлантиды

1. Европа – Содом

I

«Первое явление Женомужчин, потомков Содомлян, пощаженных небесным огнем» – так озаглавил первую главу в книге «Содом и Гоморра», сердце исполинской, четырнадцатичастной трагедии-повести, писатель, может быть, величайший не только во Франции, но и в Европе наших дней, Марсель Пруст. А под заглавием эпиграф:

> Женщине будет Гоморра,
> Будет мужчине Содом.

За двадцать пять веков после диалогов Платона о «небесной» любви, это явление Женомужчин, Содомлян, и Мужеженщин, Гоморрянок, в самом деле, первое во всемирной истории. В темных углах таилось оно всегда, но только здесь вышло впервые на свет. Пишущий сам обитатель Содома, если и «пощаженный небесным огнем», то, кажется, только наполовину, спасшийся весь в страшных ожогах, полу-

живой. Главная любовь его, Альбертина-Альберт, мужчина, как мы узнаем из жизнеописания Пруста; главное, после него самого, действующее лицо трагедии – кажется, Мефистофель самого Пруста-Фауста, – Шарлюс, цвет того, что мы теперь называем «европейской», а когда-то называли «христианской» культурой, – цвет ума, образования, таланта, изящества, – нисходит до последних глубин падения, до самого дна «Мервого Моря», Содомского, где этот жалкий потомок славных предков, более чистой крови, чем королевский дом Франции, соединяется с народом в новой страшной «революции» – в «свободе, равенстве и братстве» Содома. Шарлюс – «герой нашего времени», так же как Ромео, Дон-Жуан и Вертер – герои своих времен.

«Племя проклятое, – говорит Пруст, может быть, не только о Шарлюсах и Альбертинах-Альбертах, но и о себе самом, – вынужденное жить во лжи и клятвопреступлении, потому что знает, что его желания – то, что для всякого живого творения составляет сладость жизни, – считаются преступными и постыдными, непризнаваемыми; вынужденное отрекаться от Бога, потому что, будучи даже христианами, люди эти, когда появляются на скамье подсудимых, должны, перед Христом и во имя Его, защищаться, как от клеветы, от того, чем они живут; дети без матерей, которым должны они лгать всю жизнь, и даже на их, матерей, смертном одре… Отверженная, но значительная часть рода человеческого, подозреваемая там, где ее нет, дерзко являемая там, где она не угада-

на; считающая верных своих в народе, в войске, в церкви, на троне и на каторге; живущая в опасной и ласковой близости к людям враждебного племени, вызывающая их, играющая с ними, говорящая им о своем пороке, как о чужом, – ложь и слепота других облегчают им эту игру, которая длится иногда многие годы, до дня позора, когда укротители зверей ими пожираются». – «Такие неисчислимые, что можно сказать о них словом Писания: будет потомство твое, как песок морской, – населили они всю землю». И разрушенного Содома восстановлять им не надо: «…он и так везде» (Marsel Proust, Sodome et Gomorre, 267, 269, 283).

II

Что наворожил «Войной и миром» Толстой, мы знаем, – первую всемирную войну; что навораживает Пруст «Содомом и Гоморрой», мы еще не знаем: между Толстым и Прустом явной связи нет, но есть, может быть, тайная. Все у Толстого – к войне; все у Пруста – от войны. Что значит «Война и мир», мы поняли только в войне; только в мире, может быть, поймем, что значит «Содом и Гоморра». Наша война – Атлантида, наш мир – Содом.

III

«Миром правят Нейкос и Филотес, Распря и Друже-

ство», – учит Эмпедокл (J. Girard, Le sentiment reliigieux en Grèce, 1879, p. 237). Или противоположнее, созвучнее: Эрос и Эрис, Любовь и Ненависть, Мир и Война.

«Эрос побеждает Арея, в Афродиту влюбленного», – напоминает лживую басню Платона (Pl., Symp., XIX); в действительности бог войны и бог любви, Эрис и Эрос, – два близнеца сросшихся, всегда друг друга борющих и никогда не побеждающих. Эрос, так же как Эрис, вооружен ядовитыми стрелами. «Дух войны, Полемос, – отец всего», – учит Гераклит. Нет, только один из двух отцов, а другой – Эрос.

То были двух бесов изображенья.
Один (Дельфийский идол) – лик младой —
Был гневен, полон гордости ужасной
И весь дышал он силой неземной.
Другой – женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон – лживый, но прекрасный.

(Пушкин. В начале жизни…)

Первый – лютое Солнце Войны, Аполлон-Губитель; второй – нежная Луна Содома, Дионис-Андрогин.

IV

«Язва убийства» – война: «язва рождения» – Содом.

«Благодарю Тебя, Господи, что я никого не родил и ни-

кого не убил». В этой несколько страшной для непосвященных, как бы содомской, молитве, русский ученик Платона, Вл. Соловьев соединяет эти две язвы в одну.

Пол с войной пересекаются, но точки пересечения, большею частью, слишком глубокие, невидимы.

Главный очаг войны, любовь к отечеству, связывает малые семьи в большие – в роды, народы, племена, связью крови – семени. Это и значит: пол рождает войну; Эрос-Этнос рождает Эриса.

Вот одна точка пересечения, а вот и другая. Proles по-латыни значит «потомство», «приплод»; «пролетарии» – «плодущие», бедняки, у которых нет ничего, кроме детей; пушечное мясо для обеих войн, международной и гражданской, – войны, в собственном смысле, и войны-революции.

«Коммунизм есть явление Ж (абсолютно-Женского) – неразличимое единство… безраздельная слиянность», – определяет Вейнингер (Вейнингер. Пол и характер. Рус. перев., 353). Все – «товарищи», ни мужчины, ни женщины, в равенстве безличные, бесполые, как муравьи в муравейнике.

Милитаризм, обратная сторона коммунизма, есть явление М (абсолютно-Мужского), тоже «безраздельная слиянность», «единство неразличимое», безличное, бесполое. «Многие, слишком многие», по слову Нитцше, рождаются в похоти, слепом Эросе; убивают в ярости, слепом Эрисе. Чем на земле чадороднее, теснее, голоднее, тем воинственнее. Буря войны взметает человеческую пыль «плодущих»,

безличных. Солнце пола сушит человеческий лес для пожара войны.

Эрос – в человеке, Эрис – в человечестве. Кровь сначала загорается похотью, а потом льется на войне. «Язву убийства» – войну углубляет «язва рождения» – блуд, Содом.

V

Тайну Содома и ей наиболее противоположную тайну божественной двуполости, первую – так ясно, как этого не делал никто никогда, вторую – очень смутно, открывает Платон в «Пире».

Некогда было не два, как сейчас, а три пола: мужской, от Солнца, Отца, женский, от Земли, Матери; а третий мужеженский или женомужской, от Луны, причастной обоим естествам – земному, материнскому, и солнечному, отчему. Два пола уцелели, третий – исчез, но след его сохранился в однополой любви мужчин к мужчинам, поклонников Афродиты Небесной, Урании, бессмертной и бесплодной Девы (Pl., Symp., XIX). «Люди третьего пола» влекутся друг к другу, чтобы восстановить единство божественной личности, разрушенное в человеке половым делением. Мужчины любят мужчин, женщины – женщин, потому что для тех в мужском просвечивает женское, а для этих в женском – мужское; как бы золотая россыпь первичной двуполости – целого Человека, Андрогина, бóльшего, чем нынешний человек,

расколотый надвое, на мужчину и женщину, сверкает в темной руде двух раздельных полов.

Вот это-то возможно-большее, первично-целое, совершенное, и пленяет «людей лунного света» в однополой любви.

VI

Двум полам сопутствует третий, как живой земле – мертвая луна, Атлантида Небесная. Если так, то Содом вечен, и величина его постоянна. Рост и убыль его, подобно фазам луны, мнимы; действительная же величина неизменна; неизменно количество, изменяется лишь качество. В наши дни оно изменилось, как никогда, за два тысячелетия христианской истории. Люди всегда и везде воевали, и часть их всегда и везде жила в Содоме; но такой войны, как последняя, и такого Содома, как нынешний, никогда и нигде еще не было.

Главной, внутренней стеной, отделявшей брак от Содома, был «священный ужас»: брак от Бога, Содом от дьявола. Ужас рассеялся, религиозный довод пал, и с ним пошатнулись все остальные, нравственные, социальные, эстетические, научные, философские доводы. Только внешняя стена уцелела – уголовное законодательство. Но святости брака не доказывают законы против содомлян, так же как святыни собственности не доказывают законы против фальшивомонетчиков: те уменьшают прирост населения, эти подрывают

финансы, но с нравственным злом и добром такие соображения не имеют ничего общего.

Может быть, уцелел и главный корень всех нерелигиозных доводов против Содома – слабый пережиток того же священного ужаса: однополая любовь противоестественна. Но мы ведь хорошо знаем, что в жизни многих растений и животных господствуют такие чудовищные, на человеческий взгляд, «половые извращения» вообще, и такой андрогинизм в частности, что лучше бы нам на природу не ссылаться вовсе: все наши человеческие мерки «естественного», «согласного с природой», ею же самой ломаются безжалостно. Да и что такое культура, техника, все человеческое творчество, как не борьба человека с природой, выход из нее во что-то иное, может быть, высшее, то есть, в последнем счете, движение человека против или сверх естества? Почему же мы включаем в это движение все, кроме пола?

И, наконец, последний, отчаянный довод: род человеческий Содомом прекращается, а надо, чтоб он продолжался. Но почему надо, мы не знаем. Лучшая часть его – первохристиане – ждала, и большая часть его – буддисты – все еще ждет конца своего, как избавления, и надо сказать правду, ход мира вовсе не таков, чтобы легко было доказать, что ожидание это безумно или безнравственно.

VII

Вот в чем изменилось качество Содома в наши дни. Пруст не ошибся: «первое явление Женомужчин» произошло недаром: вышли на свет и уже в темноту не выйдут. Содом глубже, чем думает брак; день брака заходит, восходит ночь Содома, святая или грешная, благоуханная или смрадная, – это смотря по вкусу. Пал Сион, Содом восстал. Племя, «отверженное» некогда, теперь уже таким себя не чувствует: древнее проклятье снято с него, и огненный дождь ему не страшен. Третий пол смотрит прямо в глаза двум остальным и говорит: «Я, как вы; я лучше вашего; я первенец создания, свет мира, соль земли: вы – половины, я – целое».

VIII

Вот небывалое. Был «Божий мир», pax Dei, и люди, воюя, знали, что нельзя воевать, убивать: «не убий», смутно помнили; был Божий брак, и люди, живя в Содоме, знали, что Содом – ужас и мерзость. А теперь разрешили себе и то и другое, ***по совести***, так беззащитно-преданы, как никогда, этим двум язвам – войне и Содому.

Демону пола, неумолимой Судьбе, Адрастейе, как называют его Фригийские таинства бога Аттиса, – «исступленному обоих полов вожделению», insana et furialis libido ex

utroque sexu nata, как называет его один тогдашний христианский писатель, – этому искушающему демону совесть человеческая, в наши дни, в молчании всех религий, отвечает, как императрица Юлия Домна ответила сыну своему, Каракалле, на ложе кровосмешения: «si libet, licet, если хочешь, – можно» (Spart., Carac., X).

Свежий румянец на Европейское яблочко все еще наводит лютое лицемерие, особенно в англосаксонских странах (вспомним гибель Оскара Уайльда), но сердцевину яблочка уже изъел червь Содома. Мир никогда еще не был под таким грозным знаком двойного конца: Европа – война, Европа – Содом.

IX

Книга Вейнингера «Пол и характер» появилась в 1903 году, после самоубийства автора. «Я убиваю себя, чтобы не иметь возможности убивать других», – писал он перед смертью. Многие могли бы это сделать и сказать, через десять лет, накануне войны, но только один Вейнингер понял, что между полом и войной есть какая-то страшная связь: «половое соитие родственно убийству» (Вейнингер).

Вейнингер, двадцатилетний юноша, ненавистник женщин, – новый Аттис, мог бы так же, как тот, древний, оскопившись у ног Адрастейи, двуполого демона, воскликнуть: «Вот тебе то, чем причинил ты столько безумств и зло-

действ!» (Arnob., contra nation., V. 7)

X

«Я мог бы наполнить багровыми клубами дыма мир, но не хочу; и сгорело бы все, но не хочу», – скажет Розанов, противоположный двойник Вейнингера, женолюбец, итифаллический, вожделеющий Аттис (был и такой), или устами Розанова, все тот же демон с двойным лицом – войной и Содомом, поджигатель всех обреченных миров, Атлантид (В. Розанов. Опавшие листья, 1915, II, 11).

Нитцше, Розанов, Ленин – личность, пол, общество. Первая искра пожара вспыхнула в личности, долго и незримо тлела в поле, и, наконец, пламя выкинуло в обществе и «багровыми клубами дыма» наполнило пока еще только Россию, но, может быть, наполнит мир, и «сгорит все».

«Дух вынут из пола, и умирающее тело его заражает зловоньем своего разложения цивилизацию», – остерегает Розанов (В. Розанов. В мире неясного и нерешенного, 1904, с. 102). Да, нынешний пол Европы – Дантова «злая яма», mala boggia, – самая ледяная и черная бездна Ада: в нее-то все и проваливается, как Атлантида; внешний провал – война, внутренний – Содом, и какой из них глубже, трудно сказать.

«Я думаю: не можно ли эту цивилизацию послать к черту на рога, как несомненно от черта она и происходит?» – скажет Розанов (В. Розанов. Люди лунного света, 1913, с. 267).

Розанов скажет – Ленин сделает.

XI

«И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься; ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня. Но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе» (Матф. II, 20–24). Это, может быть, и о нашем Капернауме, бывшей христианской Европе, сказано.

XII

В двух диалогах Платона об Атлантиде, «Тимее» и «Критии» дана эсхатология войны, а в двух диалогах об Эросе, «Федре» и «Пире», – эсхатология пола. Общие корни их уходят в «тайное знание» орфиков, но, кажется, связь их остается самому Платону непонятною, может быть, потому, что и здесь, в Эросе, так же как там, в Атлантиде, концы с концами у него не сходятся.

«Когда же постепенно божеская природа истощилась в них (атлантах), и человеческая окончательно возобладала над божеской, то они уже не могли вынести того, что имели, и ***развратились***».

Начали развратом, кончили войной; Эрос начал, кончил Эрис. Это и значит: Атлантида, гибель первого мира, – Вой-

на и Содом вместе.

«Всякая плоть ***извратила*** путь свой на земле», – подтверждает Платона Бытие. Как извратила, мы знаем по опыту нашей собственной плоти – «первому явлению Женомужчин»; знаем и по Книге Еноха. Очень знаменателен этот религиозный опыт народа Божьего, Израиля, почти накануне Рождества Христова, почти у колыбели Его: «Ангелы, погрязшие в похотях», по толкованию Климента Александрийского, соблазненные как будто «небесною», «ураническою», а на самом деле, слишком земною, любовью к дочерям человеческим, учат их «язве рождения» и «язве убийства», Содому и войне – «вытравлять плод» и «ковать оружье». – «Как Содом и Гоморра… подобно им (падшим Ангелам), блудодействовавшие и ходившие за иною плотью, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример, так точно будет и с мечтателями сими», – остерегает Послание Иуды (Иуд. 8, 8). Эти «мечтатели» – уранисты, содомляне.

Первые, по Книге Еноха, научились воевать не мужчины, а женщины, или, точнее, мужеженщины, «амазонки», – «плоть, извратившая путь свой на земле», – женская половина Содома:

> Женщине будет Гоморра,
> Будет мужчине Содом.

Десять тысяч из двадцати – значит, половина «воинов –

стражей», phylakes, управляющих допотопными Афинами, по мифу Платона, – «амазонки», и богиня их, Афина Тритония, – мужеподобная Дева, Амазонка. Рядом с атлантами, у подножья горы Атласа и у озера Триториса, откуда и Афина Тритония, жили амазонки, – сообщает Диодор миф или преисторию (Diod., III 63, 6; 54; 55. – Berlioux, Les Atlantes, 1883, p. 127–128). Если так, то вот где корень Войны и Содома – в Атлантиде, в первом человечестве.

XIII

«Зевс решил наказать развращенное племя людей (атлантов)… и, ***собрав богов, сказал им так…***» На этих словах обрывается «Критий», диалог об Атлантиде – Эрисе; продолжение в диалоге об Эросе – «Пире».

«Крепки и могучи были тела их, велика отвага; это внушило им дерзкое желание взойти на небо и сразиться с богами, как повествует Гомер об Эфиальте и Оте (гигантах-титанах), – сообщает Платон, кажется, древний орфический миф об андрогинах, людях погибшего первого мира. – Зевс совещался с богами, что предпринять. Дело было трудное: боги не хотели истребить человеческий род, как некогда истребили гигантов, поразив их молнией, потому что богопочитание и жертвы прекратились бы; но и дерзости такой терпеть не могли. Наконец, после долгого совещания с богами, Зевс сказал им так: „Я, кажется, нашел способ сохранить и усми-

рить людей: должно уменьшить силу их. Рассеку их пополам, и они ослабеют“ (Pl., Symp., XIV–XV). Зевс уже не истребляет людей, как древних гигантов, молнией, а только рассекает их пополам, тоже, вероятно, молнией; небесным огнем казнены будут и люди третьего пола в Содоме.

«Дерзость», hybris, «дух титанической, божеской гордости» погубил атлантов; губит и андрогинов, и падших ангелов: тем внушает желание «взойти на небо и сразиться с богами», этим – сойти на землю, чтобы поднять ее на небо и сразиться с Богом: та же «дерзость», тот же бунт – в войне атлантов и в любви андрогинов-ангелов, в Эрисе и в Эросе.

XIV

«Зевс, собрав богов… сказал им так» – это в «Критии»; «Зевс после долгого совещания с богами, сказал им так» – это в «Пире». Те же слова, тот же смысл в обоих мифах, об атлантах и андрогинах. Кажется, ясно, что это не два мифа, а один – в двух разных порядках, и можно только удивляться, что этого не видит сам Платон. А может быть, и видит, но скрывает от нас, непосвященных, и даже от самого себя эту слишком святую и страшную тайну Конца: если бы увидел ее, умер бы от страха, не дописав «Пира», как, действительно, умер, не дописав «Атлантиды».

XV

Страшно Платону, страшно и нам. Сколько бы ни успокаивал, ни уверял нас «божественный учитель», Сократ, что любовь «уранистов», «небесников» (несколько смешное, но глубокое слово), в самом деле, «небесная», потому что ищет «не столько тела, сколько души» (но и ***тела***, вот невольное и важное признание), – в этой любви все-таки дышит Содом, этот рай пахнет адом. Прав Сократ, что уранист любит жертву свою, «как волк любит ягненка» (Pl., Symp., XVIII). Плотских любовников ждет меньшая награда, чем духовных, но все же небесная (Pl., Phedr., XXXVII). Верно угадал и Квитилиан, зачем Алкивиад ложится на ложе Сократа и проводит с ним долгую зимнюю ночь под одним плащом: pati voluerit… sed corrumpi non posset, хотел, но не мог его соблазнить, чтобы получить от него этою ценою «мудрость» и «добродетель», за что Сократ не осуждает его, – напротив (Quintil., Institut, VIII, 4, 23. – Pl., Symp., XXXIV).

«Бредом пьяных» назвал Аристотель все учение Платона об Эросе, так же ничего не поняв в нем, как в «Атлантиде». Нет, страшно то, что если это и «бред», то не пьяных, а трезвых; страшно невозмутимое спокойствие, чистая совесть, с которыми все это говорят и слушают лучшие люди и ученики «лучшего из людей» – Сократа. В голову никому из них не приходит, что святою может быть не однополая, «небес-

ная» любовь, а земная, двуполая; женщиной даже не гнушаются они, а просто не видят ее, как солнца не видят безглазые рыбы глубин; солнце дневное не греет их – греет солнце – луна, как русалок, Океанид, дочерей подводного царства, где погребена Атлантида.

Только сравнивая их чувства с нашими, мы начинаем понимать, как изменился в христианстве самый состав религиозного воздуха. Может быть, наш новый Содом хуже древнего, но он уже не тот.

XVI

Страшно говорить о тайне божественного Эроса, в наши содомские дни; но без нее ничего не поймешь в Европе-Содоме, даже тучи, нависшей над ним и готовой разразиться огненно-серым дождем, не увидишь.

Тайна божественного Эроса, скрытая в древних мистериях – может быть, наследие второго человечества от первого, – открывается нам или откроется когда-нибудь в Божественной Троице. Говоря нашим языком, всегда о Боге слабым и грубым, даже в чистейших молитвах и откровениях невольно-кощунственным, можно сказать: вечно-мужественное – в Отце, вечно-женственное – в Духе Матери («Дух», по-еврейски Ruach – женского рода), а сочетание этих двух начал – в Сыне: церковь, Тело Христово, – Невеста, а сам Христос – Жених; это и значит: два начала в Нем

– вечно-женственное и вечно-мужественное.

Дьявол, «обезьяна Бога», подражает ему во всем, – и в этом: бог Содома, Андрогин, – искаженный, страшно сказать, в дьявольском зеркале, Сын. Древние это могли не видеть, – мы не можем. Вот почему новый Содом хуже древнего: «…и ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься».

XVII

Три Ангела посетили Авраама у дуба Мамврийского: Ангел Отца, Эль-Элиона, Ангел Сына, Эль-Шаддая, и Ангел Духа-Матери, Эль-Руаха (Быт. 18, I. – Delitzsch, Genesis, 331, s. s. – H. Gressmann, Mose und seine Zeit, 1913, p. 55; 426). Первый остался с Авраамом, а второй и третий пошли к Лоту в Содом. Ночью, «все городские жители, Содомляне, от молодого до старого, весь народ со всех концов города, окружили дом и вызвали Лота, и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их».

Вот лунная ночь Содома, благоуханная или смрадная, смотря по вкусу. К мужеженской прелести ангелов воспылали неземною любовью «небесники», уранисты. Это ли «божественный Эрос» Платона-Сократа?

«И очень приступили к Лоту, и подошли, чтобы выломать дверь. Тогда мужи те (здесь, может быть, содомлянам ангел Духа-Матери кажется Мужем, а гоморрянкам ангел Сына,

Жениха, – Невестою) простерли руки свои и ввели Лота к себе в дом, а дверь дома заперли. А людей, бывших при входе, поразили слепотою, от малого до большого, так что они измучились, искав входа».

Тою же слепотой поражены до сего дня гости Платонова «Пира» – все неисчислимое, как песок морской, вездесущее племя содомлян: ищут входа в брачный чертог и находят «злую яму».

«Солнце взошло… и пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь с неба. И ниспроверг города сии… И встал Авраам рано утром… и посмотрел к Содому и Гоморре… и увидел: вот, дым подымается от земли, как дым из печи» (Быт. 19, 1–28).

– «Я мог бы наполнить багровыми клубами дыма мир, и сгорело бы все», – говорит, в наши дни, демон Содома, в «первом явлении Женомужчин». – «И дым мучений их будет восходить во веки веков», – скажет Ангел Апокалипсиса.

XVIII

«За что казнил Господь Содомлян?» – спрашивает Талмуд и отвечает: вечный мир и согласие царили у них, земля их была плодородна, стада многочисленны, и были они всеблаженны и всепрекрасны, но так пресытились этим блаженством, что забыли Бога; за это Он их и казнил (В. Розанов. В соседстве Содома, 1914, с. 12).

Здесь Талмуд как будто повторяет Платона: «Будучи уже не в силах вынести того, что имели, развратились они (атланты)… И, слепые, почитали себя всеблаженными и всепрекрасными, в то время как пресытились они неправедным богатством и могуществом». – «И Зевс решил их казнить». Это и значит: Атлантида – Содом; тот же грех – та же казнь.

XIX

«Лот возвел очи свои и увидел всю долину Иорданскую, что она, прежде нежели истребил Господь Содом и Гоморру, вся орошалась водою, как сад Господен», земной рай (L. Schneller. Kennst du das Land? 1925, p. 346–347). Раем земным была и Атлантида, Остров Блаженных.

Мертвая, у Мертвого моря, земля так доныне опустошена, бесплодна, проклята, пропитана нефтью, солью, селитрою и серою, так похожа на ад, как ни одна земля в мире; котловина глубокая – ведьмин котел с ядовитым сгустком на дне – морем синим, как синий купорос. Но радужно-светящиеся горы Галаада и Моава все еще кажутся райскими; райскою свежестью дышит из горных ущелий, по вечерним и утренним зорям, благоухание лавророзовых кустов, и бальзамных вересков сквозь смрадную серу и нефть, как воспоминание рая в аду.

Нынешние бедуины-пастухи сохранили память о Содоме и Гоморре в именах двух гор, Уздом-Гамура (Usdom-

Gamûra). В очень ясные, как бы райские, зимние утра, на восходе солнца, воды Мертвого моря, металлически-тяжелые, густые, купоросно-синие, легчают, яснеют, прозрачнеют, так что можно видеть, говорят пастухи, подводное чудо на дне – два затонувших города, окруженных райскими садами и рощами; оба из белого мрамора и золота, такого великолепия, какого не было, нет и не будет никогда на земле (L. Schneller. Kennst du das Land? 1925, p. 346–347).

XX

Атлантида на западе, Содом на востоке, – два крайних звена одной цепи, а между ними – Европа. Или, в другом порядке: от Ермона, куда нисходили падшие ангелы, святые воды Иордана текут в Мертвое море, а посередине выходит из вод крещения Спаситель мира, еще или уже Неизвестный.

XXI

Гибель великих цивилизаций от войны и разврата – общее место всемирной истории – только здесь в мифе-мистерии об Атлантиде, гибели первого человечества, получает и для второго – необщий, грозный смысл, или, вернее, два смысла. В те дни, так же как в наши, война и разврат делаются небывалыми по качеству, – крайним, кромешным, уже не человеческим, а сатанинским злом Вот первый смысл, а второй,

мало одной воды и одного огня, – нужно их соединение, чтобы произвести вулканический взрыв – конец Атлантиды: так мало одной войны и одного разврата, – нужно их соединение, чтобы произвести духовный взрыв – конец нынешнего человечества.

В этих двух смыслах, первый конец подобен второму, Атлантида подобна Апокалипсису. «Я увидел жену, сидящую на звере багряном». Жена – великая Блудница – Разврат, а багряный Зверь – Война. «И держала золотую чашу, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее», и «упоена была кровью святых» (Откр. 17, 3–4; 6).

Похоть пылает огнем в крови, кровь льется на войне, как вода: вода и огонь соединяются в один вулканический взрыв – конец мира.

XXII

Вспомним древнемексиканские рисунки человеческих жертв (Codex Fejervary-Mayer), где тоже соединяется сладострастие лютое с лютою жестокостью в одну религию дьявола. Так – в обеих гемисферах, восточной и западной, в обоих человечествах, первом и втором.

Если такие разные, такими безднами пространства и времени разделенные миры, как древние мексиканцы, эллины, иудеи, христиане, ничего друг о друге не зная, вспоминают и предсказывают одно, то очень похоже на то, что эти совпа-

дения относятся к действительному религиозному опыту человечества, – к тому, что, наверное, было и, вероятно, будет. Все это и значит: Разврат и Война грозят соединиться, как два конца одной веревки, в мертвую петлю на шее второго человечества, так же как первого. Очень плохой для Европы знак, что они уже соединяются, и знак еще хуже, что этого почти никто не видит.

Кажется, еще не поздно: если бы только увидеть петлю, можно бы ее развязать. Но увидим ли, – вот вопрос.

2. Стыдная рана

I

Весь христианский эон протекает под знаком божеской личности – Христа, или демонической – Антихриста; весь эон дохристианский – под знаком божеского или демонического пола. Тайна Одного – Сына – открывается в христианском эоне; в дохристианском – тайна Двух – Отца и Матери.

II

Надо современного человека вывернуть наизнанку, как бы перевести из трех измерений в четвертое, чтобы показать ему, что пол и Бог связуемы, что это «проклятое место» может быть святым. Две отдаленнейших, противоположнейших точки в христианской сфере мысли, чувства и воли – Крест и Пол. Всякая попытка их сближения кажется невыносимым кощунством или просто безумьем.

III

Что такое половая любовь, только ли воля к продолжению рода или еще что-то большее, – мы об этом не думаем; древ-

ние люди всех религий – от Иеговы и Аммона-Ра, итифаллических (с поднятым фаллом), до оскопленного Аттиса – только об этом и думали. Пол для нас явление; для древних – явление и сущность, нечто земное и небесное.

Можно ли молиться, думая о поле? Этого вопроса для нас нет вовсе, потому что слишком ясно, что нельзя; для древних этого вопроса тоже вовсе нет, потому что слишком ясно, что можно и должно. «Вся языческая религия струится от пола». – «Вся древность непрерывно внимает полу» (В. Розанов. В мире неясного и нерешенного, с. II, 119).

Смертный рождается, чтобы умереть; пол в рождении связан со смертью, страшен и свят, как смерть. Если должно молиться пред лицом смерти, то, казалось бы, и пред лицом пола: нам это легко понять, но сделать не трудно, а невозможно.

Думать о смерти на брачном ложе нельзя, просто глупо, так же как о браке – на смертном ложе; глупо для нас, но не для древних: все религиозно-половые мистерии, – а других нет, – от Озириса до Аттиса, только и делают, что соединяют эти два ложа, брачное и смертное. Но для нас древние мистерии, в лучшем случае, только грубые, полудикарские (это в Еливзисе, во дни Перикла) «земледельческие культы плодородья», а в худшем, – «половое помешательство», psychopathia sexualis, по учебнику Крафт-Эбинга. Как будто древние, по крайней мере, в ту пору, когда создавались мистерии, в IX–VIII вв. до Р. Х., не были телесно и душевно здоровее нашего, а может быть, и целомудреннее; как будто

не знали они, что такое страх Божий и человеческий стыд. Но знали и то, чего мы уже не знаем, – что пред лицом Божьим падает покров стыда: наг, вышел человек из Божьих рук, и наг, вернется в них.

IV

«Если бы не Дионису совершались фаллогогии (праздничные шествия Фалла), то были бы они делом постыднейшим; но вот, Дионис и Аид – один и тот же бог», – учит Гераклит (Heracl., fragm. 127. – E. Pfleiderer, Die Philos. d. Heracl. v. Eph. im Lich. te der Mysterienide, 1886, p. 28). Бог любви – Дионис, бог смерти – Аид. Это значит: смысл фаллических таинств – вовсе не «земледельческий культ плодородья», как думают христианские атеисты, ученые невежды, а любовь, через смерть ведущая в вечную жизнь; так, по Гераклиту, а ведь он, посвященный в мистерии, больше, конечно, знал о них, чем мы.

V

Hoc tupre membrum, «сей гнусный член», говорит бл. Августин о священном фалле в Аттисовых шествиях (August., de civitate Dei, VII, 21), и через пятнадцать веков вторит ему Вейнингер: «Освящаемый (в мистериях) фалл есть нечто сатанинское: вот почему центр Дантова Ада занимают половые

части Люцифера» (Вейнингер, 1. с., 367). Это и значит: пол провалился в ад, в преисподнюю, в Мертвое море Содома.

Viribus Aeterni, «Полу Вечного» (Бога) посвящен Аттисов жертвенник первых христианских веков (H. Craillotl Le culte de Cubèle, 1912, p. 219). Пусть это грубо, дико для нас, но не безбожно; мы же культурно, утонченно и как будто благочестиво посвящаем жертвенник viribus Satana.

VI

Розанов и Вейнингер недаром противоположные двойники-современники: в них воплотилась раздирающая нас антиномия: пол в Отце, противопол в Сыне.

«Пол имеет свое содержание и положение трансцендентно-религиозного нумена (сущности). Он – второе, темное лицо человека. Он выходит из границ естества; он внеестествен и сверхъестествен… Это пропасть, уходящая в антипод бытия, здесь, и единственно здесь, выглянувший в наш свет», – говорит Розанов так, как будто своими ушами слышал, своими глазами видел то, что происходило в Елевзинском анакторе и в Самофракийском святилище (В. Розанов, 1. с., 110). Это и значит: «Дионис и Аид – один и тот же бог»; пол и смерть – одна и та же пропасть, уходящая из этого мира в тот. Пол есть единственно живое, кровно-телесное «касание мирам иным», единственный выход из своего тела в чужое, из ***я*** в ***ты***, из тайны Одного в тайну Двух.

VII

В Лидии, Фригии, Этрурии – всюду, где совершались религиозно-половые мистерии, —ставились на свежих могилах каменные столбики, фаллы (Albr. Dietrich, Mutfer Erder., 1905, p. 104). Древний фаллический культ, думают современные ученые, есть не что иное, как «естественная религия плодородья или деторождения». Что же значат фаллы на могилах? Мертвые не могут родить, но могут родиться в вечную жизнь – воскреснуть. Пол эмпирический есть воля к деторождению, безличному роду; пол трансцендентный – воля к бессмертной личности.

Крест на могилах понятен для нас, фалл – чудовищен. Там, где человек умер, – крест, но не там, где родился; выход из жизни свят, грешен вход; можно с крестом умереть, но нельзя родить, так же как убить.

VIII

Эрос, по учению Платона, вечный «строитель мостов», от нас отлетел, и все наши мосты рушатся; рушится и этот главный, соединявший время с вечностью, смерть с бессмертием, мост любви. Но вот один из камней его – чудом уцелевший обломок языческой мистерии в христианском таинстве. В воду крещальной купели погружается горящая свеча, с мо-

литвою:

> Ab immaculato divini fontis utero in novam
> renatu creaturam progenies coelestis emerget.
> Из непорочного чрева божественного Источника
> в новом исходит рождении небесное чадо.

(A. Dietrich, 1. c., 114)

Здесь вода купели – ложесна Матери, а крещальная свеча – огненный фалл. Римский священник, безбрачный, полускопец, погружает фалл в ложесна. Тем-то Церковь и чудесна, божественна, что, заключая в себе такие сплетения противоположностей, – не умирает от них, а живет. Только крепчайшие сцепления химически-противоположных атомов образуют живую клетку органической ткани; только сильнейшее напряжение положительного и отрицательного электричества дает грозовую искру-молнию. «Молния – кормчий всего». – «Противоборствующее – соединяющее», по Гераклиту (Heracl., fragm. 64; 8).

IX

Две силы царят над людьми, Похоть и Голод. Голод решает судьбы людей в настоящем поколении; похоть – в настоящем и в будущих. Муки голода кончаются с ним; мукам похоти нет конца. Голод – бич земной; похоть – земной и небесный. Все помогают или делают вид, что хотят помочь голодному;

никто – страдающему похотью. Солнце светит над голодным; похоть прячется в ночь. С голодом люди борются, зрячие; с похотью – слепые. Голод говорит, похоть молчит. Гибель от голода – ужас; от похоти – ужас и стыд.

X

«Стыдная рана», pudendum vulnus, сказал кто-то из древних посвященных о ране оскопившегося бога Аттиса (H. Bebding. Attis, seine Mythen u. sein Kult, 1903, p. 3). – «Вот тебе, Агдистис, то, чем причинил ты столько безумств и злодейств!» – воскликнул мученик-бог, кидая свой отрезанный фалл к ногам Адрастейи-Агдистис, двуполого Демона.

«Стыдная рана» всего человечества – пол. Рана болит, и стыд на боль – огонь на рану.

XI

Эрос, бог всепобеждающий,
Бог любви, ты над великими
Торжествуешь, а потом,
Убаюканный, покоишься
На ланитах девы дремлющей.
Пролетаешь чрез моря,
Входишь в хижину убогую…
Ни единый в смертном племени,

Ни единый из богов,
Смерти чуждых, не спасается,
Но страдают и безумствуют
Побежденные тобой.
Ты влечешь сердца к преступному
И к неправедному праведных.

(Sophocl, Antig., Chor. IV, str. I antistr. I)

В этом суде над Эросом глубже Платона Софокл, проще и правдивее. Если бы напомнили ему о «небесной», однополой любви, он, вероятно, ответил бы, что эта любовь еще хуже земной, двуполой. Посвященный в мистерии, знал он или мог бы знать, что брак есть путь, а Содом – тупик или «злая яма»; знал и то, что путь от проклятого Эроса к благословенному – только в мистерии, где исцеляется «стыдная рана».

XII

Волей-неволей, каждая чета новобрачных совершает и доныне мистерию Эроса, но, большею частью, в слепоте, во мраке, в кощунстве. Ложе новобрачным стелет сатана, и Ангел Хранитель отходит, плача. «Половое соитие родственно убийству».

На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем:

Так безрассудный дуралей,
Вотще решась на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело;
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо.

(Пушкин. Сцена из Фауста, 1825)

«Ложе брака нескверное», – повторяем мы мертвыми устами. Но вот, «и в браке – Содом», как верно замечает Пруст (M. Proust. Sodom et Gomorre, 274). Сколько лож содомских на одно нескверное!

XIII

«Центр Дантова ада занимают половые части Люцифера», но ведь и в Рай не ввела бы бесполого Данте Беатриче бесполая. Как же относится пол его, земной, к ее, неземному, – вот вопрос, заглушенный не древним, а новым «половым помешательством» – нашей религиозною глухотою к полу.

XIV

Некогда алхимики мечтали о «сублимации», «превращении» неблагородных металлов, свинца или меди, в золото, а нынешние химики, действительно, превращают, хотя и в ни-

чтожных количествах, уголь в алмаз. Нечто подобное происходит и с полом в древних мистериях.

Два примера такой «сублимации» мы уже видели: надгробные фаллические столбики и пугающий нас в христианском таинстве обломок языческой мистерии – крещальная свеча, огненный фалл. А вот еще пример, нам очень трудно понятный, но, может быть, один из чудеснейших.

Иаков, на пути в Харран, «пришел в одно место и остался там ночевать, потому что зашло солнце. И взял один из камней того места и положил себе изголовьем, и лег на том месте», в открытом поле, под звездным небом. «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь Бог Авраама, отца твоего… не бойся… Благословятся в тебе и в семени твоем все племена земные»…

Падают звезды-аэролиты с неба на землю, как Божий свет. Семя небесное – Млечный Путь; семя земное – потомство Иакова.

«Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно, Господь присутствует на месте сем; а я не знал. И убоялся и сказал: как страшно место сие! Это не иное что, как ***Дом Божий***, это ***Врата Небесные***».

Все древние мистерии только и делают, что говорят о поле – месте Божьем в человеческом теле – словами Иакова.

«Самый ком земли, из которого образовано это место, –

объясняет Розанов, – вовсе иного происхождения, чем прочие части тела, и относятся к ним, как, наприм., метеоритное железо (вещество падающих звезд – тело „нисходящих и восходящих по лестнице ангелов“) – к железу обыкновенному. – «***Пол*** – инкрустация в тело» (В. Розанов, 1. с., 111, 318). В тело человеческое божеская или демоническая инкрустация; будущее золото в свинце, в угле алмаз.

XV

«И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятным столбом (точно таким же, как те надгробные столбики-фаллы во Фригии, Лидии, Этрурии, а может быть, и здесь, в Ханаане), и возлил елей на верх его… И положил Иаков обет, сказав: этот камень, который я поставил, будет у меня ***Домом Божиим*** – Бэт-Илем, Beth-il» (Быт. 28, 14–22. – Delitzsch, Genesis, 398.). Beth значит «дом»; il – El, значит «Бог». Это тот самый древнеханаанский и израильский Эль-Элогим, Бог-Боги, Три в Едином, чьи Ангелы явились Аврааму, у дуба Мамврийского, перед истреблением Содома: Эль-Элион, Отец; Эль-Шаддай, Сын; и Эль-Руах, Дух-Мать.

После победы Иагве, нового Бога Синайского, единого, над древним Элогимом, ханаано-израильским, единотроичным, бэтили уничтожены. «Не делайте себе кумиров… и столбов не ставьте у себя, чтобы поклоняться им, ибо Я –

Господь Бог ваш» (Лев. 26, I). Но сквозь новое единство Иагве триединство Элогимов просвечивает, как на сводах нынешней Царьградской Софии, сквозь белую известку, – золотые архангелы.

Помнит ли поклонник Иагве, сохранивший в новом Бытии этот древний элогистский обломок, что значит сон Иакова? Если и помнит, то нам уже не говорит, – может быть, скрывает, по завету всех мистерий «скрывать глубины», kryptein ta bathea (E. Pfleiderer, 1. c., 63).

XVI

«Смысл его темен, ratio in obscuro», – говорит Тацит о Пафосском бэтиле, черном, гладком, конусообразном камне-аэролите, подобном «ристалищной мете», посвященном Афродите Урании (Tacit., Hist., II, 3). Тацит забыл, что на таком же точно камне, перевезенном из Пергама на Палатин, в 205 г., во время нашествия Ганнибала, основано все величие Рима. «Темный смысл» бэтиля мог бы объяснить ему св. Климент Александрийский, посвященный, до своего обращения в христианство, в мистерии Кибелы-Аттиса: конус бэтиля есть небесный знак земного пола – зведный или солнечный Фалл.

То же означают и египетские обелиски, так же как дольмены, и мэнгиры, эти исполинские камни мегалитической древности в обеих гемисферах, в Европе, Азии, Африке и

Америке, – вечные вехи, ведущие из истории в преисторию, из второго человечества в первое. Самое древнее, сильное в религии есть и самое сгущенное, сосредоточенное, сплошное, массивное, цельное – духовно-плотское, небесно-земное: Вещество – Божество. Может и камень сделаться «домом Божьим», «Лестницей Иакова», где восходят и нисходят Силы Небесные. Дерево наших Древних чудотворных икон кажется насквозь пропитанным, как бы «намагниченным», живою верою молящихся: так же и камень бэтилей.

Эти черные, обугленные, небесным огнем опаленные камни-аэролиты суть семена Божьего сева. «Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле, и возрастил сад Свой, и взошло все, что могло взойти, но, взращенное, живет лишь чувством своего соприкосновения таинственным мирам иным», – толкует, сам того не зная, старец Зосима у Достоевского звездную мудрость бэтилей (Достоевский. Братья Карамазовы).

«Всякое обоюдополое слияние есть пролет целых созвездий человеческих душ – Млечный Путь… Наше сознание померкло… засыпанное светом и могуществом промелькнувших метеоритов… как бы небо на нас рассыпалось и подавило нас… до уничтожения», – толкует Розанов (В. Розанов, 1. с., 118).

«Умножая, умножу семя твое, как звезды небесные», – обещает Бог Аврааму (Быт. 22, 17). Семя человеческое преображается в небесное – в Млечный Путь; черный уголь по-

ла «Возносится», «сублимируется» в звездный алмаз.

XVII

В Библосе, Пафосе, Амафонте, Эдессе и других «священных городах», «иераполях», бог-богиня, Сын-Мать, Адонис-Астарта, Ваал-Ашера, заключены в одном бэтиле, мужеженском (Ch. Villay. Le culte et les fêtes d'Adonis-Thammouz, 1904, p. 58). Самый конус его означает естество мужское в Боге, а борозды и выемки в подошве конуса – естество женское; весь бэтиль – бог Андрогин, Мужеженщина (H. Vincent. Canaau, 1914, p. 127). Что это значит? На этот вопрос отвечает Гераклит:

> «Льнет природа не к подобному, а к противоположному, и рождает из него некое созвучие, гармонию». – «Из противоположного – прекраснейшая гармония». – «Так, без сомнения, сочетала она (природа) мужское с женским и первичное установила согласие с помощью противоположностей». – «Все противоположности в Боге».
> *(Heracl., fragm. 8, 10, 67)*

Сказанное здесь о Природе-Космосе можно бы сказать и о Логосе-Эросе, чье имя недаром упоминает Гераклит, за семь веков до Филона и ев. Иоанна: «Логос прежде был, нежели стать земле» (Heracl., fragm. 31. – Pfleiderer, 1. c., 98).

XVIII

В каждом электроне-атоме, учит и нынешняя физика, «природа сочетала мужское с женским в прекраснейшую гармонию и первичное установила согласье с помощью противоположностей»; каждый атом заключает в себе два полюса одной силы – притяжение и отталкивание: первое начало – страдательное, наполняемое, женское; второе – деятельное, наполняющее, мужское. В этом смысле каждый Атом есть бог Андрогин или Бэтиль, Мужеженщина; самое существо Материи – Богоматерии – мужеженское. Космос есть явление двуполого Эроса-Логоса.

Вот почему, и в мифе Платона (Орфея), тела андрогинов, подобно солнцам, телам небесным, и монадам, первичным телам, – совершенно круглые, на оси своей вертящиеся сферы (Pl., Symp., XIV). Ту же двуполость и, отчасти, ту же круглость сохраняют и небесные тела, упавшие на землю, – конусообразные камни бэтилей.

XIX

Этой физической полярности атомов-солнц соответствует физиологическая двуполость эмбрионов. Прежде чем выбрать один из двух путей восхождения, развития («лестница Иакова»), к мужчине или женщине, к Адаму или Еве, каж-

дый зародыш, или то, что им будет в мутном ядре семенной клетки, сочетает в себе «мужское с женским в прекраснейшую гармонию». В этом смысле, каждый из нас, в утробной или небесной вечности – райском сне до рождения, был Андрогином, одним из тех богоподобных существ, которым, в мифе Платона, «великая сила и отвага внушили дерзкое желание взойти на небо и сразиться с богами». Может быть, это и есть наш «первородный грех» – то, за что миг рождения, молния времени, рассекает нас пополам, на мужчин и женщин.

XX

В той «неземной геометрии», по которой боги или ангелы строили мир, конус Бэтиля мужеженского – Отец и Мать в Сыне – простейшая геометрическая фигура Двуполости и Троичности в божественном Эросе-Логосе, как бы увиденный глазами Нумен Пола. Ибо в нашей земной геометрии трех измерений пол разделяется пространством на мужской и женский, а в четвертом измерении – вечности – он был, до рождения, и будет, после смерти, соединен, восстановлен в первичном единстве.

Догматом космически-божественной двуполости, основным во всех древних мистериях или, точнее, в единой Мистерии, «Перворелигии» всего человечества (Ursystem Шеллинга) предсказан христианский догмат божественной Тро-

ичности, потому что «будут два одною плотью»; два в едином, – только начало, а конец – Три в Едином – Троица.

XXI

Догмат двуполости брачной, завет Адаму: «Будут два одною плотью», так же как завет Аврааму»: «Умножая, умножу семя твое, как звезды небесные», – оба эти завета суть крайний антипод Содома, ибо в Содоме никто никогда не рождается, а от Авраамова семени родится Сын Божий, Спаситель мира.

XXII

Надо быть слепым, чтобы не видеть, по обрезанию, освящению пола в Боге, что Ветхий Завет есть мистерия пола, брачный союз человека с Богом. «Ты Жених крови у меня, по обрезанию», – говорит Сепфора, жена Моисея, обрезав сына или мужа (толкование возможно двойное) и кидая крайнюю плоть к ногам Иагве (Ис. 4, 24–26). И новый Жених нового Израиля – тоже «Жених крови, по обрезанию», – это мы все забываем: «по прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать Младенца, дали Ему имя Иисус» (Лук. 2, 21). Так оба Завета спаяны кровью обрезания – мистерией пола. Можно отвергнуть оба, но нельзя, как мы это делаем, отвергнув Ветхий Завет, принять Новый.

Именно здесь, по линии пола, и совершается разрыв двух Заветов, проходит между ними разрез – меч, рассекающий два человечества, древнее и новое: как бы змею разрубили на два куска; оба шевелятся, хотят срастись, не могут, и умирают.

XXIII

Может ли их соединить христианство? Происходит ли в самом христианстве «вознесение», «сублимация», земного Эроса к Небесному? Как относится новый догмат Божественной Троичности – Отец, Сын и Дух – к древнему догмату божественной двуполости – Отец и Мать в Боге?

Страшно, повторяю, говорить об этом, в наши содомские дни, когда дьявол искажает в чудовищном зеркале лик Сына и Матери; так страшно, что кажется иногда, лучше молчать. Но ведь и молча не спасемся; молча мы все погибаем, пряча «стыдную рану». А спастись можно, и даже легко, только бы вспомнить Забытого, узнать Неизвестного.

XXIV

«Суть Евангелия – нуль пола». Существует «мировая несовместимость влюбления и Евангелия… Любовь пройдена в нем гробовым молчанием, и даже преднамеренным, потусветным… Капля влюбленности испепеляет страницы

чудной книги» (В. Розанов. Люди лунного света, 57. – Темный лик, 255). Это говорит Розанов, или тот, кто за ним, кто «мог бы наполнить багровыми клубами дыма мир, и сгорело бы все», но пока «не хочет», потому что час его еще не пришел. Чтобы так говорить о Евангелии, так не видеть его или, может быть, так видеть, надо ослепнуть слепотою, в самом деле, кромешною, содомскою. Кажется, этого никто никогда не говорил так ясно, так прямо в лицо Христу, но, увы, сейчас, и уже давно, почти все, даже пламенно верующие, молча думают или чувствуют именно так.

«Да любите друг друга, как я возлюбил вас». Мысль, что между этою небесною любовью и земным эросом-влюблением может быть связь, – одна эта мысль как будто, в самом деле, «испепеляет страницы чудной книги». Не значит ли это, что Евангелие и есть «нуль пола», и, «как только в месте пола вы поставили значащую величину, единицу или дробь, поставили ***что-нибудь***, вы отвергли, ниспровергли Евангелие», и самого Христа (В. Розанов. Люди лунного света, 57).

Но если так, что же значит: «Будут два одною плотью»? Кем и где это сказано? Им же, Христом, здесь же, в Евангелии, а сначала Богом Отцом, при сотворении человека. Слово Отца повторяет и отменяет Сын; в Его устах оно обман и ложь, мнимая величина, «нуль пола». Сын лжет об Отце, чтобы обмануть людей, выдать Себя не за то, что Он есть, скрыть под светлою личиною «темный лик»; чтоб не узнали – страшно сказать – ***чей Он, действительно, Сын.*** Так

именно думает или хотел бы думать Розанов; так должны бы думать и все, кто разрывает связь между двумя Заветами, Отчим и Сыновним, любовью брачною: «Да будут два одно», и любовью братскою: «Да будут все одно» (Ио. 17, 21), между земным и небесным Эросом.

Или что значит «Христос Жених, Церковь Невеста», и «сыны царства – сыны чертога брачного», и «брачная вечерня Агнца»? Кажется, ясно даже злейшим врагам Евангелия, что в нем пустых слов или только «поэтических образов» нет вовсе, – все полновесны, значительны, решают судьбы мира, к добру или злу, но на веки веков. И эти – о Женихе, о браке, о двух в одной плоти и всех в одной братски-брачной любви – тоже, конечно, не пустые слова и не только поэтические образы. Но что они значат, мы еще или уже не знаем, не понимаем или не помним, забыли окончательно.

Розанов прав о всех вообще словах Евангелия, а об этих особенно: «тихий ветер этот потряс основание земли и сорвал вершины гор» (В. Розанов. Темный лик, 248). Ветер тихий, тихое дыхание, но из чьих уст, Розанов не знает, почти никто не знает, может быть, потому что это самое неизвестное в Неизвестном.

XXV

Горе наше в том, что, за две тысячи лет, мы так привыкли к словам Евангелия (как будто можно к ним привыкнуть,

если только ***слышать*** их раз!), что уже оглохли, ослепли к ним окончательно; твердим их, как таблицу умножения, бессмысленно. Но, если бы мы могли чуть-чуть отвыкнуть от них и вдруг услышать так, как будто они сказаны не за две тысячи лет, а вчера-сегодня, то, может быть, мы ужаснулись бы, поняли бы вдруг, что это самые неимоверные, невыносимые, невозможные для нас, «безумные», как дважды два пять, самые нечеловеческие из всех человеческих слов.

«Кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Матф. 5, 42). Нет, среднего, даже доброго человека, даже «христианина» наших дней легче заставить содрать с себя кожу, чем снять рубашку без суда – по суду, пожалуй, не так трудно, – и мир как будто на этом стоит: если бы все обиженные, вместо того чтобы судиться, снимали с себя рубашки с легкостью, то очень похоже на то, что миром овладели бы негодяи и разбойники; им-то правило это как будто больше всего на руку: вот уже две тысячи лет, только и делают, что внушают его не себе, конечно, а другим.

Или еще непонятнее, безумнее: «Вы слышали, что сказано древним: люби ближнего твоего и ненавидь врага, а Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас» (Матф. 5, 43–44). Это так невообразимо для нас и так привычно-слепо, что, повторяя это, как дважды два пять, мы уже ничего не чувствуем, ни даже того, что не чувствуем. За две тысячи лет

кто не говорил, что любит врага, – кто, действительно, любил его, кроме святых, «небесных человеков, земных ангелов», таких, как Франциск Ассизский, один на сколько миллионов людей, а ведь это сказано ***всем***? Даже ап. Павел любит ли врага, когда учит благотворить ему, чтобы «собрать на голову его горящие угли»? О любви к врагам сказано всем; но выйти на улицу с твердой надеждой найти на мостовой алмазы вместо булыжников, не то же ли самое, что сказать всем людям: «Любите врагов»?

Или еще непонятнее, еще страшнее: «Кто не возненавидит отца своего и матерь свою…» Хочется, не дослушав, бежать от страха.

Слыша такие слова, люди, может быть, не злые и не глупые, а обыкновенно добрые и умные, решили: «В этом Человеке бес». – «И, услышав, ближние Его пошли взять его; ибо говорили они, что он вышел из себя – ekstatê сошел с ума» (Мрк. 3, 21). Ближние – братья, сестры, Матерь Его, – а ведь знала же мать, Кого родила. Но если бы и мы это услышали вчера-сегодня, то сказали бы то же.

XXVI

Что такое брачная любовь, земной эрос, знаем отчасти и мы, грешные, по опыту; но что такое любовь братская, эрос небесный, или, точнее, небесно-земной, – братски-брачная любовь, – мы совсем не знаем; это знают только святые. Но

вот что удивительно: все, что так непонятно, страшно для нас в небесной любви, agapê, как ее называет Евангелие, становится простым, легким и радостным в любви земной, эросе. Любящие друг друга, влюбленные, не судятся и отдают друг другу все до последней рубашки. Если же один любит, а другой ненавидит, то любящий любит и врага, и это так естественно, что ему не надо говорить: «Люби». – «И оставит человек отца и мать, и прилепится к жене своей», – так же естественно.

Эрос, любовь земная, учит любви небесной, агапе. Только здесь, в эросе, сказал впервые человек человеку: «Люблю», назвал любовь по имени.

Укрощает Эрос
И зверей свирепых…
Только что в их сердце
Темное проникнет
Золотым лучом.

(Euripid., Hippol., chor. IV)

И тварь бессловесная – всеми голосами, и немая – всеми красками, благоуханьями, говорит: «Люблю».

Сказанное Платоном о мнимо-небесной любви можно бы сказать и об истинной: «малое войско любящих победило бы весь мир» (Pl., Symp., VI). Раз уже победило, – может быть, и снова победит.

И вот что еще удивительно: сколько бы мы ни привыка-

ли, ни глохли, ни слепли к евангельским словам, наступает почти для каждого из нас такая минута, когда он вдруг чувствует в них огненное жало, и, если бы минута эта продлилась, то, может быть, он почувствовал бы, что жало это ***двойное*** – любви и влюбленности, Агапы и Эроса. Есть уголь во всяком алмазе, есть влюбленность во всякой любви.

XXVII

«Мировая несовместимость влюбления с Евангелием»? Нет, несовместимость влюбления с миром без Евангелия.

«Пол» – грубое и плоское, анатомическое слово; но, говоря этим словом, Евангелие не «нуль пола», а полнота его, плерома, такое солнце любви – влюбленности, что люди слепнут от него: так Розанов ослеп, ослепли Содомляне всех веков и народов, и до сего дня, тычась, как слепые щенки мордами, ищут света во тьме.

XXVIII

Боги Атлантиды, боги древних мистерий, не похожи на Сына, как тени – на солнце; но как по теням видно, где солнце, так видно по ним, где Он. Все они любят людей, страдают и умирают за них; все, от Диониса преэллинского до Кветцалькоатля древнемексиканского, соединяют в себе «мужское с женским в прекраснейшую гармонию»; все благовест-

вуют любовь братски-брачную – «да будут два едино», – конец Содома, и вечный мир – «да будут все едино», – конец войны.

XXIX

«Это не боги, а бесы». Ну, еще бы! Сколько веков пробыли в безднах морских, где пропахли тиною; сколько веков пробыли в аду, где пропахли смолою и серою. Их боятся и брезгуют ими христиане, но Христос не побоялся и не побрезгал: сошел к ним в ад и вывел их из ада.

Нет, не боги сделались бесами, а бесы – богами.

Лик младой
Был гневен, полон гордости ужасной
И весь дышал он силой неземной, —

бог Войны.

Другой женообразный, сладострастный, —

бог Содома. Эти, впрочем, остались в аду, – вышли другие, неизвестные, так же как Сошедший к ним в ад неизвестен.

XXX

Боги Атлантиды, первого человечества погибшего, – вечные спутники второго, может быть, погибающего, – легкими тенями порхают около нас, как неуспокоенные души забытых, но не забывших друзей; шепчут нам что-то на ухо, в чем-то остерегают, как вещие сны; слабо жужжат, как зимние пчелы; слабо хватают нас призрачными дланями – может быть, хотят остановить на краю пропасти; манят куда-то, как далекие звезды, куда-то ведут, как вехи на вечном пути.

О, если б мы их услышали, поняли, чье имя у них у всех на устах, от какого солнца все они тени; если б узнали во всех этих лицах лицо одного Неизвестного.

3. Из Атлантиды в Европу

I

В самом начале XX века, в развалинах Кносского дворца на о. Крите, найден древний, языческий крест, гладкий, из бело-серого, волнистого мрамора, восьмиконечный, равнобедренный, до того по виду схожий с нашим христианским крестом, что присутствовавший при находке греческий священник перекрестился и поцеловал его «с неменьшим благоговением, чем, должно быть, поклонялись ему древние», замечает английский археолог, Артур Эванс, открывший Кносс (Art. Evans. Palace of Monos, 517).

Может быть, священник не так ошибся, как это кажется нам: поклонился в чужом кресте своему, потому что ведь и тот был знаменьем страдающего бога-жертвы, чье первое имя нам неизвестно, а имена позднейшие – ханаано-израильское – «Адонай», «Господь мой», и греческое – «Адонис».

Только тенью нашего креста был тот, критский, как только тенью жертвы Голгофской, был тот, безыменный, бог, но святостью тела и тень свята. Кносский крест относится к середине или началу второго тысячелетия – временам до-Моисеевым; но подобные этому кресты могли быть и раньше,

во времена до-Авраамовы: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь».

II

Кносский крест даже более похож на нынешний христианский, чем на Голгофский, – орудие римской казни, виселицу-кол, stauros, с не пересекающей его, а только наложенной и прибитой к нему перекладиной для рук, patibulum, так что виселица напоминает латинское Т, Иезекиилево tau (Dussaud, Les civilisations préhelliniques, 373), или выжженные на лобных костях пещерных женщин Ледниковой древности, вероятно, солнечно-магические знаки, тоже в виде буквы Т.

Что же такое это сходство двух крестов – миносского, может быть, до-Авраамова, и нашего христианского, – чудо или случай? Выбор и здесь, как везде в религии, свободен. Но если миносский крест, так же как маянские, на Юкатане, тольтекские, в Анагуаке, и Ледниковый, на Мас-д'Азильской гальке, мохнатый, точно из звериного меха, живой, и бронзовые, Бронзового века, крестики-спицы в колесиках, – если и этот, как те, только упрощенная, с отломанными углами, свастика угольчатый крест,

солнечно-магический знак, то возможная чудесность в сходстве этих двух крестов, нашего и критского, не отменяется, потому что ведь и наш тоже, в известном смысле, – «магический» знак, знаменующий победу вечного Солнца – Сына.

Да, выбор свободен: или оба креста случайны, или оба, хотя и в бесконечно разной степени и в разных смыслах, чудесны.

III

Рядом с миносским крестом, вспомним юкатанские, сначала так обрадовавшие, а потом напугавшие Колумбовых спутников. Древний, материковый, и духовный, Атлантический мост между двумя гемисферами рухнул; уцелели только две крайние сваи – Юкатан, Крит, – и на обоих Крест, а между ними, Ледниковый, бывший, и, может быть, огненный, будущий Крест Атлантиды-Европы.

IV

«С Крита, – полагает Эванс, – крест занесен в Палестину, где после тысячелетнего сна и забвения, снова вознесся Крестом на Голгофе» (Dussaud, 1. с. 373). Кем и когда занесен? «Керетимами», kheretim, по еврейскому подлиннику Библии, «Критянами», krêtoi, по переводу LXX толковников, или «Кафторимами», kaphtorim, поселенцами с о. Кафтора, Kaphtor, египетского Keftiu, того же Крита, – племенами, столь часто упоминаемыми в Библии, а также «Филистимлянами» Peleschtim, египетских памятников (Палестина – Филистимия), тоже критским племенем (Evans, 1. с., 666. – Lichtenberg, Die Agäische Kultur, 1918, p. 133). Пятикнижие Моисеево относит начало Кафторимских – Критских поселений в Ханаане к баснословной или доисторической древности – к «потопу» – «Атлантиде», по мифу Платона (Быт. 10, 14. – I Паралип. I, 12), а конец их мы можем отнести уже к истории, к 1700 и 1400 году (Fimmen, Die Kretisch-Mykenische Kultur, 1921, p. 213), когда два великих землетрясения опустошили Крит, и люди, вероятно, бежали с острова на твердую землю, в Ханаан.

«Господь разорил Филистимлян, остаток острова Кафтора», – Крита (Иер. 47, 4). – «Не Я ли вывел Израиля из Египта и Филистимлян из Кафтора, – говорит Господь» (Ам. 9, 7). Два «исхода» – два чуда. Что это значит? «От Египта воз-

звал я Сына Моего» (Ос. II, I). Сына – Израиля, для самого пророка, а для нас – Христа. Если бы даже только тень Его воззвал Господь с Кафтора-Крита, то эти два исхода, Израильтян и Критян, – два равных чуда, и даже второе для нас больше первого.

V

Крит… колыбель нашего рода святая.
Greta… gentis cunabula nostrae, —

говорит Виргилий (Aeneid., III, v. 105.); то же могли бы и мы сказать о Крите, святой колыбели христианства.

Крит сквозь Ханаан-Палестину, Св. Землю, проступает для нас, как древнее в палимпсесте письмо – сквозь новое. Только теперь мы начинаем открывать под единобожием Израиля – верхним слоем навеянных из Синайской пустыни зыбучих песков – многобожие мнимое, действительную троичность, – черный и влажный тук Св. Земли, может быть, питающий корни Галилейской лилии – Евангелия. В этом смысле можно бы сказать, что домоисеева, доавраамова тень христианства есть ***критианство***.

VI

Первый чудный дар критских поселенцев Ханаану –

Крест; второй – святые воды Иордана.

Критское племя кидонов, как мы узнаем из Гомера, «обитало у светлых потоков Ярдана» (Odys., III, v. 292). Имя его перенесено в Палестину: здешний Иордан – Ярдан критский. Память о том сохранилась в имени одного из притоков Иордана, – Krith, нынешний Kilt, у Иерихона (L. Schneller, 1. c. p. 353, 367, 366).

И, наконец, третий дар – Голубь.

> …Там, в городах многолюдных, Сирийских,
> Белые голуби, птицы священные, вольно летают.
> …Volitet crebras intecte
> Alba palestino sancta columba Syro, —

вспоминает, в поздний римский век, Тибулл (Fr. Cumonti. Les religions orientales dans le paganisme romain, 1909, p. 173). Но голубь – в Ханаане священная птица уже с незапамятной древности.

Многими веками отделены Микены от Миносского Крита, но внутренне, в религии, связаны с ним. Найденная в третьей гробничной шахте Микенского Акрополя золотая, тисненная бляха-брактея изображает голую девочку, лет девяти, с тремя летящими к ней голубками. Судя по множеству таких же троичных критских символов, и эти три голубка – символ троичный, а девочка – великая богиня Мать, чьи бесчисленные глиняные и каменные изваяньица находятся уже в неолитных слоях, по всей Европе, Северной Аф-

рике и Западной Азии, от Персидского залива до Атлантики. Та же богиня – критоминосская Британмартис, Britomartis (имя это позднейшее; древнее – нам неизвестно) – «Благая», «Кроткая», «Голубиная», или сама Голубка-Жертва, будущая спутница Афродиты Небесной, Урании, – страдающая Мать, Mater dolorosa; женский двойник бога Сына, – «всех людей и богов Матерь», по гимну орфиков (Evans, 1. c., 224. – Lagrange, La Crete ancienne, 1908, p. 99. – Orph. Hymn., 27; 7).

VII

«Сниди, Дух Святой, сниди, Голубица Святая, Матерь Сокровенная!» – такова молитва крещения в «Деяниях Фомы», Acta Thomas (Henneke, Neutestamentalishce Apokryphen, I, 270). Гностики-офиты совершали таинства крещения и причащения, во имя Духа Матери (W. Bousset. Hauptprobleme der Gnosis, 1907, p. 66). – «Матерь Моя, Дух Святой», – говорит Иисус в Евангелии от Евреев (Origin., in Ioan., t. II, 6. Opp. IV, 63 sq. – A. Resch, Agrapha, 1906, p. 216).

«…Когда же Иисус, крестившись, молился, отверзлось небо, и Дух Святый нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с неба, глаголющий: Ты Сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение» (Лук. 3, 21–22). В лучших и древнейших списках св. Луки, засвидетельствованных бл. Августином, св. Климентом Александрийским,

бл. Иеронимом и Епифанием (August., de consens, evang., II, 14. – Clement A., Praed. I, 6. – Epiph., Haeres., XXX, 13), последние слова читаются так: «Ты Сын Мой возлюбленный; Я днесь родил Тебя, egô sêmeron gegenêka se». Кто родил, Он или Она, не слышно в окончании греческого слова gegenêka; но по-еврейски «Дух», Ruach, по-арамейски Rucha, женского рода; значит, следует читать: «Я днесь ***родила*** Тебя». Главный смысл Богоявления – сошествие Духа, от Него же исходит и «глас», – есть явление Духа-Матери.

Вспомним, что ни у Марка, ни у Иоанна нет вовсе бессеменного зачатия от Девы Марии: Сын для них (так поняли не только еретики-докеты, но и многие православные иудеохристиане первых веков) рождается на небе вечно, а на земле, в миг сошествия Духа.

В начале творения «тьма была над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1, 2). Смысл подлинника еврейского: Дух, «слетая, распростирал крылья» над хаосом, как птица-наседка над яйцами. Дух-Голубь высиживает мир-яйцо (Delitzsch, Génesis, 79–80). Он был над водною бездною, хаосом; Он же и над водою крещения.

Вот какой Голубь залетел с Ярдана Критского на Иордан Палестинский.

VIII

Голубь, Иордан, крест – все критское; как же не сказать:

критианство уже христианство? Как не вспомнить Шеллинга: «Всемирная история есть эон, чье содержание вечное, начало и конец, причина и цель, – Христос»? (Д. С. Мережковский. Тайна Трех, 28.) Это значит: всемирная история – надо бы прибавить: и преистория – есть геометрическое пространство, в котором строится тело Христа.

IX

О, конечно, все эти пророческие тени ровно ничего не значат, если, как еще недавно думал кое-кто из ученых невежд, все христианство и сам Христос – «миф», и если Иисуса, как исторической личности, не было. Но если Он был, то по этой четко черной на белом песке Ханаана и Критского берега тени мы могли бы узнать Того, Кто и за нами стоит, все еще неузнанный.

X

В начале XIX века, вышел из гроба Египет, в середине века – Вавилон, в конце – Хеттея, а в самом начале XX – Крит.

Трое уже говорят, четвертый нем: критских письмен мы читать еще не умеем. Но и немой, только что выйдя из гроба, Крит уже осенил себя крестным знаменьем.

Так восстают перед нами мертвый за мертвым, Лазарь за

Лазарем. Что это значит? «Отче, пошли его в дом отца моего; ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтоб и они не пришли в это место мучения». «Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Лук. 16, 27–28, 31).

XI

Есть на небе звезды, потухшие до начала нашей истории, и только теперь мы узнаем о них по ярко вспыхивающим блескам – заревам пожаров, истребивших эти миры: так узнаем мы о Крито-Эгейской древности.

XII

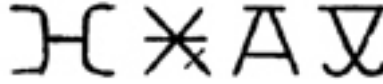
Город Кносс, Knôsos, одна из двух столиц Крита, северная, обращенная к Европе (другая, южная, Фест, Phaistos, обращена к Африке), основан около 8000 лет до Р. Х., следовательно, почти современен концу Атлантиды, по мифу Платона (Evans, 1. c., 35). Мы, в самом деле, увидим, что Крит есть мост из Атлантиды в Европу.

Самый глубокий в Кноссе, геологический слой черной земли из угля, пепла, человеческих костей и кухонных отбросов достигает, по исчислениям итальянского археолога Анжело Моссо, двенадцатитысячной древности (Ang. Mosso, Escursioni nel Mediterraneo e pgli savi di Creta, 1907,

р. 3). Кносский дворец разрушался, по-видимому, несколько раз землетрясениями, пожарами и нашествиями варваров, но непрерывная и цветущая жизнь его продолжалась 3000 лет. Что это значит, мы поймем, если представим себе, что какое-либо здание существовало непрерывно от дней Троянской войны до нашего времени.

Все еще юны древние камни; в мутно-опаловой, с розово-лазурными жилками, млечности алебастровых глыб, все еще как будто льется теплая кровь (A. Mosso, 1, с., 42).

Надпись на одной из них, в развалинах Фетского дворца, – четыре знака, такие знакомые, похожие на греко-латинское письмо, что кажется, вот-вот прочтешь:



Судя по месту, на стене дворцовой часовни, это, может быть, имя одного из великих критских божеств, – не самой ли Пречистой Девы Матери, ихней и нашей? (A. Mosso, 1, с., 42)

Antiquam exquirite matrem.
Матери древней ищите.

(Virg., Aeneid., III, v. 96)

XIII

В чудно-нетронутом виде уцелело многое в Кноссе и Фесте; но не в большом, а в малом, это всего удивительней. Глина одной из печатей сохранила как будто оттиск тех, друг в друга входящих кружков, какие бывают на нежных кончиках девичьих пальцев: точно прикоснулась к свежей глине и запечатлела на ней свой божественный след сама Океанида, дочь Атласа (A. Mosso, 1, c., 51).

XIV

Крито-Эгея – мать Европы. Кажется, наша европейская цивилизация получила начало свое не от арийцев (индо-германцев), как думали прежде, а от предварившего их на тысячи лет так называемого «средиземноморского племени» (Mediterranean race), пришедшего откуда-то с Запада, двумя путями, через Северную Африку и по Средиземному морю. Крито-эгейцы – гомеровские этеокритяне, пелазги, лелеги, ликийцы, израильские kaphtorim, египетские keftiu, – принадлежат к этому племени (A. Mosso, Le origine della civilta Mediterranea, 1910, p. 332), безбородому, смугло-красному, так же как египтяне и племена древней Америки – ацтеки, тольтеки, майя. Это «красные», «краснокожие», phoinikes, «Финикийцы», не в новом историческом, а

в древнем, баснословном или доисторическом, смысле. Как бы рдяный отблеск вечного Заката, Запада, – на лицах, и в телах – та «красная глина», afar, из которой вылеплен Адам, первый человек первого человечества (Dussaud, 1. с. 447).

От арийского племени брахицефалов, короткоголовых, отличаются крито-эгейцы, долицефалы, длинноголовые не только строением черепа, но и языком: судя по родственным кароликийским корням имен собственных и географических, этот язык – не арийский и не семитский (H. R. Hail. The two Labyrinths-Joun. of Hellen. Stud., v. XXV, 1905, p. 323). Корень слова «железо», общий всем арийским племенам, еще до их разделения, в крито-эгейских языках отсутствует: люди Бронзового века не знают железа (A. Mosso. Escursioni, 265). Только с боевым конем, тоже неизвестным на Крите, и с железным оружьем, начинается война, в новом европейском смысле, – война, как «всемирная история». Индо-германцы, европейцы, – война; критяне – мир.

…Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел, —

(Odys., VI, v. 270)

могли бы сказать и они. Стрелы и луки индо-германцам нужны, в высшей степени.

Только с нашествием северных варваров, ахеян и дорян, занесен в Южную Европу «геометрический стиль», сухой, отвлеченный и мертвенный, механический, столь про-

тивоположный органическому, живому, растительно-животному, крито-эгейскому (Формаковский. Культуры эгейская, критская и микенская). Геометрия, механика, железо, война – вот первые шаги просто «культуры» или «культуры демонов»; вот с чем пришло в Европу наше Арийское племя.

XV

Крит связан с Европой, но не с новой, «железной», а с древней, «каменной», «бронзовой». В неолитных слоях юго-западной Франции резьбы и рисунки на костях и рогах северных оленей напоминают критские. Может быть, и сходство эгейских письмен с греко-латинскими восходит к общей неолитной древности (Lichtenberg, 1. c., 133).

Стоит только взглянуть на широкие юбки-колокола и осино-тонкие, перетянутые, как бы перерезанные, станы пещерных менад в Когульской росписи, чтобы убедиться, что между Кро-Маньоном и Критом существует если не племенная, то духовная связь.

XVI

Связь с Египтом еще несомненнее. Очень вероятно, что она восходит к доменесовой династии «Мертвых полубогов», nekyes, hêmitheoi, Манефона и Туринского папируса, – может быть, «царей Атлантов» (См. выше: Атлантида, гл. XI.

Ледниковый Крест, XII).

Два глиняных черепка, эгейский и египетский, положенные рядом, кажется, принадлежат к одному сосуду. Это значит: Египет и Эгея суть две расходящиеся ветви одного расцветшего на побережьях и островах Средиземного моря, неолитного дерева. Третья ветвь – Вавилон-Хеттея. Мы увидим, как эта историческая троичность связана с религиозной.

XVII

Области такой громадной, как Крито-Эгея, не охватывали своим духовным влиянием ни Египет, ни Вавилон, ни Хеттея (Формаковский, 1, с., 36). Сердце мира бьется здесь, на Крите; первая духовная всемирность – «мир всего мира» – здесь.

На Амафонтской патере, священнодейственном блюде, времен Моисеевых, ассиро-вавилонские ангелы оплодотворяют Древо Жизни египетским петельным крестом, ankh; египетская Изида распростирает крылья; Гор-Младенец выходит из лотоса, рядом с хеттейскими сфинксами: боги всех веков и народов соединились для какого-то общего дела (Dussaud, 1. с., 307).

В этой божественной «чаше смешения» как бы уже бродит вино будущей эллино-римской – христианской всемирности.

XVIII

Геродот, «отец истории», не сохранил никакой, Фукидид почти никакой памяти о крито-эгейской древности. Только у Гомера мерцают ее последние отблески. Греки вообще беспамятны: около IX века, за четыре века до Перикла, для них кончается история, начинается миф: это как если бы мы забыли Возрождение и Реформацию. Но то, что уже окончательно забыто историей – путь с древнего Запада на новый Восток, – все еще смутно брезжит в мифе.

С Крита начинает Геракл свой путь на крайний Запад, в страну Гесперид, Вечерниц, дочерей Атласа (Diodor., IV, 17, 3. – Berlioux, 11). Может быть, и Одиссей догомеровский, Uthuxe, Uthste, этруро-пелазгийский (Ed. Gerhard. Gesammelte Akadem. Abhandlungen, 1866, p. 130), начинает оттуда же, с Крита, свой путь в Царство Мертвых, Nekyia – то же имя, как доменесовой династии «Мертвых полубогов»…

Критская богиня Европа – мать критского бога-царя Миноса. Имя нашего материка, матери нашей, «Европа» – от нее. Что оно значит, мы уже не помним. В ней живем, но лица ее не видим, как утробные младенцы не видят лица матери. Древние помнят. «Европа есть Деметра», – приоткрывает Павзаний, может быть, одну из тайн Елевзинских мистерий (Pausan, IX, 39, 5. – A. B. Cook. Zeus 1914, p. 524). «Европа», значит Страна Заката, Сумеречная, Темная, Skoteinê», – со-

общает этимолог Гезихий (Hesych., s. v. Europe. – Cook, 531).

Темная, Скорбная, всех скорбящих Матерь, Деметра Achaïa Елевзинская, – Ледниковая «Изида» Брассемпуйской пещеры, четырнадцатилетняя девочка с простым, тихим и грустным лицом (См. выше: Атлантида, гл. XIV. Ледниковый Крест, V), или та, на Микенской тисненой бляхе, голая девочка с тремя летящими к ней голубками, – великая Мать Земля, «всех богов и людей Матерь», – вот кто наша Европа.

XIX

Критскую богиню Европу, дочь Финикии, «Красной земли», но, может быть, не новой, восточной, а древней, западной, – похищает критский Зевс-Бык. Прядающий, пенящийся, ослепительно белый, nimio candore perfusus, вал морской несет юную богиню на о. Крит, в Гортину, не новым путем, с Востока, а древним, с Запада (Гортина в западной части острова), чтобы здесь сочетаться с нею в любви под вечно зеленым явором, райским Древом жизни (Drerup, Homer, 1903, p. 95, 105).

Два у Европы лица, – восходящая над морем, красная луна, злая колдунья Геката, и кроткая, белая Голубка, Бритомартис, луна заходящая, падающая в море, – мертвая спутница живой земли, Атлантида небесная, или угасшее светило первого человечества, – тоже зашедшая, упавшая в море, Атлантида земная.

Лунный, смертный путь – серебряный в море, лунный столб; им несет Европу критский и, может быть, атлантический, Бык: вспомним бога Быка, приносимого в жертву царями атлантами. Это и значит: путь в Европу из Атлантиды – Крит; Крит – Атлантида в Европе.

XX

Как могла родиться поэтическая сила Гомера в общем упадке всех остальных искусств в VII–VIII, самом варварском веке эллинства, спрашивает Эванс и отвечает: «Сила эта заключалась в догомеровском, микено-миносском эпосе; может быть, песни Гомера только перевод с языка какого-то преэллинского племени» (Evans, Minoan and mycenean element in Hellenic life. – Journal of Hellen. Stud., XXXII, 1912, p. 293). Это слишком сильно сказано: эпос Гомера, конечно, не перевод; но, может быть, готовая канва эпической ткани действительно дана была Гомеру в незапамятно древних сказках-былях критских мореходов (Drerup, 131).

«Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы» (Odys., XIII, v. 166), кажется, баснословные двойники уже Гомером забытых критян. Очень знаменательно, что при описании Крита в «Одиссее» доряне упоминаются только как одно из многих здешних племен, еще не завоевавших острова (Odys., XIX, v. v. 172–179): значит, стихи эти сложены до нашествия дорян (около 1000 г.). Так же знаменательно,

что все изобретения, все искусства греков выводит Гомер из чуждой Финикии, может быть, смешивая новую, восточную, «Красную землю» с древней, западной. Если так, то тут «анахронизм», несовременность Гомера Троянской войне. Он уже забыл или ***хочет забыть*** родную миносскую древность. Что это значит?

XXI

Найденный в критских раскопках, резной гематит изображает охотничьего пса с бьющейся в когтях его ланью (Evans, 1. с. 293). Точно такое же изображение – на золотой пряжечной бляхе Одиссеева хитона (Odys., XIX, v. v. 225–231): как будто он потерял ее на Крите, а мы ее нашли и, по этой находке, уличаем Гомера.

Видел я в Крите, в царевом дворце,
Одиссея…
Там исправлял он свои корабли,
потерпевшие в бурю.

(Odys., XIV, v. v. 382–383)

…В Крите гостил Одиссей

(Odys., XIX, v. 185)

Нет, кажется, больше, чем «гостил», – жил, родился.

Крит, а не Итака, – настоящая Одиссеева родина (Drerup, 127). Критскими «баснями», apologoi, обманывает он сначала богиню Афину, потом свинопаса Евмея и, наконец, Пенелопу. Афине выдает себя за критского вождя, не захотевшего служить Идоменею в Троянском походе; Пенелопе – за Идоменеева брата, Девкалионова сына, Миносова внука, Анитона (Odys., XIX, v. v. 180–184). Девкалион, греческий Ной, современник потопа, конца Атлантиды, – отец Одиссея, может быть, спасшегося от гибели Атланта.

Вот что скрывает Гомер или тот, кто нашептал ему незапамятно древние сказки-были. И хитрым Улиссом обмануты все, вот уже три тысячи лет.

…Так за неправду чистую правду
Он выдавал, —

говорит об Одиссее Гомер (Odys., XIX, v. v. 203–204), а о самом Гомере можно бы сказать: так чистую правду он выдавал за неправду. Зачем?

XXII

Слишком добрая, старая нянька, Гомер, любит баюкать нас чудными сказками, скрывать от нас под олимпийскою дымкою титанические пропасти. Скрыл бы, конечно, и пропасть Атлантиды, если бы знал о ней сам.

Три баснословных острова – Крит, Итака, феакийская

Схерия – как бы три скорлупы на орехе, три на окне занавески. Если мы откинем их и заглянем в окно, то, может быть, увидим настоящий остров, такой страшный и святой, что о нем надо молчать, как молчат ацтеки об Ацтлане, кельты – об Аваллоне, халдеи – об Араллу, и египтяне, может быть, лучше всех знающие все, – об Атлантиде.

XXIII

Греция – упадок Микен, Микены – Крита, Крит – Кро-Маньона, а Кро-Маньон – может быть, упадок Атлантической древности: ряд упадков, затмений, – наступающие сумерки Европы – Сумеречной, Темной, Skoteinê.

Северные варвары, Ахеяне, разгромив Эгею, развеяли по воздуху оплодотворяющую пыль эгейского цветка – Эллинство – до самых стен Илиона, до первой всемирной войны Востока с Западом (падение Трои около 1180 г.). Первое нашествие варваров – Ахейское, второе – Дорийское (1100 г.). Доряне – «змеиный сев», «люди железа и крови» – вводят железное оружье, несут с собою железный век и погружают Грецию в военное варварство, «Средневековье».

Сущность Крито-Эгеи та же, что Египта и Вавилона, – милость, мирность, невоинственность. Золотой век уже погас в Атлантиде, но еще догорает на Крите.

…Нет нам причины страшиться…

Нет на земле никого, кто бы на нас, феакиян,
Злое замыслил; нас боги бессмертные любят; живем мы
Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах
Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает…
Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел: вся забота
Наша о мачтах и веслах, и прочих снастях мореходных;
Весело нам в кораблях обтекать многошумное море.

(Odys., XIX, v. v. 200–205; 270–273)

Кто это говорит, феакийцы-критяне или атланты?

XXIV

Между Гомером и Критом – черный провал, как бы обморок Ахео-Дорийского нашествия; тот же провал – и в самом Гомере, между «Илиадой» и «Одиссеей». Эта отделена от той, как Золотой век от Железного.

На архаической стеле, в Принии (Prinia), изображены огромного роста, эллинский воин, Голиаф, во всеоружии, должно быть, победитель Дорянин, и стоящий перед ним на коленях, в древней одежде, маленький безоружный человек, непобедивший Давид, Критянин: это конец мира, начало войны (Mosso, Escursioni, 251). Все внезапно грубеет, дичает, снова ниспадает в «геометрический стиль» – железную механику, погружается в варварство. Сам Гомер уже полуварвар.

XXV

Трудно поверить, что в Кноссе, за две тысячи лет до Эсхила, был театр, и, судя по фестскому глиняному диску, где оттиснуты совершенно одинаковые буквы, видимо, с помощью отдельных, передвижных матриц, как в наших печатных станках, здесь же, на Крите, в III тысячелетии, – значит, до Авраама, – сделана первая попытка книгопечатания (. J. Reinach. Le disque de Phaistos. – Revue Archéol., 1910, p. 2, 17). А Одиссей и Ахиллес уже безграмотны, потому что «злоковарные знаки», semata lygra, на складной дощечке Беллерофонта, вероятно, чародейство, а не письмо (Iliad., VI, v. v. 168–170. – F. Poulsen. Der Orient und die frühgriechische Kunst., 1912, p. 181).

Жалкие лачуги, «курные избы», – жилища Трояно-Микенских вождей, по сравнению с дворцами Кносса и Феста (Формаковский, 191). Глиняные человеческие изваяньица, после Троянской войны, снова напоминают каменный век: глаз, уже продолговатый, живой и умный, в Египте и на Крите, снова становится глупою, круглою дыркою (Poulsen, 108). Как утомительно скучны описания боевых ран в «Илиаде»! Эти закованные в бронзу, дерущиеся и топчущие друг друга, точно разъяренные быки, ахейские воины как тяжки, грубы и унылы, по сравнению с критскими, в тавромахиях, священных боях или играх быков, плясунами-акробатами, юны-

ми, легкими, голыми, веселыми, скачущими, перелетающими через спины разъяренных быков!

…Великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье.

(Odys., IX, v. v. 5–6)

Краткое веселье – белые, с желтыми сердцами, маргаритки по черному лаку слишком хрупких камаресских амфор – потухает в долгой скуке войны – «Илиады». Мертвенным холодом ее сменяется живая теплота «Одиссеи». «Илиада» – падение Трои – всей безоружной, бескровной, мирной, Крито-Эгейской, может быть, Атлантической древности, – восстание нового, «железного», кровавого, военного, Европейского века.

XXVI

Сумерки богов сходят с неба на землю Киммерийскою ночью варварства. Главный упадок, источник всех остальных, – в религии.

Кажется иногда, что у Гомера – не начало, а конец древней веры в богов, и что он почти в такой же мере, хотя, конечно, совсем в ином роде, «безбожник», как Еврипид и Лукиан. Солнечно-олимпийскою дымкою покрывает он черную бездну, куда провалились древние боги. «Видел Пифагор, когда сходил в ад, Гезиода и Гомера в вечных муках, за то что лга-

ли они на богов и кощунствовали», – сообщает Диоген Лаэрций, должно быть, орфический миф. А вот суд Гераклита: «Люди обмануты в познании видимого, подобно Гомеру, а ведь он был всех эллинов мудрее». – «Стоит и Гомер того, чтобы прогнать его с (Олимпийских) состязаний и высечь розгами» (Heraclit, fragm. 56. – Pfleiderer, 34). Страшный суд и, может быть, несправедливый. Но Гераклит, конечно, не хуже нашего знал, кем был, и что для мира сделал Гомер.

Да, истинное несчастье обоих человечеств, древнего и нового, что их величайший поэт и мудрейший учитель – певец не мира, а войны, полубезбожник, слепой Гомер. Вместе с верой в богов, утратил он и веру в царство богов на земле – мир.

> Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
> Волки и агнцы не могут дружиться согласием сердца:
> Вечно враждебны они, злоумышленны друг против друга,
> Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
> Быть между нами не может, доколе один, распростертый
> Кровью своей не насытит свирепого бога Арея.
>
> *(Iliad., XXII, v. v. 262–267)*

Это и значит: «Все будут убивать друг друга». – «В мире конца не будет войне».

«Илиадой», Троянской войной, начинается бесконечная война, та самая, которая через все века всемирной истории

длится и до наших дней.

XXVII

Критяне ближе к нам и к будущему, современнее, «апокалипсичнее», бóльшие сообщники наши в добре и во зле, чем, может быть, все остальные народы древности, – вот первое и главное впечатление от этого восстающего из гроба Лазаря. Он еще нем, но по тому, как подходит к нам, смотрит на нас, мы узнаем, что это наш брат.

XXVIII

В оттисках критских глиняных и каменных печатей – такое множество крылатых баснословных чуд, что кажется, весь тамошний воздух полон трепетаньем, жужжаньем и гуденьем не наших стальных, а живых крыльев (Evans, Palace of Minos, 709). Наша мечта о полете, осуществленная в механике, смутно брезжит и здесь, но в мифе-мистерии – магии. Век Дедала-Икара, первых летунов, не похож ни на один из веков, кроме нашего.

В критских ваяниях и росписях, всюду – игры священных быков, «тавромахии»; бык в «летящем беге» (начало его мы видим уже в Ориньякских и Магдаленских пещерных росписях), а над ним – акробат, «головоход» гомеровский, скачущий через спину быка, перелетающий (Seunig., 35).

В Кноссе найдено изваяньице из слоновой кости такого плясуна – Икара бескрылого: должно быть, подвешенное на цепочке между двух столбиков, над скачущим быком – таким же изваяньицем, качалось оно, как бы реяло в воздухе. В тонком, жадно-вытянутом теле плясуна – такая безмерная воля к полету, что, кажется, во всем мировом ваянии нет ничего подобного (Drerup, 105).

XXIX

Здесь, на Крите, человек впервые увидел облака, в их тоже «летящем беге», и остановил его, изобразил: этого уже никто не посмеет сделать, до мастеров Итальянского Возрождения (Формаковский, 208). И никто уже не изобразит листьев болотной осоки так, что, глядя на них, кажется, слышишь ночной в них шелест ветра. Оттиск на одной печати изображает ствол облетевших осин, склоненных ветром над водною рябью затопленного луга, с уныло торчащими кольями упавшего плетня, и кажется опять, глядя на эти осины, слышишь свист и вой осеннего, может быть, потопного ветра с дождем, в наступающих сумерках (Evans, 697).

Эта, уже наша, новая, европейская динамика противоположна всей древней, восточной статике – вавилонской тяжести и египетской недвижности. Воля Египта – остановить вечность в мгновении; воля Крито-Эгеи, будущей Европы, а может быть, и бывшей Атлантиды, – окрылить мгновение в

вечности.

XXX

Hannebu, «Морские племена», так называют крито-эгеян очень ранние, 1-й династии, египетские памятники (Dussaud, 40). Лучшего названья не придумаешь. Все древние всемирно-исторические народы – Египет, Вавилон, Элам, Хеттея – земляные, сухопутные; крито-эгеяне – первое племя морское, мореходное; с ним вступает в историю водная стихия – воля к движению, свободе, простору, безбрежности – окрыленности, такой же на воде, как в воздухе: парус тоже крыло. С Критом Атлантида входит в Европу.

> Быстрым вверяя себя кораблям, пробегают бесстрашно
> Бездну морскую они, отворенную им Посейдоном;
> Их корабли скоротечны, как легкие крылья иль мысли.
>
> *(Odys., VII, v. v. 34–36)*

Кто это опять говорит, феакийцы, критяне, или атланты?

XXXI

Морем еще не запуганы, как ацтеки, тольтеки и гуанчи, может быть, потому, что раньше тех спаслись от общей гибели и самого страшного не видели. Древняя Мать Вода им все еще роднее новой Матери Земли.

XXXII

Критские изваяния морских животных так совершенны, что Эванс, найдя глиняного краба, подумал, что это естественная окаменелость (Evans, 67). Лепят из фарфоровой или фаянсовой глины ветки кораллов, чтобы вешать на них самые прекрасные, и потому священные, раковины. Это, кажется, больше, чем простое украшение комнат, как у нас цветы в горшках; это маленькие, домашние, морские боги-пенаты, такие же, как у кроманьонов, тоже «Морского племени», первых, может быть, из Атлантиды выходцев (Mosso, Escursioni, 205).

Пол в кносских дворцовых часовнях иногда усеян густо, как морской берег, множеством раковин, а на дворцовых помостах длинные волнообразные, ультрамаринового цвета спирали, кольца и полосы изображают морские волны, зыби и омуты, чтобы и земля напоминала море (Evans, 372).

Падающий сверху, сквозь люки в потолках, вместо окон, из узких «светлых колодцев» – внутренних двориков – волшебно-таинственный, как бы лунный или подводный, свет освещает, в росписях на стенах дворцовых палат, морское дно – леса кораллов и водорослей, с плавающими рыбами и морскими чудами.

Шумно волнуется зыбь Амфитриды лазоревоокой.

(Odys., XII, v. 60)

Люди живут в домах, как в подводном царстве.

XXXIII

В росписи одной амфоры изображена сетка для ловли пурпуроносных раковин; видно, как выползают из них желтовато-слизистые, скользкие тела животных, запутавшихся в петлях сетки (Drerup, 79); а на других росписях – летучие рыбы, розово-золотистые дорады, зелено-лазурные дельфины, медузы, чудная раковина, «аргонавт» – колыбель Афродиты Пенорожденной и чудовищный спрут-восьминог с вьющимися кольцами щупалец, усеянных множеством жадных присосков-пупырышков (Dussaud, 73).

Глядя на эти росписи, кажется, дышишь запахом «трав морских, напитавшихся горечью влаги соленой», запахом «чуд морских, населяющих хладную зыбь Амфитриды», и самого чудесного из них – Атлантиды.

Соль человеческой крови, может быть, родственна соли того Океана первичного, из которого вышло все живое. Ею насыщена вся Крито-Эгея. Вкус ее последний, уже замирающий, – в «Одиссее» Гомера; новый вкус – в Одиссее ап. Павла, утопавшего в тех же безднах морских, где утопал и древний Улисс.

XXXIV

Очень вероятно, что теперь еще для нас немые знаки критских письмен, когда заговорят, скажут то же, что три главных здешних символа: Лабиринт, Бык и двуострая Секира.

Что такое Лабиринт? Символ «дурной бесконечности», безысходности, вечного, все на одном и том же месте, движения, тщетного бегства от неизбежного и всепожирающего Зверя, Минотавра, живущего в сердце Лабиринта и, увы, в нашем собственном сердце, лабиринте безысходнейшем. Так, для нас; может быть, и для древних так же, но это в конце, а в начале, Лабиринт – круговорот небесных светил – звездная механика-магия.

В северо-восточной России, в Лапландии, в Исландии, Финляндии, Великобритании, Скандинавии встречаются ряды стоячих каменных глыб, расположенных, подобно мегалитным памятникам – кромлекам, менгирам, дольменам, – в виде концентрических кругов – лабиринтов. Это, вероятно, оркестры для круговых, звездных и солнечных плясок, таких же как занесенный с Крита хоровод делосских девушек. Ариаднина пляска, geranos, вихревая, круговая, лабиринтная, во славу умершего и воскресшего бога Солнца (Cook, 489. – Mosso, 256).

Критский ли лабиринт произошел от северных, или те –

от него, или, наконец, у тех и других – один общий источник, мы не знаем, но, кажется, Лабиринт – один из древнейших и распространеннейших символов, как бы навязчивая бредовая мысль всего европейского человечества.

XXXV

Вспомним начертанные ангелом Баракиилом на песке пустыни или на снегу Ермона, под внимательным взором ученицы его, ханаанской пастушки Адды, дочери Ламеха, лабиринтные круги светил; вспомним такие же круги каналов и стен Атлантского Акрополя, в мифе Платона, и острова Ацтлана, в древнемексиканском рисунке-иероглифе; вспомним лабиринтные кружки в татуировке на лбу древних уфийских, нынешних гвинейских негров; вспомним неистово крутящиеся в безднах Океана, крутым кипятком кипящие водовороты-воронки от рушащихся, раскаленных докрасна, целых кусков материка; вспомним все это, и мы, может быть, поймем, зачем и каким огнем выжжено это роковое клеймо Атлантиды, первого человечества, и на челе второго.

XXXVI

Истинный Лабиринт – не внешний (такого на Крите не было), а внутренний, в сердце человека. Но исполинский дворец Кносса – целый город с такою сложностью бесчисленных

палат, ходов, переходов, тупиков, закоулков, дворцов, лестниц и ярусов, что можно в них и сейчас заблудиться, – настоящий «лабиринт», хотя и нечаянный, такой же как европейские столицы наших дней или те лабиринты подземных пещер, где жил Ледниковый человек.

Крылья из воску вылепил себе и сыну своему Икару, Дедал, daidolos, «Искусник», «Механик», чтобы вылететь из им же построенной темницы-Лабиринта. Слишком знакома и нам эта мечта улететь в простоту неба из лабиринтной, нами же построенной, сложности, призрачно-каменной путаницы Города-тюрьмы; но тают и наши стальные крылья, как те восковые, от лютого солнца Войны, и падает в кровавое море новый Икар.

XXXVII

В Нижнем Египте, на озере Файуме (Fayûm, нынешняя Hawara), построен, думали греки, тем же Дедалом, Искусником, Фараону Аменхотепу III, огромный, из белого камня, лабиринт с пирамидой, чьи развалины сохранились до римской империи (Diod., I, 61. – H. R. Hall, 320, 352). В иероглифно-упрощенной схеме лабиринт – сплетение концентрических кругов – каналов и стен, озеро Файум – Океан, а пирамида – острая гора Ацтлана в ацтекском рисунке.

Так, от Юкатана до Файума, от Файума до Лапландии, по всему земному шару, во всех веках-вечностях, начертан ис-

полинский иероглиф Лабиринта, и мы читаем его с такою же радостною точностью, с какою читал Шампольон только что разгаданные им письмена иероглифов.

XXXVIII

Лабиринт – стойло бога Быка, Минотавра. Лютым пожирателем человеческих жертв он будет потом, а в начале, сам – жертва, небесный Телец, закланный от создания мира, – второй божественный символ Крита.

На одной здешней монете-статире изображен, с одной стороны, плясун в бычьей маске – жрец или сам бог Минотавр, а с другой – Лабиринт из переплетенных угольчатых крестиков-свастик (Cook, 492. – Dussaud, 384). Здесь уже все три символа вместе: Бык, Лабиринт, Крест.

XXXIX

Бог есть жертва, Небесный Телец. Вот почему на всех святых местах Крита – в заповедных оградах, на кровлях часовен, на жертвенниках – глиняные, каменные или настоящие бычьи рога, kerata, «святые рога», «роги посвящения», cornua consecrationis. Все, на чем они вырастают или к чему только прикасаются, посвящено богу (Lagrange, 82). Корень греческого слова kerata, «рога», очень древний, может быть, критский; если и не тот же, что в первом имени Кнос-

ca, Kairatos, Kaeratos (Seunig, 17), и самого острова, Krêtes, и критских поселенцев в Ханаане, Kheretim, «людей рогатого бога Быка», и столицы атлантов, по Диодору, Kerna (Berlioux, Les Atlantes, 73), то, может быть, все-таки недаром созвучный им всем.

Критские «роги посвящения» соответствуют бронзовым и каменным «лункам» – тоже рогам Небесного Тельца, двурогого месяца, – найденным в свайных постройках Швейцарии, Савойи, Нижней Австрии, Венгрии, Италии от конца Бронзового и начала Железного века (Cook, 507).

Божественные роги Агнца помнит еще Апокалипсис: «Посреди престола… стоял Агнец, как бы закланный, имеющий семь рогов» (Откр. 5, 6); потом они забыты и, наконец, украдены, как все, что в христианстве плохо лежит, довольно глупым чертом средних веков. Только теперь мы начинаем узнавать, что святые роги Тельца или Агнца – незапамятно древний, всеевропейский, а может быть, и атлантический символ.

XL

Вспомним литого из железа, меди или золота, Тельца-Иагве, – того самого Бога, которому и мы поклоняемся, – в древнейших израильских святилищах Дана и Вефиля (J. Soury. Etudes historiques sur la religion, les arts, la civilisation de l'Asie antérieure et de la Grèce, 1877, p. 26); вспомним сы-

нов Израилевых, пляшущих в Синайской пустыне, перед таким же литым Тельцом-Иагве: «Вот Бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской» (Исх. 32, 4–5; 19); вспомним на ослепительно сияющем лице Моисея, когда он сходит к народу с Синая, мнимое «покрывало», действительную «личину», «маску»: «лицо его было рогато», maswa… karan or panaw, в еврейском подлиннике, и в латинской Вульгате: facies cornuta, «рогатое лицо»; эта «бычья маска» (как у плясуна Минотавра на критском «лабиринтном» статире), должно быть, с двумя лучами-рогами на лбу, как у «Моисея» Микельанджело, – вероятное подобье виденного им только что на Синае лица Божьего (Исх. 34, 29–34. – D. Nielsen. Der dreieinige Gott, 1922, p. 106. – H. Gressmann. Mose und seine Zeit, 246–247, 249); вспомним ассиро-вавилонских крылатых быков-херувимов и египетскую, от V тысячелетия, кварцевую дощечку с быком, бодающим воина, двойником Критских быков (Lagrange, 137); вспомним юкатано-паленкский крест на голове быка, «Минотавра», и маленьких глиняных идолов Ледникового бога-быка, Бизона, в Тюк-д'Одубертской пещере, и критскую ловлю, «без железа, с одними сетями и кольями», дикого, «первозданного» быка, bos primigenius, на золотых тисненых кубках из Vaphio на Крите (Mosso, 189. – Dussaud, 71), и точно такую же, в мифе Платона, ловлю жертвенного быка десятью царями Атлантиды; вспомним все это и мы, может быть, прочтем опять с Шампольоновой точностью второй исполинский, на всем

земном шаре, во всех веках-эонах, начертанный символ – иероглиф Бога-Жертвы.

XLI

В четвертой гробничной шахте Микенского Акрополя найдена великолепная серебряная, с золотыми рогами, золотою на лбу, лучистою бляхою – солнцем, и двуострою секирою на темени, бычья голова (G. Caro. Altkretische Kuetustatten, 124. – Cook, 523). Эта секира, labrys, – молнийный топор, убивающий Бога-Жертву, – есть третий божественный символ Крита.

Между рогами быка помещается иногда, вместо секиры, другое столь же незапамятно древнее и вездесущее, обе гемисферы соединяющее знаменье – свастика, угольчатый крест (Lagrange, 86).

Нет, мы не ошиблись, мы прочли все три символа с математическою точностью: все три, повторяясь и друг другу отвечая, подтверждают друг друга; во всех трех – один исполинский, надо всем земным глобусом, как над царскою державою, вознесенный Крест.

Вот что значит найденный в Кносском дворце, восьмиконечный, как бы настоящий христианский, крест. Может быть, не совсем ошибся и христианский священник, поклонившийся этому вечному Кресту.

XLII

Краткое перед долгою скорбью веселье белое, с желтыми сердцами, маргаритки по черному лаку камареских амфор, с глиною тонкою, как скорлупка яйца: вся Крито-Эгея – такая амфора, слишком хрупкая.

Тело медузы – обнаженно-прозрачное сердце волны, подводное чудо-цветок, выброшенный на берег, превращается в слизь: вся Крито-Эгея – такая медуза, слишком для земли чудесная.

XLIII

Может быть, критские надписи, когда будут прочитаны, скажут нам, как и отчего погиб Крит. Но и сейчас мы могли бы это понять, если бы поняли, отчего и как погибла Атлантида.

«Минос был древнейший царь кораблестроитель; он овладел большею частью моря, ныне называемого Эллинским» (Thoucid., I, 4). В этой сухой и краткой заметке Фукидида – единственной исторической памяти греков о великой миносской древности, праматери древности эллинской, – кое-что все-таки сказано. ***Талассократия***, «власть над морем» – власть над миром – соблазн Атлантиды, Крита и наш.

Критяне, так же как атланты, начали миром, кончили войной, но, может быть, эти менее виновны, чем те: нехотя вовлечены в войну нашествием варваров или целым рядом нашествий, завершившихся последним – Ахео-Дорийским. Как бы то ни было, война началась, и кроткий Телец-Жертва сделался лютым быком Минотавром, пожирателем человеческих жертв.

XLIV

Бык – одно из явлений эллинского Посейдона, Водяного, – критского Вельхана, Velchan, Огненного (Preller, Théogonie und Gotterlehre, 1904, p. 136), бога подводных, морских, и подземных, вулканических глубин. Действие этого бога – соединение огня с водою, пожара с потопом, вовсе сокрушающий взрыв Конца. Бычий рев бога – рев Океана и землетрясения.

> …Некогда бог Посейдон… великой горою
> Град наш задвинет,

это пророчество помнят у Гомера феакийцы-критяне (Odys., VIII, v. 569, XIII, v. v. 152, 158, 176). Но, кажется, сам Гомер уже забыл, что оно значит: стих выглажен, выхолощен так, что звучит, как почти деревянно-игрушечный. Но можно сказать с уверенностью, что забвение Гомера – обморок древнего ужаса. Некогда от этой «великой горы» пахло вул-

каническою серою и потопною тиною. Страшное нужно землетрясение, чтобы целый город «задвинуть великой горой»: мы знаем, что такое землетрясение, действительно, было на Крите, около 1400 года, опустошило весь остров и разрушило дотла обе столицы, Фэст и Кносс.

XLV

«Ты находился в Эдеме, саду Божием… Ты был херувимом помазанным… Внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрешил… За то Я повергну тебя на землю… извлеку изнутри тебя огонь и превращу тебя в пепел. Ты сделаешься ужасом и не будет тебя во веки». Это пророчество исполнилось и над Критом, когда мир сделался войною, и Бог-Жертва сделался богом человеческих жертв.

XLVI

Критяне менее виновны, чем атланты, и менее наказаны: только часть их погибла, а другая часть бежала в Ханаан, и Крит уцелел, чтобы передать грядущим векам таинственное, тогда ***еще*** и теперь ***уже*** непонятное знаменье – Крест.

XLVII

…Крита широкого снегом покрытые горы,
В длинновесельном плывя корабле, из очей потерял я.

(Odys., XIX, v. v. 338–339)

Потерял их Гомер – нашел Виргилий:

Ида гора, колыбель нашего рода святая.
Mons Idaeus ubi et gentis cunabula nostra.

(Virg., Aen., III, v. 105)

В самый канун Вифлеема вспомнил Виргилий колыбель Бога Младенца, довифлеемскую:

Матери древней ищите… и ваши надежды познайте.

Так в «Энеиде», а в IV «Эклоге»:

Матерь начни узнавать с первой улыбкой,
Младенец.
Incipe, parve, puer, risu cognoscere matrem.

4. Крещеные боги

I

Два креста: западный, паленкский, в царстве Майя, сложный, пышный, махровый, как здешних лихорадочно-знойных болот орхидея, осквернённый, поруганный, как бы насквозь прокуренный всеми ладанами черных мэсс; и восточный, критский, в царстве Миноса, еще простой или снова упрощенный, чистый или снова очищенный, как бы всеми водами потопа омытый, до того по виду «христианский», что, будь он в нашем храме, мы на него молились бы, не замечая, что он не наш. Между этими двумя крестами такая пропасть, что понятно, как целый материк, Атлантида, мог в нее провалиться.

II

Атлантида погибла, но боги ее спаслись. Семеро их: Адонис-Адонай критский, Озирис египетский, Таммуз вавилонский, Аттис хеттейский, Митра иранский, Дионис эллинский и Кветцалькоатль древнемексиканский. Все на одно лицо, как братья-близнецы. Свастика, угольчатый крестик, у всех на челе: можно сказать, что это боги «крещеные».

Семеро их, как семь цветов радуги послепотопной: «Я полагаю радугу мою в облаке, чтоб она была знаменьем вечного завета между Мною и между землею» (Быт. 9, 13).

Больше чем близнецы, – двойники друг другу, так что можно по каждому из них судить обо всех, смешиваются, переливаются друг в друга, как цвета радуги, а солнце за нею одно.

III

«В богосмешении таинственном, kata tên mystikên theokrasien, александрийцы почитают Озириса и Адониса за одного и того же бога», – сообщает Дамасций (F. E. Movers. Die Phönizier, 1841, p. 235). И бл. Иероним: «Тот, кого мы называем Адонисом, слывет у евреев и сирийцев Таммузом» (St. Hieronym., comment. in Ezech. – Ch. Vellay. Le culte et les fêtes d'Adonis-Thammouz, 1904, p. 76).

Бог Иао (Iarbe), Единый, Всевышний, открывается во всех богах мистерий, учат поздние орфики, ссылаясь на прорицание Аполлона Кларийского:

> …Я возвещаю Всевышнего Бога, Иао:
> Зимнее солнце – Аид, вешнее – Дий всемогущий,
> Летнее – Гелиос, солнце же осени – нежный Адонис.

(Ch. Picard. Ephèse et Claros, 1922, p. 716–717. – W. Baudissin. Stutien zur Semitischen Religionsgeschichte, 1876, p. 213)

Бог Элиун почитался в Библосе, у подножья Ливана, в Адонисовом святилище, сообщает Филон Библосский (Baudissin, 299). Бог Элиун, Элогим, – наш иудеохристианский Бог Отец.

Сын – под всеми тремя именами Отца: Элогим, Иагве, Адонай. Это значит: Отец скрывается в Сыне многоименном – безыменном, потому что имени Его еще никто не знает.

IV

Русские люди прорубают во льду замерзших рек и озер крещенскую прорубь-иордань. Семь богов Атлантиды прорубают в ледяной коре мифологии такую же прорубь в глубокие, с теплыми, бьющими на дне ключами, незамерзающие воды мистерии. Все они не только «крещеные», но и «крестители»; все говорят: «Идущий за мною стал впереди меня; я недостоин развязать ремень у обуви Его» (Ио. 1, 27).

V

Боги мистерий не похожи на богов мифологии: эти блаженствуют на небе, те страдают на земле; эти требуют жертв себе, те собою жертвуют; эти воинственны, мирны те; эти горды, те смиренны; но вот, эти умерли, а те бессмертны.

Корень «Атлантиды», «Атласа», tlaô, «страдаю», – и этих семерых божественных растений, водорослей, корень. Све-

том Конца, как бы подводным, «Атлантидным», все они освещаются. Так смиренны, что не брезгают являться людям в жалком виде погорельцев и утопленников; носят на божественном теле своем знак Атлантиды – вулканического пламени обжог и потопной тины празелень.

VI

Память о начале второго мира, конца – первого, сохранилась в двух главных Адонисовых святилищах, в Иераполе и в Библосе.

Богом Эль, El, основан Библосский храм Адониса, «в начале творения», сообщает финикийский жрец II–III веков до Р. Х., Санхуниатон (Perrot et Chipiez. Histoire de l'Art dans l'antiquité. – Phénicie-Cypre, 1885, p. 18). Эль, тот же Элогим, – опять-таки наш иудеохристианский Бог Отец. Храм Сына основан Отцом, в начале первого мира, и соединяет его со вторым.

Псевдо-Лукиан, неизвестный греческий путешественник III века по Р. Х., записал, может быть, очень древнее сказание, слышанное им в Иерапольском святилище Адониса, у подножья Ливана, по соседству с Библосом: «Это святилище основано Девкалионом, тем самым, в чьи дни был великий потоп… Огромная щель зазияла будто бы у них в земле и поглотила всю воду потопа, сказывают иерапольские жители. Девкалион же поставил над тою расселиной жертвенник

и воздвиг святилище Гере» (Кибеле, Матери-Земле, супруге бога Сына). «Я собственными глазами видел эту щель под храмом: она очень мала», – вспоминает не без такой же лукавой, уже вольтерианской, усмешки мнимый Лукиан, с какой мог бы это сделать и настоящий. «Дважды в год доставляется в святилище морская вода… ее вливают… и она стекает в расселину… Сам Девкалион будто бы установил этот обряд в память о потопе» (Lucian, de Syria dea). Воду льют в щель – не близкую, дождевую, речную или колодезную, пресную, а далекую морскую, соленую, – средиземно-атлантическую «воду потопа».

Девкалион – греческий Ной. Если потоп – «конец Атлантиды», то память о ней сохранилась в обоих Адонисовых святилищах, в Иераполе и в Библосе; и если бог Атлантиды – Атлас, то очень похоже на то, что и бог, чтимый в этих современных потопу святилищах, есть Адонис-Атлас.

VII

«Я увидел… посреди семи светильников, подобного Сыну человеческому. Глава Его и волосы белы, как белое руно, как снег» (Откр. I, 12–14). В этом видении Апокалипсиса Сын является в лоне Отца, Ветхого деньми.

Очень древний этруро-пелазгийский бог Тагэс, Tages, – новорожденный, седовласый Младенец (Ed. Gerhard. Akad. Abhandl., I, 1866, p. 299), а на бронзовых этрусских зерка-

лах бог Адонис-Таммуз изображается крылатым Эросом (J. Soury, 234. – Gerhard, 298). Это орфический Эрос-Архей, тоже «Ветхий деньми», Тот, о Ком будет сказано: «Бог есть любовь». А в росписи на стенах «брачной горницы», pastas, Флийского святилища (Phlya, в Македонии), где совершались таинства, будто бы более древние, чем в Елевзисе, изображен был тот же Эрос, Ветхий деньми, в виде «седовласого и крылатого Старца», и рядом с ним «бегущая жена, синеликая» – «Бездна вод», довременных или потопных, по толкованию сэтиан-гностиков (Hippol., Refutat. omn. haeres., V, 20, 4. – J. El. Harrison, Prolegomena to the study of Greek Religion, 1922, p. 640, 644). «Господь восседал над потопом». – «Видели Тебя, Божие воды… и убоялись, и вострепетали бездны». – «Море увидело и побежало» – как будто и Псалмы толкуют флийскую роспись (Пс. 28, 10; 76, 17; 113, 8). Если «Жена синеликая» есть Бездна вод потопных – Атлантики, сказали бы мы, – то значит, и здесь во Флийском святилище сохранилась память об Атлантиде; и здесь Эрос-Адонис – Атлас.

VIII

«Он – Младенец в ковчеге тонущем», – поется в древнейшей, довавилонской, шумеро-аккадской песни о Таммузе (H. Zimmern. Sumerisch-babylonische Tammuzlieder, 1906, p. 208). Первого человечества «остаток», по слову Еноха, на-

чаток второго – в ковчеге Ноевом, есть то же «Младенец в ковчеге».

Полное имя Таммуза: Dumu-zi-absu, «Истинный Сын Бездны» (Frazer, Adonis, Osiris, Attis, 1906, p. 6).

Нисхожу я путем сокровенным,
Стезей без возврата,
В бездны подземные, —

говорит сам Таммуз (Jeremias, Hölle und Paradies. – «Der Alte Orlent», I, p. 10): «бездны подземные» – подводные, – может быть, те самые, где погребена Атлантида.

Очень древний отрывок шумеро-аккадского гимна Таммузу сохранился на одной глиняной дощечке Британского музея:

Бездна, в нее же нисходит
Владыка, Сын Жизни…
Владыка Обители мертвых,
Владыка Холма над бездной…

(Fr. Lenormant. Les premières civilisations, II, 10)

Что это за холм, объясняет, на другом конце мира, ацтекский рисунок Ацтлана-Атласа, чья острая вершина или холм сначала высится над бездной Океана, а потом, судя по древнемексиканским кодексам, где говорится о потопе, – погружается в бездну.

IX

Если Таммуз-Адонис – «истинный Сын Бездны», то понятно, почему, в последний день «страстной седьмицы» – Адоний, глиняные чаши или просто черепки битой посуды, ostraka, chytra, наполненные садовой землей с проросшими и быстро на солнце увядшими, хлебными злаками, – «сады Адониса», – кидаются в море, колодцы или источники: вышел из бездны – в бездну ушел (Lagrange, Etudes sur les religions sémitiques, 1905, p. 244). – «Жены, по утренней росе, отнесут его к морю», – поет Феокрит, уже не понимая, что это значит (Theocrit, Idyl., XV).

Каждая глиняная чаша или просто черепок таких «Адонисовых садиков» с весенними злаками – как бы маленький рай, «Островок Блаженных», – брошенный в море, тонет, погружается в бездну, как Атлантида.

X

Гроб-ковчег Озириса, опущенный братоубийцею, Сэтом, в устье Нила, принесен морскими волнами к берегу Финикии (Plutarch., de Iside et Osiride, c. XV). С вечного Запада, Amenti, из древней баснословной «Красной Земли» – Erytheia, по мифу Геракла, – прибыл Озирис в Египет, а отсюда – в новую «Красную Землю», уже историческую Фини-

кию, совершив весь Средиземно-Атлантический путь.

«Сказывают же некоторые жители Библоса, будто бы у них погребен Озирис египетский, и таинства и плачи совершаются не Адонису, а Озирису. Каждый год из Египта в Библос приплывает по морю папирусная голова этого бога, направляемая ветрами, в чудесном семидневном плавании, прямо в Библос», или вместо головы тщательно закупоренный глиняный сосуд, «ковчег», с письмом о воскресении бога, сообщает Псевдо-Лукиан (Lucian, de Syria dea, c. VII).

Кажется, лучше нельзя сказать, чем говорят все эти мифы-мистерии, что Озирис, Адонис, Таммуз, так же как древнемексиканский Тлалок, африканский Олокун и греческий Посейдон-Атлас, – водяные или, вернее, земноводные боги.

XI

В тонущем ковчеге Младенец – образ не только самого бога, но и богоподобных людей.

> Тайно родила меня матерь моя,
> в тростниковый ковчег положила,
> горной смолой осмолила дверцу его
> и пустила ковчег вниз по реке, —

сказано в надписи вавилонского царя Саргона Древнего, Charrukinu, около 2800 г. (F. Hommel. Geschichte Babyloniens und Assyriens, 1885, p. 302. – H. Gressman, Mose, 8–9.) То же

сделала мать Моисея (Исх. 2, 1, 3). Оба ковчега, Саргонов и Моисеев, осмолены тою же «горною смолою», как Ноев (Быт. 6, 14).

Память о потопе, может быть, сохранилась и в этих мифах: каждый приходящий в мир, великий человек, так же как все второе человечество, – «Младенец в ковчеге».

XII

Кто Моисей, только ли баснословное или отчасти историческое лицо, мы не знаем; во всяком случае, лицо для нас безыменное, потому что «Моисей» не еврейское имя собственное, а египетское слово, только входящее в состав имен: mosou, значит «младенец», «сын»: Thut-mosou, «сын бога Тота»; Ra-mosou, «сын бога Ра» (A. Mallon. Les Hébreux en Egypte, 1921, p. 133).

Что собственно сделал этот безымянный «Младенец», мы тоже не знаем. Пятикнижие Моисеево, составленное после Вавилонского плена, т. е. на шесть, на семь веков позже династии Аменофисов или Рамзесов, возможного для Моисея времени, – памятник слишком исторически сомнительный, а других у нас нет, потому что в египетских памятниках ни о Моисее, ни об Исходе не упоминается вовсе, – умолчание едва ли возможное, если разгром не только царского войска, но и всего Египта «девятью казнями» был хотя бы отчасти историческим событием. Может быть, Моисей – такой же бас-

нословный герой-эпоним, собирательное лицо племени, как пэлазгийский Геракл, вавилонский Гильгамеш и древнемексиканский Кветцалькоатль.

Вышел из воды Младенец, Mosou, и сквозь воды прошел, победил «великие воды», подобно двойнику своему Саргону Древнему, завоевавшему «Моря Заходящего Солнца» (Bossert, Altkreta, 1921, p. 133).

> Воды расступились от дыханья Твоего,
> влага стала, как стена,
> огустели пучины в сердце морей…
> Дунул Ты духом Твоим, —
> и угрузли, как свинец, в великих водах…
> Длань Твою Ты простер, —
> и пожрала их земля.
>
> *(I Кор. 10, 1–2)*

Кого, атлантов? Нет, египтян. Чтобы «земля пожрала» целое войско, нужно великое землетрясение, такое же, как то, в мифе Платона, когда земля, разверзшаяся под обоими войсками, атлантов и афинян, поглотила их. Как же об этом ничего в «Исходе» не сказано? Сказано зато об огненно-дымном облаке-столбе как бы от вулканического пламени. Кажется, Бог Исхода, Иагве, – такой же водяной или земноводный, огненно-водный бог, как Посейдон-Вельхан-Вулкан, а может быть, и сам древний бог Атлантиды, Атлас.

И что это за «Красное» море? Новое ли, восточное, ис-

торическое, или древнее, западное, баснословное, Эрифейское, на «Закате всех солнц»?

XIII

«Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились… в облаке и в море», – сказано об Исходе (I Кор. 10, 1–2), и можно бы сказать о потопе.

Что такое крещение? Греческое слово baptismos значит «погружение», «потопление». Ветхий человек, первый Адам, как бы утопает в воде, умирает, и выходит из нее, рождается, новый человек, второй Адам.

«И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды; и се, отверзлись ему небеса». – «И был голос с небес, глаголющий: Ты Сын Мой возлюбленный: Я днесь родил Тебя» (Мтф. 3, 16. – Лк. 3, 21–22). Новый Человек, Иисус, рождается из вод потопа. В этом смысле крещение, «погружение» в воду, есть древнейшее, потопное, Атлантидное таинство.

«Сей есть Иисус Христос, пришедший водою и кровью и Духом» (Ио. 5, 6). В первом человечестве – водою, во втором – кровью, в третьем – Духом-Огнем.

Вот почему и боги Атлантиды, «крещеные», прорубают во льду мифологии к незамерзающим водам мистерии крещальную прорубь-иордан.

XIV

Очень понятно, что эти боги, водяные, земноводные, пройдя сквозь воды потопа, переселились с погибшего материка на уцелевшие. Кажется, главный путь переселения из Атлантиды в Европу шел через Крит. Самый остров, узко и длинно протянутый, – как бы гроб – колыбель – ковчег, приплывший откуда-то с далекого Запада и остановившийся между тремя материками, – Европой, Африкой, Азией, – в виду Ханаана, будущей Св. Земли.

XV

Вечер Атлантиды гаснет кровавым пожаром на западе, а на востоке чуть пахнет дымком туманно-свежее утро Эгеи. Там – «блудница на звере багряном», а здесь – «девочка, полуребенок», обвеянная ветром голубиных крыл.

XVI

Если «креститься», значит «омыться», «очиститься», то мир из потопной купели вышел чистым, как никогда. Утреннею свежестью только что омытых детских щек здесь на Крите дышит все. «Быть чистым» – главная заповедь.

Входите в храм Великой Матери,
только святые, чистые сердцем,
да дело Божье узрите, чудо бессмертия.

Надпись эта, найденная в развалинах Феста, кажется, орфическая, от II–III века по Р. Х., вероятно, повторяет, бесконечно-древнейший подлинник (O. Kern. Die Orphiker auf Kreta. – «Hermes», Bnd. 51, 1916, p. 537). «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», к этому далекому «блаженству» путь уже начат здесь, на Крите.

Пестуны здешнего бога Младенца, Куреты, в уцелевшем хоре Еврипидовых «Критян», поют:

Здесь провожу непорочную жизнь,
посвященный богу Идейскому…
В *белые ризы* облекся я,
от смертей и рождений очистился
и блюду, да не коснется уст моих
пища животная.

(Kern, 563)

Эти «белые ризы» напоминают такие же белые, только с тонким узором-каймою из красных крестиков, ризы Кветцалькоатля, а невкушение «пищи животной» напоминает его же запрет кровавых жертв (См. выше: Атлантида, XII. Крест в Атлантиде, гл. III). Вот почему и жертву-быка ловят критяне без железа, нечистого: кровь липнет к нему, и от него

– война.

Люди почти забудут потом, откуда эта чистота, белизна, но и смутной памяти о них будет достаточно, чтобы родить божественную прелесть Софокловых хоров и парфенонских мраморов.

XVII

Если феакийцы Гомера, люди Золотого века, – критяне, и те стихи Еврипида об орфической святости навеяны Критом, то, может быть, и эти, тоже орфические, воистину, золотые, о Золотом веке, стихи Эмпедокла – оттуда же, с Крита:

> Бога войны и убийства первые люди не знали, —
> Знали только богиню любви, Афродиту святую,
> И приносились невинные жертвы – чистейшая мирра,
> Благоуханный дым фимиама и медь златоструйный;
> Жертв заколаемых кровью святых алтарей не сквернили…
> Все на земле было кротко; и птицы, и звери, ласкаясь,
> К людям доверчиво льнули, и пламя любви в них горело.
>
> *(Empedocl., fragm. 128–130)*

Этого нигде никогда не было и не будет до «новой земли» и «нового неба», но, может быть, недаром этот золотой сон приснился людям так, как никогда и нигде, именно здесь, на Крите, в земле крестного знаменья и «крещеного» бога

Адониса-Атласа.

XVIII

«Царство – детям, paidos hê basileia», – учит Гераклит (Heraclit., fragm. 128–130), как будто уже предчувствуя, что будет сказано: «Кто не примет царства Божия, как дитя, тот не войдет в него. – И, обняв детей, возложил руки на них и благословил их» (Мрк. 10, 15–16). Кажется, это благословение Господне – и на древних детях, критянах.

Дети, в Елевзинских и Самофракийских таинствах, допускались к посвящению легче взрослых и даже совершали над ними, у алтаря со священным огнем, обряд очищения.

> Ныне ты счастлив в полях Елисейских,
> за то, что исполнил
> Древнюю заповедь Бога с легкою жить
> простотою.
> Olim jussa deo simplicitas facilis,

эта надгробная, о языческом отроке, надпись от времен римской империи сохранилась на мраморной плите помоста, в нынешней христианской церкви около Филипп, в Македонии, где не тщетно проповедовал ап. Павел (L. Heuzey. Mission archeologue en Macédoine, 1876, v. I, 123).

> Души простейшие,

Animae simplicissimae, —

сказано в другой, тоже языческой, надгробной надписи (Heuzey, 132). Лучше нельзя сказать и о критянах.

XIX

Богу открыты только «простейшие души».

…Всегда нам открыто являются боги…
С нами они без чинов за трапезу садятся…
Всех нас считают родными,

говорят у Гомера феакийцы-критяне (Odis., VII, v. v. 201–205).

«Всюду, в Елевзисе, Самофракии, Фракии, у племени Киконов, в земле Орфея… посвящения в мистерии совершаются тайно; в Кноссе же явно», – сообщает Диодор (Diod., V, 77. – Harrison, Prolegomena, 566). Здесь как будто противоречье: таинство не тайное; но что это значит, мы могли бы понять по нашему собственному христианскому, как будто всем открытому, и сокровеннейшему таинству.

XX

Боги на Крите – такие же дети, как люди. «Мертвый возвращается в ту землю, где боги были детьми» – это чудное

слово египтян поняли бы критяне.

Имя здешнего бога – «Пигмалион», «Малый», или «Пигмей», «Дактиль», – «Мальчик-с-пальчик» (Dussaud, 371). В Кносском дворце, часовеньки – крошечные келийки, локтя три-четыре в ширину и длину (G. Karo. Altkretische Kultstatten, 127): чем теснее, тем святее; в тесноте, в малости Бог; бесконечно-великое в малом, солнца в атомах, царство Божие в горчишном зерне. Это и значит: Бог Младенец.

XXI

Он родился здесь, на Крите, на горе Эгэоне, Aigaion, в подземной, сталактитовой пещере, недавно открытой, где, судя по слою жертвенного пепла и обугленных костей в семь футов глубины, а также по геометрическим, на глиняных черепках, рисункам, поклонение здешнему богу совершалось уже около V–VI тысячелетия (G. Karo, 118–122).

Здесь «колыбель нашего рода святая», Бога Младенца вертеп довифлеемский. Древнего имени его мы не знаем, а имена позднейшие, крито-эгейские: Kirris, Gauas, Pygmalion, Zan (Dussaud, 371); имя ханаанское, от конца второго Бронзового века: Adonai, что значит на вероятном языке Иисуса, галилео-арамейском, «Господь мой» (Frazer, 6); и, наконец, самое позднее, греческое: Zeus Krêtagenes, «Зевс Криторожденный», или просто – Kouros, «Дитя», «Младенец»; это имя самое вещее.

Многоименный – безыменный: Тот, Кого еще нельзя назвать по имени.

XXII

Здесь, на Крите, родился; здесь же и умер на горе Юкте, Juktas, над Кноссом, чей облик, в золоте вечернего неба, напоминает чудесно, и в наши дни, обращенное к небу лицо человека, спящего или мертвого (Evans, Palace of Minos, 156). Бог родился, жил и умер, как человек, смертный, от смертной рожденный, – вот главный догмат здешней религии, так же как древнемексиканской, – Кветцалькоатля.

Куча огромных каменных глыб, должно быть, след «заповедной ограды», temenos, сохранилась на горе Юкте, до наших дней. Память о том, что здесь было, так живуча, что и нынешние критские пастухи продолжают называть эти глыбы «гробом Зевса», mnêma tou Zia (Evans, Mycenaean tree and pillar cult, p. 121). Это тот самый «гроб Адониса, Адоная», – «гроб Господень», нельзя перевести иначе, – на котором будто бы Пифагор написал:

Здесь лежит умирающий Зан, именуемый Зевсом (Porphyr., vita Pythag., c. XVII). Не умерший однажды, а всегда «умирающий».

Циклопические глыбы эти напоминают «Атлантское» зодчество анагуакских развалин в Мексике, тиагуанакских – в Перу, а также исполинские глыбы, подобные тем, что шли

на стройку египетских пирамид, найденные на дне моря, у о. Фароса, исторической, Александрийской и, может быть, доисторической, Крито-Эгейской гавани; а эти последние напоминают гидравлическое зодчество атлантов – подземные каналы и гавани, по описанию Платона.

Если все это так, то значит, первое, что люди, после потопа – «Атлантиды», снова начали строить на земле, есть «гроб Господень». Рушилось все, а это осталось; и, может быть, все опять рушится, а это останется.

XXIII

«Гроб и колыбель Господня», – вот с каким грузом с далекого Запада приплыл и остановился, в виду Св. Земли, таинственный Остров-Ковчег.

XXIV

Бог Младенец – Курос, а дядьки, пестуны его, – Куреты. Кто они такие? «Первые люди Золотого века», по Гезиоду, а по Диодору: «Жили Куреты на горах, в дремучих дебрях лесных и в расселинах скал, – всюду, где находили естественный кров, потому что люди, в те дни, строить домов еще не умели» (Brit. Soc. Ant., XV, 1903, p. 352). И по Эсхилу:

Во тьме сырых землянок и пещер,
Как муравьи проворные гнездились.

«Их первых увидело солнце, прозябших из земли, как древесная поросль», толкует один христианский писатель миф о Куретах (Hippolyt. Philosoph., V, 7). Первые люди, Куреты, вышли из земли, после потопа, как после теплого дождя грибы выходят из-под кучи прелых листьев, – так можно понять Овидия:

…largoque satos Curetos ab imbri.

(Ovid., Metàm., IV, v. 282)

Если между Критом и Западной Европой существовала духовная, а может быть, и племенная связь, что очень вероятно, судя по Когульским пещерным росписям, то Куреты – мифологические тени пещерных людей Ледниковой древности, кроманьонов, наших европейских праотцев. Это первого человечества последние, второго – первые люди.

XXV

Нынешние критские пастухи и охотники видят по ночам, на оголенных теперь, но некогда дремуче-лесистых, вершинах Сфакии, Sphakia, блуждающих духов, леших, мужских и женских, или, вернее, мужеженских, тени Куретов, существ, кажется, таких же двуполых, как сам питомец их, божественный Отрок-Дева, Kouros-Korê.

Ласковые дядьки-няньки пестуют бога Младенца, кормят,

моют, пеленают, баюкают, а главное, прячут от лютого отца, Кроноса, который хочет пожрать Сына. Это, впрочем, только новая, ледяная кора мифологии, а древний, теплый ключ на дне мистерии: Сына приносит Отец в жертву за мир. Чтобы уберечь Младенца до времени, Куреты заслоняют его телами своими, в вечной пляске, как будто воинственной, а на самом деле, очень мирной. «Тесным кольцом окружают тебя, ударяя мечами в брони свои, дабы оглушаемый Кронос младенческих криков твоих не услышал» (Callimach., Hymn. ad Jovem).

Странная пляска эта, с топаньем ног, головокружительно-быстрая, но все на одном и том же месте, напоминает оргийную «пяточную пляску», чьи следы сохранились в Тюк-д'Одубертской пещере, перед маленьким глиняным идолом Ледникового быка, бизона. Вот когда уже люди поклонялись богу Младенцу, великому Куросу.

Плотник Иосиф, муж Девы Марии, спасший Младенца Иисуса от Ирода, тоже как бы «топаньем ног», но уже не на месте, а в величайшем из всех движений мира – в бегстве в Египет, – последний Курет.

XXVI

Около Диктейской пещеры, на восточном берегу Крита, обращенном к Св. Земле, в нынешнем Палайкастро, древней Элейе (Heleia, «Ивовая Заросль»), столице острова по-

сле Разрушения Кносса и Фэста около 1400 г. до Р. Х., найден гимн Куретов, песнь Золотого века, одна из простейших и прекраснейших человеческих молитв:

Курос Величайший, радуйся,
Вседержитель радости, радуйся!
Шествуешь ты,
предводительствуя духами;
приди же и к нам, на гору Диктейскую,
и с песнью-пляской возрадуйся!
Да взыграем на лютнях тебе,
согласуя их с флейтами,
и воспоем, стоя вокруг
алтаря крепкозданного.
Ибо здесь тебя, Дитя бессмертное,
кормильцы щитоносные,
от Реи приняв – с топаньем ног,
спрятали.
И годы тогда потекли, изобильные,
и правда овладела смертными,
укротил же и диких зверей
мир благоденственный.

(Harrison. Themis, 1912, p. 1)

«Мир», – в одном этом слове – вся религия Адониса-Атласа. «В мире жить, не подымать друг на друга оружья никогда», может быть, заповедь эту на такой же орихалковой скрижали, как бог Посейдон – в столице атлантов, начертал

и царь Минос, сойдя к народу с Диктейской горы, где родился божественный Курос (Donelly, 207).

Здесь, на восточном конце рухнувшего Атлантического моста, Курос, а там, на западном – Кветцалькоатль, оба – вестники мира: «уши затыкают оба, когда говорят им о войне». И уже в Ханаане, будущей Св. Земле, где поселятся Керетимы, выходцы с Крита, Мельхиседек, царь Салима – «царь мира» – благословит Авраама именем Бога Всевышнего, Адоная, «Господа нашего» – Бога мира (Евр. 7, 1–2. – Fr. Lenormant. Lettres Assyriologique, 1872, v. II, p. 291). Так, в бывшей религии последнее, а в будущей – первое слово: ***мир***.

XXVII

Самое мирное из всех живых существ – растение; самое чистое, детское, райское; самое жертвенное: всех питает, в жертву приносится всем, а ему – никто. В этом подобно Сыну. «Плоть твою люди вкушают», – сказано в египетской Книге Мертвых об Озирисе-Бате, Bata, Хлебном Духе (A. Moret. Rois et dieux d'Egypte, 106, 114).

Бог в растении – это поняли критяне так, как, может быть, никто никогда. Всюду на резных камнях и росписях – поклонение богу Дереву – плакучей иве, кипарису, лозе, явору. Жертвенник – перед входом в часовеньку, в «заповедной ограде», abaton, и тут же деревцо – растение-дитя так же как

бог-дитя; жрицы, со священною пляскою, вырывают его из земли с корнем, – убивают, приносят в жертву; или деревцо – на самом жертвеннике, как заколаемый бог-животное (Dussaud, 347); или между святыми рогами закланного бога Тельца: как бы четыре ступени восходящей жертвенной лестницы – растение, животное, человек, бог (Evans, Palace of Minos, 161).

На овальной печати золотого Микенского перстня, голая жрица-плясунья вырывает – убивает деревцо, и сама убивается, плачет над ним, как мать – над умирающим сыном или невеста – над женихом, а с неба слетает к Деревцу Голубь, мы уже знаем, какой (Evans, Mycenaean tree and pillar cult, 101).

В глиняных чанах-гробах, pithoi тоже растут деревца, напоминая о том, что воскресший выйдет из мертвого, как растение из зерна (Dussaud, 412). В росписи на саркофаге Hagia Triada, Древо Жизни зеленеет перед мертвым, выходящим из гроба (Evans, 1. c., 439–441).

Когда началось поклонение богу Злаку или Дереву, мы не знаем, но можно проследить его до III тысячелетия на Крите, и, может быть, до IV–V – в Египте и Вавилоне; кончилось же оно только вместе с Адониями, в III–IV веке по Р. Х.

XXVIII

Вспомним Гильгамешев Злак Жизни, на дне океана, райское Древо Жизни, Еноха, на «Закате всех солнц», золотые

плоды Геракла, в саду Гесперид-Вечерниц, глиф маянских письмен – человека-дерево, растущее из вод потопа, и, наконец, в изваянии Кесарии Филипповой, всеисцеляющий Злак, прозябший у ног Иисуса; вспомним все это и мы прочтем еще один исполинский, по всему земному шару, во всех веках-эонах, начертанный символ – Древо Жизни.

XXIX

Бог невидим, неизобразим, – критяне и это знают: нет у них ни божеских идолов-образов, ни даже, в позднейшем смысле, храмов; только естественные пещеры, пустые, с глиняными рогами Жертвы-Тельца, домашние часовеньки и заповедные ограды, abata, с низенькими, в виде полукруга, каменными стенками, тоже пустые, только с камнем-бэтилем, деревцом или жертвенником; голые, открытые места, – «всегда нам открыто являются боги», – но никому, под страхом смерти, не доступные: «Как страшно место сие; это не иное что, как дом Божий, врата небесные!»

В этих-то оградах и совершаются странные, открытые всем, как бы не тайные, таинства, изображаемые в резьбе на здешних драгоценных камнях-талисманах и на овальных печатях золотых, должно быть, магических, перстней: жрицы (в царстве Матери, царстве жен, нет вовсе или почти нет жрецов) вызывают бога живого, во плоти, – вот почему не нужно им идолов, – чародейственной пляской, вихревым,

лабиринтным круженьем, оргийно-неистовым, точно таким же, как у пещерных мэнад в Когульской росписи, пляшущих вокруг маленького голого, черного мальчика – может быть, уже Куроса-Адониса. К здешним, критским мэнадам сходит он с неба, в виде двуострой Секиры, Лабрис – будущего Крестного знаменья, или в человеческом виде – маленького бога, крылатого, реющего в воздухе бабочкой, должно быть, ослепительно-белой, как молния или как те грозовые огни Диоскуров, что вспыхивают спасительным для пловцов знаменьем, на верхушках мачт, или, наконец, как разделяющиеся языки пламени, что почили на апостолах в день Пятидесятницы (Evans, Palace, 161. – Mosso, Escurs, 165. – Karo, 145. – Dussaud, 343. – Fr. Lenormant, Cabiri, ap. Daremberg-Saglio, Dict. Antiq., t. I, v., II, 757. – Деян. 2, 1–4).

XXX

Что же все это значит?

«Многие люди спят с открытыми глазами, что греки называют „исступляться“, „корибанствовать“, – объясняет Плиний Натуралист все вообще „богоявления“, „теофании“, уже с почти нашею, бездушною, мнимо-научною грубостью (Plin., Natur. Hist., XI, 147). Неоплатоник Прокл объясняет их несколько тоньше: „В таинствах (Елевзинских) бывают явления несказанных Образов, phasmata“ (P. Foucart. Les Mystères d'Eleusis, 1914, p. 395). Тем же словом определяет

и Платон „Идеи“ – существ нерожденных рождающие Тени, Образы, eidola, – кажется, то самое, что Гете называл „Матерями“, die Mütter (Goethe, Faust, II, 1 Akt, finstere Galerie).

«Вакхом обуянные приводят себя в исступление, enthousiazousi, пока не увидят желаемого (бога)», – приоткрывает ту же святейшую тайну мистерий Филон Александрийский, современник, хотя и не участник того, что первые христиане называют parousia; слово это значит не только будущее «пришествие», но и всегдашнее «присутствие» Господа (Philo, de vita contemplat., 2. – Erw. Rohde, Psyche, II, 11). Эти «парузии», «пришествия», «богоявления» древних мистерий понял, кажется, из всех современных людей один только Шеллинг: Персефона-Корэ, Куроса женский двойник, в Елевзинских таинствах, «***есть нечто и для нас действительно Сущее***, ein wirklich existirendes Wesen» (Schelling, Philosophie der Offenbarung 1858, p. 500).

Надо с ума сойти, чтоб этому поверить, – кажется нам, христианам и нехристианам, одинаково. Мы все забываем – не всегда, впрочем, а только в нужных нам случаях, – что никто никогда «научно» не опровергнет возможного просперо-шекспировского взгляда человека на себя, и шопенгауэро-буддийского – на весь мир, как на «представление», «майю», «сон с открытыми глазами», «галлюцинацию».

С этой, для нас как будто «сумасшедшей», точки зрения путь к Тому «действительно Сущему», о Ком здешний же, критский мудрец Эпименид скажет, – и эти слова повторит

ап. Павел в Афинском Ареопаге: «Им же живем, и движемся, и существуем» (Деян. 17, 28), – страшно далекий путь к Нему уже начат в этих «присутствиях», «богоявлениях» критского бога Младенца, Куроса, а может быть, и того жалкого, голого, черного мальчика в Когульской росписи – Адониса Пещерного.

XXXI

Нынешние критские горные пастухи и охотники, перекликаясь в случае опасности, трубят в огромные раковины-трубы, издающие оглушительный, гулу океана или бычьему реву подобный, звук. Пять тысяч лет назад миносские жрецы, как видно по изображениям на здешних резных камнях, трубили в точно такие же трубы (Schelling, Philosophie der Offerbarung, 1858, p. 500). Может быть, эти хорошо и нам известные средиземно-атлантические раковины, margaritana sinuanta, tridacna squamosa, напоминали им здесь, на Востоке, далекую родину, Запад (Poulsen, 65–66). Зов ее слышится во всей Крито-Эгее, как в исполинской раковине гул Океана.

Трубят, кличут, зовут Кого-то, как пастухи на горах – коз и овец, или, вернее, одного-единственного Агнца. И не тщетно зовут, – придет.

XXXII

Этот неумолкаемый зов повторит и ап. Павел двумя незапамятно-древними, как всегда в таких молитвах-заклятьях, неизменными, может быть, в Ханаан, Св. Землю, оттуда же, с Крита, занесенными словами:

Maran atha.
Господь гряди.

(I Кор. 16, 22. – D. Nielsen, 238, 247)

Этим раковинам-трубам Атлантиды – первых дней мира – может быть, ответит, и в последний день, труба Архангела.

5. Адонис – Атлас

I

Главного в Адонисовых мистериях, – общего, критского, а может быть, и средиземно-атлантического, корня, – мы не знали бы вовсе, по греческому мифу, смешавшему действительную, древнюю родину бога, Крит, с новою, мнимою, – Кипром, где совершались позднейшие Адонии, если бы не отзвук мифа, более древнего, может быть, ханаано-пелазгийского, дошедший до нас в случайной заметке христианского писателя Феодора Мопсуэтского, в одном несторианском сборнике св. отцов, – комментарии к той Афинской речи ап. Павла, где повторены слова Эпименида Критского о Зевсе Криторожденном: «Им же все мы живем и движемся, и существуем». – «Сказывают Критяне, будто бы Зевс был сыном царевым, и растерзан диким вепрем и погребен; и вот, говорят они, гроб его тут же, у нас» (Cook, 157).

Вепрем убит, по греческому мифу, Адонис, а по Феодору Мопсуэтскому, Критский Зевс, он же – Zan, Пифагоровой надписи на Юктской гробнице. Это значит: Зевс, Зан, Адонис-Адонай – одно и то же лицо, смертный, рожденный от смертной, такой же баснословный или доисторический богатырь, как Озирис, Таммуз, Аттис, Дионис, Митра, Кветцаль-

коатль, – все страдающие боги-люди. Вепрь, убийца Адониса, – это мы тоже знаем по бесчисленно повторенному, от Сапфо до Овидия, греческому мифу, – есть посланец бога войны, Арея, или сам бог. Юный зверолов насмерть ранен клыком зверя. Что это, бессмысленно-роковая судьба? Нет, затаенный или забытый новым мифом смысл древней мистерии глубже. Гибель Адониса – вольная жертва. «Он знает день, когда его не будет», – сказано об одном двойнике его, Озирисе, а другой – Таммуз – сам говорит о себе:

Нисхожу я стезей сокровенной,
Путем без возврата,
В глубины подземные.

«Да возвестит он волю мою», – говорит бог Эа о боге Таммузе. Отец – о Сыне. Это значит: Сын да сотворит волю Отца (W. Anz. Ursprung des Gnosticizmus, 1897, p. 98).

В мифе сознание ***вольной жертвы*** потухло, и даже в мистерии чуть брезжит; полным светом засияет только в христианстве: «Я отдаю жизнь Мою, чтобы снова принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я сам отдаю ее; власть имею отдать ее и власть имею принять ее. Заповедь сию получил я от Отца Моего» (Ио. 10, 17–18).

II

В вольной жертве убивается богом войны, Ареем, бог ми-

ра, Адонис-Курос, тот, с чьим пришествием, как поют куреты:

> Укротил и диких зверей
> Мир благоденственный.

Вот луч мистерии во мраке мифа.

> Быть между нами не может любви… доколе, сраженный,
> Кровью своей не насытит один свирепого бога Арея,

говорит враг врагу на войне. Но вот, между ними падает, сраженный, сам бог любви, Адонис, и кровью своей напишет заповедь мира уже не на орихалковой скрижали Закона, а в сердцах человеческих; вольно отдаст себя в жертву за людей душ человеческих Возлюбленный, чтобы люди, наконец, поняли, что такое война.

Так же и древнемексиканский бог мира, Кветцалькоатль, борется с богом войны, Витцилопохтлем: тот же миф, та же мистерия – на Юкатане и Крите – двух уцелевших концах рухнувшего моста – Атлантиды.

III

Атлантида погибла от войны и разврата, «язвы убийства» и «язвы рождения». Ту принял на себя Адонис-Атлас в смерти, эту – в любви; обе, по мифу, – невольно; вольно, – по

мистерии.

Аполлодор и Павзаний сохранили греческий миф об Адонисе, кажется, впервые записанный, около V века до Р. Х., греческим поэтом Паниазом, Panyasis (Ch. Vellay. Le culte et les fêtes d'Adonis-Thammouz, 1904, p. 26).

Чистой из чистых, той, чье имя – благоухание – «Мирра», дочери кипрского царя, Фиаза, Theias, или, по другим сказаниям, Кинира, Kinyras, выходца из Финикии, «Красной Земли» (какой, Восточной или Западной?), внушает кровосмесительную похоть к отцу Афродита Лютая. Мирра поступила с отцом своим, так же как дочери Лота – «напоила его вином и вошла к нему, и спала с ним, а он не знал, когда она легла и когда встала» (Быт. 19, 30–36). Праведный Лот, пощаженный в Содоме, узнав, что с ним сделали дочери, не возмутился, хотя за меньшие грехи, по закону Моисееву, будут сжигать и побивать камнями. Царь же Фиаз-Кинир возмущается, хочет убить дочь; уже гонится за нею с мечом, но она убегает от него, и боги превращают ее в мирровое дерево. «Там, на полях Аравийских, текут из древесной коры горящие слезы ее, драгоценны, благоуханны, по имени Мирры, миррою названы», – поет Овидий (Ovid., Metamorph., 1. X). Есть одно среди довольно плоских и грубых слов его, бездонно глубокое и нежное:

Люди ее никогда не забудут.

Через девять месяцев раскрылась на дереве вспухшая кора, и «вышел из нее младенец плачущий, прекрасный Адонис».

IV

В белые ризы облекся я,
От смертей и рождений очистился…

Чистый на нечистом, белый на черном ложе кровосмешения зачат. Может ли это быть? Может. Вольно захотел страдать с людьми во всем, – и в этом; принял все человеческие раны, – и эту «стыдную рану» пола.

Мирру губит Афродита? Нет, Мирра – сама Афродита в мистерии, не Лютая, Подземная, а Кроткая, Небесная, Урания, страдающая Мать, женский двойник Сына. Так же как он, сходит и она с неба на землю, чтобы с ним страдать за людей. Люди приносят ей в жертву чистейшую мирру; но вот, сама она захотела принести себя в жертву людям, сгореть на алтаре благоуханною миррою.

V

«Моав – умывальная чаша Моя», – говорит Господь о горных озерах Моава, сына Лотова, зачатого на ложе кровосмешения: воды эти так чисты, что лицо Господне умывает-

ся в них (Пс. 59, 10). Ясно, что мы чего-то не понимаем в обоих мифах; что-то в них замкнуто от нас семью замками; но, может быть, открыто в мистерии, где догмат «божественных кровосмешений» соответствует догмату «божественной двуполости» (Fr. Lenormant. Lettres assyriologiques, 1872, II, 277). В этом последнем пол как бы восстает на себя, хочет преодолеть себя в ***категории пространства***, где внутреннее единство мужеженского в первично-целостной личности разделяется на мужское и женское, как на правое и левое, верхнее и нижнее; а в догмате «кровосмешений», пол так же восстает на себя и хочет преодолеть себя, в ***категории времени***, где внутреннее единство сыновне-отчего в той же первично-целостной личности разделяется на отчее и сыновнее, бывшее и будущее. В самых глубоких местах своих, омутах, естественное течение пола по нисходящей линии родов, образуя водовороты, как бы возвращается вспять, к истоку: сын хочет снова родить себя от матери, дочь – от отца, уже не во времени, а в вечности. Воля к безличному роду становится волей к торжествующей над родом – рождением, смертью, – бессмертной Личности.

Вот почему и на мифе сохранился, как царапина львиного когтя на теле ягненка, след мистерии: часто Адонис смешивается с Киниром, сын – с отцом; не потому ли, что Сын и Отец одно? (Vellay, 28–29.)

VI

В этих двух догматах древних мистерий – «божественном кровосмешении», «божественной двуполости» – брезжит смутно уже христианская Троичность. Если Сын и Отец одно в Духе-Матери, то мистически-понятно, хотя эмпирически-чудовищно, нелепо, непредставимо, как это часто бывает и в математике, когда дело идет о величинах бесконечных, что не только Отец рождает Сына, но и Сын рождает Отца.

О, Мать моя, Жена моя! —

говорит у Ибсена, менее всего, конечно, думающий о древних мистериях Пэр Гюнт, когда ему является в предсмертном видении его возлюбленная, Сольвейг.

…Я – Мать,
А кто Отец? Не Тот ли, Кто прощает,
По просьбе Матери?

Это и значит: Отец, Сын и Мать – одно в одной любви Троичной.

Так, самый черный, страшный, как бы адский, уголь пола превращается в звездный алмаз.

VII

Myrra – Mirjam, это не филологическое сродство, а более таинственное созвучье имен на галилео-арамейском языке Иисуса, где греческое имя «Мария» звучит «Мирьям», – как напугало бы всех маловерных и обрадовало бы всех неверных, – мелких бесов кощунства, от Лукиана и Цельза до Вольтера и Бруно Бауэра!

«Прежде нежели сочетались они, оказалось, что она имеет во чреве… Иосиф же, муж ее, будучи праведен и не желая огласить ее, хотел тайно отпустить ее» (Мтф. I, 18–19). Смысл греческого слова deigmatisai: «сделать так, чтоб на нее указывали пальцами, ругались над ней». Это, кажется, и вспомнили фарисеи, ругаясь над Сыном: «Мы не от любодеяния рождены» (Ио. 8, 41). Смысл довольно ясен: «Как Ты». Этого не поняли христиане, за две тысячи лет, но тотчас поняли враги Христовы.

«Мать его (Иисуса) была Мирьям, Mirjam, женских волос уборщица, magaddla». Хитростью однажды выманил у нее Рабби Акиба признание, что «сын ее родился от любодеяния». – «Имя же любовника ее Pandera», – сообщает Талмуд Вавилонский (Babyl. Hagiga, 4, b. – Misna Jebamoth, 4, 13. – H. Strack, Jesus nach den ältesten Judischen Angaben, 1910, p. 26, 34. – J. Aufhauser, Antike Jesus-Zeugnisse, p. 44).

Гнусность эту жадно подхватил и «просвещенный» рим-

лянин Цельз, александрийский врач-эпикуреец, в своем «Слове истины»: «Сына родила она от какого-то воина Пантеры, Panthera (судя по имени, римского легионера), и, выгнанная мужем, бездомная, презренная, где-то в темном углу, родила Иисуса, skotion egennêse» (Origen., contra Celsum, I, 32; 28).

Тех, римских, солдатских, во дворе Каиафы, плевков на челе Господа чище ли эти, увы, не только иудейские, – на челе Марии?

Как же было смиреннейшей тени у ног Ее, Мирре, не принять позора, принятого Ею самой, лучезарною, Солнцем солнц?

VIII

Мир наполнился благоуханием, когда родился Адонис, мирровый цвет. Сын – в мать; вот почему «люди ее никогда не забудут».

«Дух Св., Pneuma, подобен благоуханию тончайшему и вездесущему», – учат сэтиане-гностики (Hyppol., Philosoph., V, 19. – W. Bousset, Hauptproblème der Gnosis, 1907, p. 120). Мир – цветок, благоухающий Богом Духом.

В дереве бог – Адонис, и Мирра – тоже. Вспомним Древо Жизни Еноха, на «Закате всех солнц»: «Благовоние его сладостней всех благовоний… Не прикоснется же к нему никакая плоть до великого дня; тогда оно будет дано смиренным

и праведным… И благовоние его напитает кости их… И не будет уже ни болезни, ни плача, ни воздыхания».

IX

В Греции сначала, а потом в эллинизме, миф об Адонисе выветрился окончательно; в мифе мистерия умирает жалкою смертью. Мосх, Бион, Феокрит, и особенно Овидий уже ничего не помнят, ничего не знают, ни во что не верят; «делают из этого забаву», легкостью, плоскостью эстетической заменяют глубину и тяжесть религиозную; Бога Адоная Всевышнего превращают в жеманного пастушка, фарфоровую куколку идиллии; неизреченную тайну богозачатия, от которой херувимы закрывают лица свои в ужасе, – в соблазнительную сказку или случай из уголовной хроники.

…Мягче сна пурпурное ложе Киприды…
Нежных богининых уст поцелуй не уколет
безусый.

(Theokr., Idyl., XV)

Трижды любимый Адонис, и в мраке Аида любимый…
Уст холодеющих все еще сладко лобзанье Киприде…
»…О, помедли, помедли со мною, мой бедный Адонис!
Вздох твой последний с дыханьем моим да сольется…
Жадными-жадными выпью устами я вздох твой

последний…
…Нет, умираешь; мне же, несчастной, бессмертной,
Смерти с тобой разделить невозможно…»

(Bion, Idyl., I)

Все это, может быть, и красиво, но безбожно, и потому бессмысленно.

Плач свой оставь, Киферея, умерь свое горе и слезы:
Ведь и в грядущем году снова плакать придется, —

глупо утешает Бион.

Так же как в поздних Адониях, вся метафизика таинства здесь опрокинута: «исчезновению» бога, aphanismos, предшествует его «нахождение», heuresis, как будто сначала воскрес, а потом опять умер; плач после радости, после временной жизни вечная смерть (Vellay, 148–151); смрад тлена сквозь благовонную масть погребения. Все эти поэты упадка – над мифом, как нечистые мухи – над перезрелым и уже загнившим плодом.

X

В росписи помпейского домика, Casa d'Adone, бог, похожий на римского кинеда, «альфонса», по-нашему, умирает в объятьях богини – Субуррской сводни, и льющуюся кровь из раны его вытирают полотенцами Эроты, напоминающие

тех гнусных «рыбок» в лазурных банях Капреи, которыми разжигал свою похоть дряхлый Тиберий (H. Brugsch. Die Adonisklage und das Linoslied, 1852, p. 8). Серного дождя и пепла стоила Помпея-Содом.

Может быть, наглядевшись на такие картинки и начитавшись таких идиллий, императрица Юлия Домна и шепнула сыну своему, Каракалле, на ложе кровосмешения: «Si libet, licet, если хочешь, можешь!»

XI

Благочестивые люди все еще упорно ищут смысла в мифе – жизни в трупе; но лучше б не искали: мнимый смысл хуже бессмыслицы.

«Жатву созревших плодов означает убиение Адониса» – по Аммиану Марцеллину (Ammian Marcell., Hist., XXII, 9), а по бл. Иерониму, Адонис умирающий – в хлебном семени, а воскресающий – в колосе (Hieronym., ad Ezech, 8. – Movers, Die Phönizier, 1841, p. 208–209).

Вся религия Адониса – только «земледельческий культ плодородья», – это нелепое кощунство останется незыблемым от V века до XX. Ну, конечно, Адонис – хлебный злак, умирающий и воскресающий, но совсем не в том смысле, как думают «натуралисты», от бл. Иеронима до Фразера (J. G. Frazer, Adonis, Attis, Osiris, 1906), а в том, как учит ап. Павел: «Что ты съешь, не оживет, если не умрет… Так, и при

воскресении мертвых… Говорю вам ***тайну***» (I Кор., 15, 36–42). «Тайна» эта и сделалась «тщетною», увы, не только в древних Адониях.

XII

Если вся религия страдающего Бога – перворелигия всего человечества – «земледельческий культ плодородья», и ничего больше, то зачем глиняные чаши и черепки с хлебными злаками выставляются нарочно на самом припеке, у стен домов, и обильно поливаются водою, так чтобы зелень как можно скорее взошла и увяла? зачем среди них сажают латук, «яство умерших», скопческий злак, «отнимающий силу чародея»? зачем кладет Афродита мертвое тело Адониса на «латуковое ложе»? зачем кидаются проросшие семена Адонисовых садиков не в плодородную землю, а в бесплодное море и в бездонные колодцы, устья преисподней? (Langrange, 244. – Movers, 200. – Brugsch, 4. – C. P. Tiele, La religion des Phéniciens, 1881, p. 184.) И что, наконец, значит миф, сохраненный Дамасцием, о боге Эшмуне, ханаанском Адонисе, оскопившемся крито-эгейскою двуострою секирою, labrys, чтобы избегнуть любовных преследований богини Астронойи – Астарты Звездной – той же Афродиты Небесной, Урании? (Dussaud, Notes de Mythologie Syrienne, 1903, p. 155. – Tiele, 200. – Damascius ap. Phot. Biblioth., 242. – Fr. Lenormant, Cabiri, 773.) Здесь мнимый «бог пло-

дородья» превращается в настоящего бога скопцов, Аттиса. Можно ли представить себе что-нибудь, менее похожее на «культ плодородья»?

XIII

Умные уже не знают, не верят, но все еще верят и знают глупые.

В самом конце весны, в начале летнего зноя, когда вянут травы, и наливается колос, в «страстную седьмицу» Адоний, по всему побережью и островам Средиземного моря, целые города оглашаются надгробными плачами женщин, thrênoi, adonidia, под глухие гулы тимпанов и пронзительные визги флейт: «ai, ai, Adonis!» (Lagrange, Etudes sur les religions Sémitiques, 1905, p. 244. – Vellay, 144.)

«Всюду слышались причитания и завывания плакальщиц, с похоронной музыкой, ululabilis undique planctus et lugubres sonus audiebantur» (Ammian Marcell., XXII, 9).

> Что, Киприда, творить нам велишь?
> Никнет Адонис…
> Бейте в перси, плачьте, девы, по нем,
> Рвите хитоны!

Мертвое тело бога, восковое или глиняное изваяние, увитое повязками, умащенное благовоньями, убранное цветами, кладут на гробовое ложе, и девушки рыдают над ним,

как над только что умершим братом или возлюбленным (Lagrange, 244. – Vellay, 144).

«Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо, если с ***зеленеющим деревом*** это делают, то с сухим что будет?» (Лук. 22, 28–31.) Дщери не только иерусалимские, но и вавилонские, египетские, критские, а может быть, и маянские, видя Иисуса, несущего крест на Голгофу, поняли бы, что зеленеющее Дерево Жизни, которого люди искали от начала мира и чью только тень находили, наконец, найдено.

XIV

Кружится, кружится, что-то чудесное над одною точкою Св. Земли, постепенно суживая круги, как орел, готовый пасть на добычу.

«Адонисовым святилищем», Adônidos hiera, как называет Страбон Библос, можно бы назвать и весь Ханаан. Прежде чем Израиль вступил в него, здесь уже поклонялись Адонису крито-эгейскому, Таммузу вавилонскому, Озирису египетскому (Vellay, 36. – Moret, 84. – Sethe, Aegyptische Zeitschrift, XLV, p. 12–14). Слышится плач на полях Мегиддонских, в Гадад-Риммоне, Adad-Ramman, городе, посвященном Адонису-Таммузу: «Воззрят на Того, Кого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают о сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце… Подымется великий плач в Иерусалиме, как плач…

на полях Мегиддонских» (Зах. 12, 9–12). – «Дух поднял меня и принес в Иерусалим (во храм)… во врата дома Господня, которые к полуночи, и вот, там сидят жены, плачущие по Таммузу» (Иез. 8, 3, 14).

Плачем этим наполнен весь Ханаан. Семь дней плача, а на восьмой – радостный клич: «Жив Адонис! Адонис воскрес!» (Vellay, 136.)

XV

Каждую весну, на горных лугах Ливана, цветут подснежники не белые, как наши, а красные, – «кровь Адониса», анемоны; расцветут и на лугах Галилейских, у ног Иисусовых, поцелуют босые ноги Назаретского Плотника. «Царь Соломон, во славе своей, не одевался так, как всякая из них», – сказано не о наших белых, гордых лилиях, а об этих смиренных, красных цветах Адониса.

XVI

Каждую весну, к началу «страстной седьмицы» – Адоний, горные потоки Ливана, усиленные таянием снегов и внезапными ливнями, краснеют от размываемой железисто-суриковой глины берегов. Это чудо «Адонисовой крови» означает, что бог убит вепрем в горах. Нынешний Nahr-Ibrahim, древний Adônis, горная речка у Библоса, несет красную воду

в море, где, смешиваясь с морской водой очень медленно, по причине в эту пору года обычно с моря дующих ветров, оставляет у берега длинную красную в голубой воде, кайму (E. Renan. Mission en Phénicie, 1867, p. 283. – Pseudo-Lue., de Syria, dea).

Тень подобна телу: первый мир крещен водою потопа, второй – Голгофскою Кровью; вот почему кровь в воде, – вечной зари багрянец в небесной лазури средиземно-атлантических волн.

XVII

Как в сверкающий под зажигательным стеклом фокус, в одну точку Св. Земли направлены четыре луча с четырех концов света: с юга, из Египта, луч Сына, Озириса; с севера, из Хеттеи, луч Матери, Кибелы; с востока, из Вавилона, луч Отца, Эа; и с запада, из Крито-Эгеи, троичный луч – Отца, Сына и Матери. А зажигаемая точка – Вифлеемская Звезда.

XVIII

«Наше и всей земли ныне славнейшее место, Вифлеем, о нем же псалмопевец поет: „Истина возникла из земли“, – осенялось некогда рощей Таммуза-Адониса, и в том самом вертепе, где плакал Младенец Христос, оплакивался Венерин возлюбленный, ubi quondam Christus parvulus vagiit,

Veneris amasius plangebatur», – вспоминает бл. Иероним (St. Hieronym., epist. 49, ad Paulin).

Белой магии магов, волхвов, ведет звезда египетской Изиды, крито-эгейской Ма-Кибелы, вавилонской Иштарь-Мами, а может быть, и юкатанской Майи, – в Вифлеемский вертеп, к Иисусу Младенцу и Матери.

XIX

«Женщина принесла алавастровый сосуд с миром и, ставши позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и умащала миром». – «И дом наполнился благоуханием». – «Видя это, Фарисей сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к нему, ибо она грешница». – «И роптали на нее. Но Иисус сказал: оставьте ее; что ее смущаете? Она сделала, что могла: предварила помазать тело мое к погребению». – «Ей же сказал: прощаются тебе грехи; вера твоя спасла тебя; иди с миром» (Лук. 7, 37–48. – Ио. 12, 3. – Мрк. 12. – Мтф. 26, 6–12).

Грешница-жена – вся языческая древность, алавастровый сосуд мира – мистерия, а благоухание на теле Господа – цветы Мирры – Адонис.

6. Распятый Эрос

I

Бог или человек, распятый на кресте, изображен на гематитовой печати перстня – одном из тех «магических» камней, какие употреблялись у гностиков II–III веков по Р. Х. Трудно понять по очень смутному облику нагого полудетского, полудевичьего тела, кто это, женщина, мужчина или андрогин. Два огромных гвоздя, не пронзая ног распятого, вбиты, шапками врозь, у подножья креста; семь четырехконечных звезд расположены над ним полукругом; греческая, большими буквами, надпись гласит:

Orpheos Bakkikos

Следует читать: Orpheus Bakhikos, «Орфей Вакхический» или «Вакховых таинств Орфей» (Aug. Boulanger, Orphée, 1925, p. 146–148. – O. Wulff, Altchristliche Bieldwerke, I, 1901, p. 234, pl. 56. – F. Dolger, Der heilige Fisch, 1922, p. 256, pl. 36. – Ot. Kern, Orphika fragmenta, p. 46).

Нам, христианам, это распятье не может не казаться кощунственным. Но, если мы вспомним, что наше распятье появляется на разных печатях-геммах, вероятно, гностических, уже во II веке, а в православно-церковной иконогра-

фии не ранее V, то мы поймем, что сознательного кощунства здесь быть не могло. Если же камень все-таки – «магический», как похоже на то, судя по другим подобным камням, то вероятная цель его не «черная», всегда более или менее кощунственная, а «белая магия», теургия. К ней могут привлекаться и силы, действующие в христианстве, как видно по заклятью одного магического папируса, обращенному, должно быть, к языческому богу или демону: «Именем Иисуса, Бога Евреев, заклинаю тебя, orkizô se kata tou theou tôn Ebraiôn Iêsou» (G. Wessely, Pariser Zauberpapirus, lin. 3119–20. – Will. Benj. Smith, Der vorchristliche Jesus, 1911, p. 38).

Маг невежествен: кроме чудотворного имени Иисусова, ничего о христианстве не знает. Кажется, несколько больше знают о нем гностики распятого Вакха-Орфея.

II

Маг овладевает «сверхъестественными» силами через «познание», gnôsis. В чем же заключается гнозис этого распятия? Больше, чем пророк и мученик Вакха, растерзанный мэнадами Орфей; это сам воплощенный бог. Между «растерзаньем» Вакха, diaspasmos, и «распятьем Логоса» устанавливают религиозно-возможную, хотя бы только от противного, связь не одни еретики-гностики, но и такой православный учитель церкви, как св. Климент Александрийский:

«Вечную истину видит и варварская, и эллинская мудрость в некоем растерзаньи, распятьи, – не в том, о коем повествует баснословье Дионисово, а в том, коему учит богословие вечного Логоса» (Clement Al., Strom., I, 13).

Кем же и за что распят Вакх-Орфей?

Orf, urf, кажется, очень древний, может быть, этруропелазгийский корень, тот же, что в греческом слове orphnos, значит «сумеречный», «темный» (Gerhard, 137. – Sal. Reinach, Cultes, Mythes et Religions, 1905, II, 122). Темный Вакх и есть Орфей.

Только что выйдя с Евридикой из ада, снова теряет он ее уже навсегда: не до-верил, не до-любил – усомнился, идет ли за ним, оглянулся, «потемнел» – потерял.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел,

бедный певец, так же как «бедный рыцарь». Мертвой невесты жених, всех жен и дев живых возненавидел. Горько плачет, сладко поет. Камни, воды, звезды, злаки, звери, люди, боги внимают ему, очарованы; так же как он, ради небесной любви забыли земную. Брачные песни умолкли, жены мужьями покинуты, клятвы любви нарушены. Новым духом повеяло в мире, страшным для незнающих, «скопческим», – благодатным, «девственным» для знающих, – духом Эроса

небесного – земного Антэроса, как после знойного дня – вечернею свежестью. Вольною жертвою за эту любовь и пал Орфей (E. Maas, Orpheus, 1895, p. 287).

Презрены им Киконийские жены; но за себя отомстили…
В таинствах Вакха ночных, в исступленьях святых, растерзали
Юное тело…

(Virg., Georg., IV)

«Растерзали» – «распяли».

III

Аттиса буду я петь…
Не трубным зыком, громовым,
Не пронзительным визгом
Флейт Идейских Куретов,
Но с тихою Фебовой Музой
Согласуя мой голос.
Эвой-эван! о, Пан! о, Вакх!
О, Пастырь белых звезд!

Этот гимн гностиков офитов-наасеян (ophis – по-гречески, nahas, по-еврейски, значит – «змея»), поклонявшихся Змию на райском Древе познания, как воплощению Логоса, сообщает св. Ипполит, епископ II века, в «Опровер-

жении всех ересей» (Hippolit., Refutat. omn. haeres, V, 2. – Reitzenstein, Poimandres, 1904, p. 163).

Аттис – Вакх. Это значит: бог оскопленный – тот же, что растерзанный или распятый. Между ними ставится в мистериях знак равенства.

«Бога Диониса, оскопленного, называют иные, не без причины, и Аттисом», – говорит об одном из трех великих Самофракийских божеств, Кабиров, св. Климент Александрийский, хорошо, конечно, зная, что говорит, потому что он сам, до своего обращения в христианство, был посвящен в мистерии Аттиса (Clement Al., Protrept., p. 16. – Fr. Lenormant, Cabiri. – Dict. d. Ant. Daremb. Sagl., I, II, 757. – Euseb., Praepart. evang., II, 2. – H. Graillot, Le culte Cybele, 1912, p. 156). Значит, и здесь опять оскопленный Аттис и распятый Вакх сливаются, как два дополнительных цвета, скажем, голубой – в небесной бесплодной пустыне, и зеленый – в злаках плодородной земли.

IV

Что именно здесь, около Аттиса, бродит и кипит, как нигде, новое вино религиозной всемирности, видно по другому, тоже офитскому, гимну:

> Кто бы ты ни был, – Крона иль Дия блаженного,
> Реи ли великой сын, – радуйся, Аттис таинственный!
> Трижды желанным Адонисом тебя называют сирийцы,

Богом Озирисом – египтяне, эллинов мудрость —
Рогом небесного месяца, самофракийцы – великим Адамом,
Гемонийцы – святым Корибантом, а фригийцы – то Папою,
То богом Умершим, то Нерождающим,
То зеленеющим срезанным Колосом…
То юным свирельщиком Аттисом.

(Hippolyt., Refut., V. – Reitzenstein, 163.)

Здесь, в таинственном «богосмешении», всеми цветами радуги переливается, как луч солнца в капле росы, белый луч мертвого скопчества или бессмертной любви, – это смотря по тому, кто откуда судит.

V

Раной оскопления – «стыдною раною» пола – все начинается в жертвенных «страстях» – страданиях бога-человека.

«Я – женщина, как ты», – говорит жене своей, в незапамятно древней египетской сказке о «Двух братьях», молодой поселянин, Бата, Хлебный Дух, воплощенный Озирис-девственник, оклеветанный братниной женой, как Иосиф – женою Пентефрия, Ипполит – Федрою, и на глазах брата, чтобы доказать свою невинность, оскопившийся, – тоже небесного Эроса мученик вольный: «он знает день, когда его не будет» (Papyr. d'Orbinii – H. Brugsch, Aus dem Orient, 1864,

II, 7–21).

Скопческим или девственным бесплодием поражает землю вавилонская богиня Иштар, женский двойник Орфея-Вакха, нисходящая в ад за мужским двойником Евридики, Таммузом: легкими делает такие превращения догмат божественной двуполости, связанный с догматом божественного девства-скопчества (Cuneiform Texts, XV vol. Tabl. 49. – A. Jeremias. Handbuch der altorieutalischen Geisteskultur, 1913, p. 216. – H. Zimmern. Sumerisch-babylonische Tammuzlieder, 242).

В мифе Дамасция, ханаанский бог Эшмун-Адонис, тоже непреклонный девственник, настигаемый в бегстве лютой Афродитой, как зверем – зверолов, чтобы спастись от нее, оскопляется двуострою секирою, labrys – незапамятно-древнем символом бога-жертвы, может быть, дохристианскою тенью Креста (Tiele, La religion des Phéniciens, 1881, p. 200).

«Ранил я его клыком в бедро нечаянно… хотел поцеловать», – кается у Феокрита, убийца Адониса, вепрь (Theocr., Idyl., XXX). В «пах», а не в бедро, по Овидию (Ovid., Metam., 1. X), или еще точнее, по тайному слову мистерий, – в «стыд», aidoín (Vellay, 90), – то место, о котором говорит Иаков, уснувший на бэтиле, двуполом боге-камне: «Как страшно место сие! Это не иное что, как дом Божий, Врата Небесные!»

Рана Адониса – рана оскопления. Если же Вепрь – бог войны, Эрис-Арей, то Адонис падает вольною жертвою лю-

того Эроса-Эриса.

Обе язвы – рождения и убийства, пола и войны – соединяются в одну на всех богах Атлантиды, так же как на ней самой.

VI

Что все это должно бы кое-что значить и для нас, мы могли бы понять, если бы вспомнили это, о девстве, конце лютого Эроса, почти так же, как то, о мире, конце лютого Эриса, забытое слово Забытого:

> Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами, ради царства небесного, hoitines eunouhisan heautous dia tên basileian tôn ouranôn.
> *(Мтф. 19, 12.)*

Страшное слово для нас, непонятное. Что же делать? Слова из Евангелия не выкинешь. А может быть, и хорошо, что этим «адским камнем» Врача прижигается «стыдная рана» человечества – Пол.

VII

Козий пастушок, на тучных пастбищах болотистой речки Сангарии, в грустной Азийской пустыне, на грустной свирели играющий, бедный, маленький мальчик, такой же «Пигмей», как боги Крито-Эгейские, все растет, растет,

и перерастает, наконец, свою исполинскую Мать, Кибелу. «Богу Аттису, Всевышнему, Вседержителю, Theos Hypsistos Pantokrator», – сказано в одной посвятительной греко-римской надписи. «В свете неприступном живет надо всеми небесами и звездами», – сказано в другой (Graillot, 150–151, 219, 519).

Вот почему, и на том волшебном камне гностиков, с распятым Вакхом-Орфеем-Аттисом, ущербный месяц, образ вечно-умирающего бога-жертвы, – на верхнем конце креста, и над ним – полукруг семизвездия, – должно быть, Млечный Путь, Галаксия, откуда нисходит на землю Аттис, «Пастырь белых звезд», белых коз – душ человеческих. Если так, то, значит, Аттис – тот же бог, что и на Флийской росписи, – окрыленный и седовласый Эрос-Архей, Ветхий деньми, Сын в лоне Отца.

Козий пастушок и Бог надзвездный, – какой неимоверный взлет! Чем же так возвысился Аттис? Девством – «скопчеством».

VIII

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как я возлюбил вас» (Ио. 13, 34). Заповедь ***только*** братской любви – не новая, а древняя, Моисеева: «Люби ближнего твоего, как самого себя». Так и поняли, и, вот уже две тысячи лет, так понимают все, кроме святых; поняли и позабыли слиш-

ком древнюю, «ветхую», заповедь. Но если бы св. Климент Александрийский, уже христианин, мог вспомнить, почувствовать себя снова «аттисианином», поклонником Аттиса, каким был в юности, то, может быть, понял бы, что заповедь эта, в самом деле, «новая», связанная с тем, тоже новым и страшным, евангельским словом о скопцах, самих себя сделавших скопцами ради царства небесного, – о явно-ледяном для безумных «скопчестве», тайно-огненном для мудрых девстве братски-брачной любви.

IX

Новая заповедь – новая «магия». К ней-то, может быть, и влекутся, ее-то и жаждут «знающие», гностики распятого Эроса, оскопленного Аттиса.

«Ранами Его мы исцелились» (Ис. 53, 5), в наших человеческих ранах – всех, кроме этой – «стыдной раны» пола? Нет, и в этой, потому что, не исцелив ее, ***всего*** человека нельзя исцелить. Вот что, кажется, хочет сказать, – пусть говорит невнятно, лепечет, как будто в бреду, – но все-таки хочет сказать тот магический камень с распятым Вакхом-Эросом.

Может быть, и всякий из нас только чуть-чуть христианин, даже только христианин бывший, глядя на этого распятого, почувствует, как бы слабый в сердце толчок, недоумение, удивление: кто и зачем соединил эти две самые крайние, как будто несоединимейшие, точки в мире, – Пол и Крест?

«Маг», «Чародей», «Строитель мостов», по учению Платона, божественный Эрос, – вот кто соединил их, как два полюса единой грозовой силы, для того чтобы воздвигся между ними молнийный мост.

X

В очень сильные грозы, иногда образуется в насыщенном электричеством воздухе ослепительный, молнийный шар и, перед тем чтобы разразиться всесокрушающим взрывом, носится вокруг попавшего в такую грозу человека, зажигая у него на самых кончиках пальцев искорки, трещащие, трепещущие ласково-щекотно, как мотыльковые крылышки, но леденящие таким нездешним ужасом, как тот, какой испытал Фауст, когда ему явился великий Дух Земли:

> Weh! ich ertag dich nicht!
> Горе! я не могу тебя вынести!

Вынести и мы не могли бы, если бы предстал нам иной Великий Дух, – маленький Мальчик с алою струйкою крови на молнийно-белой одежде, пастушьем руне, – оскопленный Аттис, распятый Эрос, – Неузнанного тень.

XI

«Бодрствуя, люди живут в одном общем мире; засыпая же,

каждый уходит в свой собственный мир», – учит Гераклит (Heracl., fragm. 89). Эти сонные миры несообщаемы, не похожи друг на друга, и еще менее похожи на явь. Вот почему так трудно рассказывать сны: сказанный сон вовсе не то, что виденный. Да и спящий сам, только во сне, помнит, что значит сон, а проснется – забудет.

Мифы – древние, из века в век, из рода в род, повторяющиеся сны человечества. Миф, как сон, нельзя рассказать: чтобы понять, что он значит, надо верить в него, видеть его изнутри, а не виденный и сказанный без веры, чужой миф так же нелеп, как чужой сон. Узкие, с тусклыми стеклами, оконца или скважины из дневного сознания в ночное – в то, что мы называем в себе «подсознательным», эти вещие мифы-сны – может быть, единственный путь для нас из этого мира в тот.

XII

Кажется, один из самых вещих и несказанных, вечно повторяющихся снов человечества – миф о сотворении человека.

Очень поздний христианский писатель Арнобий заимствует незапамятно-древний, может быть, фриго-хеттейский, миф о первом, двуполом Адаме-Агдистис, Agdistis или Agdestis, у Тимофея, из рода Елевзинских жрецов, Евмолпидов, жившего в Египте, при Птоломее I (IV–III век до

Р. Х.), языческого пророка и теолога, – можно бы сказать, «апостола Павла» всемирной эллинистической религии, сначала предвестницы, а потом и опаснейшей соперницы христианства. «Аттисов миф, – сообщает Арнобий, – извлек Тимофей из сокровенных книг и сокровеннейших мистерий древности; ex reconditis antiquitatum libris et ex intimis mysteriis» (Arnob., adv. nation., V, 5–7. – Umb. Fracassini, Il misticismo greco e il christianismo, 1922, p. 124).

Надо помнить, что для христианина Арнобия этот языческий миф – сатанинский соблазн, и что он искажает и огрубляет его, может быть, нарочно, так что изложение его относится к древнему мифу-мистерии, может быть, так же как лубочная картинка к подлиннику великого мастера или «апокриф к Евангелию», сказали бы неверующие. Но и сквозь новую, глуповатую легкость Арнобия чувствуется мудрая тяжесть древнего мифа, подобная тяжести вещего бреда: точно в землетрясении сдвигаются и громоздятся циклопические глыбы гранита.

XIII

«К Матери богов (Кибеле), уснувшей на склоне горы Агдос, воспылал кровосмесительною похотью Зевс (сын Кибелы), но, после долгого с нею боренья, не мог желанного достичь и, побежденный наконец, излил семя на камень. Камень зачал, и родился от него Агдестис», Agdestis – Agdos-

Attis: имя двойное двойного существа, мужеженского.

«Сила его была неукротима, жестокосердие люто и вожделение к обоим полам неистово, furialis libido ex utroque sexu. И начало оно все разрушать, ни людей, ни богов не страшась и думая, что нет никого ни на земле, ни на небе сильнее, чем оно» (Arnob., l. c. – Hepding, 37).

«И боги устрашились», – добавляет Павзаний Арнобия (Pausen., VII, 17). Тот же страх внушают богам андрогины Платона: «Крепки и могучи были тела их, велика отвага; это вселило в них дерзкое желание – (hybris атлантов) – взойти на небо и сразиться с богами». Тот же страх внушает элогимам Адам, после вкушения от Древа Познания: «Вот, Адам стал, как один из Нас; и теперь, как бы не простер он руки своей, и не взял также от Древа Жизни, и не стал жить вечно» (Быт. 3, 22). Тот же страх внушает древнемексиканским богам первый человек: «Боги испугались, что сотворили человека слишком совершенным, и наложили на дух его облако – лицо», смертное лицо Адама (Donelly, 169).

Кажется, ясно, что все эти четыре мифа – древних мексиканцев, Платона, Моисея и Арнобия – восходят к одному источнику – вечно-возвратному сну человечества – свету чуть брезжущему, как сквозь тусклое стекло или скважину, из ночного сознания в дневное, – может быть, из того мира в этот.

XIV

Что такое Агдистис?

Космос не однажды устроен, а всегда устрояется Логосом: «Отец Мой делает доныне, и Я делаю». Это вечное миротворение уподобляется в мистериях зачатию: Бог Отец, сочетаясь с Матерью – Материей, – первою Кибелой Аттисова мифа, довременною (будет и вторая, во времени), оплодотворяет ее семенем Логоса (поздние стоики заимствуют учение о Семени-Логосе у древнейших орфиков, может быть, через Гераклита: «Логос прежде был, чем стать земле» (Heracl., fragm. 31.)). На духу – материя, Логосу хаос противится; дух борется с веществом и побеждает его постепенно, в развитии, «эволюции» космоса. Логос иногда изнемогает в этих любовных борениях, «не достигая желанного», и семя его, не проникнув в глубину материи – «скалы Агдос» в мифе, остается на ее поверхности. Вот почему в устрояемом космосе есть темные части, как бы нерастворенные сгустки Хаоса, выкидыши Логоса. Агдистис – один из них.

Он двупол, потому что, как мы уже видели в мистериях андрогинных Камней, Бэтилей, самое строение материи – «двуполое», или, говоря языком наших физических гипотез: то, что нам кажется материей, есть взаимодействие непротяженных точек – электронов, заряженных полярными силами, как бы мужскою, деятельною, – отталкивания и как бы

женскою, страдательною, – притяжения. Эта первичная двуполость Материи, хотя и отражает двуполость божественную – Отца и Духа-Матери – как черная вода колодца отражает и днем звездное небо, – сама в себе остается демоничною, буйною, все вокруг себя и себя самое разрушающею силою – нерастворимейшим, в глубинах Пола, сгустком Хаоса.

XV

Внутренний смысл Агдос-Аттиса таков; внешний же вид его неясен: миф, как будто не смея заглянуть в лицо страшилища, знает только, что оно человекоподобное, двуполое. Но, судя по Платонову мифу об андрогинах, совершенно-круглых сферах, вращающихся, как солнца или наши монады-электроны, или семенные тельца-шарики, – Андрогин Агдистис – такая же сфера, нечто подобное той «круглой молнии» сильнейших гроз, – в грозе сочетается Зевс Громовержец с Матерью Землей, Кибелой, – молнии, порхающей, как бы ищущей места, где бы упасть, чтобы взорваться всесокрушающим взрывом. Кто посмел бы или только успел бы вглядеться в прозрачное, ослепительно-двуцветным огнем, то красным, как пламя ада, то голубым, как небо, отливающее сердце этого молнийного шара, тот, может быть, увидел бы в нем два детских личика, два голых тельца – Адама и Евы, сплетшихся так, что не различить, где мужское, где женское; два – одно: Агдос-Аттис – Агдистис.

Все это происходит еще не здесь, на земле, во времени, а где-то в иных мирах, в каком-то миге вечности, и только что перешло бы оттуда сюда, упало бы с неба на землю молнией, как уничтожило бы мир, испепелило бы его огнем Конца, потому что во всяком живом существе и даже в атоме есть Агдистис – нерастворенный сгусток хаоса, всегда готовый ответить взрывом на взрыв, именно здесь, в незастывающей лаве Пола, больше, чем где-либо.

XVI

Этого-то боги и страшатся и, чтобы укротить гиганта (миф, надо помнить, видя в нем только человекоподобного, так и изображает его в дальнейшем рассказе), прибегают к помощи Вакха-Либера, Освободителя, – того же Аттиса, но еще не рожденного в мир, а сущего в лоне Отца: «Дионис есть Аттис», по Клименту.

Выследив, куда чудовище ходит на водопой, Вакх превращает воду в вино. Агдистис пьет, пьянеет и «засыпает крепким сном» (таким же, какой наводит Бог на Адама, чтобы вынуть из ребра его Еву). И вот как над сонным титаном ухитрился Вакх: «Сплетши петлю из волос, привязал одним концом к пяте его, а другим к ***стыду***, aidoion. Когда же тот, протрезвившись, внезапно вскочил и, разогнув ноги, натянул петлю, – острый ***волос***, как ножом, отрезал ему стыд» (Arnob., V, 6. – Alfr. Loisy, Les mystères des paiens et

le mystère chrétien, 1919, p. 96. – Fracassini, 125).

В мифе Платона Зевс рассекает андрогинов на мужчин и женщин молнией, «подобно тому, как яйца, когда солят их впрок, разрезают на две равных половины ***волосом***».

Волос этот – миг рождения, молния времени, в вечности – разделяет надвое не только внутреннюю сферу Агдистис на мужскую и женскую, но и внешнюю сферу космоса – на земную и небесную, здешний мир и нездешний. Действие мистерии сходит отныне с неба на землю, как бы из верхнего яруса в нижний: вместе с земным человеком рождается и мир земной.

XVII

Еву извлекают Элогимы, должно быть, тоже «разрезом», из ребра – в подлиннике «стороны» – женской половины, женского пола Адамова; здесь же, наоборот: Вакх извлекает Аттиса из мужского пола Агдистис. Там жена от мужа – царство Отца, патриархат, мужевластие в истории; здесь царство Матери, матриархат, женовластие в преистории – в том, что миф Платона назовет «Атлантидой».

XVIII

Райское Дерево Жизни, все в розовом цвету миндаля, с благоуханьем вечной весны – любви нездешней, выросло из

земли, напоенной кровью Агдистис. Мимо проходила дочь речного бога Сангария, Нимфа Нана или Мама, сорвала цветущую ветку с дерева и положила себе за пазуху; ветка исчезла, а нимфа понесла и родила младенца Аттиса. Брошенный матерью в поле, он вскормлен козою и, выросши, сделался юношей, прекрасным, как бог. Агдистис-жена – после оскопления, вторая, земная Кибела, – полюбила его и хотела сочетаться с ним. Но родичи, сосватав его за царевнину дочь, отослали в город Пессинунт во Фригии. В царских чертогах шел брачный пир, когда внезапно появилась, среди пирующих, Агдистис, и все обезумели от ужаса: как бы разразилась над ними, в сильнейшей грозе, «круглая молния» – сгусток древнего, уже богами, но еще не людьми, укрощенного Хаоса. И внешнему взрыву ответил внутренний, хаос человеческий – стихийному. Царь, невестин отец, оскопился ножом; ножницами обе груди срезала себе невеста (первая «Амазонка»; a-mazon, значит «безгрудая»: правую грудь Амазонки выжигали себе огнем, чтобы не мешала натягивать лук). Аттис бежал в лес, где тоже оскопился. «Вот тебе, Агдистис, то, чем причинила ты столько безумств и злодейств!» – воскликнул, кидая свой отрезанный стыд к ногам Адрастейи, Неумолимой, – Агдистис, и умер, истекая кровью (Pausan., VII, 17. – Arnob., V, 7. – Fracassini, 125. – Arnob., V, 7).

XIX

Так, по одному сказанию, а по другому боги превратили Аттиса в вечнозеленое Дерево Жизни – ель, сосну или кедр («в цвете кедра будет сердце мое», – говорит, умирая, оскопленный Озирис-Бата), а из крови его выросли фиалки, наполнившие мир благоуханием вечной весны – любви нездешней. Fluore de sanguinis viola flos nascitur (Arnob., V, 8–9. – Hepding, 40).

И еще по другому сказанию о хананском Эшмуне-Аттисе: мертвое тело его обнимает и согревает Агдистис-Кибела, мать и возлюбленная вместе: «ризой своей облекала его отрезанный стыд, veste velaret et tegeret», по Тимофею Арнобию (Damasc. ap. Phot., Biblioth., 242. – Fr. Lenormant. Cabiri, 773. – Arnob., V, 14. – Graillot, 297).

Что это значит, объясняет пророк Иезекииль. «Ты взяла уборы свои из золота и серебра Моего, и сделала себе мужские знаки из них и блудодействовала с ними, и подымала одежды свои, и покрывала их», – говорит Господь дщерям Сиона, поклонницам Таммуза-Аттиса (Иез. 16, 17–18. – Movers, 595).

Еще нагляднее объясняют это два египетских изображения: одно – в Абидосском храме фараона Сэти I, на Озирисовой, из черного базальта, гробнице; другое – в притворе Дендерахского святилища. Оба почти одинаковы: мумия бо-

га лежит на смертном ложе, окутанная саваном, – уже воскресающий, но еще не воскресший, мертвец, а богиня Изида, Ястребиха, парящая в воздухе, опускается на него, живая – на мертвого (Mariette, Denderach, IV, pl. 68–79, 90. – A. Moret. Rois et Dieux d'Egypte, 136, pl. X).

Лицо Изиды светом озарилось,
обвеяла крылами Озириса,
и вопль плачевный подняла о брате.
Воздвигла члены бездыханного,
чье сердце биться перестало,
и семя извлекла из мертвого, —

сказано в гимне Изиде (Wal. Budge. Osiris and Egiptian ressurection, p. 94).

Приди в твой дом, приди в твой дом,
Возлюбленный!
О, первенец из мертвых,
не упоены ли все наши сердца
любовью к тебе, Благой, Торжествующий?..
Люди и боги, простирая длани свои,
ищут тебя, как дитя ищет матери…
Приди же к ним, приди в свой дом!..
Взгляни на меня: я – сестра твоя…
Я – сестра твоя, на земле тебя любившая, —
никто не любил тебя больше, чем я! —

плачет Изида над Озирисом, так же, как, может быть, Кибела над Аттисом. Смерть побеждает Изида, супруга брата своего, Озириса, любовью братски-брачною, а Кибела, супруга сына своего, Аттиса, – любовью матерински-брачною. Это значит: через пол – рождение, вечная смерть; через победу над полом – воскресение, вечная жизнь.

Все это в мифе темно, как темный звездный свет сквозь тусклое оконце или скважину, и нынешним людям кажется бредом полового безумия, кощунством или просто нелепостью. Но что это действительно значит или могло бы значить для нас, мы увидим на вершине всей языческой древности – в Самофракийских и Елевзинских таинствах.

7. Аттис – Атлас

I

Римский император, Флавий Юлиан, верно, но, может быть, слишком злобно и самодовольно, прозванный христианами «Отступником», сочинил в Пессинунте, священном городе Кибелы и Аттиса, в ночь на 27 марта 362 года, перед походом в Месопотамию, где суждено ему было погибнуть, речь-гимн Непобедимому Солнцу, лебединую песнь всей языческой древности. Кровь хочет он влить в бледную тень, душу вдохнуть в мертвое тело бога, чтобы сделать его себе союзником в борьбе с Галилеянином. Сонный лепет титанов переводит на школьный язык неоплатоников, каменные глыбы бреда разрежает в облака метафизики; но рдеет и за ними последний луч уходящего Эроса, как альпийское рдение вечных снегов.

II

«Аттис, младенец, покинутый матерью, у вод реки Галла (притока Сангария, у Пессинунта, во Фригии) возрос до цветущего возраста и возлюблен был Матерью богов… заповедавшей ему служить ей свято… и не любить другой… Но,

полюбив речную нимфу, Сангарию – Влажную, он сочетался с нею в пещере („пещере Космоса“ в мифе Платона). Матерь богов за то навела на него исступление, в котором он оскопился, и тогда, простив его, возвела к себе, на горнюю высь». Такова, по Юлиану, земная часть мифа, а вот и небесная.

«Аттис – последний из богов». – «Он, любя нисхождения (katavasis орфиков, „сошествие в ад“), как бы склоняется к материи». – «Сходит до крайних глубин вещества», – по неоплатонику Саллюстию (Sallustius, de diis et mundo, c. 4. – W. Bousset. Hauptprobleme der Gnosis, 1907, p. 184). – «Чистую и несмешанную природу свою, – продолжает Юлиан, – сохраняет Аттис до Млечного Пути, Галаксии; достигнув же этого предела, где происходит смешение бесстрастного (небесного) естества со страстным (земным), Аттис рождает материю». Здесь уже вся двойственность, дуализм монашески-христианской метафизики.

Пронойя («Промыслительница», та же Матерь богов) обуздывает «безумие Аттиса, потому что он сам себя не может обуздать». – «Самооскопление Аттиса есть некое умерение безмерности» («дурной бесконечности»). – «Мать не покинула сына… удержала его на краю бездны и, остановив бег его в бесконечное (apeiron), вернула к себе». – «Слава мудрому Аттису! После мгновенного безумия, не получил ли он, оскопившись, имя Премудрого? Он – безумный, заблудший, потому что покорился веществу; но он же и мудрый, потому что очистил самое нечистое» (пол) (Fl. Julian.,

Orat. V, ad Matrem Deorum).

III

Все это нравоучительно и холодно, серо, как серый туман, облака метафизики. Но вот, сквозь них внезапный, огненно-рдеющий луч мистерии: «бога Галла (Скопца) пожинается жертва святая, неизреченная», – кровавая жатва, в «день крови», dies sanguinis, когда в священном исступлении поклонники Аттиса кремневыми ножами оскопляются (Loisy, 94. – Hepding, 158).

Кажется, сам тихий мудрец, Юлиан, мог бы в этой безумной жатве участвовать, сделаться «скопцом ради царства небесного» и тайный пурпур крови понести под явным пурпуром кесаря. Стоит только в его богословии заменить кое-где имя Аттиса именем первого человека Адама, а кое-где – именем последнего Человека, Иисуса, чтобы получилась чистейшая метафизика монашеского девства, умерщвления пола. Сам Юлиан – такой же девственник и постник, как враги его, христиане, и даже больший. «Люди, – учит он, – питаясь растительной пищей, зла не причиняют никакой дышащей твари; мясом же питаться нельзя, не терзая и не убивая животных».

В белые ризы облекся я,
от смертей и рождений очистился,
и блюду, да не коснется уст моих

пища животная, —

как поют куреты, люди Золотого века – Атлантиды, поклонники первого Аттиса – Атласа…

Если так, то свой Своего не познал, когда последний Эллин, в последнем бою, умирая, воскликнул: «Ты победил, Галилеянин!»

IV

«Аттис оскопился, это значит: к вечной Сущности вернулся от земных частей твари… туда, где нет ни мужского, ни женского, а есть ***новая тварь***, kainê ktisis» (ап. Павла), уточняют и договаривают мысль Юлиана гностики Офиты, поклонники «Орфея Распятого». То же делает и неоплатоник Саллюстий: «Аттис, в исступлении оскопившийся, покинувший Нимфу (Сангарию) и вернувшийся к Матери богов, означает Первочеловека, prôthantropos, сначала погруженного в Материю (Матерь Сущего), а затем из нее восставшего, дабы вернуться к Богу (Отцу). ***И это было не однажды, но есть всегда»*** (Hippolyt., Refutat. omn. haeres., V, 6, 7, 8, 9. – Hepding, 33. – Sallust., de diis et mundo, IV).

Будь император Юлиан, бедный рыцарь Прекрасной Дамы – эллинской древности, не то что помудрее, а похитрее и менее «рыцарь», он, может быть, соединился бы с офитами, умевшими ловить рыбу в мутной воде, смешивать тело с

тенью, Христа с Аттисом, так, что неизвестно, что от чего, – от тела ли тень или наоборот.

«Таинства Аттиса, – учат офиты, – свидетельствуют о благодатной, сокровенной и открываемой внутри человека природе, ищущей царства небесного», – по евангельскому слову о скопцах. Следует лукаво или простодушно-кощунственный вывод: «Иисус есть произошедший от Человека неизобразимого изображенный, совершенный Человек, у фригийцев именуемый Папою, Papas» (Hippolyt., 1. с. 7. – Hepding, 34). Это и значит: нет существенной разницы между телом и тенью, Христом и Аттисом. Ловкие люди эти уже начинают довольно хитрый, но все же глупый, соблазн маловерных, покушение с негодными средствами, нынешних врагов Христовых, превращающих Иисуса в «миф».

V

Слабую попытку облечь тень плотью, сгустив облако мифа в историю, сохранил Павзаний. «Аттис был сыном фригийца Калая и родился без способности производить потомство („скопцом от чрева матернего“); выросши, переселился он в Лидию, где, совершая таинства Матери богов, достиг такой славы, что Зевс, из зависти, наслал на поля Лидийские вепря, убийцу Аттиса» (Pausan, 1. VII, Achaia, с. 6).

Стоит только сравнить этот глупенький рассказ с Евангелием, если тут могут быть даже для неверующих сравнения,

чтобы понять, чем победил Галилеянин: Иисус ***был*** – Аттиса ***не было***.

VI

Сила аттизианства не в связи мифа с историей, не в том, что «это однажды было», а в том, что это «есть всегда», по глубокому слову Саллюстия. Аттиса человека не было, но есть, был и будет Аттис, бог или демон, «Существо действительно-сущее, ein wirklich existirendes Wesen», – по слову Шеллинга, – вот что бесконечно-трудно понять средним людям нашей бывшей «христианской цивилизации». Аттисов миф для них, как бы остов допотопного чудовища: можно его изучать, но в жизни, в религии, делать с ним нечего, так же как и с тем евангельским словом о скопцах или с этим видением Апокалипсиса: «Вот, Агнец стоит на горе Сионе, и с ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Отца Его написано на челах… это те, кто не осквернился с женами, ибо они девственники» (Откр. 14, I, 4).

Религиозное девство для нынешних «здоровых» и «просвещенных» людей почти то же, что скопчество, – дикое изуверство или просто болезнь, сумасшествие. Но если бы не были они так слепы к религиозному существу пола, то, может быть, увидели бы, что и у самых здоровых людей вся половая сфера вечно колеблется между двумя полярными силами – притяжением и отталкиванием, полом и противопо-

лом, или, говоря обнаженно-физически, между «похотью», libido, и «девством-скопчеством».

VII

Очень здоровый человек, Амнон, пастух, сын пастуха Давида, влюбившись в родную сестру свою, Фамарь, мучается так, что готов наложить на себя руки. Однажды, заманив ее к себе в дом хитростью, он ее обесчестил; и, только что это сделал, – «возненавидел ее величайшею ненавистью, так что ненависть, какою он возненавидел ее, была сильнее любви, какою он любил ее». Выгнал ее, как собаку, и, если бы не ушла, может быть, убил бы (II Цар. 13, 14–17).

Что это? То самое, что в слабейшей степени, – но слабость эта, конечно, не от нашего «здоровья», – могло бы произойти с каждым из нас в безличной любви-похоти. Огненное острее пола, слишком заострившись, ломается, и половое притяжение вдруг становится отталкиванием, похоть – отвращением, лютая любовь – ненавистью лютою.

Сгусток древнего хаоса, «круглая молния» сильнейшей грозы взорвалась и в Амноне, как в Аттисе, таким всесокрушающим взрывом, что от него покачнулась и опрокинулась вся половая сфера его; ледяной полюс оказался там, где только что был палящий экватор. Прост и груб Амнон; но будь посложнее, потоньше, и сделай еще два-три шага по тому же пути, – может быть, и он возжаждал бы девства, как Аттис;

а родись на тысячу лет позже, в Хеттее, Галатии, Фригии, земле скопцов, – может быть, и оскопился бы.

VIII

…О, да не буду я в людях бессильною тенью, —
Смилуйся! Юный цвет жизни навеки теряет тот смертный,
С коим в пламенной страсти ложе разделит богиня, —

молит Афродиту-Кибелу, в гимне Гомера, тоже очень здоровый пастух, Энеев отец, праотец Рима, Анхиз (Homer. Hymn. ad Aphrod. – A. Lang. Homeric Hymns, 1899, p. 176).

Может быть много несовершенных соитий смертного со смертною, но с богинею – только одно, совершенное. Выжжет поле его Адрастейя – Неумолимая, и сделает его «бессильною тенью», скопцом, – вот чего боится Анхиз. И, может быть, прав: кто сладкого – небесной любви – вкусил, не захочет горького – любви земной. Огненная печать оскопления – какого, духовного или плотского, это остается неясным, – есть печать небесного Эроса.

IX

Очень здоровые люди и афиняне V века, но вот что случилось у них, перед Сицилийским походом, во время на-

родного собрания в Ареопаге. Афинский юноша, поклонник Аттиса, вскочив на жертвенник Двенадцати Олимпийских богов и оскопившись кремневым ножом, залил кровью весь жертвенник. Несчастного казнили смертью за «кощунство» (Plutarch., Nikias. – Graillot, 292, 296). Это, конечно, безумие, но восемь веков эллинской мудрости не спасут от него Юлиана, «последнего Эллина», первого «бедного Рыцаря».

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,

и благословил «святую, неизреченную жатву» бога Галла, Скопца.

X

Псевдо-Лукиан сообщает иерапольский миф о царевиче Кумбабе, мужском двойнике Кубебы-Кибелы. Мачеха, царица Стратоника, влюбилась в него, и, чтобы спастись от любви ее, он оскопился; но не спасся: полюбил ее сам. «Многие видели их, страстно обнимавшихся… Можно и теперь еще видеть в Иераполе подобную страсть скопцов к женщинам и женщин к скопцам… Ревности ничьей она не возбуждает и почитается даже священною» (Pseudo-Lucian., de Syria dea.); «ураническою», «небесною», сказал бы Платон.

XI

Так, в язычестве; так, и в христианстве. Житие препод. Моисея Угрина повторяет Аттисов миф. «Некая жена ляхина бесстыдно влекла блаженного (раба своего) на грех… Но он противился ей и говорил: „Напрасен труд твой! Не думай, что я не могу этого сделать, но из страха Божьего я гнушаюсь тобой, как нечистой“. Услышав это, ляхина велела его оскопить, говоря: „Не пощажу красоты его, чтобы не насытились ею другие“. И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью» (В. Розанов. Люди лунного света, 1913, с. 193), подобно оскопленному Аттису:

> Fluore de sanguinis viola flos nascitur
> Из крови текущей родятся фиалки,

наполняющие мир благоуханием вечной весны – любви нездешней.

XII

В самые палящие дни пола, вдруг откуда-то тянет холодком девства-скопчества; огненная лава пола клокочет и подо льдом чистейшего девства, потому что и здесь, в любви, как везде, «противное – согласное», «to antixon sympheron», по Гераклиту (Heracl., fragm. 8). «Два близнеца», Эрос и Ант-

эрос, борются:

И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет опасней
Ей предающего сердца.
И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь?

(Тютчев. Два близнеца)

Самоубийство пола – самооскопление. Ведал эти искушения и самый здоровый из нас, Гёте, когда писал «Вертера», и самый сильный из нас, Наполеон, когда плакал над «Вертером».

«Плотское соитие родственно убийству», – скажет Вейнингер, самоубийца и девственник, новый Вертер, новый Аттис, повторяя учение древних офитов: «Плотское соитие есть крайнее зло», pany ponêron (Hippolyt., 1. c., V. – Hepding, 33), и учение Саторнила, гностика: «Брак – от сатаны, девство – от Бога» (Bousset, 108).

«Я думаю, что человек должен перестать родить. К чему дети, к чему развитие, коли цель достигнута? В Евангелии сказано, что в воскресении не будут родить, а будут, как ангелы Божии», – скажет безумный Кириллов у Достоевского («Бесы»), и повторит мудрый Толстой («Крейцерова соната»).

Вот что значит: «Это не однажды было, но всегда есть». Всегда, везде, во всех веках и народах, от начала мира до конца, именно здесь, в поле – рождении – смерти – утоляющем жажду «дурной бесконечности», и разгорается неутолимая жажда конца.

XIII

«О, Матерь богов и людей, восседающая на престоле великого Зевса… даруй Римскому народу очиститься от пятна нечестия!» – кончает император Юлиан свою Пессинунтскую речь. «Пятно нечестия» – христианство. В том же IV веке папа Либерий устанавливает празднование Рождества Христова 25 декабря – день, когда от «Небесной Девы Матери», Virgo Goelestis, Кибелы, рождается «Непобедимое Солнце», Sol Invictus, Митра-Аттис. Два солнца борются, заходящее и восходящее, – Аттис и Христос.

Против базилики Св. Петра, уже воздвигнутой императором Константином Равноапостольным на Ватиканском холме, все еще возвышается древний жертвенник Аттиса (Graillot, 550). Имя римского первосвященника – самое древнее фригийское имя этого бога, Папа, Papas, – в детском лепете всего человечества, имя Отца (Frazer, Adonis, Osiris, Attis, 178). Папская тройная тиара есть фригийская шапка Аттиса, остроконечный пастуший колпак, только не падающий, мягкий, а жесткий, поднятый; tiara est frigium

quod dicunt (M. Brückner. Der sterbenbe und auferstehende Gottheiland, 1908, p. 15. – Graillot, 232). Целибат римских священников – полускопчество, а темные длинные, как бы женские, одежды их напоминают одежды настоящих скопцов.

XIV

В ночь на 25 марта – весеннее равноденствие, победа солнца над зимой, – «полагается на гробовое ложе изваяние Аттиса… и долго, многими слезами, оплакивается». Вдруг, в темном святилище, появляется свет факелов и раздается клич:

Жив Аттис, жив!
Радуйся Жених,
Свет Новый, радуйся!

И жрец помазует (елеем) уста плакавших, с медленным шепотом:

Мужайтесь, мисты! Бог спасен,
И будет нам от бед спасение.

(Firmic. Matern., de errore profan. relig., c. III. – Alb. Dietrich, Eine Mitrasliturgie, 1908, p. 174. – Hepding, 165. – Graillot, 130.)

«Так-то подражает дьявол воскресению (Господа),

diabolus imaginem ressurectionis inducat», – негодует Тертуллиан (Tertullian, de praeschr. haeret., 40).

«Из тимпана вкусил, из кимвала испил, приобщился Аттису!» – говорят верные, после таинства (Firm. Matern., 1. c., c. III. – Loisy, 110). «Есть, видно, христиане свои и у дьявола, habet ergo diabolus christos suos», – возмущается Фирмик Матерн. «Дьявол до того соблазняет их кознями своими, machinamenta, что некий жрец Тиароносца („Пилеата" – Аттиса) говаривал при мне: „И сам-де наш Пилеат – христианин, et ipse Pileatus christianus est", – вспоминает бл. Августин (Loisy, 120).

XV

Правы учителя церкви: в этих кощунственных подобьях, слияниях тени с телом Христа был великий соблазн. Через столько веков, все еще жутко читать о радениях галлов-скопцов в Иераполе. Сливая протяжный вой, «улюлюканье», ololygma (Antholog. graec., VI, 173) с пронзительным визгом флейт и глухим рокотаньем тимпанов, кружатся в неистовой пляске, бичуются до крови, режутся, не чувствуя боли, пока не упадут, изнеможенные, на ступени Аттисова жертвенника. Многие, пришедшие только взглянуть на зрелище, заражаясь безумьем, вдруг сами пускаются в пляс и, хватая один из лежащих тут же всегда наготове мечей, оскопляются (Pseudo-Luc., de Syria dea. – Graillot Fir. Cumont, 86. –

Loisy, 93).

> Membra secandi inpetus… furor.
> Резать члены свои… исступленная похоть,

по страшному слову Овидия (Ovid., Fast., IV, v. 221).

Столько было оскоплений в Сирии, что царь Авиар повелел отрубать виновным руки (Movers, 684). Но не помогло: мученики Аттиса летели на кровавую жатву, как мотыльки на огонь.

Если бы и скептик наших дней попал в такую толпу, то, может быть, почувствовал бы в ней «присутствие», parousia, какой-то Силы нездешней, какого-то «Существа, действительно сущего»; понял бы, что здесь Кто-то буравит через человеческую плоть такую же воронку хаоса, какая уже поглотила первый мир, Атлантиду, и, может быть, поглотит – второй.

XVI

Столпники стояли на каменных столпах-фаллах, перед святилищем Аттиса в Иераполе (Pseudo-Luc., de Syria dea). Аттис пал, но на такие же столпы стали христианские столпники. Столько их в VI–VII веке, что Византийская империя признала их особым в государстве сословьем, под именем stylitai, columnarii (Иером. Алексий. Юродство и столпничество, 1918, с. 272).

В царствовании императора Льва Великого, св. Симеон Столпник умер 103 лет, простояв на столпе 50 лет. «Тело свое он стягивал сплетенною из пальмовых ветвей веревкою так, что она проникала до самых костей, и, через десять дней, загноилось оно и закипело червями, издавая смрад», – повествует житие Преподобного.

XVII

Атлас – тоже вечный столпник, хотя и обратный: не он – на столбе, а столб – на нем; «громаду длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю», он держит на плечах своих, и голову его покрывает, как тиара, звездное небо. «Звездною тиарою, pilos asteroetos, увенчала и Аттиса Матерь богов, так что зримое небо сие покрывает главу его» (Fl. Julian, Orat. V); этим двум древним мифам, одному – у Гомера, об Атласе, другому – у Юлиана, об Аттисе, вторит житие преподобного Олимпия Столпника: «Свергнув со столпа бывший на голове его малый покров, стоял он, имея покровом одно только небо; зиму же и зной, дожди и грады, снег и лед терпел доблестно», как страстотерпец и небодержец Атлас.

«Матерь богов, – говорит Юлиан, – дозволила Аттису, юноше прекрасному, как солнечный луч, плясать, ***возноситься до самого неба***»… – «Аттис правил всегда ***колесницею*** Матери». – Житие св. Симеона Столпника вторит и этому. «Левая нога его загноилась от многого стояния, ибо

целый год стоял он на ней, в наказание за то, что хотел поддаться дьявольскому искушению ***вознестись в колеснице на небо***». – «Падали же черви от ноги его на землю, а ученик его, Антоний, собирал их и носил ему на столп; и прилагал Симеон червей к язве, говоря: „Ешьте, что дал вам Бог!“ (Иером. Алексий, 137.) – „Стыдную рану ешьте!“ – мог бы он сказать вместе с Аттисом.

XVIII

Столпники совсем не принимали женщин. Св. Симеон ни за что не хотел видеться с матерью, ***«дабы отсечь мерзкую похоть»*** (Иером. Алексий, 138), как будто помнил любовь Кибелы, матери, к сыну, Аттису.

«Кто ты, человек или существо бестелесное?» – спросил однажды преподобного один сирийский священник. О, конечно, не Юлиан, мудрец плачущий, не Гелиогабал, шут пляшущий, а св. Симеон Столпник, венчанный тиарою звездного неба и возносящийся на небо, как солнечный луч, в колеснице Матери, – истинный поклонник Аттиса-Атласа!

Может быть, хорошо, что воздвигнут был столп во славу Аттиса, и что стоял на нем св. Симеон, во славу Христа; но нехорошо, что никто никогда не задумался об этих двух столь противоположно подобных столпах – двух центрах исполинской параболы, по которой движется мир все еще слепо, не зная куда, к спасению или погибели.

XIX

Аттис нам уже не страшен. Дух нечистый, некогда вселившийся в древний, запустелый дом его, вышел из него давно и вошел в другие дома, новые: сколько их, для него готовых, выметенных и убранных, в самом христианстве! Древний соблазн, превращавший тень в тело, заменился новым, превращающим тело в тень, Христа – в миф. Но мы уже видели, что «крещеные боги» Атлантиды неповинны в этом соблазне.

И снова Аттис – распятый Эрос – ложится смиренно тенью к ногам распятого Господа, и ведет к Нему всех, кто хочет идти.

XX

Душ человеческих вечный Возлюбленный, нежный, как розовый цвет миндаля, грустный, как темная фиалка Дарданийских лугов, Пастырь человеческих душ – белых коз на берегу земного Галла, белых звезд на берегу небесной Галаксии, – играет Аттис на камышовой свирели, elêgn, фригийских пастухов (Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, t. V, 28) ***элегию***, грустную песнь любви, с такою небесною сладостью, что люди уже были раз и, может быть, снова будут готовы отдать за нее все радости земли.

XXI

Имя Аттиса древнейшее, – Papas, а имя небесной Матери его, земной Возлюбленной, – Mama. Как любили друг друга Папа и Мама, – вот о чем незапамятно-древний миф Кибелы и Аттиса, вечно повторяющийся сон человечества, детская сказка об Отце Небесном и Матери Земле.

XXII

Аттис умирает, истекая кровью, под сосной или елкой, и, после смерти, сам превращается в вечнозеленое, райское Дерево Жизни. Каждый год, 15 марта, после погребения Аттиса, срубают сосну или елку в лесу, украшают ее венками фиалок – «Аттисовой крови», обвивают пестрыми повязками, прикрепляют к веткам, посередине ее или на самом верху, восковое изваяньице бога и дендрофоры, «древоносцы», несут священное дерево, в торжественном шествии, по улицам Вечного Города, Рима (Hepding, 133, 150).

Наша рождественская елка, вся в звездах-огнях, с восковым херувимчиком – тоже вечнозеленое Дерево Жизни. Когда мы умрем и вернемся на родину, «в ту землю, где боги были детьми, то, может быть, эту райскую елку, всю в звездных огнях, снова зажгут для нас Аттис и Кибела, Папа и Мама.

XXIII

Кажется, нет хулы, которой бы люди не хулили Сына Человеческого. Но никогда, никому, кроме несчастных офитов, змеепоклонников, не приходило в голову, что Он – скопец. Нет, Муж совершенный – таков образ Его, нерушимый в Церкви и в сердце человеческом.

Что же значит евангельское слово о скопцах, сделавших себя скопцами ради царства небесного»? Почему оно сказано между благословением брака: «Будут два одною плотью» и благословением детей: «Их есть царство небесное»? Будь в Евангелии только одно из этих двух слов – или о браке, или о девстве-скопчестве, – все было бы понятно и просто. Но вот, их два – о поле и противополе. Эросе и Антэросе, как бы вечное «нет» земной любви – вечное «да» любви небесной; антиномия и здесь, как везде в Логосе-Космосе: «противное – согласное». Если бы центр был один, можно бы замкнуть круг земной бесконечности; но вот, их два, и круг земной разорван – начата неземная парабола.

XXIV

«Если это делают с зеленеющим деревом, то с сухим что будет?» Услышав это слово Несущего крест на Голгофу, кто-нибудь из Эллинов, шедших за Ним, мог бы вспомнить вечно

зеленеющее дерево Аттиса, райское Дерево Жизни.

Вспомнить его могла бы и Жена Кровоточивая, воздвигшая в Кесарии Филипповой первый образ Господа, с прозябшим у ног Его, всеисцеляющим Злаком Жизни.

«Кто прикоснулся ко мне?» Так испугалась она, застыдилась «стыдной раны», что не посмела ответить, спряталась в толпе. Но вот, услышала: «дерзай, дщерь! вера твоя спасла тебя» (Лук, 8, 45, 48).

Может быть, прикоснулась к Нему, с Женой Кровоточивой, вся Аттисова – Атласова древность, чью «стыдную рану» не могли исцелить земные врачи, – мог только Небесный.

XXV

Пол и противопол, брак и девство: «кто может вместить, да вместит». Никто не вместил. «Многое еще имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить» (Ио. 16, 12). – «Те, кто со Мной, Меня не поняли» (Act. Petri cum Simone, c. 10. – Resch, Agrapha, 277. – Henneke, Neutestamentalische Apokryphen, I, 59).

Здесь, в братски-брачной, небесно-земной любви, агапе-эросе, поняли меньше всего; здесь лицо Неизвестного. Может быть, к Нему-то и ведет распятый Эрос – Аттис-Атлас.

8. Андрогин

I

Кто это, мужчина или женщина, трудно понять по облику нагого тела в древнейшей, от начала второго тысячелетия, стенной росписи Кносского дворца – «Собиратель шафрана», как по такому же облику на гематитовой печати офитского перстня трудно понять, кто распятый Вакх-Орфей, мужчина или женщина (Evans, The palace of Minos, 265). Если тот перстень магичен, то эта роспись – тем более. Все чародейственно в ней, как в царстве самого великого, по слову Платона, «чародея», Эроса; призрачно-прозрачно все – даже скалы, тающие, как морская пена, клубящиеся, как облака; розовость жемчужная на всем, как отблеск вечного вечера в саду Гесперид. Всюду, на зубчатых скалах, должно быть, подводной пещеры, в низких, как бы жертвенных, чашах, вспыхивают, вьются языками молнийно-белого пламени, огромные, богине Матери любезные, шафранные цветы.

Призрачно-прозрачно все, кроме человека: тело его, как из меди изваянное, мутно-голубоватое, напоминает дремлющий в подводно-лунном сумраке ил, или богов Атлантиды потопную празелень. Весь наклонившись вперед в стремительном беге, жадно, обеими руками, хватает он и рвет те

молнийно-белые цветы: так водолаз Гильгамеш, на дне Океана, где, может быть, погребена Атлантида, срывает Злак Жизни, спеша, чтоб не захлебнуться, вынырнуть; так от меча херувима бегущий Адам срывает на бегу последние цветы потерянного рая.

Тайну музыки – магии – кто разгадает? Но кажется, смысл росписи таков: Злак Жизни сорвет не разделенный на две половины, мужскую и женскую, а только цельный Человек – Андрогин.

II

Этот, в древнейшей росписи Кносского дворца, – первый, но не последний Андрогин. Сколько их будет потом, в здешних ваяньях, резьбах и росписях, – сколько юных, голых, мужественно-крепких, женственно-стройных, с перетянутыми кожаным поясом, точно перерезанными, осино-тонкими станами, плясунов-акробатов, скачущих, перелетающих через рога и спины бешеных быков в священных боях, тавромахиях, на Кносском ристалище! Судя по ним, Крит – земля андрогинов.

III

Малоазийская область, Кария, населенная выходцами с Крита, во дни царя Миноса, называлась, подобно Ханаану,

населенному тоже критянами, Красною землей, Финикией, сообщает Геродот (Herodot, I, 171. —Autran, Phéeniciens, 1920, p. 53, 55), но уже не помнит, почему она так называлась; мы же догадываемся, что, может быть, не только по смугло-красному цвету кожи критских поселенцев, но и по воспоминанию о первой отчизне их – «Красном Западе», «Закате всех солнц».

Кажется, очень древний миф об озере Сальмакис в Карии сообщает Овидий в «Метаморфозах». С юношей, купавшимся в озере, хотела сочетаться Наяда, но долго не могла настигнуть его, убегавшего; когда же наконец настигла, то умолила богов слить два их тела в одно, чтобы ей, любящей, никогда не разлучаться с любимым. Так родился Гермафродит. С той поры сальмакийские воды делают мужчин женоподобными и женщин – мужеподобными (Ovid., Metamorph., lib. IV). Кажется, и в Ханаане-Финикии, другой «Красной земле», живые воды бывшей райской долины, будущего Мертвого моря, где погребены Содом и Гоморра, делают то же. Это значит: всюду, где критяне, там и андрогины – атланты.

IV

Крест, на Востоке древнейший, – может быть, Маянские кресты, на Западе, еще древнее, – найден здесь же, на Крите, в Кносском дворце. Имя дворца «Лабиринт», значит «Дом

Лабриса», «Двуострой Секиры», labyrinthos – labrys. Нет почти ни одной палаты, ни даже келийки, во всем огромном дворце, без секирного знака. Вырубленный в каменных глыбах стен, еще при кладке их, он, большею частью, скрыт под известью, должно быть, потому что слишком свят, чтоб оставаться на виду (G. Karo, 125); только в самых святых местах, открывается: так, в Диктейской пещере, главном святилище Матери, множество медных секир вбито в столбы сталагмитов (Evans, 1. c., 444). Так же, в «богоявлениях», теофаниях, вызываемых оргийною пляскою жриц-мэнад, как это видно по резьбам на волшебных перстнях и камнях-талисманах, является, вместе с богом Младенцем, небесное знаменье, Лабрис, подобное, должно быть, ослепляющей молнии (Dussaud, 375, 412. – Evans, 160).

V

Крест недаром найден в Кносском дворце: «Дом Секиры», «Лабры», – «Лабиринт», – есть и «Дом Креста». Внешняя, даже геометрическая, между ними связь очевидна: пересечение двух секирных осей, продольной и поперечной, образует крест.

Тут же, в Кноссе, найден греческий статир, кажется, с очень древним изображением лабиринта из переплетенных угольчатых крестиков, свастик (Cook, 492). Это и значит: дом Секиры – дом Креста.

Так же очевидна и внутренняя между ними связь. Крест – знаменье Бога-Жертвы, и Секира тоже. В четвертой гробничной шахте Микенского Акрополя найдена серебряная бычья голова с двойным топором между рогами на темени; множество таких же топоров находится и между критскими «рогами посвящения», kerata.

Бог Телец, или Агнец, закланный от создания мира, – вот что знаменуется Крестом и Секирой одинаково.

VI

Между Крестом и Полом связь в христианстве разорвана, но между Секирой и Полом – уцелела в язычестве. Крест пола – двуострая Секира, – лучшего знаменья выбрать нельзя для распятого Эроса: два на одном топорище лезвия, обра-

щенные в разные стороны, – два пола в одном теле Андрогина.

VII

Чье оружье двойная секира? Мужеженщин, амазонок, живущих рядом с атлантами, по Диодору, может быть, из Атлантиды и вышедших (Diodor., III, 53, 6; 54; 55, 2. – Berlioux, Les Atlantes, 1883, p. 127, 128). Кажется, и двойная Секира оттуда же.

Муж совершенный, Геракл, убив царицу амазонок, Ипполиту, отнял у нее Секиру и низверг Царство Жен, но, только что прикоснулся к чуду божественной Двуостроты – Двуполости, как сделался и сам женоподобным; ослабел, потерял все свое мужество, облекся в женские ризы и сел у ног Омфалы за прялку (W. Leonhard. Hettiter und Amazonen, 1911, p. 88. – Dussud, 344). Вечная женственность – мужественность вечная, эти два полюса в Геракле, совершенном человеке, соприкасаются.

В древнюю Хеттею, Фригию, Лидию, Карию, – будущие земли скопцов, занесена Секира, кажется, в XIII веке, с Крита; с Крита же начнет Геракл свой путь на Крайний Запад, в райский Сад Гесперид, может быть, Атлантиду, – из второй земли Мужеженщин – в первую (Diodor., IV, 17, 3. – Berlioux, 11, 27).

VIII

Бог-человек Адонис – тот же Аттис, тот же Таммуз – оскопился двуострою секирою; умер однополым – двуполым воскрес.

В Понте, тоже земле амазонок, в городе Амизе, найдены изваяния Андрогина-Аттиса в звездной ризе, «Бога Всевышнего» (Graillot, 215, 219). – «Аттис оскопился – значит, восшел к вечной Сущности, где нет ни мужского, ни женского, а есть новая тварь, новый Человек, Мужеженщина», – учат офиты.

«Мужа и Деву, двуестественного Иакха, призываю, Освободителя», – молятся орфики, отождествляя Диониса-Иакха с Аттисом (Orph. hymn., XLI. – Fr. Lenormant. Monographie de la voie sacrée Eleusinienne, 1864, p. 380, 381). Пол, значит рождение; рождение, значит смерть. Кто победит, пол, – победит смерть. Иакх-Дионис, «двуестественный», diphyês, соединяющий два естества, мужское с женским, это и делает, так же как Аттис, Таммуз, Адонис, – все боги андрогины, вольные мученики Эроса.

IX

В древней Каппадокии, на Иазиликайских скалах, изваяно шествие Кибелы и Аттиса, в сонме женоподобных скоп-

цов, в длинных, как бы женских, одеждах, с изможденными лицами и двуострыми секирами в руках – тем же для них, чем для христианских девственников будет крест (Dussaud, 343. – Perrot et Chipiez, IV, 650. – Picard., Ephèsos, 443). Это и значит: Секира – тень Креста.

X

Бог двойной Секиры, Лабры, – Зевс Лабранд, Labrandus, в той самой Карии, где Сальмакийские воды превращают людей в андрогинов. «Бога этого нет нигде, кроме Карии», – сообщает Геродот (Herodot, IV, 119), но ошибается: тот же бог и на Крите, и в Ханаане, земле Содома, и в Хеттее, Фригии, Лидии, – во всех землях секир и скопцов. «Он бородат, но облечен в длинную, как бы женскую ризу, и шесть сосцов на обнаженной груди его расположены треугольником; а на правом плече двуострая секира», – сообщает Плутарх (Plutarch. quest. graec. 45).

Тот же бог изображен и на римской, времени императора Геты, монете из Mylasa, в четырехстолпном храмике; он тоже с бородою, в лидийской, высокой и острой шапке, modios, с двойной секирой в деснице, с двумя женскими сосцами на груди и с нижней частью тела, заключенной в узкий ящик гроб, обвитый пеленами-саваном (Thom. Friedrich. Kabiren und Keilinschriften, 1894, p. 42). Что это значит, можно понять по найденной близ Кносса, очень древней, должно

быть, Миноэнской, могиле, вырытой в виде двуострой Секиры, а также по росписи на стенках гроба, найденного в нынешней Hagia Triada, около Феста; роспись изображает воскрешение мертвого: только что выйдя из гробницы, он стоит на пороге ее; справа от него зеленеет Дерево Жизни, а прямо перед ним сверкают на столбиках медные двойные Секиры – оружье двуполости в борьбе с полом, рожденьем – смертью, за вечную жизнь – воскресение: умер он однополым – двуполым воскрес, подобно Аттису и выходящему из гроба Зевсу Лабранду (Evans, 439–441. – Dussaud, 400–406).

XI

Очень древний, кажется, этруро-пелазгийский, почитаемый в Риме, бог пограничной межи, Jupiter Terminalis, – Андрогин с висящими сосцами, «Отец и Матерь богов», progenitor genetrixque deum, по толкованию Валерия Сорана. А на одной тенедосской монете две головы, бородатого Зевса и Геры, изображены вместе на одной шее: это уже Андрогин совершенный – будущий «Матереотец», Mêtropater, гностиков, «Зевс – Супруг и Супруга», в гимне орфиков.

Чудной молитвой молится ему и шумерийский царь Гудеа, времен доавраамовых:

> Матери нет у меня, – ты моя Мать!
> Нет отца у меня, – ты мой Отец!

(Augustin., de civitate Dei, VII, 11. – El. Laiard. Le Culte de Venus, 1837, p. 101, 103. – P. Dhorme. La religion Assiro-Babylonienne, 1910, p. 166.)

Зевс Фиванский, тот же Лабранд, заключает недоношенного Семелой Вакха в бедро свое (в мифе «бедро» – вместо «женского чрева», «ложесн», в мистерии, так же как «ребро», по смыслу еврейского подлинника, – «женская половина» Адама, рождающего Еву (R. Koeler. Dionysiaka des Nonnos von Panopolis, 17.)). Имя Вакха – Diphyrambos, значит «Двувратный», «Двумя вратами входящий в мир».

В дверь жизни вторую войди,
рождаемый таинственно без матери.
Се, сокрушаю плоть мою ради тебя, —

говорит ему отец его, Зевс Андрогин (Eurip., Bakch., v. 519. – Harrison, Prolegomena, 436).

XII

К имени воскресшего бога Таммуза прибавляется в надписи царя Гудеа, вместо обычного en, «Владыка», in, «Владычица»: значит, и он, как воскресший Аттис, двупол (P. Dhorme, 106).

Подобно Ассуру, она бородатая,

сказано в одном ассирийском гимне о богине Иштар, Таммузовой возлюбленной (M. Jastrow. Die Religion Babyloniens und Assyriens, 1903, p. 545), а в Сувах найдено изваяние Иштар-Наны с бородою (Lagrange, Etudes sur les religions sémitiques, 1905, p. 139).

«Есть на о. Кипре, – сообщает Макробий, – изваяние Венеры бородатой, в женской одежде… Аристофан называет ее „Афродит“; в Аттике почитают ее богиней Луны, и жертвы приносят ей мужчины, в женской одежде, а женщины – в мужской» (Macrob., Saturnal., III, 8). «Сделай и нас тебе подобными», – как бы говорят ей люди.

Там же, на о. Кипре, в городе Амафонте, сообщает Плутарх, «в жертвоприношениях Афродите-Ариадне (крито-эгейской Британартис, тоже богине Луны) юноши телодвиженьями и криками подражают родильницам» (Plutarch., Teseus, c. 20. – Lagrange, La Créte ancienne, p. 100).

Племя басков до наших дней сохранило незапамятно-древний обычай couvade, «высиживание яйца наседкою»; тотчас после родов жена уступает место мужу; он ложится в постель, и, взяв новорожденного на руки, принимает поздравления от родных и друзей. Тот же обычай сохранился у краснокожих в долине р. Миссисипи (M. Manzi. Le livre de l'Atlantide, 40).

Вспомним, что баски, судя по языку, – может быть, чудом уцелевший обломок кроманьонской, Ледниковой древ-

ности, – родственны племенам доисторической Америки; вспомним, что древнемексиканский бог Кветцалькоатль – Мужеженщина (Donelly, 144, 146), и мы увидим исполинский, от Вавилона до Юкатана в обеих гемисферах, может быть, не только на втором, но и на первом человечестве, начертанный символ божественной Двуполости.

XIII

Иерапольские галлы-скопцы носят женские «целомудренные одежды», casta vestis, длинные в сетке волосы, и занимаются женским рукодельем (Pseudo-Lucian, de Syria dea. – Graillot, 298). Это значит, оскопление – выявление скрытой в мужчине женщины, Евы небесной – в земном Адаме. В здешнем порядке, скопец беспол, – двупол в порядке нездешнем. Через смерть однополости – особи, разделенной полом надвое – к бессмертной двуполой, целостной личности, – таков путь оскопленного Аттиса, распятого Эроса.

XIV

«Брат мой, увы! Увы, сестра моя! Увы, Владыка-Владычица!» – плачут над умершим Адонисом библосские женщины и девушки (Vellay, 130). Новая сладость и нега этих слез – чудо неземной любви – в том и заключается, что умерший бог для них «брат» и «сестра», возлюбленный и возлюблен-

ная вместе.

«Дева-Отрок, Адонис… двурогий… на Персефонином ложе зачатый», – молятся орфики (Hemn. Orph., LIII). Месяц «двурогий» – двуострый топор, а «ложе Персефоны» – ложе смерти: в смерти зачинается бессмертный – двуполый Адонис-Эрос.

XV

Иерапольские женщины, празднуя Адонисовы-Аттисовы таинства, строго соблюдают целомудрие у себя дома с мужьями, his esse diebus se castas memorant (Vellay, 130); но, в святилище Кибелы-Астарты, отдаются чужеземцам за плату не себе, а богине, и, получив ее, отдаривают гостя вылепленным из воску или выточенным из дерева изображением фалла – как бы своим собственным, мужским, «небесным», полом, скрытым – в женском, «земном». – «Я женщина, как ты», – говорит жене своей Озирис-Бата, скопец. «Я мужчина, как ты», – говорит гостю священная блудница Адониса-Аттиса.

XVI

В самых святых местах Крита – на сталагмитах Диктейской пещеры, и между рогами Жертвы-Быка, и перед выходящим из могилы мертвецом, в гробовой росписи Hagia

Triada, – две двойные Секиры, сложенные вместе, образуют одну четвертную (Evans, 343 et passim. – Karo, 124, 130). Что это значит?

«Четверица – число чисел и божество божеств, – учит Пифагор, сам „иерофант Четверицы“. – Корень Четверичный всего – Огонь, Земля, Вода и Воздух».

Тем я клянусь, Кто нашей душе
даровал Четверицу,
Вечной природы родник.
Tetraktyn, pagan aennaou physeo.

(Carm. Aur., V, 47. Ed. Chaignet, Pythagore et la philosophie pythagoricienne, 1873, p. 118, 117)

«Три – число человеческое; человек есть троица» (Aristot., Metaphis., XIII, 8).

Это значит: в Троице – тайна Одного – совершенно целостной Личности: два существа, мужское и женское, соединяются в одно. Тайна же Двух – Пола – Четверица, соединяющая в любви две двуполые личности.

XVII

Кажется, египетская пирамида (может быть, воспоминание второго человечества о первом – образ Ацтлана – Атласа, горы в столице атлантов, по мифу Платона и по рисункам древнемексиканских кодексов) – четыре от земли вознося-

щихся и в одной точке неба соединяющихся треугольника – есть совершеннейший кристалл божественной Четверицы и Троицы. Прав бл. Августин: «Pulchra numero placent, красота пленяет числом» (Augustin., de ordine. – Chaignet, 159). Музыка чисел есть математика Эроса: ею чарует он, Чародей.

XVIII

Может быть, здешняя двойственность в строении нашего тела – два глаза, два уха, два полушария мозга – отражает нашу двуполость нездешнюю: две половины одного существа – мужчина и женщина – в трех измерениях, соответствуют одному Существу двуполому – Мужеженщине – в четвертом измерении.

Любящий видит в глазах любимой два лица свои, отраженные, как в двух зеркалах; то же видит и любимая в глазах любящего: в этом мире – четыре лица – двое мужчин, две женщины: в том – две Мужеженщины.

> Четверичен бог Фанес, по мудрому слову Орфея:
> Четвероокий, туда и сюда он взирает.
>
> *(Hermias, in Plat. Paedr., p. 125. – Harrison, Prolegomena, 648.)*

Если бы две двойные, сложенные Секиры ожили в человеческом образе, то мы бы увидели двух соединенных в любви Андрогинов.

XIX

Здешний пол противоположен нездешнему: Аттис-Адонис – земной мужчина, небесная женщина; Кибела-Афродита – земная женщина, небесный мужчина. Пол трех измерений в четвертом – обратен, опрокинут, как в зеркале. «Я женщина, как ты», – говорит Адонис Афродите; «Я мужчина, как ты», – говорит Афродита Адонису.

Высшая точка любви – соединение не двух, а четырех половин: две половины одной личности хотят соединиться с двумя – другой. Два существа – в трех измерениях, четыре – в четырех. Вот почему здесь, на земле, совершенное в любви соединение есть нечто невозможное, как бы надеванье левой перчатки на правую руку: этого нельзя сделать в трех измерениях, можно – только в четырех. «Тленному сему надлежит облечься в нетление и смертному сему облечься в бессмертие» (I Кор. 15, 53). Тленному браку – в нетленный, смертному – в бессмертный.

XX

Нынешним христианам все это кажется если не просто нелепым, то грешным, потому что слишком «языческим». Но вот страница Святой Книги, положенной в основание самого христианства.

«…И остался Иаков один. И боролся Некто с ним, до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова. И сказал ему: отпусти Меня, ибо взошла заря. – Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня».

Здесь, под мифом – мистерия, как под слоем белил на кносских камнях – знак Двуострой Секиры. Что значит «бедро» Иакова? «Жила вертлюжья», определяет Талмуд с анатомическою точностью, уже не помня, в чем дело. Бог, в сильном борении, «повредил сухожилье», «вывихнул вертлюг» у Иакова, так что тот «захромал на бедро свое». Зачем Бог это сделал, непонятно. Но, вспомнив мнимое «бедро», действительное женское чрево Зевса Лабранда, где заключен недоношенный Семелою Вакх, и мнимое «бедро», действительный пол Адониса-Аттиса, раненного вепрем, и мнимое «ребро», действительную, по Талмуду, «женскую половину Адама», рождающего Еву, – мы, может быть, поймем, что значит и «бедро» Иакова.

Что с ним делает Бог? «Борется» – обнимает его в борении. «И сказал Иаков: скажи мне имя Твое. – И Он сказал: что ты спрашиваешь о имени Моем? Чудно оно» (Быт. 32, 24–31. – Delitzech, Genesis, 417–418). Чудно имя Божие – его нельзя сказать; чудно боренье – объятье Божие – о нем и подумать нельзя.

«Ты – Жених крови у меня, Жених крови по обрезанию», – говорит Сепфора, жена Моисея, кидая обрезанную

крайнюю плоть сына своего к ногам Господа. Кому говорит? Сыну – в переводе, в подлиннике – Богу: Бог есть Жених Израиля. Судя же по образу Божьему в первом Адаме – Адамоеве, Мужеженщине (так опять по Талмуду), Бог Элогим – два Бога в Одном – есть Невеста-Жених и Жених-Невеста Израиля. Это значит: богоборчество Иакова – богосупружество Израиля.

Тот первый сон Иакова, уснувшего на двойном камне, Бэтиле – сон о двуполости космической, лестнице, соединяющей небо с землею, а этот, второй, – о Двуполости Божественной.

Густо облако мифа, но и сквозь него просвечивает молния мистерии, – две сложенные вместе, двойные Секиры – два соединенных в любви Андрогина – Бог и Человек.

XXI

Если так, то и в этой странице Святой Книги для нынешних людей – только «половое безумье», psychopathia sexualis, и легче всю Книгу отвергнуть, чем это принять. Вот что, однако, удивительно: этим безумьем заражено все человечество, вплоть до наших дней, потому что и евангельское слово о скопцах нам кажется «безумным»; только мы одни разумны. Но, судя по Европе-Содому, не вернее ли обратное: человечество разумно – безумны мы?

XXII

«Рим – Любовь», Roma – Amor, вещим оказался смысл этого обратного созвучья для обоих Римов, языческого и христианского. Древнее, может быть, уже непонятное, но все еще действенное, знамя Аттиса – двуострую секиру над пучком связанных копий с орлом и надписью: Senatus Populusque Romanus, – поднял языческий Рим, во главе своих легионов и прошел победителем весь мир.

«Папою» – древним именем бога Аттиса – назван и первосвященник нового христианского Рима, тоже победившего мир. С «крестом-секирою» Аттиса, Labrys, может быть, связан и Labarum, небесное знаменье, Крест, Константина Равноапостольного: ***Сим победиши.***

Аттис для нас только тень тени, сон во сне. Но вот, два Рима, две величайшие твердыни мира, зиждутся на этой тени и сне; наши же твердыни разлетаются, как сон.

XXIII

Римляне, люди совершенного здравого смысла, поклоняются богу Андрогину, Аттису; если же у них рождается гермафродит, топят его в воде, думая, что таким рождением предрекаются великие бедствия, – конец Рима – мира. Это, конечно, суеверье, но, может быть, и смутная догадка о чем-

то трансцендентно-действительном: бог Андрогин человеку-гермафродиту противоположен, как высшая точка двуполости – низшей, как чудо – чудовищу, новый космос – древнему хаосу. Нам эта половая эсхатология, чувство мирового конца в поле, так же недоступна, как существам трех измерений – четвертое, и это, может быть, одна из причин того, что мы, тоже люди как будто совершенного здравого смысла, не создали и, вероятно, никогда не создадим ничего подобного двум римским всемирностям, христианской и языческой.

XXIV

Слишком ли мы боимся «полового безумья»? Нет, недостаточно; наш страх – только здешний, земной, а пол, как смерть, в здешний порядок не вмещается, уходит – в нездешний, из трех измерений – в четвертое. Каждый любящий, – хотя бы только на миг, но мигом этим решаются вечные судьбы любви, – был или будет на тех рубежах, где кончается земная, Евклидова геометрия пола, и начинается – другая, неизвестная.

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод,
Там, в беззаботной веселой,
Безумье жалкое живет.

(Тютчев. Безумье)

Там бродят два демона, два Близнеца – Самоубийство и Любовь; там носится Агдистис – «круглая молния», готовая взорваться всесокрушающим взрывом Конца. Это и во сне нам не снилось? Нет, снилось, но мы забыли.

Люди первого мира – «атланты» в мифе Платона, «исполины» в Книге Бытия – погибли от «разврата»; крайняя же степень разврата – Содом – поклонение образу Божественной Двуполости, искаженному в дьявольском зеркале. Вот почему слова Марселя Пруста: «первое явление Женомужчин, потомков Содомлян, пощаженных небесным огнем», звучат, как похоронный колокол, над второй Атлантидой – Европой.

«Уже и секира при корне дерев лежит», – Секира Двуострая. «Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь», – огонь Конца.

XXV

Пол и Личность, – вот у каких корней лежит Секира. Как относятся друг к другу Личность и Пол? Люди раз уже ответили на этот вопрос не так, как надо, и первый мир погиб; погибнет и второй, если люди ответят снова не так.

Пол и Личность, значит: здешний, в трех измерениях, пол и нездешняя, в четвертом измерении, двуполость.

«Личность – равноденствие полов», в этих трех словах Розанова – весь главный половой смысл древних мистерий (В.

Розанов. Люди лунного света, 1913, с. 104), так же, как в этих словах Канта: «Только муж и жена вместе образуют человека, erst Mann und Weib zusammen machen den Menschen aus». Муж и жена, конечно, в браке не внешнем, а внутреннем, не в двух существах, а в одном, – в Личности. Личность – экватор двух гемисфер, мужской и женской. «Есть третий человек, около Адама и Евы. Это тот Адам, из которого еще не вышла Ева, – первый, полный Адам. Он древнее того первого человека, который начал размножаться» (Розанов, Л. л. с., 101).

XXVI

Так в человеке – так и в природе. Вещий бред мистерий подтверждается точным знанием, биологией. «В мире животных и растений, так же как в мире человеческом, нет однополых особей, – все промежуточны между двумя полюсами, мужским и женским, все двуполы» (О. Вейнингер. Пол и характер. Русск. перев., предисл.).

Внутренняя двуполость особи есть первый зачаток личности; особь двупола, поскольку неповторима в роде, единственна; особь есть личность, поскольку выходит из рода, из пола, как орудья размножения, потому что «пол заключается во всем теле», по глубокому наблюдению зоолога Иог. Стэнструпа (Вейнингер, 90). Пол шире половых признаков: он в каждой клетке тела; не пол в теле, а тело в поле.

Первая попытка личности выйти из родового, безличного в поле и есть двуполость особи. Быть личным, значит – быть двуполым.

XXVII

«Логос прежде был, нежели стать земле», – учит Гераклит, посвященный в мистерии Эроса-Аттиса – того же Логоса. В мифе Платона тела андрогинов – совершенные сферы. Звездная сфера небес есть, может быть, видимый образ, как бы тело Андрогина-Логоса. Если же мир сотворен Словом Божиим, Логосом, то и двуполость во всех существах есть неизгладимый след Творца в твари. Это и значит: биология и мистерия утверждают один и тот же догмат божественно-космической двуполости.

XXVIII

Миф-мистерию Платона или, точнее, доплатоновских орфиков о двуполом Эросе, уже для самого Платона темный, раскрывает его христианский ученик, Вл. Соловьев, с такою ясностью, как этого не делал никто никогда. Там, где нынешние люди, настоящие и бывшие христиане одинаково, видят только «половое безумье», Вл. Соловьев находит «смысл любви», и, может быть, не случайно этот луч света упал в нашу Содомскую ночь.

«Личная любовь никогда не бывает служебным орудьем родовых целей, – говорит Соловьев. – Половая любовь и размножение находятся между собою в обратном отношении: чем сильнее одно, тем слабее другое». Эта обратность, начинаясь уже на низших ступенях органического мира, постепенно возрастает, «пока, наконец, на самом верху, у человека, не является возможною сильнейшая половая любовь, даже с полным исключением размножения» (Вл. Соловьев. Собр. соч., VI, 365). Это значит: пол есть нечто большее, чем «воля к продолжению рода», и если что к чему прибавка, то вовсе не пол к роду, а род к полу. Смысл любви надо искать не в том, как пол относится к роду, а в том, как он относится к личности.

«Противоборство между родом и особью (личностью) всего сильнее действует на низших ступенях органического мира, а с развитием высших форм ослабляется; если так, то с появлением безусловно высшей органической формы… не должен ли наступить конец тирании рода над особью?» Истинная цель половой любви – не родовое бессмертье, а личное.

Пол, как он есть, – начало смерти. «Пребывать в половой раздельности – значит пребывать на пути к смерти… Кто поддерживает корень смерти, тот вкусит и плода ее».

Как, в самом деле, однополому – одноногому – убежать от смерти – многоногого демона? Не спасет от него и деревянная нога или костыль – брак; еще меньше спасет ампутация

обеих ног – скопчество.

«Бессмертным может быть только ***целый человек***», – заключает Соловьев. Или, по Розанову, бессмертен только «первый, полный Адам, из которого еще не вышла Ева», – Андрогин.

XXIX

«Некогда, – говорит Платон, – был третий пол, состоявший из двух, мужского и женского… Это существо называлось Андрогином». – «Когда же Зевс разделил его на два пола, мужской и женский, то каждая из двух половин начала искать той, от которой была отделена, и, находя друг друга, обнимались они и соединялись в любви». – «Вот почему мы естественно любим друг друга: любовь возвращает нас к первоначальной природе, делая все, чтобы соединить обе половины и восстановить их в древнем совершенстве… Ибо каждая из них – только половина человека, отделенная от целого… Желание вернуться в это первоначальное состояние и есть любовь, Эрос» (Plat., Sympos, XV, XVI).

«Андрогин Платона есть Адам Бытия», – полагает христианский учитель церкви, Евсевий Кесарийский (Fr. Lenormant. Les origines de l'histoire, 1880, p. 55). Кажется, в самом деле, корень этих двух, столь различных, сказаний – один и тот же религиозный опыт – вечно повторяющийся сон человечества.

XXX

«Бог сотворил человека», – сказано в Книге Бытия. «Бог», Elohim, – во множественном числе; «сотворил», bara, – в единственном. Новым единобожием, израильским, покрыта здесь древняя – ханаанская, вавилонская, египетская, крито-эгейская, а может быть, и древнейшая «Атлантическая», Троица.

Найденные в Елефантине, на южной границе Египта, папирусы «Иудейского воинства», должно быть, военной колонии, говоря о полученном от египетских властей дозволении построить святилище иудейскому Богу Iahu (Iahwe), упоминают, рядом с Ним, еще о двух Богах; имя одного из Них – женское. Кажется, это и есть те Три Элогима – Эль-Элиун, Эль-Шаддай и Эль-Руах, Отец, Сын и Дух-Мать, – которые являются Аврааму, у дуба Мамрийского, в образе трех Ангелов. Те же Трое создают и человека.

«И сказал Бог: сотворим человека по образу ***Нашему***». Три Бога – Два в Одном – создают человека по образу Своему – двух в одном. «И сотворил Бог человека; по образу Своему, по образу Божию, сотворил ***его***; мужем и женою сотворил ***их***» (Быт. 1, 26–28). Сначала – «его», Мужеженщину, а потом – «их», мужчину и женщину: два пола в одном существе – вот что значит «образ Божий» в человеке. Кажется, нельзя яснее выразить догмат божественной двуполости:

Андрогин создает Андрогина.

XXXI

В первой главе Бытия – рассказ иагвиста, единобожника, а во второй – элогиста, поклонника Трех Элогимов. «Bara Adonai Elohim, создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек, hââdâm, душою живущею» (Быт. 2, 7). – «И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и когда он уснул, взял одно из ребер его». Здесь явное слово «ребро», так же как «бедро» Иакова, для тайного: «женская половина» в теле Адама.

«Муж и Жена (Адам и Ева) были в начале одно тело с двумя лицами; но рассек Господь тело их надвое, и каждой половине дал хребет», – объясняет Бытие Талмуд-Мидраш и Берашот. И в Каббале, первый человек, Adam Kadmon – тоже Андрогин (Mischa Josef ben Gorion, Die Sagen der Juden. – Von der Urzeit, 1913, p. 85. – Berachot, 61, a. – A. Jeremias. Die ausserbiblische Erlösererwartung, 1927, p. 387–388. – Delitzsch, Genesis, 102, 129–132).

«…Бог взял одно из ребер его (Адама) и закрыл то место плотью» (Быт. 2, 7, 21). Место открытое закрыл: пол в человеке и есть нечто изначально-открытое, трансцендентно-обнаженное, и потому страшное и стыдное, трансцендентно-зияющее, пустое, полое, – как бы щель, расщеп, раскол, распад единой Личности надвое, на мужское и жен-

ское. В этот-то половой расщеп и входит смерть, проникает в человека сквозь эту щель, как неприятель – в осажденную крепость. Только восстановленная в первичном, двуполом единстве, исцеленная, целая личность – Мужеженщина – будет снова закрыта для смерти, замкнута, совершенно кругла, как Андрогинная сфера Платона, или та «круглая молния», «двуострая Секира», тот «вращающийся пламенный меч Херувима», flamma qualis est fulguris, которым охраняется, по изгнании Адама из рая, путь к Древу Жизни (Быт. 3, 24. – Delitzsch, 159).

Первый, смертный Адам расколот надвое, на Адама и Еву; второй, бессмертный, – будет восстановлен в целости.

XXXII

«Будут два одна плоть», – говорит первый Адам (Быт. 2, 24), скажет и второй,0 Сын Человеческий (Мтф. 28, 20). Были два одно в прошлой вечности, стали двумя во времени и снова будут одно в вечности грядущей.

Св. Климент Римский сохранил нам «незаписанное слово» Господне:

> …Будучи же кем-то спрошен, когда придет царствие Его, Господь сказал: когда два будут одно, и внешнее будет, как внутреннее, и мужское будет, как женское, и не будет ни мужского, ни женского.
>
> Hotan estai ta dyo hen, kai to êxô hôs to esô, kai to arsen

meta tês thêleias, oute arsen oute thêly
(Clement. Roman., II, 12, 2. – A. Resch., Agrapha, 93).

Мог ли так говорить Иисус? Этого мы не знаем. Ни для каких человеческих слов, сказанных и не записанных тотчас, не только за две тысячи лет, но и вчера, не может быть абсолютно точного знания. Мы, однако, верим исторической памяти слов, и должны верить, чтобы могла существовать История. Для слов же Иисуса есть у нас и нечто большее – их внутреннее согласье с живым голосом Его, говорящим в живом Теле Его – Церкви: «Вот, Я с вами во все дни, до скончания века» (Мтф. 28, 20). Наши евангелия уже начало этого живого голоса, этого вечного «присутствия», parousia, Господа в Церкви и в сердце верующих. «Сам сказал», autos eipen, звучит непрерывно, из уст в уста, от слышавших к помнящим, и если бы мы этому не верили, то ничего бы не знали об Иисусе. «Надо… помнить слова Господа Иисуса, dei… mnêmoneyein te tôn logôn tou Kyriou Jêsou, ибо Он Сам сказал», – говорит ап. Павел, сообщая тоже «незаписанное слово», agraphon (Деян. 20, 35). Если мы верим этому слову, слышанному Павлом, вероятно, в 50-х годах I века, и записанному ев. Лукою (в Деяниях Апостолов) в 70-х годах, то почему бы не поверить и тому, сохранившемуся, может быть, в столь же ранней памяти первохристианских общин и записанному св. Климентом несколько позже? Весь вопрос в том, согласно ли оно с живым, в Церкви присутствующим образом Господа.

XXXIII

«Царствие Божие наступит тогда, когда два будут одно», – слово это только продолжает и кончает евангельское: «Будут два одною плотью, esontai hoi dyo eis sarka mian». Два были одно в раю, и снова будут одно в царствии Божием. Если то слово о начале мира, записанное Матфеем, сказано было Господом, то Им же могло быть сказано и это слово о конце, записанное Климентом, потому что искупление в том и заключается, что волю Божью, нарушенную первым Адамом, исполнил второй Адам – Иисус. Это значит: судя по единственно для нас доступному и убедительному признаку – согласью внешней исторической памяти с внутренней памятью Церкви, – оба слова одинаково подлинны. «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут», этою печатью вечности, более для сердца очевидною на всех словах Господних, чем вечность математических истин очевидна для разума, запечатлены оба слова одинаково. Можно, конечно, отвергнуть оба, но нет основания, приняв одно, отвергать другое.

XXXIV

«***Те, кто со Мной, Меня не поняли.*** Qui mecum sunt, non me intellexerunt» (Actua Petri cum Simone, c. 10, p. 58, ed.

Lipsius. – Resch, 277). И это «незаписанное слово» agraphon, тоже согласно с Евангелием: «Еще ли не понимаете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните?» (Мрк. 8, 17.) Да, не помним, не видим, не слышим, не понимаем. Но если «мытари и блудницы», то, может быть, и боги Атлантиды «вперед нас идут в царствие Божие». Что значит «два будут одною плотью», понял Аттис-Атлас – Андрогин.

XXXV

«Ты прекраснее сынов человеческих» (Пс. 45, 3). – «Иисус, действительно, прекраснее всего в мире и самого мира. Когда он появился, то, как солнце, затмил Собою звезды» (В. Розанов. Темный лик, 1914, с. 264). Чем же красота Его больше всех красот мира? Тем, что она ни мужская, ни женская, но «сочетание мужского и женского в прекраснейшую гармонию».

«Я победил мир», – мог сказать только совершенный муж (Ио. 16, 33). Но, глядя на Сына, нельзя не вспомнить о Матери: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие»! (Лк. 11, 27.)

Он в Ней – Она в Нем; вечная Женственность в Мужественности вечной: Два – Одно. Люди недаром любят Их вместе. Нет слова для этой любви на языке человеческом, но, сколько бы мы ни уходили от Него, сколько бы ни забывали

о Нем, – вспомним когда-нибудь, что только эта любовь к Нему – к Ней – спасет мир.

9. Синяя – черная – белая

I

«Богородица что есть, как мнишь?» – «Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого». – «Так, говорит, Богородица великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость. И всякая тоска земная, и всякая слеза земная – радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собою землю на пол-аршина в глубину, так тотчас о всем и возрадуешься. И никакой, никакой, говорит, горести твоей больше не будет; таково, говорит, есть пророчество». Запало мне тогда это слово. Стала я с тех пор, на молитве, творя земной поклон, каждый раз землю целовать; сама целую и плачу… И все больше о своем ребеночке плачу».

Так, в «Бесах» Достоевского, Марья Тимофеевна Лебядкина, юродивая, вспоминает разговор свой с нищей странницей, Лизаветой Блаженной, тоже юродивой, в глухой русской обители.

Gâ, mâter Dios, potnia mâter!
Матерь Бога, Земля, великая Матерь! —

говорит Софокл в хоре «Филоктета», почти словами этих двух русских юродивых (Sophocl., Philoct., v. v. 391–401. – Radet, Cybébé, 1909, p. 62).

Так, в язычестве, но в христианстве, по крайней мере в нашем, настоящем или бывшем, христианстве, не так: здесь, в Троичном догмате. Бог есть Отец и Сын, но не Мать; что же такое Дух, мы не знаем, живого Лица Его не видим вовсе. Сын рождается без Матери. А вознесение женского начала до Лица Божиего нам кажется «ересью». Так ли, однако, здесь ясно все, как это нам кажется?

II

Если «Бог есть любовь», то богопознание есть самопознание человека в любви. Богу можно сказать: «Отец», а «Мать» – нельзя. Почему? Разве любовь Матери меньше, чем любовь Отца? Разве всепрощающая любовь не у Матери? Сына и Отца мы забыли не потому ли, что забыли Мать?

«Семя жены сотрет главу Змия», – сказано первому человеку, Адаму, и услышано первым человечеством. «Семя жены» – Спаситель мира (Быт. 3, 15. – Delitzsch, Genesis, 148–150). К Сыну от Матери – путь первого человечества. «Мать», – сказало оно Богу раньше, чем «Отец».

«Матерь Моя – Дух Святой» – это «незаписанное слово» Господа, agraphon, совпадает с евангельским словом в древнейших списках ев. Луки: «Ты Сын Мой возлюбленный;

Я днесь родил Тебя», или по-арамейски, на языке Иисуса, где Rucha, «Дух» женского рода: Я днесь ***родила*** Тебя».

Если Дух есть Мать, то путь второго человечества, нашего, обратен пути первого: уже не от Матери к Сыну, а от Сына к Матери – Духу.

III

«Нет Божества, большего для знающих, нежели Мать», – говорит Алексис Турийский, Alexis Thurium, пифагорейский богослов IV в. до Р. Х. (Graillot, 1.) «Ты одна – все», una quae est omnia, сказано в Капуанской надписи богине Изиде (Dussaud, Inscript. select., 4362. – Fracassini, Il misticismo greco, 168). И в древневавилонской молитве богине Иштар-Мами: «Нет Бога, кроме тебя» (Th. Friedrich, Kabiren, 91).

> Всех детей твоих, Матерь,
> Помилуй, спаси, защити!
> …Очи возвел я к тебе,
> Ухватил я край ризы твоей…
> Ты спасаешь, разрешаешь и милуешь.
>
> *(A. Jeremias, Handbuch, 218. – P. Dhorme, 260)*

Что это, христианский акафист? Нет, древневавилонская клинопись.

Bel-ti, одно из имен богини, тоже вавилонское, значит «Госпожа моя», Ma-donna, – нельзя перевести иначе (Н.

Zimmern, Keilinschriften und Bibel, 1903, p. 36): имя одно, от Ассурбанипала до Франциска Асизского. Имя еще более древнее, детское: Mami. С ним Человечество проснулось – с ним же, может быть, и уснет последним сном.

IV

«Черную Землю Мать, mêtêr gê melaina, из Олимпийских божеств величайшее», – призывает Солон Законодатель в свидетельницы скрепляющих законы клятв (A. Dietrich, Mutier Erde, 1905, p. 37). Если «величайшая» значит «древнейшая», то Солон ошибается: синяя Мать Вода – «Жена синеликая», на Флийской росписи, древнее черной Матери Земли.

Санхуниатон, финикийский жрец III–II века до Р. Х., сохранил нам обломок ханаанской и, может быть, крито-эгейской, космогонии. Темный Ветер, Дух, носился над кромешною Тиною – Хаосом, из вечности в вечность, пока, наконец, возлюбив начала свои и сочетавшись с самим собой, не породил Вожделения, Chefez. От Хаоса Хефэз рождает Яйцо, Mot, заключающее в себе всех будущих тварей Семена, Zofesamin, двуполые, самодовлеющие, неподвижные, погруженные в райский сон. Но, рассеченные громом на две половины, мужскую и женскую, проснулись они и задвигались, чтобы соединиться в любви. Что это за гром и откуда, в мифе не сказано; но если, как похоже на то, мировое Яй-

цо, Мот (египетское mut – «Мать»), есть андрогинная сфера Платона, «круглая молния», то, может быть, этот гром пал от нее: всесозидающим взрывом Начала взорвалась она, так же как другая, подобная ей, взорвется некогда всесокрушающим взрывом Конца (Sankhouniaton, fragm. II, ap. Euseb., preparat. evang. – Vellay, 237).

Миф смутен, но ясно одно: Мот, Яйцо космоса, родилось из «Бездны вод». «Все из воды», – по учению Фалеса и Анаксимандра, первых ионийских физиков (Fr. Houssay. Les theories de la Génèse à Mycènes. – Rev. Archéol., 1895, p. 16). Это и значит: первая, синяя Мать – Вода.

V

Кажется, такой же древний, ханаано-пелазгийский, миф сообщает Гезиод в «Теогонии». Гэя-Земля, устав рождать от Урана, бога Неба и Вечности, погребаемых им заживо детей, подговаривает сына своего, Кроноса, оскопить отца. «Светлою, кованною из стали косою», – может быть, лунным серпом, первым указателем времени – лунного года, – «оскопляется», пресекается Вечность. Фалл Урана падает в море, должно быть, раскаленною глыбою аэролита; волны пенятся, кипят, и выходит из них Афродита – Пенорожденная: вся красота, вся любовь земная – от оскопленного Пола Небесного; здешний Эрос – Антэрос нездешний.

Смутен и этот миф, но и в нем ясно одно: Мать сущего

– Вода.

VI

Тот же смысл в чудной росписи на питанийской амфоре из Эолиды. В хляби вод первичных, Осьминог божественный разверзает чрево свое – чрево рождающей Матери, и кишит, множится в довременном иле, между раскинутыми щупальцами-лапами Животного, рождаемая тварь. Кажется, видно, как дышит прозрачное тело его, подобное телу медузы, то расширяясь, то сокращаясь; лапы шевелятся, волнуются водоросли, и недооконченные твари увлекаются к сердцу-чреву, чтобы закончиться там, а другие, уже завершенные, стремятся из воды на воздух; ил превращается в водоросль, водоросль – в животное, животное водяное – в земное: рыба – в птицу, раковина – в бабочку, конь морской – в коня земного, но на задних, еще не законченных, из ила волочащихся ногах. Так, звено за звеном, тварь за тварью, цепь развития развивается, бесконечная. Гётен Ламарк и Дарвин поняли бы, что это значит; но понял ли бы кто-нибудь из нынешних людей, настоящих и бывших христиан, что значат внутри завитков, образуемых концами щупалец, угольчатые крестики, свастики? (Lagrange, La Crète ancienne, 1908, p. 103.)

VII

В самых древних, микенских слоях Трои, найдены глиняные амфоры с едва обозначенным красными точками, женским обликом, должно быть, здешней богини Матери, Кибелы фриго-хеттейской: два глаза, два сосца и на круглой выпуклости, чреве сосуда, знак женского пола, кружок с угольчатым крестиком, свастикой (Lichtenberg, Die Aegaische Kultur, 1913, p. 63). Крест и Пол, это соединение кощунственно для нас, но не для Церкви. «Ложесна Твои престол сотвори, и чрево Твое пространнее небес содела», – поется в акафисте Пречистой Деве.

Если древние, осеняя крестом, жертвенным знаменьем, лоно Матери, рождающее Сына-Жертву, не знали, что делают, то, может быть, знал кто-то за них.

Вот что значат и те крестики в завитках щупалец у Осьминога на питанийской амфоре: Мать Вода, как и все боги Атлантиды, – «крещеная».

VIII

Роспись одного критского гроба изображает широколистую водоросль на дне моря, среди плавающих рыб, и тут же, из листьев ее образующихся уток, с похожими на листья перьями. Птица Ва, с человеческим личиком, означает у егип-

тян душу умершего. Кажется, и эти утки означают то же: в лоне Матери Воды, душа образует себе новое тело, чтобы воскреснуть – родиться в вечную жизнь.

Тот же смысл и в росписи фэстской амфоры, где рыба, на спине своей, возносит голубя из Океана земного – в небесный, к расцветающему лотосу, и голубь клюет с тычинок цветочную пыль – райскую пищу; оба животных окружены звездами (Lagrange, 105). Недостает только креста, чтобы узнать Рыбу и Голубя катакомбных росписей.

IX

Первая – синяя Мать Вода, вторая – черная Мать земля.

Стэатопига, Тучнозадая, Ледниковых пещер, страшная человеческая самка, полузвериха, мало-помалу преображаясь, проходя через тысячи образов, расцветает сперва человеческой, а потом и божеской прелестью.

Мами-Иштарь вавилонская, в одном из древнейших изваяний левой рукой прижимает Сына Младенца к груди, а правой – благословляет его: в другом – на голове ее – «невестин покров»; это значит: Дева Мать.

Общие признаки ее, от Ефрата и Нила до Атлантики, так явственны, что нельзя не узнать во всех этих образах одну: «Матерь человеков милосердная», ummu rimnitum ša niše, по-вавилонски, «Матерь Бога, Земля», ga mâtêr dios, по-гречески, а по-русски, «упование рода человеческого, великая

мать сыра земля, Богородица».

Очи возвел я к Тебе,
Ухватил я край ризы Твоей,
Ты разрешаешь, спасаешь и милуешь! —

мог бы ей сказать весь род человеческий.

X

В Кносском дворце, Лабиринте, «доме Лабры», Секиры-Креста, найдена печать с древнейшим изображением здешней богини Матери. Девочка с голыми сосцами и тонким, как у осы, перерезанным станом, в критской сборчатой юбке-колоколе, с жезлом в протянутой руке, стоит на круглой, острой, как еловая шишка, горе; по обеим сторонам ее – две исполинские, на дыбы поднявшиеся львицы; слева от нее, часовенка с «рогами посвящения»; справа – молящийся, с воздетыми руками, человек (Dussaud, 328). Кажется, здесь изображено явление богини Матери, такое же, как Сына ее бога Младенца, на резьбе изопатского перстня и в Когульской росписи.

Самое для нас важное в кносской печати – остроконечная гора, подножие богини. В брачном шествии Кибелы и Аттиса, изваянном на Иазиликайских скалах, в Каппадокии, священным животным – барсам, львам, быкам и пантерам, возносящим на спинах своих, богов и богинь, служат подно-

жьями точно такие же горы (Perrot et Chipiez, IV, 647). Мать перенесла их с Крита в Каппадокию и во всю Малую Азию – второе царство свое, Хеттею.

XI

Вспомним иероглиф Маянских кодексов – остроконечную гору, в лабиринте каналов на острове Ацтлане, родине ацтеков, где-то далеко, за Океаном; вспомним Посейдонову гору, тоже в лабиринте каналов, – Акрополь в столице атлантов, по описанию Платона; вспомним возможную связь искусственной горы – пирамиды – над Лабиринтом Файумского озера, и связь пирамид Египта с теокаллами древней Мексики, – возможную общую память двух разделенных половин человечества о древней общей родине; вспомним все это и, может быть, мы прочтем иероглиф на печати, найденной в Кносском дворце, Лабиринте; узнаем по острой горе, откуда стоящая на ней богиня Мать, как узнаем по водяному знаку почтовой бумаги, откуда письмо: если Крит – Атлантида в Европе, то и критская богиня Мать – из Атлантиды.

XII

«Поздних веков пришлец, хочешь узнать, кто мы? Спроси о том зарю, спроси леса, бурю спроси, спроси Океан, спроси любовь; узнаешь: мы – Земля», – говорит в Палектской

надписи царица Маянского царства или сама богиня Майя (См. выше: Атлантида, Ледниковый Крест, XV). «Мы Земля», значит: «Мы дети Земли». Так, в царстве Майя, на Юкатане, и в царстве Мами, в Вавилоне; так же и на Крите – уцелевшей свае рухнувшего, Средиземно-Атлантического моста, – в царстве здешней, для нас безыменной богини – фриго-хеттейской Ма. В той гемисфере, Западной, и в этой, Восточной, в том человечестве, первом, и в этом, втором, люди – дети одной Земли Матери. «Майя», «Мами», «Ма», – детский лепет к ней всех веков и народов.

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
A. M. D. своею кровью
Начертал он на щите,

весь род человеческий, как бедный рыцарь: A. M. D. – Alma Mater Dei.

XIII

Атлантида – остров – земля, из воды выходящая: вот почему первая Синяя Мать – Вода, а вторая Черная Мать – Земля.

XIV

Атлас – Отец, Атлантида – Мать. Человеколюбцы и страстотерпцы – оба; но Мать больше Отца. Кто любит детей своих и страдает за них, как мать? В муках рождает их – в муках любит, потому что все муки их – ее. Тайна любви, тайна страдания, божественна, – это поняло человечество только по сердцу матери.

«Как напоишь слезами своими под собою землю на поларшина в глубину, так тотчас о всем и возрадуешься». – «Запало мне тогда это слово. Стала я с тех пор на молитве, творя земной поклон, каждый раз землю целовать; сама целую и плачу… И все больше о своем ребеночке плачу». Плачет Деметра о Персефоне, плачет Изида об Озирисе, плачет Иштар – о Таммузе, Астарта – об Адонисе, Кибела – об Аттисе; плачет Мать-Земля о человеке, Всех Скорбящих Матерь – о Сыне.

В сердце мечом пронзенная,
Смотришь, Мать сокрушенная,
Как умирает твой Сын!
Das Schwert im Herzen,
Mit tausend Schmerzen
Blikst auf zu deines Sohnes Tod!

(Goethe. Faust, I)

XV

В Малой Азии, у Смирнского залива, в древней Лидии-Дардании, древнейшей Хеттее, в двух часах пути от Магнезии, нынешней Маниссы, на северном склоне горы Сипила (Sipylos), сохранилось до наших дней, от четырехтысячелетней, может быть, древности, исполинское, в скале, изваяние Матери, сидящей на престоле, с поникшей головой и распущенными волосами. Известняковый утес, размываемый дождями и тающим снегом, так отсырел, что капли воды струятся по лицу изваяния, как вечные слезы, и облик тела так смутен, что кажется призраком.

«Есть на скале Кодинийской изваяние Матери богов древнейшее, – сообщает Павзаний. – Я сам видел его: это лишь обрывистый утес, без всякого человеческого образа, вблизи… но издали кажется он скорбящей и плачущей женщиной» (Pausan., III, 22; I, 21).

Это Ниобея Гомера:

…Сразу двенадцать детей потерявшая матерь…
Волей богов превращенная в камень.

(Il., XXIV, v. v. 602, 617)

Ниобея Софокла:

Там, на вершине Сипила,

Мать Ниобея в скалу превратилась;
Всю, как побеги плюща,
Камень ее охватил, вырастая.
В тучах, под ливнем и тающим снегом,
Плачет она, и дождем
Вечные слезы струятся на лоно.

(Sophocl., Antig., IV, ch., 2 Antistr.)

Это Каллимаха «плачущий камень»:

…Влажный утес, на пределах Фригийских, —
Некогда бывший женою с устами стенящими, мрамор.

(Callym., Hymn. Niob.)

В камень превратили боги Ниобею, чтобы избавить ее от мук, но и в камне мучается сердце Матери; слезы любви источает и камень. «Плачет Рахиль о детях своих и не хочет утешиться, потому что их нет» (Иер. 31, 15).

Если чем спасется мир, то этим только плачем, ибо «сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим. 8, 26), – Дух Мать.

XVI

Тучная, дебелая, плоская, едва отличимая от камня – «камнерожденная», с правильным, как бы солнечным, диском вместо лица: солнце Любви – Матери – в Материи; та-

кова она в изваянии на Арслан-Кайской скале, Arslan-Kaia, в Каппадокии (Perrot et Chipiez, V, 157). А на докимионской бронзовой монете тело ее как будто растет из каменной толщи скалы, – тоже едва от нее отличимое, подобное каменному призраку – великому Духу Земли (Th. Friedrich. Kabiren, 74).

Облик человеческий во всех таких изваяниях сливается с камнем, срастается с ним:

> Всю, как побеги плюща,
> Камень ее охватил, вырастая.

В тело переходит камень нечувствительно; одушевляется, бездушный; оживает, мертвый: Дух – Матерь в Материи.

«Я не знаю, почему бы материи не быть достойной природы божественной», – говорит Спиноза в «Этике» (Spinosa, Aetica, I, 15 theor., schol.); можно бы сказать то же и в религии. Это поняли древние: Матерь богов для них «Богоматерия»; Мать Земля – та же Матерь Небесная; два кимвала ее – две гемисферы небес, дневная и ночная; гром кимвалов – музыка сфер или молнийный гром (Graillot, 196).

«Природа вещей – природа богов», natura rerum – natura deorum, но не наша мертвая механика.

> Не то, что мните вы, природа, —
> Не слепок, не бездушный лик.
> В ней есть душа, в ней есть свобода,

В ней есть любовь, в ней есть язык.

(Тютчев)

Этот язык и подслушали древние.

«Вот я, Природа, Матерь всего, всех стихий владычица, дщерь веков первозданная, полнота божества, царица теней, из небожителей первая, всех богов и богинь лик единственный; мановением моим простираю неба светлые своды, моря свежие веяния, ада немоту плачевную… светом женственным светящая и влажными огнями (лунными) благие семена питающая Мать» (Apul., Metam., 1. XI, c. 5).

XVII

Две исполинские львицы, на Арслан-Кайском изваянии, точно такие же, как на кносской печати, стоя, по обеим сторонам богини, на задних лапах, передними – как бы обнимают голову ее, ласкаются к ней и лижут языками щеки ее (Perrot et Chipiez, V, 157). Мать – укротительница львов, «львам сопрестольная», leontôn ephedrê, – некогда Львица сама. Тело ее, в иазиликайском изваянии, сложено из львиных тел: лапы вместо рук, морды вместо плеч, два ползущих вниз головами льва вместо чресл и ног; только голова человеческая (Perrot et Chipiez, V, 647). Ма-Кибела – «Владычица зверей», potnia thêrôn, древняя богиня звероловов, некогда сама Звериха (Graillot, 2).

Ты любишь визги флейт, и грохоты тимпанов,
И волчий вой, и львиное рыканье,
И гор лесных многоголосый отклик.

(Homer. Hymn., cybele. – Lang, Homeric hymns, 225)

Кроткими становятся при ней и лютые звери:

…Шли за нею, ласкаясь,
Волки седые, огненноокие львы и пантеры.

(Homer. Himn., Aphrodite)

Зверя в звере и в человеке укрощает Мать – Мать Золотого века – мира. Вечная война без нее, с нею – вечный мир.

XVIII

Мать, зверей Владычицу, изображает и чудная роспись на одной бэотийской амфоре: странное детское личико, треугольное, в виде сердечка или виноградного листика; широко распростертые руки, непомерно длинные, в знак вездесущей благости: всюду достанут, помогут; в воздухе вокруг нее и над нею – угольчатые крестики-свастики; крестным знамением Мать как бы осеняет всю тварь, земную, водяную, воздушную: птицы сидят на руках ее, звери ластятся к ногам, в складках ризы, как вода, струящихся, плавает рыба, – может быть, память черной Матери Земли о синей Матери Воде; а под самую руку благословляющую подсунул голову Бык –

кроткий Телец жертвенный, закланный от создания мира, – Сын (Harrison, Prolegomena, 264–265).

XIX

Имя ее, Kybele, Kybebe, значит по-фригийски «гора» и «пещера» (Fr. Lenormant, Il mito di-Adone-Tammuz., p. 163). Мать Гора – земля, восходящая к небу, чтобы соединиться с Отцом; Мать Пещера – чрево Земли, рождающей Сына.

Земля – Мать не только живых, но и мертвых. «Все отходит в землю и выходит из земли, et recidiunt omnia in terras et oriuntur ex terris» (Cicero, de natura rerum, II, 26). В лоно свое принимает умерших Мать Земля, чтобы воскресить – снова родить в вечную жизнь.

XX

«Мать Кибела любит баюкать младенцев» (Diodor., III, 58). Слабых и больных детей своих матери кладут ей на руки.

Так, сквозь каменный ужас Материи, – Неумолимой, Адрастейи, – светится лик милосердной Матери, «теплой Заступницы мира холодного».

«Рода человеческого Спасительница… милость матери нежную всем скорбящим даруешь. Humaní generis sospitatrix… dulcem matris affectionem miserorum casibus tribuis (Apul., Matamorph., XI, 15). Это и значит: „Всех Скор-

бящих Матерь“.

XXI

С Крита в Палестину занесен Крест, а с ним пришла и Мать.

Есть в горах Ливана, над цветущей долиной, посвященной некогда Адонису-Таммузу, изваянный в скале образ богини, «скорбящей, с покрывалом на голове, с лицом склоненным на левую руку; кажется, слезы текут по щекам ее» (Macrob., Saturn., I, 21). Роща Таммуза была и у вертепа Вифлеемского, как сообщает бл. Иероним: значит, первая Мать была и здесь, раньше второй, – Матери Господа.

И в Иерусалиме была. «Поднял меня дух… и принес в Иерусалим (во храм), ко входу внутренних врат, обращенных к полуночи, где поставлен был ***идол ревнования***… Там сидят жены, плачущие по Таммузу» (Иез. 8, 3–14). В подлиннике – «идол ревности о Потерянном» (Fr. Lenormant, Il mito di Adone Tammuz, 164). Мы знаем, что в Иерусалимском храме находилось изваяние Астарты, внесенное туда, может быть, еще Соломоном, устроителем «высот», богининых рощ, направо от Масличной горы (IV Цар. 23, 6–13). «Идол ревности» – любви ревнующей, скорбящей о «потерянном» – умершем Сыне, и есть изваяние Скорбящей Матери, Mater Dolorosa. Глядя на нее, плачут Иерусалимские жены там, откуда начнется путь на Голгофу.

В сердце мечом пронзенная,
Смотришь, Мать сокрушенная,
Как умирает твой Сын.

XXII

Царство Матери – Хеттея. Племя это внезапно и неизвестно откуда появляется, на Малоазийском плоскогорье, в конце III тысячелетия, становится великою державою, борется с Вавилоном и Египтом за мировое владычество и, лет через тысячу, так же внезапно и неизвестно куда, исчезает, сказав миру одно только слово: «Мать», дав миру один только образ – «Великий Образ», Bouiuk-souret, как нынешние турки называют изваяние Матери на Сипилийской скале. Но и этого достаточно, чтобы забытая Хеттея была достойна вечной памяти.

Религиозно и социально, географически и хронологически, совпадает Хеттея с баснословным «царством Амазонок» (W. Leonhard. Hettiter und Amazonen, 1911, passim. – Ch. Picard. Ephese, et Claros, 1922, p. 442). Кажется, и здесь, как почти везде у греков, с мифом смешана преистория, как свет с тенью в утренних сумерках, или бывшее с небывшим во сне. Странные люди, с бритыми желтыми лицами, с чубами-косами на бритых головах, в длинных, как бы женских, одеждах, с матриархатом, властью матерей над детьми и жен

над мужьями, с теократией скопцов, с женским войском, с двуострою секирою – крито-эгейским, а может быть, и Средиземно-Атлантическим символом двуполости, – хеттеяне могли казаться грекам сказочным племенем женомужчин, андрогинов, или мужеженщин, амазонок.

XXIII

Летопись «Паросского мрамора», Marmor Parium, от 263 г. до Р. Х., относит первое явление, «пришествие», Матери-Земли, Деметры, с Крита в Элладу, к 1408 г. (C. Autran. Phéniciens, 1920, p. 26.) Наше летосчисление начинается с Рождества Сына, «лета Господня», ab anno Domini, а у доисторических греков – с Рождества Матери, ab anno Dominae. 1408 год – «пришествие» Матери, а 1450-й – гибель Кносса. Крит как бы завещает, умирая, свою богиню Мать Хеттее. Царство же Матери и есть «царство Амазонок».

Так, во времени, – так, и в пространстве: главный военный путь критян, хеттеян и амазонок – Средиземно-Атлантический (Leonhard, 85).

XXIV

Если амазонки только миф, – что значат женщины воины и матриархат у нынешних берберов, дагомейцев, туарегов, именно в тех частях Северной Африки, откуда, по Ди-

одору, вышли амазонки? что значат мечи Бронзового века, с маленькими, как бы для женских ручек, рукоятьями, найденные в р. Сене, во Франции, земле одного из трех доисторических племен, прошедшего, по мифу Тимогена, «с какого-то далекого, за Океаном, острова, называемого Атлантидой?» (Diodor., III, 53. – Gatefosse. La vérité sur l'Atlantide, 96; 113, 116, 117.) «Рядом с атлантами жили амазонки», – по мифу Диодора (Berlioux, Las Atlantes, 128, 132, 137). Если в обоих мифах брезжит темный свет преистории, то здесь еще раз подтверждается связь двух человечеств в Атлантиде-Матери.

XXV

Если Атланты – «андрогины», «женомужчины», в смысле не физическом, конечно, а духовном, – сначала в «святой любви», а потом в «разврате», то жены атлантов – «амазонки», «мужеженщины», в той же любви и в том же разврате.

> Женщине будет Гоморра,
> Будет мужчине Содом.

Жившие у озера Тритониса, ливийские амазонки, изгнанные оттуда великим землетрясением – может быть, концом Атлантиды, – бежали, под предводительством царицы Миринды (Myrinê), на острова Эгейского моря, завоевали и населили их, – сообщает Диодор свидетельство потерянного

для нас, древнейшего историка, Дионисия Скифобрахиона (Diodor., III, 52, 53, 55. – Berlioux, 39). Память о Мирине сохранилась и в «Илиаде»:

> Есть перед городом Троей великий курган и высокий…
> Смертные с древних времен называют его Ватиеей,
> Но бессмертные боги – могилою быстрой плясуньи Мирины.
>
> *(Homer., Iliad., II, v. v. 811–814)*

Это значит: так же глубока бездна веков, где погребено царство Амазонок, как бездна Атлантики, где погребена Атлантида. Что напоминает «многопляшущая» амазонка Мирина? Не критских ли акробатов-акробатих, андрогинов-амазонок, пляшущих, скачущих в кносских боях, тавромахиях, через спины священных быков? Если так, то и здесь еще раз подтверждается в мифе-преистории связь Крито-Эгеи, второй Атлантиды в Европе, с первой – в Атлантике.

XXVI

Миф Диодора помнит войну амазонок с атлантами (Diodor., III, 53, 6; 54. – Leonhard, 88). Если же и сами амазонки – из Атлантиды, то эта война – «гражданская», – «революция», хотя и не в нашем смысле, социально-политическом, – война не сословий, а полов. Следствием ее могло

быть сначала изгнание или бегство побежденных, но не сдавшихся женщин в Атлантскую колонию, Ливию, а затем – поход на Крито-Эгею – завоевание островов Эгейского моря, по Диодору. Как бы то ни было, такой великий, духовно-плотский переворот, как смена материнства отчеством, женской власти – мужскою, не мог произойти без великих потрясений, внешних и внутренних. Их-то, может быть, и отражает тусклое зеркало мифа об амазонках. Здесь проходит черта, отделяющая два человечества в сфере пола: Мать ушла – пришел Отец; кончился Золотой век мира, Атлантида, – начался Железный век войны, История.

XXVII

Кажется, последняя память об этом перевороте сохранилась в «Молящих» Эсхила.

Пятьдесят невест, дочерей Даная, бегут от пятидесяти женихов, сынов Египта, в Пелазгийский Аргос, «как стая голубок – от коршунов» (Aeschyl., Suppl., v. 225). Многозначительно связывает Эсхил данаид с амазонками. Греки-пелазги узнают в них, по «одежде варварской, египетской», пришелиц из чужой земли:

> Ливиянкам подобны смуглолицым
> Иль амазонкам, девам кровожадным.
>
> *(Aeschyl., v. v. 235, 279, 286)*

Это значит: в Грецию миф о данаидах-амазонках занесен оттуда же, откуда и миф об Атлантиде, – из Египта или, может быть, через Египет, из Ливии, страны амазонок, «Атлантической колонии».

XXVIII

Личность восстает на богов в титане Прометее, а в титанидах амазонках – пол. Hybris, «гордость» – вина того и этих перед новыми богами, Олимпийцами; та же вина и атлантов, по мифу Платона.

Дочери Даная, «девственницы неукротимые», ненавидят не только своих женихов, но и самый брак, и если он – воля богов, то и на них восстают. «Мужебоязнью врожденною» гонимые, бегут от брака:

Лучше в петлю, чем на ложе
Ненавистное мужей,
Лучше смерть и ад!

(Aeschyl., v. v. 787–790)

«Мнимая кровожадность» амазонок – клевета мужчин: помнят поклонницы Матери завет ее – мир.

Без оружья, без насилья,
Легки все дела богов.

(Aeschyl., v. v. 97–98)

Начали войну мужчины; женщины только защищаются. Молят царя земного:

Познай мужей обиду.
Gnothi d'hybrin auerôn, —

(Aeschyl., v. 426)

и Царя Небесного:

Зевс, избавь от мужского насилья…
Зевс, подай одоление женам!

(Aeschyl., v. v. 523, 1069)

Молят, но знают, что никто не услышит ни на земле, ни на небе; древнее царство их кончено: новые боги и люди, – все против них.

На Олимпе Зевс насильем
Стародавние законы
Святотатственно попрал.

(Aeschyl., Prometh., v. v. 149–152)

С ними только Мать. К ней и прибегают с последней мольбой:

О, да избегну я,

Дева безбрачная,
Ига объятий мужских!
Да преклонит же к молящим
Лик свой милостивый Зевса
Целомудренная дочь,
И святым своим покровом,
От бесстыдного насилья,
Дева – деву защитит!

(Aeschyl., Suppl., v. v. 141–150)

Нет, не защитит: первая Мать, Атлантида, погребена на дне Океана, а вторая Мать, Деметра, сама, неутешная, бродит по миру, «плачет о своем ребеночке».

Спутницы-рабыни убеждают данаид смириться:

Воли Зевса не преступишь:
После многих дев, о дева,
Будет брак и твой конец!

(Aeschyl., v. v. 1049–1052)

Нет, не будет. В первую брачную ночь, сорок девять невест убивают сорок девять женихов; только одна, Гипермнестра, щадит своего, – «побежденная чад вожделением» (Aeschyl., Prometh., v. 865).

Новый закон воцарился в мире – мужевластье, насилье нового Отца Небесного над древней Матерью Землей. И прокляты святые девы, титаниды, в Олимпийском веке: мучаясь в аду, носят не переносят воду в разбитых сосудах. Так в ми-

фе, но не в мистерии: здесь все еще в сосуды цельные льются живые воды совершенной любви – божественной Двуполости; все еще люди ждут, что «Семя Жены сотрет главу Змия».

XXIX

Мать забыли надолго, но вспомнили.

Самое мужское, только мужское, без тени женского, – Рим? Нет, и он, как все на земле великое, – существо мужеженское, человеческий прообраз того, чем будет Андрогин Божественный.

В 204 г., в конце Ганнибаловых войн, римский Сенат, согласно с пророчеством Сибиллиных книг, постановил перевести черный камень-бэтил, мужеженский образ Матери-Сына, Кибелы-Аттиса, из Малой Азии в Рим (Tit. Liv., XXIX, 14, 13. – Hepding, 141). Можно сказать, что на этом камне и воздвигалось римское всемирное владычество. «Римляне, святыню мира приняв, получили власть над миром. Dum universarum sacra suscipiunt, regna meruentur» (Minuc Felix, Octavius. – Ф. Зелинский. Соперники христианства, 53).

Будет и новый христианский Рим под тем же знаком Девы Матери.

XXX

Снова и Дева грядет.
Jam redit et Virgo,

скажет Виргилий почти накануне Рождества Христова (Virgil., Eklog. IV, v. 6), и устами Виргилия, скажет отец Энея, праотец Рима, Анхиз:

Крит, в середине морей, посвященный Юпитеру остров,
С Идой горой, – колыбель нашего рода святая. Матерь
Кибела оттуда…
Дети, покорствуя воле богов, с благовеющим ветром,
Кносского царства достигнем…

(Virgil., Aen., III, v. v. 104–120)

Рим свяжет начало с концом, Атлантиду – с Европой, древнюю Матерь – с новою:

…Матери древней ищите
…И ваши надежды познайте.

(Virgil., Aen., v. v. 97–105)

Сам Виргилий нашел и познал:

…Скоро ты будешь прославлен,

Отпрыск любезный богов, великое Зевсово чадо.
Зришь ли, как всей своей тяжестью зыблется ось мировая,
Недра земные, и волны морей, и глубокое небо?
Зришь ли, как все веселится грядущему Веку Златому?
О, если бы только последних годов моей жизни хватило,
Если бы только хватило дыханья воспеть твою славу!..
…Матерь начни узнавать с первой улыбкой, Младенец.

Через сорок лет, в пещере Вифлеемской, Матерь узнал Младенец Иисус.

XXXI

Чтобы понять догмат Божественной Троицы, надо помнить, что между Матерью-Духом и Матерью Господа, Девой Марией, такое же расстояние, как между Богом и человеком, Творцом и тварью. Слишком часто забывалось это, если не в христианском догмате, то в христианском религиозном опыте, и Третье Лицо Божие, заслоненное лицом человеческим, оставалось невидимым, непознанным и бездейственным. Только Матерью-Духом завершается для нас или завершится когда-нибудь Троица.

Это и древние смутно помнят или предчувствуют, как мы увидим в Елевзинских и Самофракийских таинствах – двух последних и ближайших к нам вершинах всего дохристианского человечества. Но уже и в древнейшем явлении, «при-

шествии» Матери, связана с нею Троица.

Зевс был, Зевс есть, Зевс будет…
Плод свой дала Земля; славьте же Землю Мать! —

молятся три додонские жрицы-голубки, под сенью дремучего дуба, Древа Жизни (Harrison, Prolegomena, 263). Три голубка слетают к голой девочке, богине Матери, на золотой микенской бляхе-брактее; три голубка сидят на трех кносских, соединенных в подножии, глиняных столбиках Кносская трехчастная часовенька; три пары здешних рогов посвящения; три змеи в руках Богини Змей; три на Дереве Жизни прорастающих отпрыска; три чашечки для трех возлияний на стэатитовом жертвеннике: Троица везде на Крите; где только Мать, там и Троица (Evans, The palace of Minos, 222, 234, 366, 508, 632–635).

«Матерь Моя – Дух Святой». – «Ты Сын Мой возлюбленный; Я днесь родила Тебя», – это, может быть, лучше нашего поняли бы критяне.

XXXII

Троичность в Боге начинается и завершается Матерью-Духом; вот почему и в мире тень Матери троична: в царстве Отца, Атлантиде-преистории, – Синяя Мать, Вода; в царстве Сына, истории, – Черная Мать, Земля; в царстве Духа, Апокалипсисе, – Белая Мать, Огонь. Все Три в мире,

так же как в Боге, – Одна.

XXXIII

Город Эфес, духовная столица Малой Азии, бывшей Хеттеи, есть город богини Артемиды, новой, Олимпийской, эллинской, только по имени, а по духу, древней Титаниды – вавилоно-египетской, крито-хеттейской, а может быть, и Средиземно-Атлантической, Матери. Здесь, в Эфесе, у Артемидина жертвенника, находят «убежище», asylia, еще во дни баснословные или доисторические, накануне Троянской войны, амазонки, потому что здешняя богиня сама – Амазонка, вечная Дева Мать (Tacit., Annal., III 61. – Pausan., VII, 2, 6, 9. – Ch. Picard. Ephèse et Claros, 1922, p. 139). Битвы амазонок изображаются в эфесских ваяньях; лик Амазонки – на монетах города (Picard, 433–435). Здесь же, и во времена исторические, будут находить убежище все мятежники пола, восставшие на закон безличного рода – рождения, смерти; все «скопцы, сами себя сделавшие скопцами ради царства небесного».

XXXIV

Матерь богов и Богоматерь: та – лишь тень, эта – тело. Здесь же, в Эфесе, где была та, будет и эта. Храмы Кибелы будут базиликами Девы Марии; куреты и корибанты, спутни-

ки той, будут херувимами и серафимами этой (Graillot, 409). Слово нашей Херувимской «Доруносима» – от греческого – doryphoroi, «копьеносцы»: обе Царицы «доруносимы» копьеносным воинством, та – корибантов, эта – архангелов.

«Да ведь это Кибела!» – ропщут, соблазняясь, христиане, когда св. Григорий Чудотворец устанавливает в Каппадокии, древней Хеттее, почитание Богоматери; ропщут, потому что не видят, что та ложится к ногам этой, смиренною тенью, так же как эта ляжет тенью к ногам Небесной Матери – Духа.

XXXV

Сниди, Голубица Святая,
Сниди, Матерь Сокровенная! —

молились первые христиане, должно быть, и здесь, в Эфесе (Actus Thomas, c. 50. – Henneke, Neutestam. Apokryph. 270), и молитва их исполнилась: белая Голубка Матери перелетела с Иордана на Каистр. По церковному преданию, позднему и неверному (но то, чего люди хотят, иногда вернее того, что было), Иоанн, любимый ученик Господа, исполняя завет Его с креста: «Вот, Матерь твоя», – переселившись в Эфес, взял к себе в дом Деву Марию (Picard, 720). Старая старушка, Мирьям из Назарета, – все в морщинах, темное под белым платком, личико, полуслепые от слез глаза, – но для видящих вся осиянна такою славою, какой никогда на

земле не было и не будет.

«В то время произошел немалый мятеж против пути Господня. Ибо некто серебрянник, именем Димитрий, делавший Артемидины храмики из серебра и доставлявший художникам немалую прибыль, собрав их и других подобных ремесленников, сказал: „Мужи… вы видите, что не только в Эфесе, но и почти по всей Асии, этот Павел своими убеждениями совратил многих людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги. А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и ниспровергнется величие той, которую почитает вся Асия и вселенная“. Выслушав это, они исполнились ярости и стали кричать: „Велика Артемида Эфесская!“ (Деян. 19, 23–34.)

Слыша эти буйные крики толпы, улыбнулась ли старая Старушка тихой улыбкой, похожей на улыбку Сына? вспомнила ли Кану Галилейскую: «Что Мне и тебе, женщина? Еще не пришел час Мой»? (Ио. 2, 4.)

XXXVI

Mater dolorosa. – Mater gloriosa, повторяют, от начала мира, голоса веков и народов, в божественной симфонии, как трубы органа в соборе. Только в наши дни умолкли, и наступила тишина мертвая, потому что все звуки мира перед этим – ничто. Мир никогда еще не был так далек от Матери,

как в наши дни; женское никогда еще не было так попрано мужским; никогда еще так не хотели они разделиться и не смешивались так. Наше мужское без женского – война; наше мужское с женским – Содом: два пути к одному.

XXXVII

Может быть, недаром, именно в эти страшные дни нам посланы три великих пророка Матери: Гете, Ибсен и Вл. Соловьев.

«Die Mütter, Mütter! Матери, Матери!» – повторял с удивлением Гете, прочитав однажды у Плутарха об Энгийонских Матерях и глубоко задумавшись, как будто вспоминая что-то или прислушиваясь к чему-то внутри себя, точно к замирающему гулу камня, брошенного в бездонный колодезь (Plutarch., Marcel., XXVII. – A. Dietrich, Mutter Erde, 120).

> Die Mütter! Mütter! – 's klingt so wunderlich!
> Матери! Матери! – как это странно звучит! —

скажет Фауст, перед тем, чтобы «спуститься или подняться», – где низ и верх, неизвестно, – туда, где Матери. Сколько их? Гёте не знает; мы знаем: Три. Но гимном Одной кончается «Фауст»:

> Jungfrau, Mütter, Königin,
> Göttin, bleibe gnädig!

Дева, Мать, Царица,
Милостивой будь!—

молится, пав лицом на землю, Doctor Marianus, и Chorus Mysticus поет:

Все преходящее
Есть только знак;
Ненаходимое
Найдено здесь;
Здесь небывалому
Сказано: будь!
Вечная Женственность —
К этому путь!
Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan!

XXXVIII

В 1898 году, в Архипелаге Эгейского моря – там, где было первое явление Матери, возвещает Вл. Соловьев явление последнее:

Знайте же: Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет!

В трех видениях увидел он плотскими очами Бесплотную;

три имел свидания с Тою, Кого назвать не смеет:

Подруга вечная, Тебя не назову я…

«Здесь, в шутливых стихах, – самое значительное из того, что до сих пор случилось со мною в жизни», – скажет он, скрывая под смехом самое для него святое и страшное, как это делали древние в таинствах, и все еще делают русские юродивые.

Третье свидание – в Египте, у пирамид, таинственных вех в Атлантиду, совершеннейших кристаллов Божественной Четверицы и Троицы.

И в пурпуре небесного блистанья,
Очами, полными лазурного огня,
Глядела Ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня…

Дня, когда сказано: «Семя Жены сотрет главу Змия». Это Вл. Соловьев понял, как никто.

XXXIX

Мать является умирающему Пэру Гюнту, у Ибсена, в образе двойном – его же собственной, старой, ослепшей от слез, матери и вечно юной возлюбленной – Сольвейг.

«Летний день на севере. Избушка в сосновом бору. На по-

роге сидит женщина со светлым, прекрасным лицом и, глядя на лесную дорогу, поет:

Гореньку к *Троице* я убрала.
Жду тебя, милый, далекий…
Жду, как ждала.
Труден твой путь одинокий, —
Не торопись, отдохни.
Ждать тебя, друг мой далекий,
Буду я ночи и дни!

Пэр Гюнт приходит к ней, узнает Невесту-Мать, крепко к ней прижимается, прячет на ее коленях лицо и плачет от радости:

Благословенно первое свиданье
И эта наша встреча в *Духов День*!

Невеста целует его, баюкает Мать:

Спи-усни, ненаглядный ты мой,
Буду сон охранять сладкий твой!

Сон – смерть, пробужденье – вечная жизнь!

Мать ждет всего человечества, так же как Сольвейг ждет Пэра Гюнта; так же убрала для него «гореньку к Троице», и встреча их будет так же «в Духов день».

XL

И в эти наши последние, самые страшные дни, после первой всемирной войны и, может быть, накануне второй, – вот что сказано о Матери:

Каким мне коснуться словом
Белых одежд Ее?
С каким озарением новым
Слить Ее бытие?
О, ведомы мне земные
Все твои имена:
Сольвейг, Тереза, Мария, —
Все они – ты Одна…
И будут пути иные,
Иной любви пора,
Сольвейг, Тереза, Мария!
Невеста – Мать – Сестра!

(З. Гиппиус. Вечно-женственное, 1928)

Если, по слову Достоевского, «красота спасет мир», то это и значит: мир спасет Мать.

10. Елевзинские таинства

I

Номер в плохеньком русском трактире; вид из окон на городскую площадь с желтым губернаторским домом и серой пожарной каланчой; образ с лампадкой в углу; жирные, на красных с золотом обоях, пятна; запах кислых щей и селянки; шмыгающие за дверью шаги половых; стук биллиардных шаров и хриплые звуки органа из общей залы. В номере таком или подобном Митя Карамазов читает Алеше, в одной из тех апокалипсических бесед, какие любят «русские мальчики» у Достоевского, «Елевзинские таинства» Шиллера:

С Олимпийские вершины
Сходит мать Церера вслед
Похище́нной Прозерпины.
Дик лежит пред нею свет…
И куда печальным оком
Там Церера ни глядит,
В унижении глубоком
Человека всюду зрит…

«Друг, друг, в унижении и теперь. Страшно много человеку на земле терпеть… Когда мне случалось погружаться в

самый, в самый глубокий позор разврата (а мне только это и случалось), то я всегда это стихотворение о Церере и человеке читал. Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я – Карамазов. Потому что если уж полечу в бездну, то так прямо головой вниз и вверх пятами, и даже доволен, что в унизительном таком положении падаю, и считаю это для себя красотой. И вот, в самом этом позоре, я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облекается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и Твой сын, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, без которой миру нельзя стоять и быть!

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней Матерью Землею
Он вступил в союз навек!»

Кажется, за пятнадцать веков от конца Елевзинских таинств, лучше о них никто никогда не говорил.

II

Грешного Митю понял святой Алеша. После «Каны Галилейской» – видения над гробом старца Зосимы, – выйдя из кельи с «тлетворным духом» в звездную ночь, он падает на землю, «целует ее ненасытимо» и плачет от радости: «с

древней Матерью Землею он вступил в союз навек».

Поняли бы Митю и Лизавета Блаженная, и Марья Тимофеевна Лебядкина, русские пророчицы, познавшие главную из Елевзинских тайн: «великая мать сыра земля – Богородица».

III

Молится ли Достоевский или кощунствует в этом поклонении Земле? Если христианство, действительно, то, чем нынешним христианам кажется, и ничего более, то ответ несомненен: кощунствует.

Сколько бы мы (будем говорить «мы» для краткости, потому что все нынешние христиане в этом согласны), сколько бы мы ни верили, что Сын Божий сходил и сойдет на землю, – главное для нас не это, а то, что Он сейчас на небе; сколько бы мы ни повторяли: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе», – мы все-таки верим, как верили наши отцы, если не от начала христианства, то от начала монашества, что Божие – небесное, а земное – не-Божие. Действенна в нас только одна половина христианства – ***анод***, «восхождение» к небу от земли, а другая половина – ***катод***, «нисхождение» с неба на землю, – бездейственна; видима нам только небесная половина христианского спектра, а земная – невидима.

Если в этом изначальном религиозном опыте – как относится земля к небу, – мы сравним себя с древними, то пой-

мем, что центр мирового тяготения для нас опрокинулся, и древние нам антиподы, люди, ходящие «вниз головой и вверх пятами», в том самом положении, в каком надо было очутиться Мите Карамазову, чтобы вспомнить, что значит Земля Мать.

IV

Мы знаем только один путь к Богу – анод; древние знают два пути – анод и катод. «Ночь небесная и подземная – одна и та же ночь», – учит Гезиод в Теогонии. «Небо небесное – небо подземное; звезды небесные – звезды подземные», – учат орфики (G. Wobbermin. Relig.-Geschichtl. Studien. 1896, p. 47. – L. Preller. Demeter und Persephone, 1837, p. 55. – Hymn. Orphic., IV, 5).

> Спустись же! Мог бы я сказать и «подымись!»
> Здесь путь один.
> Versinke denn! Ich könnt auch sagen: steige!
> s'ist einerlei,

нехотя открывает Мефистофель, напутствуя Фауста в «подземное небо – царство Матерей, – одну из нездешних тайн.

Gê или dê значит «земля»; mêtêr – «мать»; Dê-mêtêr – «Земля-мать». Это имя открыто всем, но только посвященным – святейшее имя – Chthonia, «Подземная», в особом, не

нашем, смысле.

Два мира, здешний и нездешний, – предпосылка всякого религиозного опыта; значит, и два неба: видимое, продолжающее до бесконечности наш земной порядок, подчиненное нашим земным законам пространства и времени, тленное, обреченное «свиться, как свиток», в конце времен; и другое, невидимое, вечное, где обитает Бог. То же, что эти два неба для нас, для древних – две Земли: видимая Gê и невидимая Chthon. Вот почему, так же естественно, как мы, когда молимся, подымаем глаза к небу, древние опускают их к земле. Скорбным, смертным людям роднее светлого неба темная, как их же собственное сердце, земля. В небе живут олимпийские, блаженные и ничтожные призраки, а в земле – великие, сущие боги. Недра земли для нас бездушная материя, а для древних – живое тело божественной Матери и Возлюбленной вместе.

О, Мать моя! Жена моя!

Там, в Елевзинском анакторе, накоплено было веками преданий, идущих, может быть, от начала мира, такое сокровище любви к этому Святому Телу, что ею люди, сами того не зная, все еще живут и будут жить до конца времен, ибо чудо чудес – превращение земли и Воды в Хлеб и Вино, в Тело и Кровь – Елевзинское таинство Урании-Хтонии, Небесной-Подземной, всегда и везде совершается. Но мы его уже

не видим; клад зарыли в землю и обнищали, как никогда.

Наши отцы любили небо больше земли, а мы разлюбили и небо, и землю, но, по старой памяти, христианство наше осталось «небесным», и это в такой мере, что, если бы Сын Человеческий снова пришел на землю, мы не узнали бы Его и не приняли, потому что Он оказался бы для нас слишком земным. Вот где наша обратность, антиподность, древним: Сына узнали они, потому что знали Мать. Бога сына рождающая Мать Земля, – в этом смысл всех древних таинств, а Елевзинских, особенно.

> Ныне грядущему Господу путь уготован.
> Christon jam tum venieuti… parata via est.
>
> *(Prudent., contra Symmach., II)*

Первые вехи пути – может быть, еще в начале мира, а последние – здесь, в Елевзисе.

V

Хтония, Подземная, – одно из сокровенных имен здешней богини, а другое – «Святая Дева Мать, hiera parthenos mêtêr» (Fr. Lenormant. Cères. – Diction. Daremberg et Saglio, I, II, p. 1050). Вот над кем надругались византийские монахи, под чьим предводительством новообращенные в христианство готы Алариха разграбили, сожгли и сравняли с землей Елевзинское святилище. Людям этим, хотя и не знав-

шим, что они делают, мы, может быть, не скажем: «Бог простит», если вспомним, что это одно из первых в христианстве кощунств, во имя Отца Небесного, над матерью Землей. Так разрушено было «бесовское капище», давнее у христиан бельмо на глазу, по соблазнительному сходству здешних таинств с церковными, – кстати сказать, одной из главных причин нашего скудного знания об Елевзинских, так же как о всех вообще древних таинствах: клятвой посвящения замкнуты уста языческих, а страхом соблазна уста христианских свидетелей. Истину заменяют они благочестивою бранью – мажут горчицей грудь языческой матери, чтобы отучить от нее христианских младенцев. В этом смысле, немногим, пожалуй, лучше других св. Климент Александрийский, «муж все познавший» в мистериях (Euseb., Praeparat. Evangel., II, 2). Тем драгоценнее для нас его нечаянное и невольное признание, – точно вдруг и сквозь горчицу вспоминавшийся младенцу молока матернего сладчайший мед: «Многое, должно быть, в Елевзинских таинствах у Моисея и пророков заимствовано, ибо уму человеческому, светом Божественного Откровения не озаренному, дойти до столь высоких истин невозможно» (Euseb., 1. c.). Климент, конечно, ошибается: боговидцы Елевзинские у Израильских ничего не заимствуют; если же озарены светом Откровения, в самом деле, божественным, то этим только лишний раз доказано, что Дух дышит, где хочет, – в Эллинах, так же как в Иудеях, и что Елевзинский Завет – Матери, может быть, не

менее свят, чем Синайский – Отца.

VI

«Жизнь опостылела бы эллинам, если бы запретили им эти святейшие таинства, объединяющие род человеческий, ta synnechonta to anthrôpeion genos hagiôtata mystêria», – пишет в середине IV века по Р. Х. римский проконсул Эллады, Претекстат, императору Валентиниану I, когда тот объявил указ, воспрещавший все ночные, в том числе, и Елевзинские таинства (Shelling. Philosophie der Offenbarung, 1858, p. 523). Верно понял их Претекстат: здесь, в Елевзисе, сделана первая попытка объединить человечество внутренней, духовной связью; в этом смысле, здесь же заложено и первое основание будущей, христианской всемирности.

VII

Если эллинство – ближайшая к нам вершина древнего мира, а вершина эллинства – Афины; «величайшее же, что создали Афины, – Елевзинские таинства», как утверждает Цицерон (Cicero, de legibus, II, 14), то высшая точка всего дохристианского мира – в них. Как достигалась эта высота, мы не знаем, – здесь тайна мистерий, – но знаем, какою мерою мерилась, – нашей же христианскою мерою жизни вечной, победы над смертью.

Думать, что веришь в загробную жизнь, легко, но трудно действительно верить. «Верующий в Меня ***не увидит*** смерти вовек». Это не отвлеченное, сомнительное, а несомненное, как бы физическое, ***невидение*** смерти доступно только в редчайшие мгновения редчайшим людям – святым. Им-то мы и верим на слово, что за гробом есть что-то, более утешительное, чем хваленое, но никому, в сущности, не нужное, «бессмертье души», потому что нужен весь человек, с душой и с телом, – личность. Слишком напоминают бессмертные души те «пустые тени аида», которые тщетно отпаивает Улисс парной овечьей кровью: отхлебнут, оживут, и тотчас опять умирают.

…Такова уж судьбина всех мертвых…
Улетевши, как сон, их душа исчезает.

(Odyss., XI, v. v. 218, 222)

Так, по Гомеру, «мудрейшему из Эллинов»; «мы умрем и будем, как вода пролитая на землю, которую нельзя собрать», так по Книге Царств (II Цар. 14, 13), а по Ювеналу – по-нашему: «Нынче в тот свет и дети не верят» (Juven., Sat. II, v. 149). Вот естественное состояние человеческой слабости: «Изошел из праха и отыдешь в прах». Этого никакая диалектика в пользу «бессмертия души» не победит:

…Утешения в смерти мне дать не надейся,

как говорит Одиссею тень Ахиллеса (Odyss., XI, v. 488); а победит только потрясающий ***опыт***, равный тому, что испытывает любящий, слыша стук земли о крышку гроба, где лежит любимый. Кажется, в Елевзисе и происходил такой опыт, тоже, конечно, в мгновения редчайшие, у редчайших людей, но, как мы увидим, передавался всем, продолжаясь и усиливаясь, благодаря особому строению таинств, как малейший звук продолжается, и усиливается под громово-гулкими сводами. Именно такое «опытное знание», молнийно-ослепительное, как бы плотскими очами, ***видение*** чего-то за гробом, ***«лицезрение», epopteia***, по глубокому здешнему слову, чувствуется во всем, что говорят древние о «блаженстве» посвященных.

> Счастлив *видевший* то из людей земно-родных;
> Кто же тайны не ведает и жребия в том не имеет,
> Участь неравную с видевшим будет иметь после смерти,

говорит неизвестный слагатель так называемого «гомерова» гимна Деметре, с первым, дошедшим до нас упоминанием об Елевзинских таинствах, вероятно, ионийский аэд Гомеровой школы, VII века (Homer., hymn., ad. Demetr. – G. Anrich. Das Antike Mysterienwesen, 1893, p. 10). Теми же почти словами скажет Пиндар:

> Счастлив, кто это видел,
> перед тем, чтоб в могилу сойти:

жизни познал он конец,
познал и начало ее, богоданное.

(F. Foucart. Mistèren d'Eleusis, 1893, p. 49)

Смысл главного слова «видел» в обоих «блаженствах» – не иносказательный, а прямой: в том-то и заключается «блаженство», что человек, действительно, испытал, ***видел***, – хочется опять сказать, «физически» видел (пусть из многих тысяч только один, но если из соседней комнаты нам говорят: «Вижу», то и мы видим), человек, действительно, что-то видел, после чего перестает или чувствует, что может перестать, тоже «физически», видеть смерть. Жало смерти все еще жалит, но уже не так; зной смерти все еще тяжек, но уже повеяло прохладой.

«В них (Елевзинских таинствах) мы научились не только счастливо жить, но и с лучшей надеждой умирать. Neque solum sum laetitia vivendi rationen accipimus, sed etiam cum spe meliore moriendi», – даже за этою цицероновскою холодноватою гладкостью чувствуются не пустые слова, а дело (Cicero, de legibus, II, 14). Духу не хватило бы у доброго, умного Плутарха, утешая жену свою в смерти любимой дочери, напоминать о чем-то ими обоими «виденном», «испытанном», в родственных Елевзинским, Дельфийских, Дионисовых таинствах, если бы и он не чувствовал, что говорит не пустые слова (Plutarch., Consolat. ad. uxor., c. X).

Тайну прекрасную людям открыли блаженные боги:

Смерть для смертных не только не зло, но великое благо,

в этой надписи на изваянии Елевзинского иерофанта Главка, II века до Р. Х., выражено блаженство посвященных, может быть лучше и проще всего (Foucart, Les Mysteres d'Eleusis, 1914, p. 367).

VIII

Кажется, кроме греков, не было никогда другого великого народа с такою ничтожною религией, как греческая мифология. В сущности, это и не религия вовсе, а легкою дымкою сказок едва прикрытое безбожье. Религиозный учитель греков, по слову Гераклита, «мудрейший» из них, Гомер, – в видимой половине мира, ясновидящий, а в невидимой – слепец, каким и сохранился баснословный образ его в народной памяти. Боги Гомера, красивые, злые и порочные дети, хуже людей. В смерти людям не помощники: лица свои от смерти отвращают, чтобы вид ее не омрачил их блаженства. Людям помогают в смерти только «подземные», chthonioi, боги мистерий. Перед Деметрой Скорбящей, Achea (от achos – «скорбь»), столь хваленый Гомером, «Смех» Олимпийских богов просто глуп (Fr. Lenormant, 1. c., 1056). В мертвой пустыне мифологии бьет родник живой воды только здесь, в мистерии.

Надо иметь раскаленный кусок чугуна вместо сердца, ка-

кой имел Кальвин, чтобы верить, что весь человеческий род до Христа погиб. Если же люди и тогда спасались, то были и места спасения. Одно из них – Елевзис. Но и тогда, как теперь, тесен был путь и узки врата жизни. «Всюду гибель, только здесь спасение», – это хорошо сознают посвященные.

Трижды блажен, кто нисходит в
обитель Аида,
Таинства эти узрев, —
Им одним бесконечная жизнь,
Прочим же все будет зло,

говорит Софокл (P. Foucart, Les mysteres d'Eleusis, 1893, p. 49). «Будут лежать после смерти во тьме и в грязи», en skotô kai borborô, знает участь непосвященных и Аристид Ритор (P. Foucart, 1. c., 54).

Нам, ведь, только одним,
Тайну святыни познавшим,
Радостно солнце сияет,

поет у Аристофана хор посвященных (Зелинский. Древнегреческая религия, 108). Светит иначе и здешнее солнце очам, увидевшим нездешнее. Ту же Елевзинскую тайну, может быть, о ней и не думая, выразил Гете:

Und so lang du das nicht hast,
Dieses: «Stirb und verde»,

Bist du nur ein truber Gast
Auf der dunkler Erde.
И доколе не постигнешь
Этих слов: «Умри и будь»,
Темным гостем будешь в мире
Проходить свой темный путь.

IX

В чем же заключаются для посвященных «надежды сладчайшие», hêdysterai elpidai, по слову Пиндара? (Новосадский. Елевзинские мистерии, 1887, с. 155.) «В древности, афиняне называли умерших ***деметрии***», – сообщает Плутарх (Plutarch., de fac. in orb. lun. – Schelling, Ueber die Cottheiten). Это забытое древнее имя помнили и понимали только елевзинские посвященные. Прочие люди, теряя в смерти лицо свое, лежат в земле, безличные, как сваленные в общую могилу, тела убитых на поле сражения, или песчинки в куче песка; только посвященные, вступая в кровный союз с Матерью Землей, получают от нее бессмертное лицо – личность, и, если их будет больше, чем песка морского, – каждого из них, в день воскресения, узнает она в лицо, назовет – вызовет по имени из гроба, и спасет, как дитя свое спасает мать.

X

Семени, чтобы расти, нужна темнота, а сердцу, чтобы веровать, – тайна. Если мера всякой религии тайна, то и по этой мере, греческая мифология не религия вовсе: в ней все открыто всем, как на большой дороге или на торжище; светло, ослепительно, – глазу негде отдохнуть. Но вот, мистерия, и сразу тайна, тень. Только здесь начало религии – душа эллинства. Это и само оно чувствует и тайну таинств, как душу свою, бережет; знает, что сердце открыть, значит убить.

Всюду солнечный день, только здесь, в мистериях, ночь; всюду «святое» – «светлое», только здесь – «темное». «Бог во мраке живет», здесь так же, как на Синае, поняли.

Сходство елевзинского зодчества с египетским недаром находили тайнолюбцы, египтяне: те же грозные, древние, циклопической кладки, как бы крепостные, стены; тот же постепенно сгущающийся при входе в многоколонное святилище, как в дремучий лес, таинственный сумрак, и совершенный мрак во святом святых (P. Foucart, 1. c., ed. 1914, p. 225).

Грозны стены, грознее закон: за вход непосвященных в перибол, святую ограду, и за разглашение тайны – смерть. Алкивиад, угрожаемый казнью, бежал из Афин, а нескольких друзей его казнили. Эсхил едва не погиб, кажется, за последние слова Прометея с намеком на одну из елевзинских тайн – конец Олимпийских богов. Даже рабы, допускаемые внутрь

перибола для строительных работ, посвящались, чтобы связать их клятвою молчания (Foucart, 347). Двух акарнейских юношей, нечаянно вошедших в ограду святилища, приговорили к смерти; хотя и ясно было, что они вошли по ошибке, их все-таки казнили за это, как за «несказанное злодейство, nefandum scelus», сообщает Тит Ливий (T. Livius, XXXI, 13). Кто-то из посвященных привлечен был к суду за разглашение тайны только потому, что на вопрос собеседника, похож ли виденный им во сне обряд на посвящение, кивнул головой молча. «Во всем, что касается Деметры и Елевзиса, вы, афиняне, люты, deinoi», – замечает Сопатр Ритор, рассказав этот случай (Новосадский, 50).

Люди, даже под угрозой смерти, болтливы, как видно из истории всех тайных обществ. Но вот, за пятнадцать веков Елевзиний, из множества посвященных всех племен, состояний, полов и возрастов, никто ничего не открыл, так что, если бы не христиане, мы ничего бы не знали о таинствах. Трех внешних оград – камня, мрака, смерти – мало, чтобы так сохранить тайну; нужна и внутренняя ограда священного ужаса. «Не бо врагом Твоим тайну повем», это и мы говорим, но не делаем; древние делали, и уже по одному этому видно, чем были для них таинства.

XI

«Сказанное», «сделанное», «явленное», legomena,

dromena, deikmymena – три главные части таинств (Foucart, ed. 1893, p. 57). Внутреннейшая, к сердцу их ближайшая и главнейшая часть – последняя, что согласно с глухим намеком Аристотеля: «Не узнавать что-либо должны посвященные, а ***испытывать***, ou mathein ti dein, alla pathein (Aristotel., fragm. 15. – Fracassini, Il misticismo greco, 30), и, может быть, с таким же намеком Гераклита: «Глаз вернее уха» (E. Pfleiderer. Die Philosophie des Heraclit von Ephesos, 1886, p. 62). Это и значит: «Явленное», виденное глазом, вернее сказанного, слышанного ухом. Среднее между ними, связующее звено – «сделанное» или точнее «делаемое», «совершаемое» в мире всегда («это было не однажды, но всегда есть», по Саллюстию), мы знаем лучше всего, по дошедшему до нас от VII века, но, вероятно, сохранившему следы неизмеримо большей, может быть, доэллинской, пелазгийской, древности, «Гомерову» гимну о двух елевзинских богинях, Деметре и Персефоне, Матери и Дочери. «Део (Деметры) и Коры (Персефоны) тайное действие, drama, блуждания, похищения и страдания („страсти“) – ***являет*** Елевзис, при свете факелов», – сообщает св. Климент Александрийский, бывший посвященный в таинства (Clemens Alex., Protropt., IV, 27). Кажется, недаром и здесь точное, тайное слово: «являет».

Судя по раскопкам, главная часть Елевзинского храма, телестерион, têlesterion, огромный зал посвящений – не что иное, как театр с полукруглыми рядами ступеней-лавок для

3000 зрителей (O. Rubensohn. Die Mysterienheiligtümer in Eleusis und Samothrake, 1892, p. 25). Здесь и являлось, за четвертною оградою – каменных стен перибола, ночного мрака, клятвы молчания и священного ужаса – тайное «действие» Део, Коры и Вакха, Матери, Дочери и Сына.

XII

Что такое Деметра, мы, может быть, лучше поймем, если узнаем, откуда она.

> Именем нежным Део назвала меня матерь святая;
> С Крита я к вам приплыла чрез широкопучинное море,

говорит сама богиня в гимне Гомера, являясь людям в человеческом образе (Homer. hymn., ad Demetr.). Первая веха – Крит, вторая – Египет. «Таинства Деметры те же, что Изиды, только имена различны», по Диодору (Diodor., I, 96), что подтверждается египетским изваяньицем Изиды, найденным в древнейших слоях елевзинских раскопок (Foucart, ed. 1914, p. 20). Третья веха – Северная Африка, Ливия. Тесмофориям («законодательным» таинствам Деметры) научили пелазгийских жен, по Геродоту, дочери Даная» (Herodot, II, 171) – те же амазонки, по Эсхилу, – амазонки, чья родина Ливия, может быть, «Атлантская колония», по Диодору. Веха четвертая – берег Атлантики, где кельты-друиды поклонялись «Деве, имеющей во чре-

ве», Vigro paritura, может быть, родственной Брассемпуйской пещерной Изиде Ледниковой древности (A. Jeremias. Die ausserbiblische Erlösererwartung, 1927, p. 342). И, наконец, пятая, последняя веха – Атлантида. «Житель Гипербореи, Абарис, певец, прилетевший на золотой стреле в Лакедемон, принес в него почитание Персефоны и воздвиг ей первое святилище», – сообщает Павзаний (Gattefosse, La vérité sur l'Atlantide, 1923, p. 56). Критскую мечту Дедала Механика о человеческих крыльях напоминает эта золотая стрела Абариса. Где же находится Гиперборея? «В Атлантике, против земли Кельтов», – по греческому историку IV века, Гекатею Абдерскому (Hecat. Abder., Fragm. Hist. Orec., II, p. 386, fr. 1. – J. Carcopino. La basilique Pythagoritienne, 1927, p. 300), – следовательно, в полуночной части того Атлантического материка или острова, который миф называет «Атлантидой».

Чтобы в голом вымысле и только случайно указано было с такою географическою точностью, пятью вехами, направление пути, и чтобы вехи эти поставлены были в должном порядке мифами, столь различными по своему происхождению, – очень мало вероятно; вероятнее, что направление это соответствует чему-то действительному, если не во внешних событиях, то в религиозном опыте преистории; кажется, здесь, в самом деле, кто-то прошел или что-то прошло, оставив легкий, но верный ряд следов. Если так, то и Деметра оттуда же, откуда все прочие боги мистерий, – из Атланти-

ды; носит недаром и она, подобно им всем, два смиренных знака на божественном теле своем – вулканического пламени обжог и потопной тины празелень.

Там, в Атлантиде, первая веха пути, а последняя, ближайшая к ним, здесь, в Елевзисе.

XIII

Вспомним глухой, едва ли тоже не елевзинский, намек Павзания (Pausan., IX, 39, 5): «Деметра есть Европа»; вспомним, чем была Европа на пути к христианской всемирности, – и мы поймем, почему Елевзинские таинства, по вещему слову Претекстата, «объединяют весь человеческий род».

Имя «Европа» значит, по Гезихию, «Страна Заката», «Сумеречная», «Темная», skoteinê, а одно из имен Елевзинской Деметры – «Скорбящая», Achea; та же скорбь в именах и «Атлантиды» – «Атласа» от корня ***tlaô***, «терплю», «страдаю» (Hesych. s. v. Europê. – Cook, Zeus, 531). Если бы мы поняли, как следует это скорбное, темное, к темному Западу обращенное, лицо Европы-Деметры, то, может быть, поняли бы, что елевзинская тайна – не только языческая, прошлая, чужая, но и родная, будущая, христианская тайна Запада. Ту разгадать, значит разгадать и эту.

XIV

Кора-Персефона и Деметра – Дева и Мать: первое значение слова korê, не «дочь», а «дева». Две богини потом, а сначала одна: Дева-Мать или, вернее, Дева в Матери; в явном лице – тайное, как это и с человеческими лицами бывает (Harrison, Prolegomena, 274. – Fracassini, 431). Имя «Персефона», значит «Губящая» – смерть (Preller, 10). Персефона в Деметре – смерть в бессмертной, скорбь в блаженной, подземная в небесной; память «верхнего неба» о «нижнем», «звезд небесных» – о «подземных», – память и тоска по ним, потому что и в небе, как на земле, царит вечный закон «катода», «нисхождения». Первая черная точка скорби земной в небесной радости, как бы черная мушка на снежной белизне Олимпа, – вот что такое Персефона в Деметре, Хтония в Урании. Первая точка, но не последняя: некогда восстанут из подземных глубин титанические, может быть, самою же богинею вызванные, тени и пересекут лучезарный Олимп, как бы черного солнца черным лучом, черным клином вклинятся в белый Олимп. В тень войдет Деметра и уже не выйдет из тени; спустится по черному лучу с неба на землю.

Так родится Персефона, и с нею – уже не первая Земля, Небесная, Урания, а вторая – Земная, Подземная, Хтония, – наш мир.

XV

Incipit tragoedia, трагедия начинается идиллией. Сцена елевзинского театра в телстерионе, перед тремя тысячами зрителей, в глухую осеннюю ночь, при свете факелов, изображает – «являет» – земной рай, Золотой век, – первую весну земли, утро мира, на цветущих у Океана, Низейских лугах. Кора-Персефона, девочка, должно быть, лет тринадцати, как та Ледниковая «Изида» Брассемпуйской пещеры или критская богиня Мать, Ева в раю до Адама, сама счастливая, как первая весна земли, играет, пляшет на лугу, в хоре океанид, собирает цветы – лилии, розы, фиалки и молнийно-белый шафран – все цветы жизни и радости.

> Цвет нарцисса, взращенный по воле Крониона Зевса,
> Девам прекрасно-ланитным на горькое горе и гибель,
> Аидонею, хозяину многих гостей, на утеху, —
> Чудо-цветок, радость очей для бессмертных и смертных,
> —
> Стебель один отягчается пышною гроздью, стоцветной,
> Чьим благовоньем земля веселится, и небо и море.

Но только что сорвала его, как разверзлась под нею утроба земли, выкатил из нее на конях огнедышащих Аидоней, царь подземного царства, подхватил Персефону и умчал в преисподнюю (Homer. hymn., ad Demetr. – Fr. Lenormant.

Monographie de la voie sacree Eleusinienne, 1864, p. 285).

XVI

Что все это значит, мы лучше поймем, если узнаем, где все происходит. Поздний миф уже забыл об этом, думает, что Низейские луга – на Крите. Нет, там же, где обитают спутницы Коры, океаниды, дочери Океана – Атласа, – в Атлантике, на крайнем Западе, «Закате всех солнц», – в Атлантиде Золотого века, земном раю.

Что такое Нарцисс, губящий деву цветок? Имя его, Narkissos, – от корня narkan, «опьянять», «одурять», «погружать в беспамятство» (Fr. Lenormant, 285). Высшее опьянение жизнью – жизни конец, срыв и падение в пропасть – смерть. Бледный цветок могил, «тяжелопахнущий», baryodmos, страшно-сладким тленом любви-похоти («всякое половое соитие подобно убийству») – вот что такое Нарцисс. В жизни всего человечества, как и в жизни каждого человека, наступает минута, когда душа его видит смерть. Эта минута – смертный цветок, Нарцисс.

А похититель Коры, Аидоней, кто? Тот же Вулкан – критский Вельхань, Velchanos, Посейдон Гомера, «земли колебатель», бог потопов и землетрясений, задвинувший город феакийцев «великой горой», и Атлантиду – великою бездною, – бог Океан-Атлас.

Если так, то гибель Персефоны есть гибель Атлантиды,

первого человечества. Знали же о ней в Саисском святилище Изиды, – могли знать и в Елевзинском. «Таинства Деметры те же, что и Изиды, только имена различны», по Диодору.

Вопль погибающей Дочери к Матери, первой Земли ко второй, повторяло за сценой елевзинского театра огромное, медное, жезлом иерофанта ударяемое било или кимвал, ***эхейон***. Если мы вспомним, что орфики, учителя таинств, предвосхищая догмат иудео-христианских апокалиптиков, знали о предстоящем конце мира, одном из повторяющихся мировых «пожаров» и «потопов», то мы поймем, что громоподобное эхо ехейона, в святой тишине елевзинской ночи, возвещало не только бывший, но и будущий Конец.

XVII

Здесь начинается второе действие трагедии – «страсти», страдания Деметры.

Вопль Персефоны услышала Мать, кинулась на помощь к Дочери, но поздно: земля над ней уже сомкнулась, как вода – над затонувшей Атлантидой. Обе исчезли бесследно, никто не знает куда, как не знает никто из живых, куда уходят мертвые.

Взглянул я на небо, – и вот, тишина,
Весь же род человеческий в перст отошел…
Сел я, поник и заплакал.

(Gilgam., XI, v. v. 133–138)

Плачет вавилонский Ной, Атрахазис, – плачет и Деметра.

Смерть человека и человечества – исчезновение бесследное, – вот чего не прощает Мать Земля небесным богам; гибели первой земли не прощает вторая: так же восстает за людей на богов титанида Деметра, как титан Прометей. Смерть узнала через любовь; узнала и то, чего не знают бессмертные: смерть людьми непростима; люди могут простить богам все обиды, кроме этой; перед этой виной богов, что все вины людей? Это узнав, лучше захотела страдать и умирать с людьми, чем с богами блаженствовать; горький хлеб земной предпочла небесной амброзии, темные лачуги людей – олимпийским чертогам. Вольно умалилась, великая; гордая, вольно смирилась, даже до смерти.

…Кто так умел страдать,
Род человеческий достоин был создать,

можно бы сказать и о ней, Титаниде, как о титане Прометее сказано (Marcial., Epigram. – Вяч. Иванов. Религия страдающего бога. «Новый Путь», 1904, I, 116).

XVIII

Так, по одному сказанию, а по другому, – гибели первой Земли, Персефоны, не только богам, но и себе не прости-

ла вторая Земля, Деметра. Горем и гневом обуянная, страшная, дикая, простоволосая, как Евменида, поджигательница-ведьма, с дымно-тлеющим факелом в каждой руке, над землею носится; жалость забыла и к людям, детям своим, или помнит: надо победить смерть, а если нельзя, то лучше сразу конец. Землю, себя самое, прокляла проклятием бесплодья.

…Тщетно волы волокут сохи кривые,
Тщетно падают в борозды хлебные зерна;
Юных ростков не дают семена…
Ибо Деметра пышно-венчанная их под землею связала.

Так, в Гомеровом гимне (Homer. hymn., ad Demetr. v. v. 306–309), и в древневавилонском – так же:

…Связала Иштар плодородье земли…
Сосцы свои от земли отвратила Низаба,
Зреющей жатвы богиня…
За ночь поля побелели,
Едкою солью покрылись.
Зелень не всходит, жатва не зреет;
Горе людей постигает.
Ложесна матерей затворились,
И дитя не выходит из чрева.

(H. Gressmann. Altorientalische Texte und Bilder, 1909, I, 61–62)

Род человеческий обречен на гибель: Мать убивает себя

вместе с детьми. Но убить себя не может, бессмертная. Только плачет над землей, первой, погибшей, и второй, погибающей, как птица над разоренным гнездом. «Где Кора? где дочь моя?» – спрашивает всех живых, но живые не знают, где мертвые. Чтобы сойти к Дочери, ищет хода в подземное царство, пути из этого мира в тот; но нет путей. Ищет Живой Воды, чтобы воскресить Дочь; но нет Воды Живой, все – мертвые.

Путь ее тот же, как всех богатырей солнечных, искателей вечной жизни – Гильгамеша, Геракла, Еноха, – путь солнца с Востока на Запад. Только на Западе найдет Богиня то, чего ищет. Запад, Геспер, бог Вечерней Звезды, укажет ей путь в царство мертвых и даст Живой Воды. С нею сойдет она в Ад, воскресит Кору и выведет из Ада: первый мир, Атлантида, будет спасен вторым; а если и он погибнет, то будущим, третьим.

XIX

Как только ноги твои, о святая,
Могли донести тебя до края Закатного моря,
До людей чернoликих, до сада Яблок Златых!

поет Каллимах (Callimach, Hymn., ad Demetr.). Надо бы сказать «до людей ***красноликих***». Мимо Колумбовых спутников и диких туземцев, таино-араваков с о. Кубы, людей

Востока и Запада, сошедших во Флориде с двух противоположных концов мира, в поисках Живой Воды, как две исполинские, в одной точке пересекающиеся параболы, могла бы повеять того же ищущей Елевзинской Деметры тень.

XX

«Сад Гесперид, – по Гезиоду, – на островах Закатного моря» (Атлантики) (Hesiod., Theogon., v. 215). Золотые плоды Гесперид – плоды с райского Древа Жизни, Еноха, – злак Жизни, Гильгамеша; там же и родник Живой Воды, и вход в Царство Мертвых – Amenti египтян, Arallu вавилонян, Avallon кельтов, Nekyia греков.

«Где, на краю света, Океан разверзает лоно свое коням Солнца, тяжелодышащим, там Гесперид живут, дочери Геспера-***Атласа***», по Овидию (Ovid., Metamorph., 1, IV).

Атлас-Аидоней похитил Персефону; он же и возвратил ее Матери; погубил и спасет; тайну смерти – Воду Жизни – вечную жизнь, откроет только он. Что это значит, мы поймем до конца лишь во второй, святейшей части Елевзинских таинств, где Атлас-Аидоней будет сыном Деметры, Дионисом, так же страдающим, как Мать, – в божественной троице: Мать, Дочь и Сын.

XXI

Все это ***было***, Деметра нашла Персефону, – думает миф, но мистерия знает, что не было еще – только будет. Скорбный путь Деметры не кончен – путь всей земли во времени к вечности – от умирания живых к воскресению мертвых.

XXII

Два мифа сплетены в Елевзинской мистерии, мы не знаем как, – знаем только, что в обоих тайна ее совершается. Первый миф приводит нас к Атлантиде, второй – к Елевзису, и оба соединяют их. Первый – говорит о «сошествии» богини в Ад, katabasis; второй – о «пришествии» в мир. Греческое слово Eleusis и значит «Пришествие». Здесь, в Елевзисе, нашла богиня то, чего искала, – долгого пути конец.

XXIII

Старою старухою, нищей странницей с босыми ногами, пыльными, израненными до крови, в темном вдовьем рубище, с темным покровом, на лицо ниспадающим, пришла богиня в Елевзис и села на камень при большой дороге, у Каллихорского источника (Kallichoros) под старой, дуплистой маслиной. Пришли с кувшинами к источнику и дочери царя

Келея, почерпнуть воды для царского дома, и увидели странницу. «Кто ты? откуда?» – спросили.

С Крита я к вам приплыла через многопучинное море.
Именем нежным Деó назвала меня матерь святая.
Воры морские, похитив меня, увезли на чужбину.
Я убежала от них, и вот, по дорогам скитаюсь…
Милые девушки, дайте мне отдохнуть, приютите!

(Homer. hymn., ad Demetr.)

В каждой старой, одинокой, всеми покинутой женщине, «о своем ребеночке плачущей», есть великая богиня Деметра, всех скорбящих Матерь. Сердцем это поняли царевны; приютили, бездомную, утешили горькую, и тотчас потекла Вода Живая в Каллихорском источнике, и солнце на небе засияло радостно, потому что тайна любви совершилась.

Нам, ведь, только одним,
Тайну святыни познавшим,
Радостно солнце сияет!

XXIV

Чудным даром хочет одарить богиня царевен: сделавшись кормилицей Келеева сына, Демофонта, колдует над ним по ночам, кормит грудью, умащает амброзией и кладет его в

огонь очага, как живую головню, чтобы выжечь из тленного тлен: так обжигает сырую глину горшечник. Но однажды подглядела за нею царица Метанира, мать младенца, испугалась, вбежала, закричала. Гневом озарилось лицо богини, кинула дитя на руки матери, и светом озарилась ночь, воздух наполнился благоуханием. Смертная узнала богиню и пала к ногам ее, молящая. Та повернулась, чтобы уйти, но, перед уходом, велела воздвигнуть храм, где будут совершаться великие Елевзинские таинства.

Здесь греческий миф о Деметре почти дословно повторяет египетский миф об Изиде (Plutarch., de Iside et Osiride, c. XV). В этой простенькой сказочке, – старая бабушка, сидя за прялкой, при свете лучины, могла бы ее рассказывать внучкам, – выражен глубокий смысл Елевзинских таинств: не бессмертие души, а воскресение плоти. Этого не знают ни Сократ, ни Кант, но знает ап. Павел.

XXV

Сразу хотела богиня спасти людей от смерти, но поняла, что сразу нельзя – можно только постепенно, медленно, в «трудах и днях», в веках-вечностях – развивающихся циклах космоса.

Чем же утешил Скорбную Мать Елевзис? Тем, что только здесь приняла она и полюбила людей, как они есть – малых, грешных, слабых, слепых, и таких же великих, как она сама,

потому что так же страдающих и любящих; здесь же поняла она, что можно победить смерть в людях только с людьми; и еще поняла, что не победит и с людьми одна, – нужен еще кто-то другой, Неизвестный.

Нет, путь ее не кончен в Елевзисе, – только начат, – путь от первого человечества через второе – к третьему; от Отца через Сына к Матери.

XXVI

Очень далекий, будущий дар богини – победа над смертью, а два настоящих, близких дара – хлеб в полях и мир в сердцах. Мать Земля – Плодоносящая и Законодательная, karpophoros, thesmophoros, – с чудною простотою выражено это в позднем, греческом гимне Деметре-Изиде:

Я – богиня, дающая силу Закону;
Я мужа с женой учредила союз,
Я с братом моим, Озирисом,
Положила конец людоедству;
Я даровала людям хлебный злак.

(P. Foucart, ed. 1893, p. 15)

Кроманьоны, наши европейские праотцы, люди второго мира, после гибели первого, были хуже дикарей – одичалые.

Робок, наг и дик скрывался

Троглодит в пещерах скал…
Плод полей и грозды сладки
Не блистают на пирах,
Лишь дымятся тел остатки
На кровавых алтарях.

Но пришла Деметра, – плод полей заблистал, и алтари от крови очистились.

Мир и хлеб, – этими двумя дарами все еще живо человечество; с ними все еще святая Европа – святая Деметра. Люди поклонились ей первой, сначала в зверином образе Стэатопиги, Тучнозадой, а потом в человеческом – Брассемпуйской пещерной «Изиды»; и, может быть, еще не умея молиться устами, уже молились ей сердцем. И, если бы мы не одичали хуже наших Ледниковых праотцев, то могли бы и мы повторить вавилонскую молитву Матери, одну из древнейших человеческих молитв:

Всемогущая Царица милосердная Заступница,
Нет иного прибежища, кроме тебя!

(Д. Мережковский. Тайна Трех, 315)

XXVII

Сцена «пришествия» – последняя в Елевзинской трагедии. Кажется, после нее бóльшая часть зрителей уходит из

храма, и остаются в нем только посвященные третьей степени, «лицезрители», epoptoi: первая степень – «очищение», katharsis; вторая – «посвящение», myesis, третья – «лицезрение», epopteia (G. Anrich, 25). В опустевшем храме, «лицезрители» совершали обряд «Сошествия в ад», katabasis eis Haidou (P. Foucart, 1893, p. 66): вслед за Деметрой, «деметрии» – заживо умершие, – «умереть, значит быть посвященным в Великие Таинства» (Ad. Jacoby, Die antike Mysterienreligionen und das Christentum, 17), – нисходили в Ад, так же, как некогда Орфей, а потом Пифагор, Виргилий, Данте; и пройдя через «круги» или «пещеры» Ада, изображенные тут же, в Телестерионе, или в нижнем, подземном святилище, вступали в «Обители блаженных», где, может быть, и совершалось причащение «кикеоном», kykeôn – смесью молока, меда, муки, сыра, корицы, винограда и смокв, – кормление новорожденных в вечную жизнь, молоком матери, – «обетованной, молоком и медом текущей земли» (Porpher, Vita Pythag., 34–35).

XXVIII

Что «испытывали», по слову Аристотеля, елевзинские лицезрители, при «сошествии в ад», видно из намеков Плутарха: «слово и дело сходствуют в таинствах»; «умирать», «кончаться», teleutân и «посвящаться», teleusthai. Долгие сначала блуждания (может быть, в лабиринт подземных пещер)

– бесконечные во мраке ходы; перед самым концом, страх, трепет, дрожание, холодный пот, ужас… И вдруг – ***Свет***… ясные луга с хорами и плясками… видение богов… Там человек, увенчанный, живет со святыми и видит на земле толпы непосвященных, валяющихся и давящих друг друга во тьме, в грязи, в медленных страданиях от страха смерти и неверия в блаженство загробное» (Plutarch., de immortalite animae. – P. Foucart, ed. 1893, p. 56).

Эти ясные луга – Низейские, те самые, где Кора собирала цветы, в Атлантиде Золотого века, в земном раю.

XXIX

В южно-италийских городах IV–V века до Р. Х., когда процветали здесь пифагорейские, связанные с Елевзисом, тайные общества, а также на о. Крите, в Елевферне (Крит – родина всех древнейших, может быть, Средне-Атлантических таинств), найдены так называемые «Орфические скрижальцы», lamellae orphicae, тонкие, свернутые в трубочку, золотые листики в шестигранных цилиндриках, подвешенных на золотой цепочке, как талисманы, к шее покойников, или положенных им под руку.

Листики исписаны такими же, как в египетской Книге Мертвых, заклятьями для благополучного, по загробным мытарствам, прохождения души. В надписях, вверенных тайне гроба, никем из живых не читаемых, легко могли со-

храниться нашептывания на ухо елевзинским лицезрителям, при «сошествии в ад», «неизреченные» слова, aporreta, а значит, и до нас могли они дойти в таинственном шелесте этих золотых листьев с Древа Жизни, упавших в могильную ночь.

> Там, в обители Ада, обретешь ты по левую руку
> источник и рядом белый кипарис; бойся к нему подходить.
> Там же и другой источник – студеной воды, текущей из Озера Памяти.
> Стражам, его стерегущим, скажи: «я – сын Земли и неба многозвездного;
> знайте: я, как и вы, рода небесного.
> »Жажду, умираю от жажды»! Дайте же мне студеной воды из Озера Памяти.
> И дадут тебе испить из Божественного Источника, и с полубогами будешь царствовать.
>
> *(P. Foucart, od. 1893, p. 67)*

Это надпись на петилийской, у Сибариса найденной скрижальце. «Даруй тебе Озирис студеной воды», – повторяется часто и в других южно-италийских гробничных надписях того же времени, IV–V века.

«Жажду, умираю от жажды», – этому как будто отвечает: «Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром». – «Кто жаждет, иди ко Мне и пей». – «Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек» (Откр. 29, 17. – Ио. 7, 37; 4, 14).

Вот о какой воде шелестят нам золотые листья над Озером Памяти.

XXX

> Когда покинет душа твоя свет солнца, гряди одесную, как подобает мудрому.
> Радуйся, невыносимое вынесший, сделавшийся богом человека, в молоко матки упавший козленок!
> Радуйся, радуйся! Гряди одесную к святым лугам и рощам Персефоны!

сказано в надписи на елевфернской скрижальце. Что за грусть в этом «радуйся»! Точно и здесь, в светлом Элизии, темная дымка заволакивает все. Да и в той петилийской надписи, как жуток «белый кипарис», точно поседевший – от какого ужаса?

> «Чистый от чистых, гряду я к тебе, Царица подземная, и к тебе Евклис, Евбулей, и к вам, все боги подземные.
> Ибо некогда и я хвалился тем, что рожден от вашего рода блаженного,
> но Парка и прочие боги бессмертные смирили меня звездно-блистающим громом.
> Излетел я из страшного круга, многострадального, и быстрой стопою вступил в желанный венец…

Счастлив, о, счастлив ты, сделавшийся богом из смертного, в молоко матки упавший козленок»! —

сказано в другой петилийской надписи (P. Foucart, 67).

Вспомним Аттиса, «Пастыря белых звезд», белых коз – душ человеческих, у Млечного Пути, Галаксии: души, вслед за Пастухом своим, нисходят на землю – рождаются – падают в земные тела, а выходя из них, умирая, возвращаются туда, откуда пришли – падают обратно в Млечный Путь – в молоко матери – Небесной-Подземной, Урании-Хтонии: «путь вверх и вниз – один и тот же путь». Вот что значит «в молоко матки упавший козленок», и елевзинское причастие кикеоном – молоком с медом, пищею новорожденных – воскресших в вечную жизнь (Dietrich, 35. – Reinach, 35. – Carcopino, 313).

Первые христиане, как мы узнаем от бл. Иеронима и Тертуллиана, сохранили то же причастие: «Трижды погружаемся в воду купели и, выйдя из нее, вкушаем смесь молока с медом, lactis et mellis concordiam pregustamus» (St. Hieronym., Altercatio Lucif. et orthodox. —Tertuil. de corona militis, III).

Это и значит: сколько бы горчицей ни мазали грудь языческой матери, помнят христианские младенцы молока ее сладчайший мед.

XXXI

«Свечение», photismos, так называлось то, что про-

исходило в Елевзинских таинствах, после «сошествия в ад» (Fracassini, 56). Здесь уже начинается вторая Дионисова часть мистерии, но, так как нельзя понять первой без второй, скажем о ней кое-что заранее.

После «сошествия в ад», все огни в святилище гасят, и оно погружается в мрак. Множество вышедших из него давеча, после трагедии, стоит извне и пристально, молча, затаив дыханье, смотрит на громаду его, угольно-черную в звездном небе, где, в наступившей тьме осенней ночи, белее течет Молоко Матери – Млечный Путь. В замершей толпе такая тишина, что слышно стрекотанье кузнечиков в поле, кваканье лягушек на Ритийском болоте-озере (Rheitoï), и где-то очень далеко однозвучно-жалобный крик ночной птицы, как плач Деметры над Корой. Вдруг, точно искорки по угольно-черной, истлевшей бумаге, начинают бегать в святилище огни, красные от факелов, белые от лампад и светильников; все больше, больше, ярче, ярче, – и в бесчисленных огнях, сияет весь храм, как солнце в ночи: «Елевзинские ночи светлее солнца сияют» (Foucart, 57). Кажется, вся великая равнина Елевзиса, от Саронийского залива до темных Дафнийских ущелий, озарена, как зарей, розовым заревом. Свет ярчайший изливается из круглого фонарика – «ока», opaion, – в крыше анактора, Святого святых, куда не входит никто, кроме иерофанта, и где хранятся святыни, hiera – «грубые древесные пни, без всякого образа, sine effigie rudi ligno et informi», облеченные в великолепные, с драгоценными каме-

ньями, ткани. Их-то и показывает – «являет» – иерофант лицезрителям издали, сквозь открытые двери анактора, в минуту Елевзинского «свечения» (Claudian., de raptu Proserpin., v. 8. – P. Foucart, ed. 1914, p. 400, 410, 411. – Tertullian., Apolog. 16 et Acv. nat., I, 12).

В ту же минуту открываются внизу двери телестериона, и толпа входит в него, все такая же благовейно-безмолвная. Иерофант из незапамятно-древнего рода Евмолпидов, Благогласных (по-египетски makrooun, «обладающий чародейственною силою голоса»), в златопурпурной, длинно-влачащейся ризе, величавый старик, взойдя на помост, высоко подымает и показывает молча безмолвной толпе «сию великую, дивную и совершеннейшую тайну лицезрения, epoptikon mysterion», – «Свет Великий», phôs mega – «срезанный Колос», tetherismenon stachyn (Philosophoum., V, 1. – Foucart, 433. – Plutarch., de profet, in virt., 10).

Радуйся, Жених,
Свет Новый, радуйся!
Chaire nymphie,
Chaire neon phos!

восклицает толпа в священном ужасе, падая ниц (Clement Alex., Paidag. I, VI, 1, 27, 29; 30. – Protrept., XI, 114. – Firmic. Matern., de errore profan. relig., 19. – Fracassini, 56).

XXXII

Срезанный колос для египтян – Озирис. «Ставят они и доныне, во время жатвы, первый сноп в поле и бьют себя в грудь, взывая с плачем к Изиде», – сообщает Диодор (Diodor., I, 14). Плач над срезанным Колосом – плач над умершим Сыном Земли Матери. «Я – Озирис, я – Непра (бог пшеницы), пожатый серпом», – сказано в надписи на одном саркофаге Среднего Царства (A. Morel. Mysfères Egyptiens, 1911, p. 5), и в Книге Мертвых: «Плоть твою люди вкушают, дышат духом твоим, Озирис».

Вот тайна Елевзинского Колоса – бог умирающий, чтобы воскресить мертвых. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ио. 12, 22).

Мертвый, опущенный в лоно земли, выходит из нее, оживает, как семя, упавшее в борозду. В г. Сикионе, в здании, называемом Nymphon, где совершались женские таинства, родственные, должно быть, тэсмофориям, изваяния трех великих подземных божеств – Диониса, Деметры и Коры, погруженные в землю, возвышали над нею только перси и голову, как мертвецы, из земли восстающие (Pausan., II, 11, 5), а в росписи на одной греческой амфоре, Кора-Жатва – выходит из земли, простирая, как бы с мольбою, руки к стоящему перед ней с земледельческим заступом, юноше (Harrison,

Prolegom., 280). Это значит: не только боги помогают людям в победе над смертью, но и люди – богам.

Тайну Елевзинского Колоса понял Еврипид:

…Жизнь необходимо,
Как спелый колос, пожинать; то быть,
А то не быть поочередно.

(Eurip., Hypsip. fragm., 757, ed. Nauck)

Понял и Гете:

И доколе не постигнешь
Этих слов: «Умри и будь»,
Темным гостем будешь в мире
Проходить свой темный путь.

Что же значит «Колос – Свет Великий», понял Гераклит:

«Человек, в смертную ночь свет зажигает себе сам». – «Умирая потухает; оживая, возжигается из мертвого. Спит, с очами потухшими, а проснувшись, возгорается из спящего». – «Мир – огонь вечно-живой pyr aeizon, то возжигаемый, то угашаемый». – «После смерти, людей ожидает то, на что не надеются, о чем и не думают». – «Если не будете надеяться, то не найдете нечаемого, недосягаемого и непостижного».
(Heracilit., fragm. 26, 27, 91. – Clement Alex., Strom., V. – Schelling, Ueber die Gotth. v. Samothr. 73.)

Это и значит: «умереть – быть посвященным в Великие

Таинства».

Лучше же всех понял тайну Колоса ап. Павел: «Что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь голое зерно… Но Бог дает ему тело, какое хочет, и каждому семени – свое тело… Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется тело душевное, восстает тело духовное… Когда же тленное сие облечется в нетление, и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» (I Кор. 15, 36–57.)

Вот «великий свет» Колоса – то, чем «Елевзинские ночи светлее солнца сияют».

XXXIII

«В полночь, видел я солнце, белым светом светящее, nocte media vidi solem candido corruscante lumine», – вспоминает Апулей (Apul., Metamorph., 1. XI, c. 5). – Идя в Дамаск… среди дня, на дороге, я увидел с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня», – вспоминает ап. Павел (Деян. 2, 13). Между этими двумя светами есть ли что-нибудь общее?

Медики знают «световые галлюцинации», а святые знают «свет Фаворский». Весь вопрос, конечно, в том, кто прав, медики или святые.

Вспомним Филона, современника Павлова: «Вакхом обуянные, корибанствующие, приводят себя в исступление, пока не увидят желанного». – «Свечение, photismos, Великого Света» для елевзинских посвященных и есть желанное. Вспомним неоплатоника Прокла: «В них (Елевзинских таинствах) являются ***видения*** phasmata, несказанных образов». Вспомним ап. Павла: «Хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, ибо есть много богов, eisin theoi polloi… но у нас один Бог» (I Кор. 8, 5). Вспомним, наконец, религиозный опыт Шеллинга, пусть нелепый и невозможный для нас, но неопровержимый ни философски, ни религиозно, и с опытом ап. Павла согласный: «Персефона для нас есть существо ***действительно сущее***»; вспомним все это и мы, может быть, поймем, что вопрос о мнимом и действительном в Елевзинских таинствах – решается не так легко, как это кажется нам.

XXXIV

Если бы неверующий наших дней или даже верующий, как нынешние христиане веруют, присутствовал на этих таинствах и увидел все, что посвященные видели, то, вероятно, удивился бы: «Только и всего!» И, может быть, посмеялся бы, как люди смеялись над апостолами, в день Пятидесятницы, при сошествии Духа-Пламени: «Они напились сладкого вина!» (Деян. 2, 13.) Так мог смеяться и Сократ,

отказываясь от посвящения в таинства, где люди «бредят на яву», «безумствуют», «корибанствуют», – по нашему, «галлюцинируют». Но смех ничего не решает в ***обоих случаях***. Если только один из многих тысяч посвященных в Елевзинские таинства ***видел***, действительно, плотскими очами, видел «солнце, белым светом светящее в полночь, то и этого достаточно, чтобы поверить, что здесь мог присутствовать Тот, о Ком сказано: „Свет во тьме светит, и тьма не объяла его“, и Кто сам о Себе говорит: „Я свет миру“ (Ио. V, 5; 9, 5).

XXXV

Всякая действительность измеряется действием. Елевзинские таинства, и по этой мере, действительны в высшей степени.

За два месяца до сентябрьского полнолуния, начала таинств, особые глашатаи, спондофоры (spondophoroi), «миротворцы», объявляли по всем главным городам Греции «священное перемирие», spondê, всех эллинских племен, – то, что христиане средних веков назовут «миром Божьим», pax Dei, – сроком в пятьдесят пять дней, от конца августа до начала октября (Новосадский, 107. – Demetrios Philos, Eleusis, 1896, p. 15). И шум оружья умолкал, прекращались междоусобья; люди вдруг вспоминали, что все они братья, дети одной Матери Земли, и видели – пусть на одно мгновение, но, действительно видели, как то Елевзинское, «в полночь бе-

лым светом светящее солнце», – вечный мир; как бы на одно мгновение переносились из Железного века в Золотой, бывший и будущий.

Что это значит, мы могли бы понять, если бы могли представить себе, что в последнюю мировую войну, в «христианской» Европе, заключено было не на полтора месяца, а на полтора дня, «священное перемирие», pax Dei. Но это непредставимо для нас, потому что слишком невозможно. Грекам, наоборот, непредставима жизнь без этой «общей святыни земли», koinon ti tes ges temenos, как называют они Елевзинские таинства (Новосадский, 104). «Жизнь опостылела бы эллинам, если бы запретили им эти святейшие таинства, объединяющие род человеческий», – по слову Претекстата. Их отнять у греков – значит вынуть из них душу – убить; душу вынули из нас, а мы и не чувствуем. «Общая святыня» наша была на небе, а сейчас – нигде.

XXXVI

«Не делай зла животным», – райская, Золотого века, заповедь Триптолема, Трехпольного, Елевзинского бога Пахаря, Деметрина вестника, посланного ею к звероловам, хуже, чем диким – одичалым людям послепотопного мира, нашим европейским праотцам, чтобы, научив их земледелию, возвысить от звериной жизни к человеческой (Зелинский, 30). «Зла не делай животным» – не столько заповедь, сколько

«блаженство», в Евангельском смысле: «блажен, кто милует тварь», ибо «вся тварь совокупно стонет и мучится доныне», вместе с человеком, и вместе с ним «освобождена будет от рабства тлению» (Римл. 8, 22, 21): с ним погибает – с ним и спасется.

Надо человеку убивать животных, чтобы питаться мясом? Нет, не надо, – учит Деметра плодоносящая. Дух убийства, войны, входит в человека с кровавою пищею, а дух мира – с бескровною. Вот почему Елевзинское причастие кикеоном – молоком с медом и злаками – таинство вечного мира.

XXXVII

И Гезиод, пастух, пасущий овец на Геликонской горе, певец Золотого века, поет:

> Бог законом поставил и зверю, и птице, и рыбе,
> Чтоб пожирали друг друга, – на то им неведома Правда!
> Людям же правду послал.

(Зелинский, 30)

Правда Божья – Божий закон: не убий. К очень далекой, последней цели – воскресению мертвых – близкий, сегодняшний, всем и всегда возможный, первый шаг: не убивать – не воевать. Убей – умрешь, дай жизнь – жив будешь: это и младенцу понятно, это же и тайна тайн.

Ною, первому человеку второго человечества, Божий за-

вет – послепотопная, два мира соединяющая радуга: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтобы она была знамением вечного завета между Мною и между землею». – «Я взыщу вашу кровь… от руки человека, от руки брата его. Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукой человека» (Быт. 9, 13, 5, 6). Тот же завет и на допотопной скрижали царей атлантов: «В мире жить, не подымать друг на друга оружья никогда».

Вот какую святыню хранят Елевзинские таинства, – мир всего мира.

XXXVIII

Месяц боэдромион, конец сентября, когда совершались таинства, – ранняя осень в Аттике.

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера…
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все – простор везде;
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле;
Но далеко еще до первых зимних бурь,
И льется чистая и теплая лазурь

На отдыхающее поле.

(Тютчев, 1857 г.)

Как бы небо сходит на землю, и все на земле уже исполнилось, кончено – готово к царству Божьему, – все, кроме человека. И земля ждет и молится, ходатайствует за него воздыханьями неизреченными: «Да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя на земле, как на небе».

Здесь, в Елевзисе, молится так, как нигде.

XXXIX

«Я открылся не вопрошавшим о Мне; Меня нашли не искавшие Меня». – «Вот Я! Вот Я!» – говорил я народу, не именовавшемуся именем Моим. Вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут непоминаемы и не придут на сердце… Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею; они не будут причинять зла и вреда на всей святой горе Моей, говорит Господь». – «Я исполню слово: мир, мир дальнему и ближнему!» (Ис. 1–25; 57, 19.)

Via sacra, Елевзинская «Священная Дорога», – к этому путь, а последняя, дохристианская веха на этом пути из Атлантиды к нам – вторая часть Елевзинских таинств, где рождается от Матери Земли, Деметры, Сын, Дионис.

11. Дионис растерзанный

I

Найдена в глубине Атлантического океана литая из неизвестного металла, может быть, Платонова «орихалка», покоробленная, как древесный лист на огне, покрытая вулканической лавой и тысячелетней ржавчиной, доска, – так называемая скрижаль атлантов, – с восьмиконечным крестом, неясным обликом какого-то жертвенного животного, тельца или агнца, пронзенного копьем, и надписью, прочитанной, благодаря сходству письмен с додинастическими иероглифами и маянскими знаками:

Сын Божий умер за людей.

Это сказка; не было такой скрижали и не будет никогда? Нет, была. Если было то, что Шеллинг называет «перворелигией человечества», Ursystem der Menschheit, то уцелевший от нее и занесенный в Грецию обломок – мистерия-миф о боге Загрее-Дионисе Растерзанном – такая скрижаль.

II

«Бесы, узнав через иудейских пророков о скором пришествии Господа, поспешили изобрести басню о боге Диони-

се, чтобы распространить ее среди эллинов и других народов, особенно там, где, как они знали, поверят этим пророчествам», – думал св. Юстин Мученик, живший в половине II века (Justin., Dialog cum Tryph., 69. – Apolog., I, 54. – Boulanger, Orphée, 69–70).

Dio значит «бог», nysos, nys, вероятно, фракийский, корень, славянский – syn значит «сын»: Dionysos – «Божий-сын» (Lanzani, 29). Этого «Сына Божьего», Диониса растерзанного, вместо Иисуса распятого, проповедали «бесы» дальше и раньше, чем думает Юстин, – от первых дней человечества до явления Христа, от Египта и Вавилона до Перу и Мексики.

Несколько иначе думает св. Климент Александрийский: «И эллинская, и варварская мудрость видит вечную истину в некоем растерзании, распятии, – не в том, о коем повествует баснословие Дионисово, а в том, коему учит богословие вечного Логоса» (Clement Alex., Strom. I, 13).

Могут ли «бесы» проповедовать истину? Кто же прав, Климент или Юстин?

III

Быть человеком – значит страдать, умирать – быть жертвою. Вот почему всякая религия, связь человека с Богом, жертвенна; сердце же религии – таинство – особенно. Но здесь-то и подстерегают человека «бесы», смешивая две ре-

лигии – одну, свою, – бесчисленных человеческих жертв, и другую, Божью, – единой Жертвы Голгофской. В этом смысле прав Юстин: есть демоническое в Дионисовых таинствах; но не только в них, – во всех, и в таинствах народа Божьего, Израиля; может быть даже, здесь, в Святой Земле, где принесется некогда Жертва Голгофская, соблазн человеческих жертв сильнее, чем где-либо.

«Сына своего единородного вознес во всесожжение бог Эль-Крон, El Kronos». Сообщая этот ханаанский миф, в «Приготовлении к Евангелию», помнит ли Евсевий Кесарийский слова Евангелия: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»; помнит ли, что Бог Эль-Элогим – Тот Самый, Которого зовет Иисус распятый: «Элои, Элои! ламма савахфани? Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты меня оставил?» (Euseb., de praeparat. evang., I, 10; IV, 16. – D. Nielsen. Der dreieinige Gott, 284–285. – Ио. 3, 16. – Мрк. 15, 34.)

«Подлец человек ко всему привыкает», к этому, однако, едва ли привыкнет: кажется, лучше бы миру не быть, только бы этого не было. «Горе тому, кто препирается с Создателем своим, черепок из черепков земных» (Ис. 45, 9). Нет, не препираемся – молчим; но и молча сердце спрашивает: мир создать не мог ли Всемогущий так, чтобы Всеблагому не надо было жертвовать Сыном за мир?

О, если бы только «бесы» искушали человека в жертвен-

ных таинствах! Но вот, «Бог искушал Авраама и сказал: возьми сына твоего единственного твоего… и принеси его во всесожжение» (Быт. 22, I, 2). След человеческих жертв, замененных обрезанием, остался в Израиле. «Отдавай мне первенца из сынов твоих, beno ha-bekor, то же делай с волом твоим и с овцою твоею… и будешь у Меня народом святым» (Исх. 22, 29–30). Здесь «отдавай первенца» значит, по толкованию позднейшему: «обрезывай», но когда-то значило: «приноси во всесожжение» (Nielsen, 284–285). Царь Моава, видя, что враг в бою одолевает его, «взял сына своего, первенца, beno-ha-bekor, и вознес его во всесожжение на стене города» (IV Цар. 3, 26–27). – «Был на Иевфае (вожде Израиля) Дух Господень… и дал он обет Господу, и сказал: если Ты предашь Аммонитян в руки мои, то, по возвращении моем… что выйдет из ворот дома моего навстречу мне, будет Господу, и вознесу сие во всесожжение». Вышла дочь, и он исполнил обет (Суд. II, 29–39). Бог послал Аврааму овна, а Иевфаю – дочь, и обе жертвы принял.

«И приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам» (Пс. 105, 37). Кто эти «бесы»? Эль-Элогимы, досинайские боги Израиля. У древнеханаанского святилища в Gezer, по дороге из Яффы в Иерусалим, найдено кладбище с обугленными костями новорожденных, не старше недельного возраста, в глиняных чанах-гробах, – вероятно, священная ограда Молоха-Мелека, ханаано-израильского «Господа» (Nielsen, 284–285).

IV

Меньшего достигли «бесы» в Греции, земле язычников. Здесь человеческие жертвы очень редки, по крайней мере, за память истории, но, кажется, совсем не прекращались никогда. В самую цветущую пору эллинства, в двух шагах от Сократа и Платона, в канун Саламинской битвы, прорицатель Евфрантид сообщил Фемистоклу волю богов о принесении в жертву Дионису Лютому, Omêstês, трех персидских юношей пленников, родственников Ксеркса. Фемистокл ужаснулся, но войско заставило его исполнить волю богов (Plutarch., Themistocl., XVII). А фиванскому вождю, Пелопиду, когда ему приснился двусмысленный сон о человеческой жертве – рыжей кобылице, посланной богами, вместо рыжеволосой девушки, – прорицатели, вспомнив жертву Фемистокла, говорят: «Столь беззаконной и варварской жертвы благие боги не примут. Ныне ведь правят миром не Тифон и гиганты, а Бог Всевышний, Отец богов и людей. Думать безумно, что богам угодны убийство и кровь. Если бы так, то следовало бы отвергнуть богов, как бессильных, потому что лишь в слабых и порочных сердцах могут рождаться столь безумные и жестокие желания» (Plutarch., Pelopid, XXII).

Кажется, мудрее и благочестивее нельзя было ответить. После того раскаленного, ханаанского солнца Молохова, – «Бог твой, Израиль, есть огнь поядающий», – точно росною

свежестью повеяло вдруг, – святою ночью мистерии. Это, может быть, не менее свято, чем у пророков Израиля: «Милости хочу, а не жертвы». Греки не могли бы этого знать, если бы тут же у них, в Дионисовых таинствах, не сохранилась святая «скрижаль атлантов».

V

Мы, христиане, человеческих жертв не приносим. Полно, так ли? Страшный вопрос, но не вольный, если хорошенько подумать о том, что мы не говорим, а делаем.

Во второй половине прошлого века, Вязниковского уезда, деревни Слободищ, крестьянин-спасовец, беспоповского толка, Михаил Куртин, 57 лет, зарезал родного сына, семилетнего мальчика, Григория, в убеждении, что это «угодно Спасу». Вот что показал Куртин на суде: «Однажды ночью печаль моя о том, что все люди погибают во грехе, сделалась так велика, что я не мог уснуть и несколько раз вставал с постели, затепливал свечи перед иконами и молился со слезами о своем спасении и спасении семейства своего. Тут мне пришла мысль спасти сына от погибели вечной… Боясь, чтоб он не развратился в вере и не погиб, я решил его зарезать… Я сказал ему: „Встань, Гришенька, надень белую рубаху, я на тебя полюбуюсь“. Он надел и лег на лавку… Тогда я подложил ему шубку под голову и, заворотив подол рубашки, несколько раз ударил в живот ножом. Он затрепе-

тал и начал биться… Желая поскорее прекратить его мучения, я распорол ему живот сверху донизу… Вдруг первый луч солнца брызнул в окно. Что-то сотряслось во мне, нож выпал из рук, и я упал перед образом на колени, прося Бога принять милостиво ***новую жертву***». Заключенный в остроге Куртин, еще до решения дела в суде, запостился до смерти (К. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. II, 14, 15).

VI

Кто такой Куртин? Дикий изувер, больной, сумасшедший. Страшная болезнь его – «атавизм», «пережиток», в новом личном, древнего общего. Слабые, почти невидимые, «пережиточные клетки», атомы, уходящие в глубь веков, к дикарю, к зверю, таятся в каждом из нас. Их-то Куртинова болезнь, по свойственному всякой болезни, «закону преувеличений», безмерно увеличила, так что в Куртине мы можем наблюдать, как в микроскоп – инфузорию, древнее, ночное, может быть, только до времени спящее в нашем собственном сердце, чудовище. Будем же помнить Куртина, изучая древние, человекожертвенные и богожертвенные таинства: он – страшный, но верный, учитель их, как бы чудом уцелевший обломок незапамятной древности, – древнее Ханаана, Египта и Вавилона, – современник пещерных медведей и мамонтов, а может быть, и самих «атлантов», – тех, кто зажег первое пламя человеческих жертв, испепелившее мир.

«Первый луч солнца брызнул в окно. Что-то сотряслось во мне, нож выпал из рук, и я упал на колени». Древнему солнцу Ваалу-Молоху, он и приносит сына в новую жертву: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, и принеси его во всесожжение». Страшно-действенно принял эти слова Куртин, – не то, что учитель Церкви, Евсевий Кесарийский. Жертва за жертву: Бог принес Сына Своего в жертву человеку, и человек – Богу. Разве это не справедливо, не логично, по логике безумья – веры: credo, quia absurdum? Самое страшное здесь, может быть, то, что Куртин так же невинен, такой же «уст своих не отверзающий агнец», как семилетний Гришенька. «Боже мой! Боже мой! Для чего ты меня оставил?» – мог бы воскликнуть и он, умирая. Жертвы Голгофской для него как бы вовсе не было, хотя он и приносит жертву на Голгофе Распятому; не было ***еще***, а только будет, через 8000 лет, как для атлантов.

VII

Очень легко отделаться от Куртина легким словом Вольтера-Лукреция:

> Tantum religio potuit suadere malorum!
> Вот каким злодеяньям вера в богов научила!

Мы в богов не верим и человеческих жертв не приносим. Полно, так ли опять? Чем же была Европа, во время всемир-

ной войны, и что же такое вся наша «культура демонов», как не исполинское «кладбище Гезера», с обугленными костями новорожденных, – Молоху иному, но тех же человеческих жертв? И кто страшнее чудовище, Куртин или мы?

VIII

Сколько бы ап. Павел ни доказывал от закона и пророков, что Иисус распятый есть Сын Божий Единородный, воссевший одесную Бога Отца, второе Лицо Троицы, как будет сказано в позднейшем догмате, – иудеи этому не верили, потому что слишком хорошо помнили, что этого нигде в Писании не сказано; кое-что сказано там о Христе – Мессии, Царе израильском, торжествующем, почти ничего – о страдающем; о Сыне же Божием, Единородном, – совсем ничего. Слишком хорошо помнили они Синайскую заповедь: «Да не будет тебе иных богов, кроме Меня». Павел же «иного Бога» проповедовал. Слишком хорошо помнили также, что сказано: «Проклят всяк висящий на древе» (Втор. 21, 23); и этот, Висящий на кресте, воссел одесную Благословенного, – вот кощунство кощунств – то, за что некогда Павел терзал христиан, и за что теперь хотели его самого растерзать иудеи: «Истреби от земли такого, ибо ему не должно жить!» (Деян. 22, 22.)

«Знайте же, что спасение Божие послано язычникам: они и услышат», – это сказанное в Риме последнее, дошедшее до

нас, слово Павлово чудно исполнилось: глух остался Израиль – язычники услышали; тот спасенье отверг – эти приняли (Деян. 28, 28). Почему? Не потому ли, что в языческих таинствах сохранилось большее пророчество, чем у пророков Израиля, – смутный, но неизгладимый след «перворелигии человечества», – «знание-воспоминание», anamnêsis о Сыне Божием Единородном, Лице Божественной Троицы, – чудом уцелевшая «скрижаль атлантов», с крестом, агнцем и надписью: «Сын Божий умер за людей?»

Если бы не было Израиля, то и Человека Иисуса бы не было: Он по плоти, от Израиля, но по духу, – от Отца Небесного и Матери Земли; Сын Человеческий – от всего человечества.

IX

«Тройственность в единстве есть высший предмет блаженного лицезрения, эпоптии, в святейших таинствах Греции», – говорит Шеллинг, может быть, преувеличивая действительную в Елевзинских таинствах, сознательность догмата (Schelling, Philosophie der Offenbarung, 1858, p. 490).

Три лица Троицы: Деметра, Кора и Дионис – Мать, Дочь и Сын. Где же Отец? Это знают посвященные: «Зевс и Дионис – одно»; Сын и Отец – одно (Aristid., orat. in Bacch., ap. Creuzer, Symbolik und Mythologie, 1812, p. 397). Первый, старший Дионис – Дий, Отец (Schelling, 466); второй, младший, – Сын.

Кора и Деметра, Дочь и Мать, – тоже сначала одна Дева-Мать. Если так, то Елевзинская Троица, явная, – Мать, Дочь и Сын, а тайная, – Отец, Сын и Мать.

Каждое лицо – в Троице, и в каждом – Троица. Три Деметры в одной; первая, Небесная, Урания, – Земля премирная, в Логосе; вторая, Подземная, Хтония, – Земля в хаосе, Персефона, нисходящая в ад; третья – Земля, восходящая в космос, Семела, древнефракийская Zemla, наша славянская «земля» (Gerhard, 119), мать Вакха Человека. И, наконец, рядом с этими тремя, не четвертое, а лишь второе лицо третьей – как бы начало иной, в ином порядке, действительнейшей, будущей Троицы, – лицо, соединяющее всех трех, – еще не рожденная Кора – «новая Земля под новым небом». Царство Божие на земле, как на небе.

Также и три Диониса в одном: первый – в Отце, Дий-Дионис; второй – в хаосе, Загрей растерзанный; третий – в космосе, Вакх Человек. И опять, рядом с тремя, как будто четвертый, а на самом деле, второе лицо третьего, – начало новой Троицы – еще не рожденный Иакх, Iakchos, что значит «Клик», «Зов», «Глас», – «глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу!».

Смутен, иногда чудовищен, похож на бред, но пророчески-вещ этот Елевзинский сон о Троице. Ключ к нему для нас единственный – наша христианская Тайна Трех.

X

Троицу Елевзинскую лучше всего объясняет – Самофракийская. Орфики IV–V века, – наши главные сведения идут от них, – учителя обеих мистерий. Сам Орфей, по древнему сказанию, пророк Елевзинских таинств, посвящен в Самофракии (Hymn. Orph., 37. – O. Rubensohn. Die Mysterienhelligtümer in Eleusis und Samothrake, 1892, p. 29, 139). Обе мистерии, внешне разделенные, внутренне связаны и питают друг друга, как два подземными водами соединенных озера.

XI

Остров – острая гора, подобие Ацтлана-Атласа, дикий, пустынный, почти без гаваней, в бурном теченьи Геллеспонта, Посейдонова вышка между Европой и Азией, с отвесными, голыми кручами скал, в вечном шуме седых бурунов и свисте ветра, под низко нависшими тучами, гнездо ураганов и землетрясений, – вот что такое Самофракия (Rubensohn, 130). Крито-пелазгийские Вулканы-Вельханы, огневодные боги вулканических сил, потопов и землетрясений, может быть, спасшиеся от ими же причиненной гибели двух Атлантид – первой, далекой, в Атлантике, и второй, близкой, в Европе – Крито-Эгеи, – здесь, в Самофракии, на-

шли последнее убежище.

Храмов не было сначала и здесь, так же как и на Крите; только в поздние, эллинские и римские, века, воздвигнуты великолепные святилища. В диких горах и лесах, под открытым небом, или в подземных пещерах, совершались оргийные таинства незапамятной, может быть, Ледниковой, древности, с такими же как на Крите и в Тюк-д'Одубертской пещере, головокружительно быстрыми, но все на одном и том же месте топчущимися, «пяточными» плясками-раденьями. Кажется, не было сначала и жертвенников: найдены только глубокие ямы и расщелины скал, как бы открытые уста Земли, куда изливалась прямо из заколаемых жертв, может быть, не только животных, но и человеческих, теплая кровь (Rubensohn, 126).

XII

Здешние боги безыменны: имени их люди уже не помнят или еще не знают. Имя древнейшее – Кабиры, Kabeiroi, – не имя собственное, а прилагательное, от вавилонского kabru, «великие» (Th. Friedrich. Kabiren und Keilinshriften, 1894, p. 74, 91); так назывались три лица вавилонской троицы: Эа, Иштар и Таммуз, Отец, Мать и Сын. Большею частью, избегая древнего, слишком святого и страшного, или не зная настоящего имени, самофракийских богов называли просто «Великими», Megaloi, или «Могучими», «Крепкими»,

Dynatoi, Ischyroi (Rubensohn, 126); или «Корибантами», «Куретами», так же как пестунов критского бога Младенца, Куроса; или «Адамами», как первых людей первого человечества (Hippolit., Philosoph., V, 7, 8, 9. – Fr. Lenormant, Cabiri, 757). В прошлом, а может быть, и в будущем, в начале и конце времен, – «Великие», а в настоящем – «малые», такие же как на Крите боги-пигмеи (Rubensohn, 127). Малые-Великие, исполины-карлики, старые старички, десятитысячелетние, сморщенные, ссохшиеся, как сушеные на солнце ягодки; малые семена бывших, а может быть, и первые – еще не вспыхнувших солнц.

Варвар Камбиз, вторгшись с воинами в Самофракийское святилище и увидев Малых, сначала рассмеялся, а потом рассердился и велел их сжечь, как сжигают сор; презрел Великих, и сам погиб в презрении. Эллин же, Александр, поклонился им и победил мир: на берегу Гифаза крайнем восточном пределе своего победоносного шествия, он воздвиг жертвенник Трем Великим Кабирам (Philostrat., Vita Apollon. Tian., II, 43. – Rubersohn, 145. – Schelling, Ueber die Gottheiten von Samothrace, p. 5, 49. – Plutarch., v. Alex., II).

XIII

Кто эти безымянные, безродные, безвидные; откуда и зачем пришли, – люди уже не помнят или еще не знают, но твердо знают и помнят, что их Три, и что эти Три – Один.

Поздние, должно быть, орфические, имена их: Аксиер, Аксиокерса, Аксиокерс, Axieros, Axiokersa, Axiokersos; в трех именах – одно, потому что сами они – Три Один. Аксиер – Деметра, Аксиокерса – Персефона, Аксиокерс – Аид-Дионис. Значит, и здесь Елевзинская троица, явная: Мать, Дочь и Сын (Schol. ad. Apollon. Rhod., Argonaut., I, v. 917. – Rubensohn, 128). Так, по одному толкованию, а по другому: Аксиер – Дий, Аксиокерса – Деметра и Аксиокерс – Дионис: Отец, Мать и Сын, – Елевзинская троица, тайная. «Первый, старший (Кабир, Великий бог), есть Отец, а второй, младший – Сын» (Schol. ad. Apoll. Rhod., I, v. 917. – Friedrich, 42); значит, средний, – Мать. В Самофракийской гавани, изваяния двух совершенно нагих, как Адам в Раю, молящихся с воздетыми к небу руками, итифаллических Кабира – Отца и Сына, – первые встречали входящих в гавань пловцов.

Мраморный герм Скопаса в Ватиканском музее изображает трех Кабиров в трехгранном столпе, по одному – на каждой грани: Муж нагой, бородатый, итифаллический (со знаком страстного мужского пола), в длинной ризе Жена, и Отрок, тоже нагой, но с полом бесстрастным; а в подножных пещерках – три изваяньица малых: Митра-Гелиос, Афродита-Урания и Эрос-Дионис, – Отец, Мать и Сын. Более простого и наглядного образа Троицы нельзя себе и представить, чем эти три человеческих тела, обращенных лицами наружу, в три стороны, а внутри сросшихся, подобно телам близнецов, – как бы единый белый луч солнца, дробящийся в трех

гранях алмазной призмы на три луча.

XIV

По другому толкованию, три Кабира – три Кибелы Матери, или Три Дия Отца, или три Сына Диониса; и еще по-другому: тройня Братьев Близнецов – Большой, Меньшой и Средний; и еще по-другому: три Мужеженщины, крылатых, как наши ангелы. Но всех сочетаний не перечтешь: каждый в каждого переливается, все же трое остаются неразделенными и неслиянными; тот же белый луч в той же грани алмаза, смотря по тому, кто откуда глядит, искрится всеми цветами радуги.

XV

Так же и здесь, как в Елевзинской троице, рядом с тремя – четвертый или «второй-третий» (в нашей земной арифметике для этого нет числа), как будто ненужный, нелепый, все нарушающий, а в действительности, самый нужный, понятный и завершающий все, – вдруг зазеленевшая почка на голом зимнем стволе, – начало новой Троицы, – светлая тень стоящего рядом, но еще невидимого, призрачно-прозрачного тела, – четвертый Кабир, Кадмил, Kadmilos, Дитя, Pias; тот же елевзинский Иакх – Клик, Зов, Глас: «Приготовьте путь Господу!» (Schol. ad. Apoll. Rhod. I, v. 917. – Rubensohn,

128. – Friedrich, 84)

Точно здесь, в Самофракии, подслушана – за сколько веков до Христа, – Евхаристическая молитва Двенадцати Апостолов, где Христос именуется этим же, необычно для нас, кажется, больше нигде и никогда не встречающимся, именем – Дитя, Pias. Так, на всемирном и простонародном, эллинистическом языке, koinê, на котором написаны книги Нового Завета, господа кликали маленьких слуг-рабов (Rouffiac, La personne de Jesus, 4). Точно Сам Господь не побрезгал слить Свое прославленное Тело-Солнце с этою смиреннейшей тенью; Сам пожелал назваться этим смиреннейшим человеческим именем: «Дитя-Раб».

XVI

Здесь всего удивительнее то, что люди сами не знают, что делают, молясь этим Трем, Неизвестным, и Четвертому, Неизвестнейшему; но молятся именно так, как надо, – просто молятся Простым; как в мудрой сказке Толстого – три старца: «Трое Вас – трое нас; помилуй нас!» Или еще проще, – как будто нелепо: «Трое-четверо Вас – трое-четверо нас; помилуй нас!»

И молитва исполнилась: сами спаслись, и мир спасли. Если б не молились так, то, может быть, наша вторая Атлантида – Европа – давно погибла бы, так же как первая.

XVII

Ап. Павел, посетивший Самофракию на пути из Троады в Македонию, вслушавшись в шепот здешних молитв, может быть, понял бы, почему Израиль спасение отверг, а язычники – приняли (Деян. 16, 9–11). Может быть, и отцы Никейского собора, где исповедан был догмат Пресвятой Троицы, плывя на кораблях мимо Священного Острова и узнав, Кому поклоняются там, поняли бы многое. Кажется, если бы древние, за тысячу лет до Никейского символа, чудом узнали его и хотели приготовить к нему человечество, то не могли бы это лучше сделать, чем в Самофракийских таинствах.

XVIII

Жертва Сына в Троице, – таков смысл этих таинств. Но слишком скудны и неточны, кажется, потому, что, из страха «бесовских» подобий, нарочно искажены, два наших единственных письменных, об этом свидетельства у христианских писателей, Фирмика Матерна и Климента Александрийского.

Вот первое: «В таинствах Корибантов (Кабиров) почитается братоубийство, parricidium colitur, ибо один из трех братьев убит двумя и, дабы скрыть улики злодейства, похоронен под корнями Олимпа… Это и есть тот Кабир, коему некогда

молились фессалоникийцы, воздевая кровавые длани к кровавому» (Firmic. Matern., de errore profan. relig., p. 23. – Fr. Lenormant, 770).

Вот второе свидетельство Климента: «Их (Корибантов) было три брата; двое убили одного и, увенчав его царским венцом, облекши ему голову в пурпур, phoinikidi, перенесли на бронзовом щите к подножью Олимпа, чтобы там похоронить… Если же тех Корибантов назовешь Кабирами, то будешь иметь Кабировы таинства; но эти уже не голову его, а ***стыд***, aidoion, полагают в кошницу, kystos… отвозят его в Тиррению (Этрурию), странного товара купцы, и научают тирренцев поклоняться ***стыду*** в кошнице… Иные же, не без причины, Кабира Диониса сего, оскопленного, называют и Аттисом» (Clement Alex., Protrept., p. 12. – Euseb., Praeparat. evangel., II, 3. – Gerhard, 335. – Fr. Lenormant, 770).

Если в языческом догмате о боге Брате, приносимом в жертву Братьями, видят христиане «братоубийство», то ведь и в христианском догмате о Сыне, приносимом в жертву Отцом, могли бы увидеть язычники «сыноубийство».

XIX

Ненависти крайнее насилье – убийство; крайняя свобода любви – жертва. Что же здесь, в Самофракийском догмате, убийство или жертва?

Liber Pater, «Свободный Отец», – древнеиталийское имя

Вакха-Диониса, так же как греческое – Lyseus, Eleuthereus, «Освободитель» (C. Lanzani, religione Dionisiaca, 1923, p. 163, 160), лучше всего выражает глубокое, жертвенное существо этого бога: «Он истязуем был, но страдал ***добровольно***» (Ис. 52, 7). Сам, свободно, чтобы и других освободить, сделался жертвою. Liber Pater, – имя и бога Митры с виноградною гроздью в руке, подобно Дионису (Fr. Cumont, Texstès et monuments figures relatifs aux Mystères de Mithra 1899, I, p. 147, 251). Жертвенный бык – образ обоих богов одинаково. Если так, что Митра, заколая Тельца, себя самого приносит в жертву (Lanzani, 165). В изображении на Клузийской (Clusium) могильной урне один из двух нападающих, вооруженных людей поражает Митру мечом, так же как два старших Кабира – младшего (Cumont, I, 330. – Lanzani, 161).

Вспомним Озириса в Книге Мертвых: «Он знает день, когда его не будет»; вспомним Таммуза:

> Нисхожу я стезей сокровенной,
> Путем без возврата,
> В глубины подземные.

Вспомним вавилонский миф у Бероза: «Видя, что земля плодородна и необитаема, Бэл отрубил себе голову, и прочие боги, смесив текущую кровь с землею, вылепили из нее человеков; потому-то и обладают они разумом и естеству богов причастны» (Berossi, fragm. ap. Damasc., de prim. prinicp., c. 125). Вспомним шумерийскую клинопись:

Открывает уста свои Эа,
Великим богам говорит:
»Бога должно заклать…
С божеской плотью и кровью
Мами глину смесить»,

чтобы создать людей (Cuneif. Texts from Babyl. Tabl. in British Museum, VI, 5).

Кажется, ясно: жертва всех этих страдающих богов, а значит, и Кабиров, есть вольная жертва любви. Но, может быть, это ясно только для нас, после Жертвы Голгофской, а до нее смутно, как во сне или в воспоминании, предчувствии. Так иногда мы стараемся вспомнить забытое слово, точно голыми руками ловим скользкую рыбу в темной воде; чем нужнее, тем труднее вспомнить, тем усилье мучительней, и, если бы от этого зависело наше вечное спасение – спасение мира, какая была бы мука! Так именно мучаются древние.

XX

Люди памяти крепчайшей, не хуже египтян, этруски, сохранили от глубочайшей, крито-пелазгийской древности и донесли до сравнительно поздних веков римской республики миф о Кабирах, может быть, не заимствовав его с Востока, из Самофракии, а перехватив на пути с Запада, с более далекого и священного Острова.

Божеская тройня близнецов – три мужских головы, изваянных на городских воротах, – встречает путников, первая, здесь в Этрурии, так же как изваяния двух Кабиров в Самофракийской гавани встречают пловцов (Gerhard, 298). Трое на земле – Трое на небе, как это видно в резьбе одной этрусской гэммы, где три человеческих образа являются в созвездьях Зодиака (Gerhard, 335). Кто же эти Трое на небе, если не три лица Троицы? В ней-то и совершается изображенное в резьбе двух этрусских бронзовых зеркал заклание Сына Жертвы: два старших Кабира, с бородами и крыльями, с головной повязкой самофракийских жрецов (phoinikis, «пурпур», тот самый, в который облечется голова убитого), охватив младшего Кабира, юношу безбородого и бескрылого, должно быть, смертного, готовятся заклать его, как жертву. Так, на одном из двух зеркал, а на другом: Гермес волшебным жезлом воскрешает убитого. Если он – третье лицо Самофракийской троицы – Аксиокерс-Дионис, а Гермес, в ней же, – двойник третьего лица, Кадмил, Дитя, – Дионис-Иакх Елевзинской троицы, то, значит, умерший бог сам себя воскрешает: вольно отдал жизнь – умер, вольно принял – воскрес. Тут же присутствуют двое братьев-убийц, в виде сатиров с хвостами; рядом написаны их имена: Kasturu и Puluctu, Кастор и Поллукс, близнецы Диоскуры, Dioskouroi, «Божьи-дети»; имя же убитого – Chaluchasu, от греческого kalchê, род пурпурного цветка, а также пурпур головной повязки самофракийских жрецов (Lenormant, Cabiri, 771. –

Gerhard, 14, 415).

Кто же эти странные «Божьи-дети» с хвостами? Кажется, подобно критским куретам – мифологические тени пещерных людей, хуже, чем диких – одичалых, первых людей второго человечества.

XXI

Знают ли они, помнят ли, какую жертву приносят, или забыли, как забыл несчастный Куртин? «Встань, Гришенька, надень белую рубаху, я на тебя полюбуюсь». «Я ударил его ножом… Вдруг первый луч солнца брызнул в окно. Что-то сотряслось во мне, нож выпал из рук»… Но если даже забыли, и тьма Ледниковой ночи поглотила все для них, то не для нас: рдеет и сквозь нее пурпур священной повязки на голове убитого и, в имени его, «пурпурный цветок», kalchê, напитанный всею, от начала мира, невинно-пролитою кровью, – и нами, и нами все еще проливаемой! – рдеет пурпур сквозь тьму земную, так же как сквозь подводную – сокровищ Атлантиды червонное золото.

XXII

Человекоубийство или Богоубийство, человеческая жертва Богу или божеская – человеку, – надо между ними сделать выбор. Страшно человека убить, ненавидя; еще страшнее, –

любя. Как же Отец принес в жертву Сына? Кажется, чтоб это представить себе, нужно сойти с ума. Так именно люди сходили с ума, от начала мира и, вероятно, будут сходить – до конца. Кажется, так просто опомниться, прийти в разум; но вот, не могут, и сколько бы разум ни убеждал их в противном, знают, что только этим безумьем спасутся, что Сын Божий только потому и пришел на землю, что люди безумствовали так от начала мира, и снова придет только потому, что будут безумствовать так до конца.

XXIII

Жертва бога Сына, Диониса, совершаемая в Троице, соединяет Самофракийские таинства с Елевзинскими: там Дионис, младший Кабир, убит двумя старшими; здесь Дионис-Загрей растерзан титанами. Но, кажется, только здесь, в Елевзисе, промелькнуло «бесовское» подобие для первохристиан, еще отрывавшихся от язычества, а для нас, уже оторвавшихся, чудо Божие, одно из многих незримых чудес всемирной истории, – тень Евхаристического таинства в соединении Деметры – Хлеба и Диониса – Вина, Тела и Крови.

Чтобы назвать душу эллинистической – будущей христианской – всемирности, лучшего имени нельзя найти, чем «Дио-Нис», «Божий-Сын». В имени этого последнего и ко Христу ближайшего из всех страдающих богов, как бы еще не явленным телом Господним, чудесно отброшенная назад,

исполинская, через все, до начала мира, века простершаяся тень смиренно легла у босых ног Назаретского Плотника, как от придорожного камня упавшая на белую пыль, черная тень.

XXIV

Дионис в Греции такой же пришелец, как Деметра. Теми же двумя путями пришли в нее оба. Южный путь, с Крита. «Сказывают критяне, что бог (Зегрей-Дионис) родился у них… Растерзание же его Титанами явил людям в таинствах Орфей», – сообщает Диодор (Diodor., V, 75, 4). Путь северный, через Фракию, где до сравнительно поздних, исторических веков сохранились незапамятно-древние, дикие, может быть, с человеческими жертвами, людоедские, таинства здешнему богу, Дионису Плотоядному, Omêstes. Маг Орфей, Дионисов пророк или даже двойник, родом из дикого, фракийского племени киконов, у Термейского залива «жил, по Диодору, двумя поколеньями позже Диониса» – Человека (Diodor., III, 65. – Strabo, fragm. 17–19. – Harrison, Prolegom., 415). Мать Орфея, по одному сказанию, – смертная женщина, Хиона, «Снежная»: значит, родом с еще более далекого Севера. Первые мэнады Диониса – Фрии-Мелиссы (Thriae-Melissae), полудевы, полупчелы, плясуньи, сонно-жужжащие над медвяной гречихой и кашкой полунощных лугов (Homer. hymn., ad. Mercur., v. v. 551–

563. – Harrison, 442). Первый опьяняющий напиток Диониса – мед и овсяная брага (одно из имен его, Bromios, от bromos, «овес»); значит, и сам Дионис – с того же дальнего Севера (Antholog. Palat., IX, 368. – Harrison, 415). А судя по тому, что Дионисовой матери, Персефоны благовестник, Аварис, «прилетел на золотой стреле» в Лекедемон из Гипербореи – «Атлантиды Полуночной», – там же и самого Диониса, с Деметрой, общая родина. Если так, то оба пути – южный, по морю, может быть, Средиземно-Атлантический, и северный, посуху, может быть, Ледниково-кроманьонский, – одинаково древние.

XXV

Той же древности печать – на самом имени бога: «Загрей», Zagreus, – pany agreuôn, значит «Великий Ловец», «Зверолов» (Etymologicum magnum, 214, 13. – Fracassini, 80). Родственное слово agreos, «дикий», относится часто к родным Дионису, титанам. Кажется, в этом имени бога сохраняется память о древнейших поклонниках его, дикарях-звероловах, пещерных людях, наших ледниковых праотцах. Вспомнив, что, по Гераклиту, «Дионис и Аид – один и тот же бог» (Heraclit., fragm., 127), мы поймем, почему Дионис-Загрей – бог мертвых – «Великий Ловец» человеческих душ. Мать его, Персефона – «Губящая» – Смерть, и он то же. Так, в мифе о Дионисе Лютом, Плотоядном, но не так в

мистерии: здесь Дионис – Благодатный, Кроткий, Meilichios (Schelling, Philos. d. Offenb., 470); здесь Великий Ловец ловит последнего врага – Смерть, как зверя – зверолов, своею собственною смертью – сетью, и когда-нибудь изловит, победит, умертвит.

XXVI

Миф о растерзании бога титанами впервые записан, как сообщает Павзаний, в веке Пизистратидов, Ономаркитом Афинянином, почерпнувшим его из неизвестных, должно быть, орфических, источников (Pausan., VIII, 37, 5. – E. Maas, Orpheus, 1895, p. 106. – Jeremias, 187). Судя по тому, что до нас дошло от мифа, он уже тогда похож был на детскую сказку.

Сказкой начинается все. Только что Персефона, рожденная от кровосмешения Зевса с Деметрой, сына с матерью, заневестилась, как все Олимпийские боги начали добиваться любви ее так, что, боясь кровавой между ними распри, мать спрятала дочь в подземный вертеп, где велела сторожить ее змеям. Но Зевс, воспылав и к ней кровосмесительной похотью, обернулся крылатым змеем, драконом, обманул сторожей, вполз в пещеру, сочетался с дочерью в любви, и родилось от них «рогатое» или «вологлавое Дитя», keroën brephos, Дионис-Загрей (Nonnos Panopolit., Dionysiaka, IV, v. 264. – R. Koehter, Dionysiaka des Nonnos von Panopolis, 18. –

Clement Alex., Adhorlat., II, 16–18. – Lobeck, Agloaphamus, p. 552. – O. Muller, Prolegomena, p. 390. – Creuzer, Symbolik und Mithologie, 1812, III, 3560).

Вся эта сказка – позднее наслоение нового мифа на древней мистерии, как бы сверху, недавно налипшие водоросли, тина, ракушки, на древнем орихалке «атлантской скрижали». Стоит только снять этот верхний слой, чтобы увидеть под ним, если еще не орихалк, то уже вулканическую лаву и тысячелетнюю ржавчину.

XXVII

Лестница кровосмешений: первое – сына с матерью, Зевса с Деметрой; второе – отца с дочерью, Зевса с Персефоною; будет и третье – опять сына с матерью, Загрея с Персефоною, чтобы родить Иакха и Кору; будет и четвертое – Иакха с Корою, брата с сестрою, чтобы родить Неизвестного. Что это значит? Новая сказка бессмысленна; может быть, и древний миф – налипшая на орихалке тина, уже не помнит смысла; помнит, да и то смутно, только древнейшая мистерия – лава и ржавчина. «Ложе Персефоны несказанное», – поет орфический гимн; «Первенцем, рожденным в браке несказанном», – называет Диониса-Загрея тот же гимн. Как рождается бог, не говорить, матери его не называть, – такова заповедь орфиков (Plutarch., vita Caesar, IX). Что-то здесь так свято и страшно, что об этом нельзя говорить. Что же имен-

но? Кажется, догмат «божественных кровосмешений». Узел их – двойной, тройной, четвертной – все крепче и крепче стягивается в мертвую петлю, чтоб задушить, убить Убийцу, Лютого Эроса – безличный Пол; остановить обратным толчком, anakyklosis, вечно вертящееся колесо Иксиона – рождение, смерть – смерть, рождение, – адскую пытку мира, колесование «дурной бесконечностью». Ткутся на ткацком станке «божественных кровосмешений» крепчайшие петли той сети, которою некогда Великий Ловец изловит последнего врага – Смерть.

Так, в одном порядке, а в другом – в догмате троичном – первый Дионис, «ветхий деньми», – Сын в лоне Отца; Сын и Отец – одно, как Персефона и Деметра, Дочь и Мать, – одно. Если так, то здесь уже нет кровосмешений: Сын-Отец соединяется с Матерью-Дочерью – Андрогин с Андрогином – в любви совершенной. Здесь уже не новая сказка – сверху налипшая тина, ни даже древний миф – лава и ржавчина, а древнейшая мистерия – орихалк «атлантской скрижали».

XXVIII

Бог – «крылатый змей», что это значит, миф тоже забыл, но смутно помнит мистерия. Змей – дьявол для нас, но для народа Божьего, Израиля, может быть и Существом Божественным – образом Иагве, Бога Всевышнего. «Сделал Моисей медного змея и вознес его, как знамя», – чтобы спа-

сти народ от множества змей, напавших на него в пустыне, и «когда змей жалил человека, он, взглянув на Медного Змея, оставался жив» (Числ. 21, 9. – IV Цар. 18, 4). Это знамя, по христианскому толкованию, есть бывшее Древо Жизни – будущий Крест: «как Моисей вознес змея в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому» (Ио. 3, 14).

Вспомним образ Кветцалькоатля, Диониса древнемексиканского, – «пернатого Змея с человеческим лицом – „Птицу-Змея“, Kukuklan, соединяющего два естества, небесное, пернатое, и подземное, змеиное: „прост, как голубь, мудр, как змей“; вспомним в древнетольтекском рисунке райское Дерево Жизни, с надломленным посередине стволом, источающим кровь и обвитым кольцами Змея с лицом Мужеженщины, arsênôthêlys, как определяют гностики офиты существо „второго Адама, Сына Человеческого“. Медного Змея как будто предчувствуют и теотигуаканские ваятели, сплетая кольца базальтовых змей в подобья крестов (См. выше: Атлант. I. Крест в Атлантиде, XVI–XVII). Если в двух половинах мира, восточной и западной, два символа такой религиозной глубины и сложности, как эти, совпадают так поразительно, то очень вероятно, что оба восходят к той общей, неисследимой для нас, „Атлантической“ древности, когда эти две ныне распавшиеся половины мира еще были соединены, – к тому, что мы называем „перворелигией человечества“.

XXIX

Что же значит «рогатое» или «вологлавое Дитя»?

Значит, бесенок для нас, все еще верящих глупому средневековому черту. Но вспомним «рогатую личину», facies cornuta, образ Божий, на лице Моисея, сходящего с горы Синайской; вспомним в Апокалипсисе «Агнца, как бы закланного, имеющего семь рогов, стоящего посреди престола (Божьего) на небе»; вспомним Крито-Миносские «роги посвящения» и бесчисленных жертвенных Тельцов и Агнцев, от Египта и Вавилона до Перу и Мексики, – вспомним все это, и мы поймем, почему Загрей – «Дитя рогатое», почему Зевс-Отец, только что увидел Сына-Жертву, узнал его и полюбил, как Сына единородного, посадил его одесную себя на престоле, дал ему власть метать громы (Creuzer, 348) и предназначил к владычеству над миром:

> Слушайте, боги: над вами его я царем поставляю,

приводит неоплатоник Прокл будто бы из стихов самого Орфея слова Зевса к олимпийским богам, и другой, тоже «орфеев стих»:

> Зевс царит надо всем, а Вакх царит и над Зевсом.

(Procl., in plat. Cratyl., 396 b. – S. Reinach, 80)

Мы поймем, почему орфики молятся:

О, Загрей, из всех богов высочайший!

и называют его «первым и последним богом» (Procl., in Plat. Tim.,1. V. – Creuzer, 326).

Начатое здесь кончит, снящееся здесь увидит наяву ап. Павел: «Бог воскресил Его из мертвых и посадил одесную Себя на небесах, превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем… все покорил под ноги Его и поставил Его выше всего» (Ефес., I, 17–22).

«Вот ваш Агнец – рогатое Дитя, Загрей. На что вам другого?» – посмеется в «Правдивом Слове» – нынешних «правдивых» историков предтеча, Цельз, и ужаснется Ориген «подобию бесовскому», не узнав смиреннейшей тени, черной на белой пыли дороги, у ног Господних (Origen., contra Cels., IV, 17).

XXX

Липкая тина, водоросли, ракушки, жесткая ржавчина, лава, – снято все, и мы как бы руками ощупываем гладкую, из неизвестного металла литую скрижаль; как бы глазами видим на ней полустертый, осененный крестом, облик какого-то жертвенного животного, Тельца или Агнца; как бы гла-

зами читаем надпись под ним: «Сын Божий умер за людей».

XXXI

Злая мачеха, Гера, давно уже ревнуя Зевса к Персефоне и желая погубить Загрея, когда однажды Зевс отлучился с Олимпа, подговорила титанов напасть и растерзать Младенца, – так продолжает сказка.

Кто такие титаны? Злые ли демоны, гиганты-чудовища, подобные Эфиальту и Бриарею, или древние боги, оклеветанные жертвы новых богов, человеколюбцы и страстотерпцы, подобные Атласу и Прометею?

> Дети Небес и Земли, венчанные славой титаны,
> Пращуры пращуров наших, живущие в Тартаре темном,
> Вы – родники и начала всей страждущей твари,

молятся им орфики (Hymn. Orph., XXXVI, – O. Kern, 554). Кажется, природа титанов двойственна: то, как стихийная, не знает ни добра, ни зла; то, как человеческая, может быть злою и доброю. Сам Дионис, прежде чем сделаться жертвою, полутитан: вот почему «Загрей – дикий», Zagreus agrios. Дикое в нем, так же как в них, – первично-стихийное, свободное, еще не сделавшее выбора между злом и добром. «Бог поставил свободную волю Своего творения так высоко, что подчинил ей судьбу всего дела Своего» (Schelling. Philosophie der Offenbarung, 359). Эта свобода в Боге – ти-

тан в Дионисе. Чтобы сделать свободный выбор, надо знать, а чтобы знать, надо страдать; жажда свободы есть жажда познания – страдания. Этот вечный закон Катода, Нисхождения, царит и над Дионисом, Сыном, так же как над Деметрой, Матерью. Память неба о земле, первая черная точка скорби земной в небесной радости, как бы черная мушка на снежной белизне Олимпа, – вот что такое титан в Дионисе.

XXXII

Первая точка, но не последняя. Черные тени встают из подземных глубин, выползают, огромные; лезут, карабкаются по отвесным кручам скал, неуклюжие; падают и лезут опять; к небу тянет подземных закон Восхождения, Анода. Страшные, черные, небесным огнем опаленные лица; кровью слезящиеся очи. Чтоб не испугать Младенца, ухитрились: вымазали мелом черные лица, точно белые маски надели (Koehler, 13), но лучше не стали, только смешное прибавили к страшному. Вот где начало всех будущях «масок», «лицедейств», на сцене мира, – всей будущей земной Трагикомедии, от которой хочется плакать и смеяться вместе.

Взлезли, наконец, на небо; по снегу Олимпа ползут, стелются узко, плоско и длинно, как закатные тени или прибитые псы; доползли до порога вышней обители, подняли головы, глянули внутрь, в опустевший чертог, где маленький Мальчик прячется в угол, смотрит на них большими глазами,

боится и любопытствует. Черные кивают ему головами, скалят зубы ласково, манят небесное Дитя земными игрушками – земной геометрией, физикой, механикой: конусом, кубарем, волчком, игральными костями, золотым Гесперидовым яблоком и круглым, как солнечный диск, золотым зеркалом (Nonnos Panopol., VI. – Arnob., V. – Lobeck, Aglaoph., 547. – Welcker, 638. – Creuzer, 350–352. – Koehler, 14).

Мальчик осмелел, подошел, начал играть: в кости – в случай; в мяч – Гесперидово яблоко – плод с Древа Жизни; ставит на острие конус – необходимость, невозможность соединить центр с окружностью, Бога – с миром; катит кубарь – шар земной, и пускает волчок – звездную сферу небес, вертящуюся в вечности. Кроме игральных костей, все круглое, подобное круговращениям мировых колес, циклов-эонов, в вечных возвратах, «дурных бесконечностях».

XXXIII

Мальчик играет, а все же косится на черных с белыми лицами. Вдруг глянул в зеркало, уведел себя и загляделся так, что все забыл. Черные подкрались сзади, кинулись, схватили, захохотали до кровавых слез; еще не знают, что сделают, – заласкают или задушат, загрызут. Мальчик забился в руках у них, как пойманная бабочка; выскользнул змейкой, выпорхнул птичкой, и побежал, меняя бесчисленно образы: ржущий конь, пенистый вал, рыкающий лев, жужжащая

мушка, далекая звездочка, туча, гора, былинка. Ловят – изловить не могут. Но только что, кончив весь круг превращений, вернулся к тому, чем был в начале, – к рогатому Младенцу-Жертве, – поймали, заласкали, задушили, растерзали, разрубили на части двуострою секирою, лабрисом, как жертву – жрецы, выпили кровь, мясо сварили в котле, изжарили на вертеле и пожрали все, кроме сердца: «сердце, еще бьющееся», pallomenên kardian, отняла у них вовремя подоспевшая Афина и отдала его Зевсу (Welcker, 632–638). Тот испепелил титанов молнией, и закишели, в непростывшем пепле их, люди, как черви: вот почему два начала в естестве человеческом – злое, титаническое, и благое, божеское, поглощенное титанами с Дионисовой плотью и кровью.

Сердце же его, обнаженное, облекла Деметра новою плотью Вакха Человека, Диониса третьего, земного (первый, Небесный, – Дий; второй, Подземный – Загрей). Так, по одному сказанию, а по другому, – члены растерзанного, но не пожранного Диониса, заключив их в гроб-ковчег, сами титаны передали Аполлону для воскрешения, и тот похоронил их у своего Дельфийского треножника, до дня воскресения. Значит, убийцы раскаялись – поняли, что сделали: не были злы до конца, а только буйны и слепы, как стихийные силы природы. И еще по другому сказанию, сердце Сына, Диониса, проглотил Отец-Зевс, или, растворив, истолченное, в нектаре, напоил им Семелу, Zemla, – третью Деметру, Земную (первая – Небесная, Урания; вторая – Подземная, Хто-

ния), и когда сочетался с нею в любви, родился от нее Дионис Человек (Creuzer, 444).

XXXIV

Мифы на мифы, новые – на древние, как листики слоеного теста или пласты геологических пород, наложены и скреплены так, что ни разделить, ни даже различить их почти невозможно; но чувствуется всюду в этой переслойке смешение новизны с давностью: детская сказка – солнечная рябь на лазурной глади того Океана, где погребена Атлантида.

Так же как звероловы Миносского Крита и цари атланты в мифе Платона ловят сетями жертву-быка, ловят и титаны незримою сетью лжи Дитя рогатое или вологлавое; так же разрубают жертву на части, жарят мясо и пьют кровь. Чем разрубают? Лабрисом, двуострою секирою, – крестом распятого Эроса, знаменьем Божественной Двуполости, потому что и сам Загрей двупол – «крылатая Мужеженщина» (Lobeck, Aglaoph., 547. – Koehler, 13. – Sainte. Croix, Recherches sur lez Mystères du paganisme, I, 205).

Смысл древнего мифа забыт умом, но сердцем помнится, как в вещей памяти снов.

XXXV

Смутно, как во сне, помнится, что дело идет о конце од-

ного мира и начале другого, но порядок их спутан. Зевсова молния, испепелившая титанов, зажгла всемирный пожар, ekpyrôsis, и в нем сгорело бы все, если бы Океан Атлас не умолил Зевса угасить пожар потопом. Это соединение воды с огнем в гибели первого мира повторяет незапамятно-древний, общий сон человечества, от саисских иероглифов и вавилонских клинописей до древнемексиканских кодексов. Спасся от потопа только один человек первого мира, Девка-лион, в ковчеге, larnax, – вавилонский Атрахазис, израильский Ной (Procl., in Plat. Tim., ap. Creuzer, 409).

Здесь уже связь Дионисова мифа с Атлантидо-потопным так очевидна, что можно только подивиться, как, за две тысячи лет, этого никто не заметил.

XXXVI

Чередование в мифе поздней утонченности с первобытно-дикою грубостью всего удивительней. Многое могли, конечно, прибавить истолкователи-орфики, но не все. Можно, восстановляя по частям целое, как это делают современные ученые, скрепить в один остов разрозненные кости допотопного чудовища, но выдумать его нельзя.

Круглость титанических игрушек – символ «дурной бесконечности» и, губящее младенца Загрея, «живое зеркало», dolion katoptrom, как его толкует Прокл: «В зеркало глянул Загрей, увидел в нем свой образ и, пленившись им, создал по

этому образу многообразный мир» (Procl., in Plat. Tim., ap. Creuzer, 409), – от метафизической глубины подобных символов кружится голова и у нас, после «Трансцендентальной эстетики» Канта и теории Эйнштейна; и тут же рядом, как бы озаренный во тьме Ледниковой ночи кострами людоедского пиршества, миф о пожиранье бога титанами. Эти сочетания «эйнштейно-кантовской» отвлеченности с пещерною дикостью напоминают те бретонские «шатающиеся камни», менгиры (pierres branlantes), – исполинские глыбы, установленные способами нам неизвестной, превосходящей всю нашу технику, «Атлантской механики-магии», с такой математической точностью, что достаточно усилия детской руки, чтобы глыба зашаталась, как будто готовая упасть, но не падая: установится опять и простоит, как уже простояла, неизвестно сколько тысяч лет.

И еще похоже на то, что пещерные люди в европейской «колонии Атлантов» подслушали тайны учителей своих, многого не поняли, забыли многое, но кое-что верно, не умом, а сердцем запомнили и, переделав все на свой лад, лепечут смутно, как в бреду, полузвериным, полудетским лепетом.

XXXVII

Уже и древние истолкователи мифа не знают, что с ним делать, и находят в нем смысл, иногда очень глубокий, но не

его, а чужой. Вот как толкует его Плутарх, сам посвященный в Дионисовы таинства: «Бог, по природе своей, неизменный и вечный, подвергается, по действию неотвратимого закона („нисхождения“, катода), различным изменениям лица своего… Когда же изменяется, превращаясь в воздух, воду, землю, звезды, злаки, животных, – мудрые называют это „растерзанием“, „расчленением“, diaspasmos, diamelismos; бога же самого называют Дионисом Загреем, Ночным, Nyktelios, Уравнителем, Isodaïtês. Гибели его, исчезновения, смерти и воскресения, palingenesiai, именуются именами сокровенными и баснословными». Это уже метафизика, вместо религии; мертвое, вместо живого, но и в мертвом, как мушка в янтаре, сохраняется главное: «вечность-эон превращений огненных относится к эону стройного космоса, как Один – к Трем» (Plutarch., de Ei apud Delphos, IX. – Welcker, 630). Один – Сын: Три – Троица: жертва Сына совершается в Троице.

XXXVIII

«Я изреку двойной закон всего: из многого – единое, из единого – многое», – учит Эмпедокл (J. Girard, Le sentiment religleux en Grèce, 1897, p. 237). Дионис – Isodaitês. Равнодающий, Уравнитель, потому что в смерти уравнивает всех, или потому что равняет, соединяет разделанные части космоса, – учат орфики (Gruppe, Die Griechische Mytologie,

1906, II, p. 1432). «Буйное разъятие, расторжение, есть Дионис; стройное соединение – Аполлон», – по неоплатонику Проклу (Вяч. Иванов. Религия страдающего бога. Новый Путь, 1904, IX, 59). «Смертью богов люди живут», – по Гераклиту (Heracl., fragm. 62). «Бог должен умереть, чтобы жило отдельное, личное. Er selbst muss untergehen, damit das Einzelne Iebe», – по Шеллингу (Schelling, Philosophie der Offenbarung, 469).

Смерть Бога – жизнь мира.

> Denn Alles muss in Nichts zerfallen,
> Wenn es im Sein beharren will.
> Все должно в Ничто распасться,
> Да пребудет в бытии,

скажет Гете, последний посвященный в Дионисовы таинства.

Вся эта метафизика – серый туман или золотые облака над Океаном, где погребена Атлантида, – от подлинного смысла древнего мифа-мистерии – «атлантской скрижали», дальше, чем та детская сказка – солнечная рябь на воде Океана. Самое же от древнего смысла далекое, как звезды над Океаном, – тот новый религиозный смысл, который находят орфики в Дионисовых таинствах.

XXXIX

Сердце бога, сущее в нас, жаждет воссоединения со всеми остальными частями растерзанного тела его; цель человеческой жизни – окончательное освобождение тлеющей в нас, божественной искры и ее успокоение в Дионисе целостном; злое начало, титаническое, мешает нам, соблазняет нас все к новым воплощениям, «различениям», – ликам и образам; мы рождаемся и умираем, и вновь рождаемся, погребая душу в «тело-гроб», sôma-sêmê; и этому не будет конца, не остановится вертящийся «круг вечности», «колесо рока – рождения», rota fati et generationis, доколе душа не вернется туда, откуда вышла, – в лоно Отца, Диониса Небесного (Ф. Зелинский. Древнегреческая религия, III).

«Кончить круг, отдохнуть от тяжести!» – молятся орфики Дионису Лизею, Освободителю (Greuzer, 470). Мысль о «первородном грехе», progonôn athemistos, – основная мысль орфической теологии. Люди – исчадье титанов, растерзавших бога Загрея, – несут на себе бремя этого «беззакония», adikia, но он же, Загрей, дарует им и «освобождение, искупление древних кар», lyseis palaiôn mênimatôn (S. Reinach. Cultes, Mythes et Religions, II, 75–76). «Мира и Бога единство изначальное расторгнуто виной дочеловеческой, и мир, порожденный этим расторжением, несет на себе казнь за вину», – учит Анаксимандр (Reinach, 1. c. 76).

Казнью своею земля искупляет наши злодейства,

учит и Виргилий (Virgil., IV eklog., v. v. 13–15).

«В тело, темницу, заточена душа за некую вину», – напоминает Климент Александрийский учение орфиков (Clement Alex., Strom., III, 3, 17). «Все мы живем, в наказанье за какую-то великую вину», – напоминает и Аристотель, кажется, то же учение (G. Anrich. Das antike Mysterienwesen, 1893, p. 17).

Человеческие души, заглядевшись на себя в лживое зеркало мира, так же как младенец Загрей, – пьянеют, шатаются, падают с неба на землю – рождаются (Plotin., Ennead., IV, 3, 12. – Procl., in Plat. Tim., ap Creuzer, 446). В чаше слияния – Мировая Душа, в чаше разделения – человеческие души; из нее выпадают они, рождаясь, в бытие личное, после же смерти, вливаются в чашу слияния, чтоб раствориться в Безличном. Так, по одному сказанию, а по другому: жадные души пьют из чаши забвения – «рождающей Леты», увлажняют крылья свои вакхической влагой, тяжелеют и падают в мир – забывают, засыпают – рождаются; пьют из чаши мудрости, и сушат крылья, легчают, вспоминают – умирают – пробуждаются (Creuzer, 446, 411, 450).

XL

Очень знаменательно, что одно из тайных имен Персефоны – Майя, Maia, имя уже не греческой, а индийской богини: Майя – прозрачная видимость сущего в буддийской метафизике. Мир – подземная пещера, где Персефона-Майя ткет из плоти и крови – белого льна и пурпура – длинные, влажные, влачащиеся, тяготящие ризы душ – тела (Creuzer, 448, 455).

«Кончить Круг, отдохнуть от тяжести», но где отдохнуть, в жизни вечной или в вечной смерти – небытии, – это не решено, а если решить, довести начатый уклон до конца, то, может быть, новый смысл Дионисова таинства будет противоположен древнему: там воплощение, здесь невоплотимость Бога; там утверждение Личного, здесь – Безличного; там Бог Сущий, здесь – несущий, Mêôn; там путь к христианству, здесь – к буддизму: Майя – за Персефоной, Будда – за Дионисом.

XLI

И вот что опять всего удивительней: миф тлеет, как шелуха на зерне; нетленна мистерия. Память ума давно уже утратила, но все еще хранит память сердца древний, темный, дикий, страшный смысл таинства: «Бога должно заклать». Именно этот древний смысл продолжает быть основою двух

высочайших вершин дохристианского человечества – Самофракийских и Елевзинских таинств.

Люди уже не помнят или еще не знают, какое, откуда и куда несут сокровище, но берегут его, как душу свою, и сберегут, донесут – через сколько веков и народов! – до вертепа Вифлеемского, где положат к ногам Иисуса Младенца, как те волхвы с Востока – ладан, смирну и золото, эти – с Запада – Атлантидную жемчужину.

XLII

Вольная жертва Сына или невольная? Этим решается все: в первом случае, Дионисово таинство – путь к единой и последней Жертве Голгофской; во втором – к бесконечности человеческих жертв, к той религии бога-дьявола, которая уже погубила первый мир и погубит – второй, если он отречется от Жертвы Единой.

Было ли сознание вольной жертвы в древних таинствах? Было, но в очень слабой степени. «Потому любит меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее, и власть имею опять принять ее» (Ио. 10, 17–18). Между этим сознанием и тем, что брезжит в Дионисовых таинствах, такая же для человечества разница, как для блуждающего путника – между болотным огоньком и солнцем, или для умирающего от жажды – между снящейся водой и на-

стоящей. Но если бы в древних таинствах люди не бодрствовали так, то не увидели бы солнца восходящего; если бы не жаждали так, то не нашли бы воды живой.

XLIII

Каждый человек есть Дионис растерзанный – жертва Богу или дьяволу. Будем это помнить, когда искушает нас лукавый дух смиренья: «Что я могу, один?» Каждый человек что-то может и один; каждый – погибает или спасается со всеми, и, если погибнет, даст ответ за себя и за всех.

XLIV

Мы никогда не нашли бы «скрижали атлантов» – подлинного смысла древних таинств, не будь у нас нового таинства христианского – божественного лота океанских глубин. Если бы находка скрижали произошла не в духовном порядке, а в вещественном, менее действительном, то очень вероятно, что впечатление от нее было бы таким же потрясающим, как от пришедшей на землю вести с планеты Марс; Крест, Агнец и надпись: «Сын Божий умер за людей», больше всего удивили бы: чудом казалось бы, что за 8000 лет до Р. Х. люди могли узнать, что это ***будет***, как будто меньшее чудо, что через 2000 лет от Р. Х. люди уже забыли – помнят только умом, но не сердцем, – что это ***было***. Также вероятно, что находка

смутила бы нынешних христиан и врагов христианства одинаково, хотя и по-разному: эти сделали бы вид, что злорадствуют: «Все христианство только миф», но втайне боялись бы: «Не слишком ли древний миф?» А христиане сделали бы вид, что радуются, но втайне тоже боялись бы: «Не только ли миф христианство?» И, если бы, при первом слухе о том, что могут быть найдены атлантидные сокровища, более понятные всем, чем эта ржавая доска, все о ней забыли бы, то христиане и враги христианства вздохнули бы с облегчением одинаковым.

Понял ли бы хоть кто-нибудь из нас, что эта скрижаль больше всех сокровищ мира; понял ли бы хоть кто-нибудь, почему весть о гибели первого человечества послана именно нам, именно в наши дни – может быть, накануне второй Атлантиды – Европы; понял ли бы хоть кто-нибудь, что спасение наше зависит от того, услышим ли мы этот остерегающий зов наших погибших братьев, атлантов – пять самых для нас непонятных, забытых и неизвестных из всех человеческих слов:

Сын Божий умер за людей?

12. Дионис человек

I

«Здесь покоится умерший Дионис, рожденный от Семелы», надписи этой на гробе Диониса в Дельфийском святилище (Philochor., fragm., 22, ap. Malala. – Welcker, 632) как будто противоречит миф: там Дионис, растерзанный титанами и погребенный в Дельфах, – сын Персефоны, а здесь – Семелы. Что это, ошибка? Нет, кажется, два Диониса – премирный и рожденный в мир – отождествляются сознательно; или, может быть, Дионис, бог, забыт, помнится только Человек, потому что он людям нужнее: много богов на небе, и все они сходят на землю, но ни один не сходил так, как Дионис-Человек, чтобы жить, страдать, умереть и воскреснуть.

II

В три года раз, в ноябрьскую ночь, пять дельфийских жрецов, hosioi, «чистых», «святых», приносят над гробом Диониса Ночного, Nyktelios, «неизреченную жертву», по слову Плутарха, вынимают из гроба растерзанные члены его, – должно быть, выточенные из дерева или вылепленные из воску, и складывают их, соединяют в цельное тело, как бы

воскрешают мертвого, в то время как вакханки-фиады, с горящими факелами, с пением и пляской, качая колыбель Новорожденного бога Ликнита (Liknitos), над гробом умершего, «будят спящего» (Plutarch., de Isid. et Osirid., XXXV. – P. Foucart. Le culte de Dionysos en Attique, 1893, p. 28. – Welcker, 632), а высоко над Дельфами, на снежных полях Парнасса, в зареве бесчисленных огней, полыхающих так, что плывущие по Коринфскому заливу корабельщики видят их издали, – тысячи фиад, со всех концов Греции, пляшут исступленную пляску-радение тому же Дионису Ночному (Preller, Theogonie und Götterlehre, 1894, p. 690); в лунной вьюге вьются, лунные призраки; тонким хрусталем от мороза подернувшись, плющевые тирсы звенят, как хрустальные; падают на снег плясуньи, изнеможенные, полузамерзшие, но сердца их горят неутолимою жаждою «богоявления», «пришествия», – сами они еще не знают, Кого.

III

Гроб Диониса Человека в Дельфах есть «омфал», omphalos, «пуп земли», тот центр, вокруг которого движется все в пространстве и времени (Tatian., contra Graec., VIII, 251. – Hippolyt., Philosoph., V, 20. – Harrison, Prolegomena, 554). Тайнодействием жрецов, соединяющих растерзанные члены умершего бога, тайнодействием жриц, пробуждающих новорожденного бога, возвещается главное, им самим

еще непонятное, дело человечества – «того эона всемирной истории, чье содержание вечное, начало и конец, причина и цель, – Христос» (Д. Мережковский. Тайна Трех, 28).

IV

Дионис родился Человеком, это знает миф; но как он жил и умер, – еще не знает или уже не помнит.

Дионис родился, по Геродоту, в 1544 г. до Р. Х., – значит, при XVIII египетской династии, Тутмозов, в полном для Египта свете исторического дня, в предутренних для Греции сумерках (Greuzer, 107). «Было три Диониса, обожествленных после смерти человека», по Диодору. Три меньше одного, если дело идет о достоверности лица исторического. Первый, старший, Дионис Индийский учит людей виноделию; второй, средний, – сын Зевса и Персефоны, «с рогами овчими» (Агнец-Жертва), учит их земледелию; и третий, младший, – сын Зевса и Семелы, Дионис – Вакх, проходит по всей земле, во главе женского воинства, должно быть, амазонок-мэнад; тирсы их – копья, обвитые плющом, притупленные на остриях сосновыми шишками, чтобы не ранили, – оружие войны, превращенное в знамение мира.

Без оружья, без насилья,
Легки все дела богов.

В братский союз объединяет он все племена и народы,

прекращает войны, устанавливает вечный мир – новый Золотой век – царство Божье на земле (Diodor., III, 6, 64. – Foucart., 1. c. 12).

Это и есть тот Дионис Человек, чьи растерзанные члены покоятся в гробу Дельфийского святилища. Кем же он растерзан и за что? Этого миф не знает. Сказка-болтунья вдруг умолкает, немеет, как будто испугавшись чего-то. Этого не знает миф, ни даже мистерия. – «Вакховы таинства (растерзание бога-жертвы) произошли из ***действительных событий***, из человеческих жизней или смертей», – кажется, так можно истолковать неясные, но глубокие слова Лактанция: ipsi ritus ex rebus gestis, vel ex casibus, vel ex mortibus nati (Вяч. Иванов, 1. c., V, 38). Это и значит: таинства связаны с каким-то лицом историческим. Но воля мифа к истории чем-то у древних обессилена, – чем, они еще сами не знают; как бы рукой осязают что-то завернутое в ткань покрова, но снять его еще не могут.

V

Бледною тенью исторического лица проходит через всю эллино-римскую древность Дионис-Орфей. Летопись Паросского Мрамора помнит год его рождения, 1399 до Р. Х.: значит, почти современник египетского царя, Ахенатона, и это, может быть, не случайно: так схожи эти два лица (A. Wiedermann, Herodots. Zweites Buch, 1890, p. 242).

Конон, писатель Августова века, не сомневается в историческом бытии Орфея, так же как историк Страбон, знающий даже место, где он родился, – Пимплею (Pimpleia), у Термейского залива, в Южной Фракии (Conon, Narrat., XLV. – Strab., fragm. 17–19. – Harrison, 1. c. 468). «Чудным даром песен, врачеством болезней и знанием обрядов для умилостивления богов, Орфей достиг власти над людьми», – сообщает Павзаний (Pausan. IX, 12). По Диодору, Орфей «писал о Дионисе Первом (Загрее) пелазгийским письмом», – может быть, критоминосским, только что нами открытым, но еще не прочитанным (Harrison, 467). Самый же для нас важный намек у неоплатоника Прокла: «Будучи пророком Дионисовых таинств, Орфей пострадал, подобно богу своему», homoia pathein tô aphesterô theô (Procl., ad. Plat. Polit., ap. Harrison, 461). Этим страданиям, «страстям» Диониса-Орфея посвящена потерянная трагедия Эсхила «Бассариды» (так назывались поклонницы Диониса Лютого, жены бассаров, Bassaroi, дикого фракийского племени). Вот что сообщает о ней Эратосфен, александрийский ученый времен Птоломеев: «Не Диониса почитал Орфей величайшим из богов, а Гелиоса-Аполлона, и, восходя до света на гору Пангей (Pangaion), ждал зари, чтобы первому увидеть солнце; за что Дионис, разгневавшись, наслал на него бассарид… и те растерзали его и разметали члены его; музы же, собрав их, похоронили» (Eratosth., Catasterism., XXIV). А по другому сказанию, тело его пожрали бассариды-людоедки, так же как

тело Загрея – титаны (S. Reinach, 1. c., II, 89).

Если Орфей – воплощение Диониса Кроткого, Meilichios, то понятно, почему он восстает на страшного двойника своего, Диониса Лютого, Omêstês.

> Диким людям Орфей, святой богов прорицатель,
> Ужас к убийству внушил и к мерзостной пище.
>
> *(Horat., Ars poet., c. 391, s. s.)*

То же делает, на другом конце мира, древнемексиканский Орфей-Кветцалькоатль. Оба приносят себя в жертву, чтобы прекратить бесконечность человеческих жертв.

На гору восходит Орфей до-свету, когда все еще люди спят, и первый поклоняется восходящему Солнцу, – древние еще не знают какому, – мы уже знаем.

VI

Тень Орфея – Пифагор, так же как сам Орфей – Дионисова тень. «Чистые», «святые», hosioi, katharoi, – имя пифагорейцев-орфиков. Так называемая «орфическая жизнь», orphikos bios, в «монастырских общежитиях», «киновиях», koinobioi (то же слово, как для будущих фиваидских пустынников), южноиталийских городов VI века, – общность имущества, пост, целомудрие, молчание, послушание, – уже настоящее дохристианское «монашество». Так же гонят и пифагорейцев, как будут гнать христиан; так же скрываются

они в подземных тайниках, «катакомбах». Дом, где заперлись в Кротоне, сожгла возмутившаяся чернь, и почти все они погибли в пламени. Сам Пифагор, если верить Плутарху, был сожжен на костре, в Метапонте, как настоящий христианский мученик (Diogen. Laert., 1, I. VIII, X. – A. Chaignet, Pythagore et la Philosophie pythagoricienne, 1873, p. 102, 120, 87. —Fracassini, 101. – Carcopino, 178, 214).

«Св. Пифагор», «св. Орфей», хочется сказать, – почему, понял бы Данте, сходивший в Ад, подобно им обоим, с учеником их, Виргилием. В нимбе святости, и вошел в христианскую легенду Орфей. В стенописи римских катакомб, он – певец-кифаред небесной любви; в равенской мозаике Apollinarius in Classe – Пастырь Добрый, а на гематитовой печати гностиков Офитов – распятый на кресте (S. Reinach, 1. c. II, 83. – Harrison, 457).

VII

Как Дионис Человек жил в мире однажды, мы не знаем, но знаем, как он всегда живет в человечестве. Эта жизнь – ***экстаз***, extasis, в древнем смысле, – не нашем; наше слово «экстаз» измельчало и стерлось так, что потеряло свой первоначальный смысл. Трудно объяснить и еще труднее дать почувствовать нынешним людям, что такое экстаз, как слепорожденным, что такое солнце.

Первые точки экстаза доступны всякой живой душе чело-

веческой; каждый из нас проходит через них, в любви, в природе, в музыке, в детских, райских снах; но только что пытаемся мы провести от этих точек линии вверх, как они искривляются вниз – из светлого экстаза в темный, из божеского – в демонический. «Если мы выходим из себя, exestemên (тот же корень, как в слове exstasis), то для Бога», – говорит ап. Павел, один из величайших учителей экстаза, «восхищенный до третьего неба и слышавший там неизреченные глаголы» (II Кор. 5, 13; 12, 2–4); а мы должны бы сказать: «Если мы выходим из себя, то для себя, а не для Бога». В этом и разница между древним экстазом и нашим.

Чтобы в стакан с водою влить вино, надо сначала выплеснуть воду; так человеку надо «выплеснуть» душу свою, чтобы влилось в нее нечеловеческое – не будем предрешать, что именно, здешнее или нездешнее, божеское или демоническое, – скажем просто: «неизвестное», какое-то искомое ***x***. Оно не может войти в человека, пока он полон собою; ему надо сначала «выйти из себя» (по слову Павла и посвященных в мистерии), «потерять душу свою», чтобы приобрести душу иную, – не будем опять предрешать, какую именно, лучшую или худшую, – скажем просто: неизвестную «душу-***x***», как есть «***x***-лучи». Вот это «выплескивание», «потеря души», это «выхождение» человека из себя и есть в религиозном, столь для нас непонятном смысле, Экстаз.

VIII

Все мы живем не по «большому», а по «малому разуму»; его лишиться, значит для нас «сойти с ума». Легче нам себя убить, чем сделать это добровольно, а это и нужно, чтобы испытать экстаз.

Еврипид в «Вакханках», уже забоявшийся и усомнившийся в экстазе, вместе с Сократом, знает все-таки, что суд «малого разума» над «безумием» экстаза немногого стоит:

> Немудро то, что мудростью считают.
> To sophon d'ou sophia.
>
> *(Eurip., Bacch., v. 395)*

«Мудры мы одни, остальные безумны», – вещает исступленный Вакхом, старый прорицатель Тирезий.

Лучше Еврипида знают это пророк Исаия и ап. Павел: «Мудрость мудрецов погублю и разум разумных отвергну, говорит Господь». – «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (Ис. 29, 14; 33, 18. – I Кор. 1, 25, 27; 3, 19).

Можно отвергнуть всякую религию, как «безумие», но, приняв ее, надо принять и мудрость ее – экстаз.

IX

Может быть, он «болезнь»; но если дети, когда у них про-

резаются зубы, и женщины, когда рождают, – болеют, то из этого не следует, что людям надо жить без зубов и без детей. Может быть, экстаз такая же «болезнь души», как жемчужина – болезнь раковины. Будь мы не только телом, но и духом здоровы, как боги, может быть, мы погружались бы из экстаза в экстаз, как в бурном море пловцы – из волны в волну.

X

«Вышел из себя», exsestê, сказано в Евангелии о Сыне Человеческом, тем самым словом, каким посвященные в древние таинства говорят о людях в экстазе. «Ближние Его пошли взять Его (kratêsai, „взять силою“), потому что говорили, что Он вышел из Себя» (Марк. 3, 21–30). «Впал в исступление», in furorem versus est, в переводе Вульгаты, или, по-нашему, «сошел с ума». «Ближние» – братья, сестры, Мать, а Матери ли было не знать, Кого Она родила? Если могут люди так ошибаться о самом божественном из всех экстазов, то о человеческом – тем более.

XI

Ритм, лад мирового движения, есть Дионисова пляска, уносящая души, так же как солнца и атомы. В глубь засасывает щепку водоворот; душу увлекает к Богу пляска.

Кто изведал силу пляски, в Боге тот,

как будто вторит Джелаледин-Руми, персидский поэт-дервиш, св. Клименту Александрийскому: «Кто лада хоровых плясок не ведает, тот еще не причастен к Божественной Истине» (Вяч. Иванов, 1. с., V, 343. – Clement Alex., Strom., VII, 41. – Anrich, Das antike Mysterienwesen, 133).

Пляшем и мы, но, в лучшем случае, ни для кого, а в худшем – для Ирода, чья плата за пляску – голова Предтечи. Если бы кто-нибудь из нас вздумал плясать для Бога, мы посмеялись бы над ним, как Мелхола – над Давидом, «плясавшим и скакавшим пред ковчегом Господним»: «Как отличился сегодня царь Израилев, обнажившись перед глазами рабынь, рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек! – И сказал Давид Мелхоле: пред Господом плясать буду… пред Господом играть и плясать буду… И еще больше уничижусь… и буду славен! – И у Мелхолы не было детей до дня смерти ее» (II Цар. 6, 14–24). А от семени Давидова родится Спаситель мира.

Наша казнь за презрение к божественной пляске – казнь разумной Мелхолы – бесплодие.

XII

Сердце Диониса, растерзанного и погребенного, прозябло, как семя в земле, и выросло из него Древо Жизни, Ви-

ноградная Лоза, чьи слезы – вино; божья скорбь – радость человеков (Jeremias, 186).

Вакховы слезы прольются, слезы людей услаждая.

(Nonnos Panopol., Dionysiak., ap. Koeler, 24)

«Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь… Пребудьте во Мне, и Я – в вас… Я есмь лоза, а вы – ветви» (Ио. 15, 1–5). Ветви, гроздья, листья, волокна, клетки растительной ткани – многие души племен, народов, родов, людей, а Душа единая – ствол и корень Лозы – Дионис. С нею-то и соединяет отдельные души экстаз, чья последняя, в самом христианстве еще не достигнутая цель: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ио. 17, 21).

XIII

Надо быть ученым прошлого века, кажется, еще более религиозно-низменного, чем наш, чтобы сравнивать, как это делает Ервин Родэ, автор знаменитой «Психеи», учитель бедного Нитцше – «бедных Нитцше», потому что имя их сейчас легион, – чтобы сравнивать Дионисову пляску с нашею средневековою «пляской черной смерти» (Erw. Rohde, Psyche, II, 42). Очень может быть, что в той, древней пляске было нечто еще более страшное, демоническое, чем в этой, новой; но ведь было же и нечто другое, что с демоническим

боролось и победило в христианстве. Скажем на эстетическом, для Нитцше-Родэ более понятном, языке: из Дионисовой пляски родилась трагедия – величайшая на земле красота и одна из величайших мудростей, а из «пляски черной смерти» не родилось ничего. Чтобы этого не видеть, надо быть слепым, как Мелхола.

XIV

Родэ объясняет Дионисову пляску «повальною душевною болезнью» эллинских племен в VIII–VII веке – следствием страшного душевного потрясения, испытанного в ближайшие прошлые века Ахео-Дорийского нашествия, так внезапно и дотла разрушившего Микено-Троянскую Грецию. Но мы теперь знаем, что «болезнь» началась раньше.

Добрый, старый Плутарх правее нынешних ученых и здесь, как почти везде в мистериологии. В «Жизни Александра», – кстати сказать, одного из величайших вакхантов, или, по Нитцше-Родэ, «душевнобольных», – победившего мир македонскою фалангою видимых копий и вакхической – невидимых тирсов, – Плутарх замечает, что «экстаз», «энтузиазм, enthousiasmos, одушевление человека духом Божьим», идет «от глубочайшей древности, ek tou pany palaiou» (Plutarch., Alexand., II. – P. Perdrizet, Cultes et mythes du Pangée, 1910, p. 75). Мы теперь знаем, что древность эта для Западной Европы – Неолит или Бронза, а для Кри-

то-Эгеи – баснословное «царство Миноса».

Вспомним десять пещерных мэнад Когульской росписи в Восточной Испании, пляшущих неистово, изгибающих, ломающих осино-тонкие станы, вокруг черного, голого мальчика, и тут же, на самом видном месте, но вне плясового круга, жертвенную лань, пронзенную двумя стрелами – может быть, напоминание о том, что сам бог – тот мальчик в средоточии пляски – есть Жертва (См. выше: Атлантида I, Атлантида-Преистория, VIII).

Вспомним резьбу на золотом перстне Изопаты, города близ Кносса, столицы Миносского царства, II–III тысячелетия – времени близкого, по летосчислению Геродота, к Дионисову «пришествию»: тонкие, гибкие, как водоросли девушки-плясуньи, в таких же юбках-колоколах, как у тех пещерных мэнад, с такими же осино-тонкими, ломкими станами и с острыми, голыми сосцами, пляшут на цветущем шафранном лугу, такую же исступленную пляску, терзающую тела их судорогой смертной боли, упоения смертного, и вызывающую «видение» phasma, бога Отрока (R. Dussaud, La civilisation préhellénique, 375).

С Крита путь – на запад, судя по Когульским пещерным мэнадам, в Восточную Испанию – к Столпам Геркулесовым, к Атлантике, а на Восток – в Ханаан, Св. Землю, где некогда Давид будет плясать пред ковчегом Господним, как исступленный вакхант, и Сын Человеческий скажет: «Я есмь истинная виноградная лоза»; таков для Дионисовой пляски,

так же как для всех древних таинств, Средиземно-Атлантический путь.

XV

Шестой век из всех веков дохристианского человечества за память истории – религиозно-небывалый, единственный. Пифагор и Гераклит в Греции, Второ-Исаия в Израиле, Зороастр в Мидии, Будда в Индии, Лао-Дзи и Конфуций в Китае: надо всем миром как бы дыхание Духа Божьего повеяло. Кажется, под ним-то и вспыхнуло пламя Дионисовой пляски в Греции, с такою силою, как еще никогда.

XVI

Всякий обуянный Вакхом человек становится богом: вот почему имя его просто «вакх» для мужчин, «вакханка» для женщин; имя же экстаза – «слияние», synchysis (П. Страхов. Воскресение, 1916, с. 39). Человеческие души с духом Дионисовым сливаются в огне экстаза, как расплавленный металл с металлом.

Больше вакханок, чем вакхов, потому что женское жертвеннее мужского, восприимчивее к богу-жертве; ближе и к ночному «Я», общему корню всех «я», дневных, отдельных; эсхатологичнее: если мужское продолжает, то женское начинает и кончает все.

«Богоодержимость», katochê, – другое имя экстаза (Perdrizet, 75). Исступленная Сибилла Виргилия «силится сбросить с себя божество одержащее, как бешеный конь – всадника, но укрощается ударами, толчками бога, и принуждаема вещать с пеною у рта» (Вяч. Иванов, 1. с., III, 44). Дельфийская Пифия – та же Сибилла – по Гераклиту, «гласом своим в боге проницает тысячелетия» в будущем, и правит настоящим: голос ее для Эллинства то же, что голос пророков для Израиля, и Церкви для христианства. «Немудрое Божие премудрее человеков», – это лучше нас знала Греция и сделала для мира больше нашего.

XVII

Еще другое имя экстаза – «безумие», mania, от mainesthai, откуда «мэнады», «безумные»; имя постыдное, в нашем, Мелхолином, смысле, а в Давидовом, – славное, но страшное.

С «жалом овода», oistros, сравнивается экстаз в тайном учении орфиков. Имя Диониса – oistreeis, oistromanes, значит: «оводом жалящий», «исступляющий, как овод». Лисса, богиня Бешенства, вдохновляет мэнад в уцелевшем отрывке «Эдонян» Эсхила: «Судорога подходит и распространяется вверх по темени, как укус скорпиона пронзающий» (Вяч. Иванов, 1. с., III, 44). – «Некий вакхический Овод напал на Лакедемонских и Хиосских женщин», – сообщает Эли-

ан (Aelian., Var. hist., III, 42). В горной Фракии, целые области охвачены этим повальным безумием; от села к селу, от города к городу, идет беснование жен. В южноиталийских Локрах и Регионе, девушки, сидя дома, за трапезой, вдруг слышат чей-то далекий таинственный зов, hos kalountos tinos – как бы с того света зовет их возлюбленный, – в исступлении вскакивают и бегут в горы плясать (Вяч. Иванов, III, 51). Этот неистовый бег исступленных, как бы не своей волей несущихся, обозначается эратическим словом thyô, «рваться», «метаться», «нестись»; от того же корня thyella, «буря» и thias, «фиада», «плясунья», как бы в человеческом теле воплощенная буря экстаза (A. Loisy, 25). Хоровод плясуний, «фиаз», thiasos, кажется не греческое, а крито-эгейское слово (Autran, Phéniciens, 1920, p. 39).

«На гору! На гору!» – этот крик фиад будет и криком летящих на шабаш ведьм. «Чертовыми гумнами» все еще называют нынешние пастухи те снежные поляны Киферона и Парнасса, где 25 веков назад плясали ведьмы-фиады (Preller, 690).

Только ночью, в горах и лесах, «является» им бог.

Как лань, играя на лугу зеленом,
Закинутую шею оголю,
Под росной свежестью ночного ветра.

(Perdrizet, 84)

В этом хоре Еврипидовых «Вакханок» (Euripid., Bacch.,

IV chor., I. csr.) – уже начало всей нашей «романтики» – бегство от людей в природу.

XVIII

«Бегали, прядали туда и сюда, как толкала их непоседная ярость, и раскидывали волоса по ветру, и белая пена струилась из неистовых уст на хитоны желто-шафранные», – описывает Нонн пляску фиад (Вяч. Иванов, III, 56), а Эсхил в «Эдонянах» – хоровод вакхантов:

Держит один в руках буравом
просверленные флейты,
и пальцы его исторгают из них
манящие к исступлению звуки.
Песнь звучит громовыми кликами,
и вторят ей, неведомо откуда,
ревы, подобные бычьим, ужас наводящие,
и глухие, как подземные громы,
рокотания бубнов.

(Aeshyl., fragm. Edon., ap. Strabo, X. – Harrison, Proleog., 414)

Это «бычий рев» того исполинского вала, что затопил Атлантиду, гул тех «подземных громов», что Атлантиду разрушили.

Скоро вся земля запляшет.
Autika gâ pâsa choreusai,

в этой песне фиад (Euripid., Bacch., v. 114) – такая же радость Конца, как в чаянии первохристиан: «Скоро всему конец».

XIX

Жалки, как больные дети, слабы, как цветы под бурей, но богом хранимы от зла, людям страшны, «святы», Hosiai (Вяч. Иванов, III, 52).

> Счастлив смертный… освятивший жизнь свою…
> очистивший душу в непорочных таинствах, —

поют вакханки Еврипида (Euripid., 1. c., I chor., stroph. II).

Дельфийские мэнады, пробегав однажды всю ночь по высям и долам Парнасса, утром, изнеможенные, пали среди вражьего войска, на городской площади Амфиссы, и, не приходя в себя, уснули, полуголые, беззащитные, но пальцем никто их не тронул (Plutarch., de mulier. virt., 13. – Perdrizet, 84).

XX

Жаждут бога увидеть; бегают, ищут, зовут, кличут протяжными кликами – «завываньем», «улюлюканьем», ululatus, ololygmos, alala, с каким травят зверя ловцы (Perdrizet, 77). Жадно слушают, не ответит ли бог; нет, толь-

ко горное эхо повторяет их собственный клик. И снова бегут, зовут, заклинают.

Сниди к нам, о Герой,
В храм Элеян святой,
В сонме нежных Харит,
С топотом бычьих копыт,
Царственный Бык,
Царственный Бык! —

кличут элидские жены (Plutarch., Quest. grec., XXXVI. – Harrison, 1. c., 437), и вакханки Еврипида:

Каков бы ни был образ твой, явись, —
явись огненнооким львом,
стоглавым змеем или горным туром, —
о, бог, о, зверь, о, тайна тайн, – явись!

(Euripid., Bacch., v. 1017, s. s.)

«Исступляются, пока не увидят желанного» (Philo, de vita comptempl., 2). Но видят только мимолетный «призрак», phasma, и удержать, воплотить его не могут; вместо вечного солнца болотный огонек, мерцающий; то «явление», epip hania, то «исчезновение», aphanismos (Rohde, Psyche, II, 12):

Вскоре вы не увидите Меня,
и опять вскоре увидите.

(Ев. Ио. 16, 16)

Жаждут, умирают от жажды, быть с Ним навсегда; смертною тоскою томятся, как любящие, покинутые Возлюбленным; руки на себя накладывают. О повальном самоубийстве милетских девушек, «тайно лишавших себя жизни через удавление», сообщает Плутарх (Plutarch., de mulier, virt. I, 608), а Мартиан Капелла – о «величайшем голоде смерти», appetitus maximus mortis, у того фракийского племени бассаров, чьи жены растерзали и пожрали Диониса-Орфея (Rohde, 36. – Jeremias, 190).

XXI

«Человекотерзатель», anthroporrhaistûs (Вяч. Иванов, V, 30), – имя бога, страшное для всех, кроме самих терзаемых: знают фиады, хотя еще и смутным знанием, – ясным узнают потом св. Мария Египетская и св. Тереза, – что слаще всех нег земных эти ласки-раны, лобзанья-терзанья небесной любви; лучше с Ним страдать и умирать, чем жить без Него и блаженствовать.

XXII

Все это лицевая сторона медали, но есть и оборотная. Чем грозит опьянение неправым экстазом, напоминает слово ор-

фиков:

Тирсоносцев много, вакхов мало.

(Perdrizet, 11)

Это значит: просто безумствующих много, но безумствующих в Боге мало. А если так, то иногда и простой здравый смысл, в суде над экстазом, может быть правее, чем это кажется. Разума человеческого стоит лишиться, чтобы приобрести мудрость Божью, но, чтобы оказаться в человеческом безумьи, не стоит: лучше и «малый разум», чем никакого. Старую душу потерять, «выйти из себя», легко; но еще неизвестно, какую душу приобретешь, и кто в человека войдет, – Лютый или Кроткий, бес или бог. Ждут одного, а приходит другой. Эта игра опасная: чет или нечет, а ставка – душа.

«Дуры мы, дуры! Что мы наделали!» – плакать должны были многие несчастные, перед тем, чтобы сунуть шею в петлю, как милетские девушки.

XXIII

Ужас Дионисова безумья выразил в «Вакханках» Еврипид.

Вакх-Человек, под видом чужеземного пророка, возвращается на родину, в Бэотийские Фивы. Здешний царь Пентей не узнает его, отвергает безумье вакхических таинств и, видя грозящую городу опасность, велит схватить пророка,

заковать и заточить в темницу, во дворце своем. Но узы спадают с него; дворец пылает и рушится. Вакх поражает Пентея безумьем и внушает ему страстное желанье подглядеть за тайнами фиад, самого наряжает фиадою, ведет на гору, прячет в ветвях на верхушке сосны и направляет на него исступленных женщин, как свору гончих – на зверя. Мать Пентея, царица Агава, принимая сына за горного льва, кидается на него, убивает, растерзывает, втыкает голову на тирс, пляшет с нею, поет, и так возвращается в город. Только здесь, опомнившись, понимает, что сделала.

Фиванские менады, ваша песнь
Кончается рыданием надгробным! —

плачет Хор, а Дионис торжествует:

Признали богом вы меня, но поздно!

Сам Еврипид, ученик Сократа, воплощенного Разума, отвечает Дионису, устами Агавы:

…в страстях,
Не должен бог уподобляться людям.

И устами Хора:

Воистину, прекрасная победа,

Где кровью сына обагрилась мать!

(Euripid., Bacch., passim. – M. Meunier, Euripide, Les Bacchantes 1923, p. 122–191)

Жалкая победа над людьми – безумья над разумом:

Вот каким злодеяньям вера в богов научила!
Tantum religio potuit suadere malorum!

XXIV

Двум Дионисовым кумирам, выточенным из той самой киферонской сосны, в чьих ветвях был спрятан и у чьих корней растерзан Пентей, поклонялись коринфяне (Pausan., Att., XX; II, 2, 6. – Meunier, 160). Здесь посвященные знали, что Пентей, чье имя значит «Скорбный», – сам Дионис. Если бы это знал Еврипид, понял ли бы он, что его трагедия кощунственна, что в лице Пентея Дионис Кроткий борется с Лютым, и не человека терзает, а в человеке терзается бог? Знает ли сам Еврипид, что значат эти слова Диониса Пентею:

Страшный, на страшную муку идешь,
Чтобы славу стяжать, возносящую к небу!

*(**Meunier**, 150)*

XXV

Древо Пентея будет Древом Жизни – крестом Диониса-Орфея распятого, на магической печати гностиков офитов, а на византийских и русских старинных иконостасах появится, не по заслугам, конечно, сам Еврипид, эллинский «пророк», рядом с ветхозаветными и благочестивый византийский инок, в «Страстях Господних», Christos paschôn, вложит в уста Богоматери, плачущей над снятым с креста телом Господа, плач Агавы (Brams, Christos patiens, 1885, p. 15–17. – Meunier, 182). Вот какое возможно в самом христианстве смешение кощунства с пророчеством.

XXVI

Римский сенат в 186 году до Р. Х., обвинив около 7000 посвященных в Дионисова таинства в каких-то неизвестных преступлениях, может быть, подобных тем, за какие сжигались средневековые колдуны и ведьмы, большую часть их приговорил к смерти (Tit. Liv., XXXIX, 8, 19. – Fracassini, 84. – Carcopino, 179–180).

> Подобная пожару, ярость Вакха
> Уж близится и настигает нас,

мог бы сказать и Рим, как Пентей (Meunier, 129). Первое

пламя пожара выкинуло лет триста назад, в пифагорейских общинах; второе – здесь, а третье – в общинах первохристианских. Те два – потушены в крови, а это – охватило мир.

Если не брезгать как будто некрасивым, потому что слишком к нам близким, сравненьем, то можно бы сказать: скованный во дворце Пентея, Вакх – как бы заложенный в гранитную толщу динамит, а «богоявление» Вакха стоящим вне дворца вакханкам – взрыв.

Хор. – Сойди в наш хор, сойди, о Бог громов!
Земля дрожит божественною дрожью,
Шатается и рушится дворец.
Падите ниц, Вакханки, – бог грядет!..
Смотрите, сестры: зыблятся, дрожат,
Разъединяясь, мраморные глыбы…
Сейчас раздастся Вакха крик победный.
Дионис. —Зажгись, зажгись, святой огонь громов!
Пылай, пылай пожаром, дом Пентея!

(Meunier, 111–112)

С косною длительностью мира борется буйная воля мэнад к внезапному Концу-Апокалипсису: взрыв вулканических сил разъединяет твердейшие глыбы природного и человеческого космоса.

Пылай, пылай пожаром, дом Пентея!

«Извлеку ***изнутри*** тебя огонь и превращу тебя в пепел»,

говорит Господь владыке морей, Тиру-Сидону (Иез. 28, 18), а может быть, и Атлантиде-владычице.

Скоро вся земля запляшет!
«Скоро всему конец!»

XXVII

Есть экстаз разрушительный, но есть и творческий.

Там же, в Македонии, где были написаны «Вакханки» Еврипида, через три-четыре поколения после него, от царицы Олимпии, Фракийской мэнады, и Зевса, Крылатого Змея, родился Александр (Plutarch., Alex., III). В битве при Гавгамелах, давшей ему власть над миром, он объявил себя, пред лицом всего войска, Дионисом, сыном Зевса, и если бы этому не поверило войско, не поверил он сам, то не дошел бы, не докатился, гонимый бурей экстаза, как легкий лист, до самого Инда, по следам Диониса Индийского. Жил и умер, опьяненный экстазом: на нем и построил первую духовную всемирность, первый дом человечества – будущий дом христианства – эллинизм.

Вот что значит экстаз для истории. Кажется, кому бы это и понять, как не нам, живущим в тесных лачугах национальных, на развалинах отчего Дома – христианской всемирности, или кочующих, как цыганский табор, под открытым небом; но вот, не понимаем.

XXVIII

«Скоро всему конец». Добрый конец или злой, – в этом, конечно, весь вопрос. Чет или нечет, злой или добрый конец, – эта игра, где ставка – душа всего человечества, происходит в самой глубокой и огненной точке экстаза, – в том, что обозначается в таинствах темным и диким, от дикой, может быть, людоедской, древности идущим словом omophagia, «сырого мяса вкушение». Есть и другое слово, «неизреченное», потому что слишком святое и страшное. «Жертву должно растерзывать и пожирать, по неизреченному слову», diaspan kata arreton logon, учат орфики (Вяч. Иванов, V, 39). Омофагия есть теофагия; вкушение жертвенной плоти и крови есть «боговкушение», «Евхаристия», – вот это для нас уже изреченное слово. Только один Человек на земле, – больше никто никогда, в этом чудо, – мог сказать: «Ядущий Меня жив будет Мною». – «Иудеи стали спорить между собою, говоря: как может Он дать нам есть плоть Свою? Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни… Ядущий Мою плоть и пиющий Мою кровь пребывает во Мне, и Я в нем… Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какое это тяжкое слово, кто может это слушать?» Sklêros logos – «тяжкое», «жесткое», как бы каменное, нерастворимое ни в разуме, ни

в сердце человеческом. «С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним» (Ев. Ио., 6, 52–66).

«Кто может это слушать»? Слушаем, но уже не слышим, так привыкли – оглохли за 2000 лет, а если бы услышали, то, может быть, отошли бы от Него и мы.

«Бога должно заклать», это человеческому разуму кажется безумным; «Бога должно пожрать», – еще безумнее; надо «сойти с ума», чтоб это понять и принять.

XXIX

Сам посвященный в Дионисовы таинства, Плутарх объясняет омофагию почти так же, как христианские учителя, «бесовским действием»: «В те роковые и страшные дни, когда терзается и пожирается сырое жертвенное мясо… то с постами и плачами, то с бесстыдством и безумством… с диким воплем, судорогами, исступлением – совершается, я полагаю, не почитание богов, а умилостивление и отвращение демонов… Да молчат же уста мои о тайнах сих!» (Plutarch., cde defect. oracul., XIV)

В Критских омофагиях, «вакхи терзают кровавыми устами внутренности блеющих коз», сообщает христианский писатель Арнобий, видимо, запугивая (Welcker, 639). «Терзают зубами живого быка, vivum laniant dentibus taurum, и разбегаются по чащам лесным, с нестройными кликами, делая вид,

что беснуются», – пугает, конечно, и Фирмик Матерн (Firm. Matern., de errore prof. relig., VI). «Режут быка на мелкие части ножами», – объясняет Нонн (Nonn. Panopol., Dionys., VI, v. 205, s. s.).

«Диониса Ярого, mainolên, чествуют вакхи, в священном безумье, hieromania, пожиранием сырого мяса, венчанные змеями, восклицая: „Эван!“ и разделяя между собою части человеческих жертв», – вспоминает св. Климент Александрийский, может быть, то, что видел своими глазами в языческой юности (Clement Alex., Protr., II, 12).

XXX

«Людоеды», – говорят христиане язычникам; «людоеды», – отвечают, как эхо, язычники христианам: ужас взаимный и одинаковый. Первохристиане обвинялись в «детоубийственном таинстве», sacramentum infanticidii, на «вечерах любви». – «Предлагается младенец, обсыпанный мукой, и посвященных приглашают наносить ему удары ножом, чтобы очистить его от муки; но неумелые, нанося ему глубокие раны, убивают его, и присутствующие пьют с жадностью кровь и разделяют между собой члены убитого», – уверяет Минуций Феликс, просвещенный римлянин (Minuc. Felix, Octav., IX). «Ужасное или постыдное», atrocia aut pudenda, скажет Тацит о христианстве; то же скажут и христиане о язычестве.

Этот взаимный ужас надо учитывать, взвешивая достоверность христианских свидетельств о древних таинствах; надо помнить и то, что омофагия внушает страх самим язычникам, а у страха глаза велики. Слишком напоминают бабушкины сказки такие свидетельства, как Аполлодорово, будто «Аргивские женщины убивают и пожирают детей своих» (Apollodor., III, 5, 2), или рассказ Плутарха о трех Миниадах, дочерях Орхоменского царя: «Впав в исступление Вакхово, взалкали они человечьего мяса, кинули жребий о детях своих, и та, на которую он пал, отдала сына богу, и растерзали они младенца, и пожрали, как волчихи голодные» (Plutarch., Quest. graec., 38). А речного бога Лама, царя Лестригонского, дочери Гиады, самого Диониса Младенца кормилицы, нежно ласкали, лобзали его, как вдруг, обезумев от любви, начали терзать, и растерзали бы, если бы крылатый Гермес, подкравшись, не восхитил его (Nonn. Panopol., ap. Koehler, 18).

Как бы, однако, ни уменьшали мы силу подобных свидетельств, кое-что остается от них. Нет основания не верить тому, что сообщает Плутарх о принесении в жертву Дионису Лютому трех персидских пленников, накануне Саламинской битвы или Павзаний – о замене младенцев козлятами в жертвоприношениях тому же Дионису, в Бэотии (Pausan., IX, 8), или неоплатоник Порфирий – о жертвенном растерзании человека на островах Хиосе и Тенедосе, и о заклании младенцев на Крите, в жертву Кроносу (Porphyr., de abstinent.,

II, 55, 56), или св. Климент Александрийский – о человеческих жертвах у ликтийцев, тоже критского племени (Clement Alex., Protr. III, 4). Кажется, с Крита – Атлантиды в Европе – и занесена омофагия в Грецию, как и все остальное в Дионисовых таинствах.

Взвешивая все эти свидетельства, не должно забывать, что у Марафонских и Тразименских стрелков наконечники стрел все еще кремневые, как у людей Каменного века (J. Morgan. Recherches sur les origines de l'Egypte, 1896, I, 187).

Дионисическое племя бассаров, обитавшее в диких горных ущельях Фракии, от вершин Родопа до р. Эбра, «в неистовстве человеческих жертв и вкушений жертвенных, нападая друг на друга и друг друга пожирая, уничтожили себя без остатка» (Porphyr., de absfin., ap. – Вяч. Иванов, V, 34. – Perdrizet, 40). Может быть, и это будет менее похоже на сказку, если предположить, что только часть племени уничтожила себя, а остальная, одержимая повальным безумьем, «величайшим голодом смерти», естественно вымерла.

XXXI

Что исступленные в омофагиях делают, мы не знаем с точностью: знаем еще меньше, что они думают и чувствуют. Но страшный луч света кидает на это неизвестное роспись найденного в Камире (Kamêiros), во Фракии, большого глиняного чана-водоноса, hydria, V века до Р. Х. Красным

по черному, как бы багровым, во тьме Ледниковой ночи, заревом людоедских костров, изображены три дикаря в звериных шкурах. Один из них держит на левой руке безжизненно, как лохмотье, висящее, должно быть, еще теплое, тело только что зарезанного мальчика; голова закинута назад, волосы длинные, как у девочки падают вниз; бледное лицо спокойно, как у мертвого бога. Тот, кто держит его, подносит ко рту оторванную или отрезанную руку, видимо, чтобы пожрать. Другой, справа, отвернулся и убегает, как бы в ужасе, но все-таки с жадным любопытством оглядываясь. А третий, слева, в плющевом или дубовом венке, с тирсом, бородатый, в длинном, жреческом хитоне, – может быть, сам бог Загрей-Дионис, – смотрит, как бы с благоволением, на совершаемое таинство – свое же собственное растерзание и пожрание титанами (Art. Bern. Cook, Zeus, 1914, p. 654. – Harrison, Prolegomena, 489).

Что это значит, мы поймем, если вспомним троицу Самофракийских Кабиров, приносящих в жертву четвертого, младшего брата своего, Кадмила-Дитя. Ужас бегущего напоминает Куртина: «Я ударил его ножом… Он затрепетал и начал биться… Вдруг первый луч солнца брызнул в окно. Что-то сотряслось во мне, нож выпал из рук, и я упал перед образом на колени, прося Бога принять милостиво новую жертву». А спокойствие того, кто смотрит на жертву с благоволением, напоминает нынешнего дикаря-людоеда, который, только что обратившись в христианство, снова впал

бы в людоедство и, чтобы оправдать себя, напомнил бы миссионеру от него же слышанное: «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную».

«…Вы сегодня причащались?» – «Да, сподобился». – «Поздравляю». И дело с концом, и оба спокойны, а завтра, может быть, вторая всемирная война. Что ужаснее – то, древнее, или это, новое?

XXXII

Хуже или лучше, но омофагия не просто людоедство, во всяком случае. После нее, посвященные строго воздерживаются от всякого мяса и от кровавых жертв (Girard, Le senntiment religieux en Grèce, 1879, p. 212).

> В белые ризы облекся я,
> От смертей и рождений очистился
> И блюду, да не коснется уст моих
> Пища животная,

поют куреты, и вакханки Еврипида: «Счастлив, освятивший жизнь свою… очистивший душу… в непорочных таинствах!» Мизы-фракийцы, такое же дионисическое племя, как бассары, воздерживаются от вкушения всего, «имеющего душу, empsychos», сообщает Страбон (Strabo, VII, ap. Rohde, II, 133). То же делают некоторые скифы-кочевники, может быть, поклонники Земли, Zemla, Селемы, Дионисо-

вой матери, – мы бы сказали, уже «толстовцы», «вегетарианцы» (Ephor., fragm. 76, 78).

Все исступленные Вакхом – «чистые», «святые», hosioi, для самих себя и для других. Им, конечно, первым внушил Орфей, Дионисов пророк, ужас к мерзостной пище» – человеческой плоти и крови. Тут же, в омофагии, может быть родилась и елевзинская заповедь: «Зла не делай животным», – ничему живому, а человеку тем более.

Так, на одном конце мира и на другом – так же. «Если хочешь принести Богу человеческую жертву, будь ею сам… плоть и кровь свою, а не чужую, отдай», – учит Кветцалькоатль, древнемексиканский Дионис-Орфей.

XXXIII

Впрок ли эта наука людям? Знают ли они, что делают в омофагии? То знают, то не знают; то помнят, то забывают.

«Критяне в таинствах делают все по порядку, что умирающий Младенец (Загрей) делал или испытывал, aut fecit, aut passus est», – сообщает Фирмик Матерн (Firm. Matern., VI). «Жертвы терзание и пожирание есть лицедейство, mimesis, страданий Дионисовых», – учат орфики (Вяч. Иванов, V, 38). В древние дни, тенедосцы посвящали Дионису лучшую телицу с тельцом во чреве и, когда телец рождался, ухаживали за маткой, как за родильницей; тельца же приносили в жертву, надев ему на копыта котурны и делая вид, что че-

ловека, поразившего его топором, хотят побить камнями, а тот бежал, спасаясь к морю (Aelian., Natur. anumal., XII, 34). Котурны – трагическая обувь, так же как белила на черных лицах титанов, пожирающих младенца Загрея, – трагические маски. Это и значит: жертва земная есть подобье, «лицедейство», mimesis, и «воспоминание», anamnesis. Жертвы Небесной, Агнца, закланного от начала мира.

Вот почему в таинствах заменяется иногда жертвенное животное хлебом, испеченным в виде этого животного (O. Pfleiderer. Das Christusbild, 1903, p. 86).

И опять, что на одном конце мира, то и на другом: перувианское «боговкушение», sanku, есть окропленный кровью тельца, маисовый хлеб (Robertson, Pagan Christs, p. 379), а древнемексиканское teoqualo – вылепленное из маисового теста изваяньице бога Солнца, Витцилопохтли, дробимое на части и вкушаемое посвященными (См. выше: Атлантида, I ч., XI, Отчего погибла Атлантида? VI). Вспомним царей Атлантиды в мифе Платона: «Заколали жертвенного быка на столбе Закона, кровью его наполняли кратер и, черпая золотыми фиалами, пили кровь».

Если все эти таинства не сплошное «безумье», а хотя бы отчасти религиозный опыт веков и народов, то вывод ясен: божеской плоти голод, божеской крови жажда, есть общий и непреложный закон человеческого сердца, от начала мира и, вероятно, до конца.

XXXIV

В жертвах самых древних, по крайней мере, за память человечества, – может быть, в древнейших было иначе, – «человек думал не столько о том, чтобы напитать божество, сколько о том, чтобы самому божеством напитаться. Тогда человек еще вовсе не жертвовал богу, – он пожирал его в ***тотэме*** (боге-животном) и сам становился богом» (Вяч. Иванов, V, 37). То же происходит и в позднейших Дионисовых таинствах, где «мэнады, терзая и пожирая своего бога под личиной жертвы, алчут исполниться богом, сделаться „богоодержимыми, entheoi“ (Вяч. Иванов, VIII, 21). Это и значит: омофагия есть теофагия, жертвенной плоти и крови вкушение есть боговкушение – «***пресуществление*** (transubstatio) раздираемой жертвы в божественную душу самого Диониса», говорит Вяч. Иванов, может быть, самый глубокий исследователь древних таинств (Вяч. Иванов, VIII, 17). Так ли это? Можно ли сказать об этом, не кощунствуя, нашим христианским словом «пресуществление»? Если можно, то зачем бы и Христу на землю приходить? Нет, в древних таинствах все еще слишком смутно, слепо, сонно, похоже на бред, иногда чудовищно искажено и опрокинуто, как в кривом зеркале. «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (Достоевский), и еще неизвестно, кто победит.

XXXV

Люди как будто знали когда-то всю тайну Плоти и Крови, но забыли; хотят вспомнить и не могут; ищут в темноте ощупью – вот-вот найдут. Нет, не найдут: мелькнет и пропадет, вспыхнет и потухнет, поманит и обманет. Жажда неутоленная, неутолимая: пьют воду, как бы во сне, просыпаются и жаждут еще неутолимее. Или в пустыне идут на призрак воды в мареве; призрак лжет не совсем: есть где-то вода, отраженная в мареве, но так далеко, что прежде чем дойдут, – умрут от жажды, и солнце кости их в пустыне выбелит; другие за ними пойдут, и еще и еще, без конца, так что забелеет костями весь путь.

XXXVI

Танталов голод и жажда – вот мука всех древних таинств плоти и крови, а Дионисовых, ко Христу ближайших, особенно; вот отчего жертву терзающий – терзаемая жертва сам; вот под каким жалящим «оводом» мэнады беснуются, каким бичом гонит их Лисса, богиня Бешенства, каким «укусом скорпиона» пронзает.

В лунной вьюге, вьются, лунные призраки, на снежных полях Киферона – «чертовых гумнах», как ведьмы на Лысой горе, голые, страшные, дикие; воют, как волчихи голодные,

кличут, зовут, улюлюкают. Бешеные, сами не знают, что делают; им все равно, кто ни попадись, человек или зверь, – во всякой жертве бог.

Рвите же тело зубами,
Пейте горячую кровь!

(Д. Мережковский. Рождение богов, с. 110–125)

XXXVII

Первый мир от этого погиб, – погиб бы и второй, если б не пришел Спаситель.

То, чего искали древние, мы нашли, не искавши, получили даром, и спокойны. Не слишком ли спокойны? Как бы не потерять? Будем же хранить, что имеем, и, прежде чем судить тех несчастных, «больных», «одержимых», «безумных», погибших, – будем помнить, что, если б не искали они, мы бы не нашли; если б не погибли они, мы бы не спаслись.

XXXVIII

Как в Дионисовых таинствах плоти и крови демоническое борется с божеским, «черная магия» – с «белою», показывает лучше всего Танталов, кажется, бездонно-древний, но почти неузнаваемо стершийся, миф: так очень старая монета стирается или на берегу океана, выглаженная волнами галь-

ка, – может быть, затонувшего дворца или храма жалкий обломок.

TANTAL

ATLANT

Это взаимно-обратное и взаимно-искажающее сочетание звуков, с бездонно-глубоким корнем tlaô, «страдаю», «терплю», – если филологически случайно, то, может быть, не случайно «мистерийно-магически», потому что Тантал есть, в самом деле, «обратный», «превратный», как бы в дьявольском зеркале искаженный и опрокинутый Атлас-Атлант.

XXXIX

Кто он такой? Как это ни стерлось в мифе, можно еще угадать: Тантало-Атлант – первый человек, Адам, только что вышедший из рук Божьих, ***почти*** совершенный, ***почти*** мудрый, благой всезнающий, «всеблаженный», «всепрекрасный», подобно атлантам в мифе Платона, – ***почти*** бог. Призрачные для нас, но для мифа настоящие, боги Олимпа – то ли из великодушья, то ли из свойственного существам блаженным, невниманья к несчастным, – не видя этого рокового «почти», любят Тантала, как отец любит сына-первенца;

балуют его, ласкают, принимают в свой божественный сонм, совещаются с ним о делах земных и небесных; узнавая по нем человеческие свойства, решают, стоит ли создавать подобных ему; приглашают в гости на Олимп, сажают за трапезу, поят нектаром, кормят амброзией, питием и пищей бессмертья. Все хорошо бы кончилось, и Тантал сделался бы богоподобного человечества праотцем, будь он всезнающ, мудр и благ – не ***почти***, а ***совсем***. Но, будучи тем, чем был, и чем будут все люди-боги, он, подобно атлантам, «не вынес счастья, развратился и возгордился»; так же как их, обуял его «дух титанической, божеской гордости», hybris, дерзкое желание не получить от богов многое, а взять все; свергнуть их, чтобы самому одному стать на их место. Может быть, он уже знал, как будут знать посвященные в таинства, что Олимпийские боги – призраки; знал или ***почти*** знал и то, как это сделать, чем победить богов, – тем, чего они, блаженные, совсем не знают, – бесконечною мукою любви бесконечной, высшею свободою жертвы. Сына своего, единственного, Пэлопса, любил он больше или почти больше, чем себя самого: его-то и решил принести в жертву Богу – Себе, потому что уже сказал в сердце своем: «Я – Бог».

XL

Чтобы отблагодарить и отпотчивать богов, как следует, он пригласил их на землю – на высшую, как сам он, точку земли

– заоблачную вершину горы Сипилийской, той, где будет изваян облик Матери Скорбящей, Кибелы-Деметры; расставил золотые, вокруг золотого стола, стулья и, когда боги пришли, предложил им на блюде что-то, подобное агнцу. Те, не зная, что это, долго не решались отведать, может быть, брезгая человеческой пищей. Только Матерь Деметра, милосердная, не побрезгала, из жалости к Танталу, взяла с блюда кусок, отведала, и вдруг побледнела, вскочила, зашаталась, так что боги подумали – умрет; закричала, как безумная: «В котел! в котел! в котел!» Хитрый Гермес понял, что это значит; схватил все, что было на блюде, стряхнул в кипевший тут же, на огне, кухонный котел. И вышел из него, в белом облаке пара, прекрасный, как бог, свежий, как райский цветок, младенец Пэлопс, закланный, разрезанный на части и сваренный в котле Танталом, как Дионис-Загрей – титанами. Так же выйдет из кипящего котла – Атлантиды, потопа-землетрясения – второе человечество.

XLI

Тантал ***почти*** не ошибся: если бы отведали боги ужасного яства – земного нектара человеческой крови, земной амброзии человеческой плоти, – то умерли бы все, сникли бы, как призраки. Но милосердная Матерь спасла богов; спасла и людей тогда впервые, как потом всегда будет спасать, потому что «люди-боги» ничтожнее, презреннее всех ничтож-

ных богов и демонов.

Тантала же Зевс, ударив молнией в вершину горы, низверг в преисподнюю, где он и мучается вечною мукою всех людей-богов, – ненасытимым голодом, неутолимою жаждою. Древо Жизни, склоняясь, подносит к устам его золотые плоды, но, только что он хочет вкусить от них, – восклоняется до неба; Воды Жизни притекают к устам его, но только что он хочет испить от них, – утекают в глубину бездонную (Pindar., Olympr., I, 40 et schol. Bacchyl. id. fragm., 84. – Cook, Zeuz. 244).

XLII

«Будем же, помня Тантала, хранить, что имеем», – могут сказать христиане, но их сейчас так мало (христиан, впрочем, не знающих, что они имеют, очень много), и так слабы они, по чужой или по своей вине, – так загнаны в самые темные углы, «катакомбы», бывшей христианской цивилизации, что судьбы мира помимо них решаются; что бы ни говорили они и ни делали, мир идет своим чередом, как будто нигде никогда никакого христианства и не было, подобно лунатику, идущему по карнизу пятиэтажного дома, как будто закона тяготения вовсе не было. Может быть, слишком поздно узнает лунатик, что этот закон есть; может быть, и мир узнает так же поздно, что ***есть*** христианство.

Кажется, закон, столь же неотменимый для душ человече-

ских, как для тел закон тяготения, гласит: всякой душе нужен экстаз для жизни, как воздух нужен огню для горения. Этому закону подчинены не только отдельные души людей, но и собирательные души народов, племен, культур, а может быть, и душа всего человечества. Люди благочестивые (их, одиноких, и потому бессильных, может быть, не меньше и сейчас, чем всегда) знают имена восходящих ступеней экстаза: Честь, Долг, Любовь, Бог; христиане же знают имя высшей ступени, самое забытое и неизвестное из всех имен: Христос.

XLIII

Тот же неотменимый закон гласит: если жажда божественного Экстаза остается неутоленною, то отдельные души людей, так же как собирательные души народов, впадают в экстаз сатанинский – такую же страшную болезнь, как у томимых жаждою животных, – водобоязнь, бешенство. Первый припадок ее – всемирную войну – мы только что видели. После него человечество едва выжило, и сейчас отдыхает, погруженное в летаргический сон или обморок. А души отдельных людей продолжают искать экстаза, каждая – в своем углу, на свой страх, в высоком или низком, смотря по качеству душ: в личных подвигах или наркотиках, в святой любви или в Содоме, в игре на бирже или теософии, в коммунизме или патриотизме, и проч., и проч.; неутоляющих экстазов –

соленых вод – у нашей «культуры демонов» сколько угодно.

Люди, как путники, умирающие от жажды в пустыне, допив последние капли воды и вывернув мех наизнанку, жадно вылизывают тинистое дно; или, как потерпевшие кораблекрушение, стесненные в лодке, среди океана, палимые жаждой и голодом, перед тем, чтобы кинуть жребий, кому быть пожранным, вскрывают себе жилы и пьют свою кровь.

XLIV

Души народов спят, но проснутся, может быть, для второго припадка бешенства – второй всемирной войны. Самые трезвые люди, самые «реальные политики», согласятся, полагаю, что после второго припадка человечество не выживет: это будет, в самом деле, конец – Атлантида-Европа.

Что же делать? Бесполезно об этом говорить с идущим по карнизу лунатиком; надо, чтоб он сначала проснулся и вспомнил, что есть христианство; надо, чтобы и сами христиане, пальцем не двинувшие, чтобы предупредить будущую войну (если не могли тогда и сейчас не могут, то ведь и это кое-что значит для нынешнего христианства), – надо, чтобы и сами христиане поняли, что Христос, может быть, не совсем то, чем Он им кажется. Только тогда поймут они сами и сумеют другим сказать, что значат эти насыщающие всякий голод и всякую жажду утоляющие слова:

Плоть Моя истинно есть пища,
и кровь Моя истинно есть питие.

13. Дионис будущий

I

Редкие, побывавшие почти внутри смерча и спасшиеся чудом пловцы вспоминают, что в последние минуты перед тем, как ему разразиться, – над самою осью вертящегося с непостижимой быстротой, водяного волчка-хобота, в совершенно круглом, между угольно-черных, разорванных туч, отверстии, сияло такое райски-голубое небо, какого больше нигде никогда не увидишь.

Знают святые, а может быть, и посвященные в древние таинства, что в буре экстаза наступает вдруг тишина, подобная голубому небу над смерчем. В круговороте божественной пляски, уносящей души, солнца и атомы, есть неподвижная ось: к ней-то и влечется все захваченное в круговорот. Сам экстаз все еще жажда, только тишина – утоление; сам экстаз все еще путь, только тишина – цель; сам экстаз все еще мир, только тишина – Бог.

II

Вот почему Елевзинские таинства, самые святые в древности – самые тихие, совершаются в дни ранней осени, ти-

шайшие в году.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

Вот почему спондофоры, миротворцы – возвестители таинств, и начинаются они только тогда, когда умолкает шум оружья, наступает мир – тишина: здесь уже как бы предчувствие того Тишайшего, кто скажет: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам».

III

«Богосупружество», «богорождение» – последняя часть Елевзинских таинств наиболее для древних свята, а для христиан – кощунственна.

«В стыде, aischrô, совершаются таинства», – обобщает поздний византийский писатель все ранние свидетельства христианских учителей (Psellus, Graecor. opinion. de daemon., ap. – Harrison, Prolegom., 568). «Стыда ради нельзя о них и говорить, и лучше не выводить на свет того, что совершается во мраке… Лицезрители молчат о том, что действительно достойно умолчания», – полагает Григорий Богослов (Арх. Хризанф. Религия Древнего мира, 1875, 564) и Григорий Назианзянин: «Свету дневному стыжусь преда-

вать ночные таинства; что делает Деметра и что с нею делают, знает о том Елевзис; знают и те, кто об этом молчит, потому что должен молчать» (Gregor. Nazians., Orat. XXXIX, 4. – Foucart, Mysteres d'Eleusis, 1893, II, 46). – «Славное зрелище, священнодействие пристойное!» – горько смеется св. Климент Александрийский (Clement Alex. Protrept., II, 21). – «Все божество во святилище, все воздыхание посвященных, все исповедание есть являемый знак мужского пола, simulacrum membri virilis», – возмущается Тертуллиан (Tertullian., adv. Valent., I).

Здесь, в «богосупружестве», так же как там, в «боговкушении», ужас христиан и язычников взаимный. Только «ужасное или постыдное», atrocia aut pudenda, по слову Тацита, видят они друг в друге.

Те же, кто уличал христиан в детоубийстве, уличает их и в распутстве. «В день Солнца (воскресенье), сходятся они для общей трапезы, с детьми, сестрами и матерями, все без различья пола и возраста. Когда же вино распаляет в них похоть, кидают кусок мяса на расстояние, большее, чем длина веревки, на которой привязана собака к светильнику; сделав к мясу прыжок, она опрокидывает светильник, свет гаснет и, пользуясь бесстыдной темнотой, утоляют они несказанные похоти, кому с кем случится» (Minuc. Felix., Octav., IX).

Будем же помнить, учитывая силу христианских свидетельств и здесь, в Елевзинском, брачном, так же как там, в Дионисовом, жертвенном таинстве, – этот взаимный ужас.

IV

Ужас первохристиан нам слишком понятен, по нашему собственному опыту. Как относимся мы к тайне Двух: «Будут два одна плоть» и как относятся к ней древние, хотя бы только в одной, но самой глубокой и огненной, в таинствах уже загорающейся, точке пола? Если обнажить и упростить до конца эти два отношения, то разница между ними будет такая же – как между грезой влюбленного Вертера о тайной наготе Шарлотты и анатомическим скальпелем, рассекающим ту же наготу, уже трупную.

V

Часто людям снится, что они летают: машут руками, как птица – крыльями, и подымаются на воздух так легко, естественно, что удивляются, почему давно не догадались летать. Между двумя чувствами пола, – не идеями, а именно ***чувствами***, – древним и нашим, – такая же разница, как между полетом во сне и невозможностью летать наяву.

Сколько бы древние ни оскверняли пол, – все-таки чувствуют они, – не думают, а именно ***чувствуют***, что он свят, и чувство это тем сильнее, чем глубже в древность – в Ханаан, Вавилон, Крит, Египет – может быть, сильнее всего в «Атлантиде», «земном раю»; а мы, сколько бы ни освящали

пол, все-таки чувствуем, что есть в нем что-то до конца для нас «грешное», полубесовское, полуживотное, «скотское».

Будучи последовательным, надо бы осудить Ветхий Завет – религию освященного, «обрезанного» пола, точно так же и за то же, как и за что христианские учителя осуждают древние таинства. Богу могла быть показана «крайняя плоть» в Иерусалимском храме, так же как в Елевзинском анакторе – знаки мужского и женского пола; в храме же христианском этого сделать нельзя, не оскверняя его и не кощунствуя. Пса, забежавшего в храм, выгоняют палкою; так выгнали из Церкви пол.

«Два будут одна плоть», – сказано в христианстве, но не сделано. Плоть и кровь вынуты из таинства брака, а вынуть их – значит уничтожить его, так же как вынуть Плоть и Кровь из таинства Евхаристии – значит его уничтожить.

VI

Есть ли вообще в христианстве «святой пол»? Мы знаем, что есть, так же, как знаем, что есть незримые для нас, дневные звезды; видеть их можно только в глубоких колодцах, а святой пол – только в глубокой христианской святости. Но мир идет своим чередом, как будто святого пола вовсе не было.

Что это, злая воля мира? Да, и это, но не только это: тут противоположность двух эонов, Сыновнего и Отчего, мелю-

щих мир, как два жернова. Если нет эона третьего – Духа-Матери, то противоположность первых двух – противоречье безысходное; если же он есть, то, может быть, люди узнают в нем, какую для какого хлеба пшеницу мололи жернова.

VII

Что об одежде заботитесь?
Посмотрите на полевые лилии…
если траву… так одевает Бог…
…то оденет и вас…
…Говорят ученики:
«Когда явишься нам,
и когда узрим Тебя?
Говорит Иисус:
когда обнажитесь и не устыдитесь…
…и одежды стыда ногами растопчете,
hotan ekdysêsthê kai mê aischynthêiê…
…hotan to tês aischynês endyma patêsête.

Это «незаписанное слово» Господне, agraphon, из Евангелия от египтян, сохранилось на клочке истлевшего папируса, найденном в древнем египетском городе Оксиринхе (Oxyrhynchos), в начале XX века, а последний стих – у св. Климента Александрийского (Grenfell and Hunt, Egypt Exploration Fund, II, p. 38–39, nr. 655, 253. – Henneke, Neutest. Apokr., 58). Подлинно ли слово? Мог ли так гово-

рить Иисус? Мы не знаем, но, кажется, не мог. В эоне Сына, это слишком похоже на «тщетную тайну», немилосердную к людям. Где им сейчас помышлять о райской наготе? Слишком нужны им одежды стыда. Но, раз услышав, хотя бы только ***как будто*** из уст Господних, это чудное и страшное слово, уже нельзя его забыть: что-то светится в нем, как дневная звезда – в глубоком колодце.

В круге вечности, начало ближе к концу, чем середина; первый Завет, Отца, ближе к третьему – Духа-Матери, чем второй – Сына. Слово о святой наготе поняли бы древние лучше нашего, – и опять, чем глубже в древность, тем лучше, – может быть, лучше всего, в земном раю, в Атлантиде.

Если во втором Завете – Сына, слово это еще не было сказано, то, может быть, будет – в третьем Завете – Духа-Матери.

VIII

Люди слабы: очень вероятно, что много было греха в Елевзинских, так же, как во всех древних таинствах. Но не в этом дело. Может быть, на Страшном суде, милосерднейшем, нас будут судить не только по тому, что мы сделали, но и по тому, чего мы хотели. Кажется, вопреки злой пословице, добрыми намереньями не ад мощен, а путь в рай.

Что бы ни говорили христианские свидетели, даже святые, воля Елевзинских таинств – не злая, а добрая. Многое в ней

еще дико или детски-беспомощно, но не кощунственно. Воля к чистоте, к целомудрию, слышится в каждом слове таинств.

> Чудо великое возвещает людям Матерь всех, —
> святым возвещает, верным своим;
> вкравшимся же к ней обманом противится.
> Входите же во храм Великой Матери,
> только святые, чистые сердцем.
>
> *(Preller, Theogonie und Goetteriehre, 557)*

Эту молитву, найденную в развалинах Фэста на Крите, первой отчизне Деметры, можно бы начертать и над входом в Елевзинское святилище.

«Чистый от чистых, гряду я к Тебе, Царица Подземная», – молится усопший в надписи на Петилийской гробовой скрижальце. Надо верить мертвым: что им лгать, перед кем?

IX

Брачным таинствам Деметры, Тэсмофориям, где почитались, как «неизреченные святыни», aporrêta, знаки мужского и женского пола, научились пелазгийские жены у Данаид, «неукротимых девственниц» (Herodot, II, 171). Права участвовать в таинствах лишало половое соитие, так же как прикосновение к трупу (Harrison, 1. c., 130).

В белые ризы облекся я,
от смертей и рождений очистился…

В Эпидаврской священной ограде Эскулапа запрещено было умирать и рождаться; тяжелобольные и родильницы удалялись оттуда (Champagny, Les Antonins, 1863, II, 175). Смерть и рождение, тлен и пол, равно нечисты; это поняли бы и христианские, даже буддийские подвижники.

Женщины в Афинских анфестериях, Дионисовых таинствах, давали клятву целомудрия: «Я чиста; я свята и чиста… мужем нетронута» (Harrison 1. c., 537). Только верховная жрица Афин могла видеть священнодейственный знак Дионисова пола. А в Италии, на площади Лавиниума, венчали его цветами только самые целомудренные женщины (Augustin., Civit. Dei, VII, 21. – Welcker, 600).

Требует чистоты почитание знака и в Елевзинских таинствах: в праздничных шествиях, фаллофориях, несли его самые чистые девушки (Movers, ТОТ). «Евнуху подобен» eunouchismenos, Елевзинский иерофант: перед совершением таинств, он умерщвляет похоть напитком из цикуты (Hippolit., Philos., V, 8. – Fr. Lenormant, Monographie de la voie sacrée Eleusinienne, 1864, p. 376). В боговкушении, теофагии, воздерживаются посвященные от мяса, а в богосупружестве, теогамии, – от плотского соединения.

«Тайной безмолвных кошниц (где хранятся знаки мужского и женского пола) заклинаю тебя, и прочим всем, что

скрывает молчание Елевзинского святилища!» – молится Деметре, в «Метаморфозах» Апулея, образ чистейшей любви, Психея.

X

Людям надо было бога Человека родить; как же им было не думать и о божественной тайне рождения, зачатия?

Очень простая, сельская, плетенная из ивовых прутьев, лопатообразная веялка, liknon, какой поселяне веяли хлеб на гумнах, – колыбель бога Младенца, Ликнита, с облеченным в святые покровы знаком Дионисова пола, хранилась среди Елевзинских «неизреченных святынь» (Harrison, 526, 530, 531). – «Таинство (веялки) совершается для очищения души, sacra ad purgationem animae», – толкует Сервий стих Виргилия о «таинственной Иакховой веялке», mystica vanus Iacchi (Serv. schol. ad. Virg., Georg. I, v. 165). – «Всякое подобное разделение, diacrisis, называется очищением, katharmos», – учит Платон (Plat., Soph., 226).

Ветхозаветное имя этого «очищения» – «обрезание». Иакховой веялкой отделяется в поле-эросе чистое от нечистого, как зерно от мякины. «Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое, им соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым» (Лук. 3, 17). Первая искра этого огня, может быть, тлеет уже под Елевзинским пеплом.

XI

Трудно и страшно говорить о тайне «богосупружества». Надо бы для этого иметь уста Психеи, влюбленной и молящейся, а без них – «да молчат уста мои о тайнах сих!» хочется воскликнуть с Плутархом.

Грубо-бесстыдны, холодно-трупны все наши об этом слова, христиан и нехристиан, одинаково: точно оглоблей хотят раскрыть лепестки ночного цветка или очи уснувшей Психеи.

Revelatio pudendorum, «обнажением стыдов» (мужского и женского), называет христианский писатель Арнобий то, чем начинается последняя святейшая часть Елевзинских таинств, кажется, после «сошествия в ад» и перед явлением «срезанного Колоса» (Arnob., adv. gent., V).

Храм опустел, вышли из него все, кроме немногих «лицезрителей»; двери замкнуты, огни потушены; темнота, тишина, – страх, как перед лицом смерти. Вспомним намеки Плутарха: «Слово и дело сходствуют в таинствах: „умирать“ – „посвящаться“ teleutân – teleusthai… Страх, трепет, дрожанье, холодный пот, ужас»… – «Ужас и мрак» напал и на Авраама, в ту ночь, когда заключил с ним Господь Завет (Быт. 15, 12; 17, 11). – «Ты Жених Крови у меня… Жених Крови, по обрезанию», – скажет Сепфора, жена Моисея, кидая крайнюю плоть сына к ногам Неизреченного (Исх. 4, 25–26).

Это и значит: тайна обрезания – Богосупружество.

XII

В страхе стоят лицезрители, стеснившись, как малое стадо овец перед налетающей бурей. Что-то ходит у них по рукам; что-то делают, спеша в темноте, ощупью; что-то лепечут невнятно.

Ходят по рукам две таких же простых, как та Иакхова веялка, ивовых, цилиндрической формы с выпуклой крышкой, плетенки: одна пошире и пониже, – «корзинка», kistê; другая, похуже и повыше, – «кошница», kalathos (Foucart, Les mystères d'Eleusis, 1914, p. 378). В них хранятся «неизреченные святыни» – знак мужского пола Диониса, phallos, и женского – Деметры, kteis (Fracassini, 31, 63).

Что же они делают с ними? Этого мы не знаем. Даже подозрительно-жадное око христианских обличителей ничего не подглядело, только ухо кое-что подслушало. Странны, почти смешны, произносимые над знаками слова, которых «нельзя открывать, под страхом смерти». – «Ты рассмеялся бы, если бы услышал их не в святилище; но здесь, созерцая святыни, не захотел бы смеяться», – вспоминает неоплатоник Порфирий (Ed. Schuré, Les grands initiés, 1921, p. 435). Быстрым-быстрым шепотом повторяются все одни и те же слова, как в заклинаниях: «Вынул – вложил» elabon – apethemên. – «Вынул из корзины, в кошницу вложил; вынул из кошни-

цы, в корзину вложил». Так у Арнобия (Arnob., advers. gent., V, 26), а св. Климент прибавляет: «Сделал», «совершил», ergasamenos; но что совершил, не говорит (Clement Alex., V, 21). Что бы, однако, ни делали, можно быть уверенным, что от нечистой похоти так же далеки, как в минуту смерти: «Умирают – посвящаются; страх, трепет, дрожание, холодный пот, ужас, – и вдруг свет»… Молния сквозь тьму – радость сквозь ужас: «Он – Она, Любимый – Любимая».

Радуйся, Жених,
Свет Новый, радуйся!
Chaire nymphie,
Chaire neon phôs!

Так совершается «богосупружество»: плотски-кровно соединяется человек с богом, чтобы родить бога Человека.

XIII

Знак Дионисова пола в елевзинских корзинах-кошницах подобен змее (A. Dietrich, Eine Mithrasliturgie, 1903, p. 125); что же с ним делают, кажется, можно отчасти судить по соответственному таинству фрако-фригийского бога Диониса-Сабазия, чей символ тоже Змей.

«Бог сквозь чресла, ho dia kolpon theos, есть главный в Сабазиевых таинствах символ, – сообщает св. Климент Александрийский. – Змей, drakôn, влечется сквозь чресла посвя-

щаемых в память Зевсова блудодеяния» (кровосмешения Дия, отца, с Персефоной, дочерью) (Clement Alex., Protrept. 16).

Очень вероятно влияние еврейских поселений в Малой Азии на почитание бога Сабазия. В тамошних молитвах-заклинаниях сближаются два имени: «Саваоф» – «Сабазий», так же как «Иагве» – «Иакх» (Fr. Cumont, Les religions orientales dans le paganisme romain, 1909, p. 96).

«Иао – неизреченное имя Диониса Иудейского, но этого не должны открывать непосвященным в совершенные таинства, – сообщает Плутарх. – Кущи – главный праздник иудеев, в дни виноградной жатвы в кущах, сплетенных из лоз и плюща, возлегают они за вечерю; наутро же, с ветвями и тирсами, входят в Иерусалимский храм, и что делают там, мы не знаем, но, должно быть, справляют Дионисовы оргии» (Plutarch, Sympos., 1, IV, c. VI, 1–2). – Вот откуда Давид, пляшущий пред ковчегом Господним, как исступленный вакхант. Если где-либо могло произойти это раннее, повторившееся потом в христианстве, сближение двух столь противоположных миров, как иудейство и эллинство, то именно здесь, в «богосупружестве».

«Сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя». Медный и золотой, фаллический Змей, знак мужского пола, есть один из двух образов Саваофа-Сабазия, так же как Иагве-Иакха, а другой – жертвенный Бык, Телец: вспомним досинайского Иагве-Молоха под видом Тельца, в древ-

неханаанских (филистимских) святилищах Дана-Вефиля (J. Soury, Etudes historiques, 26) и бесчисленных жертвенных Тельцов, от Вавилона до Юкатана. Жертвенный Бог – символ «боговкушения»; фаллический Змей – символ «богосупружества».

Бык родил Змея,
Змей родил Быка.
Taurus draconem genuit
et taurum draco,

по загадке орфиков, так поразившей христианских учителей, что все они вспоминают ее и не могут ни разгадать, ни забыть (Clement Alex., Protrept., II, 16. – Firm. Matern., 26, I. – Arnob., adv. nat., V, 21. – Fracassini, 86. – L. Frobenius, Die Atlantische Götterlehre, 1926, p. VI).

Это сочетание двух древнейших символов – Быка и Змея, судя по тому, что оно повторяется бесчисленно не только в Азии, Европе, Америке, но и у нынешних дикарей (или «одичалых») Западной Африки, восходит к первичному религиозному опыту – «перворелигии» всего человечества: Бог объемлет всего человека, – в тайне питания, личности – в Одном, и в тайне рождения, пола, – в Двух.

XIV

Змейка, литая из червонного золота, coluber aureus,

«опускается посвящаемым за пазуху, и вынимается снизу, eximitur rursus ab inferioribus partibus», описывает Арнобий таинство бога Сабазия (Arnob., contra gent., V, 21). Скользкая змейка скользит по голому телу, точно сама Смерть проводит по теплому телу холодным перстом. Надо быть о двух головах, чтобы с этим кощунствовать: узнают – убьют. Если же человек действительно верит, что в эту минуту соединяется с Богом, то лучше ему сойти с ума, умереть от ужаса, чем испытать нечистую похоть.

«Бог сквозь чрево»: «ядущий Меня жить будет Мною»; и «Бог сквозь чресла». – «Какие странные слова. Кто может это слушать?»

> Это ли соблазняет вас?
> Дух животворит;
> плоть не пользует ни мало.
> Слова, которые говорю Я вам,
> суть дух и жизнь.
>
> *(Ио. 6, 61–63)*

Может быть, святые, знающие всю тайну небесно-земной любви, не соблазнились бы этим.

Богосупружество и Боговкушение, тайна Двух и тайна Одного, во втором эоне – Сына, расторгнуты; между ними и зазияли те исполинские пустоты, куда проваливается все («Атлантида-Европа, Атлантида-Содом»); но, может быть, в третьем эоне – Духа-Матери, две эти тайны соединятся вновь.

XV

«Смех» тоже грубое, обнажающее слово. Будем же помнить, говоря о «смешном» в таинствах, что мы говорим о страшном.

Страшное – смешное, это сочетание в божеском и демоническом – одна из таинственнейших загадок нашего сердца. Только что начинают обнажаться глубины, – тоже своего рода «обнажение стыдов», – только что, хоть одним кончиком, входит, вклинивается тот мир в этот, как первая, сначала легкая, гамма впечатлений: «странно», «забавно», «смешно»; но тотчас гамма тяжелеет: «жутко», «стыдно», «страшно»; и вдруг – холодок нездешнего ужаса в лицо, и волосы дыбом встают. Это иногда и в самом маленьком.

Вечер мглистый и ненастный.
Чу! не жаворонка ль глас?
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Как безумья смех ужасный
Он всю душу мне потряс.

(Тютчев. Стихотворения, 1923, с. 93)

«Черт любит смеяться», это знают все; но только святые и, может быть, посвященные в древние таинства знают, что иногда и Бог любит «смех» – опять грубое слово, неверное,

но у нас другого нет. Знает ап. Павел «юродство», как бы смешной и страшный, «соблазн Креста», scandalum Crucis; знает и Данте, что Божественная комедия выше трагедии; знают все великие художники, что не до конца прекрасно все, что без улыбки; знает друг, всю жизнь проживший с другом, что значит улыбка, когда он целует ее на мертвых устах. Но знают, увы, и обитатели ада, что самые мертвые, Стигийские воды ужаса отливают радугой смеха.

Это двойное жало смешного – страшного особенно язвительно в «обнажениях стыда». Но не побоялся Давид и его в Мелхолином смехе; не побоялся Авраам своего же собственного, самого страшного, смеха, когда, в святую ночь обрезания – «Богосупружества», тотчас после «великого мрака и ужаса», пал на лицо свое, пред лицом Господним, «рассмеялся и сказал: неужели от столетнего будет сын?» (Быт. 17, 17). И, может быть, Богу этот человеческий смех, как первая улыбка младенца – матери. Тихая улыбка над священным ужасом – голубое небо над смерчем.

XVI

Этим-то смехом – божеским или демоническим, пусть каждый сам решает, – озарена вся последняя часть Елевзинских таинств. Но, кроме одного глухого, хотя и глубокого, намека в Гомеровом гимне Деметре, все языческие свидетели молчат о нем; говорят свидетели христианские; но в гру-

бых и мимо идущих словах их – все та же «оглобля», раскрывающая лепестки ночного цветка или очи уснувшей Психеи.

Скорбную Деметру увеселяет «непристойною шуткою», propudiosa obscenitas, старая служанка елевзинского царя, Келея, Баубо (или Иамбо), «обнажая те части тела, которые естественное чувство стыда велит скрывать», возмущается Арнобий (Arnob., contra gent., V).

Множество глиняных женских изваяньиц, изображающих эти иератически-непристойные телодвижения Баубо, найдено в Египте Птоломеевых времен. В дни Озирисовых таинств, вспоминает Геродот, бубастийские жены («Баубо» – «Бубастис», может быть, один корень), «стоя в лодках, плывущих по Нилу, подымают одежды свои и обнажают чресла перед глядящими на них с берега мужчинами. Есть у них о том святое слово, ***hieros logos***, но мне его не должно открывать» (Foucart, Les mystères d'Eleusis, 1914, p. 467). Слово это мы знаем: «воскресение». Мужа-брата своего, Озириса, воскрешает Изида, сочетаясь с ним в братски-брачной любви, живая – с мертвым.

XVII

Что значит смех Баубо, кажется, уже не помнит неизвестный певец Гомерова гимна. Можно бы передать не слова его, а смысл их так.

Много дней Деметра, скорбящая о гибели первой Земли,

Персефоны, хлеба не ела, воды не пила, скитаясь по миру нищей странницей. Когда же елевзинские царевны, Келеевы дочери, приняли ее в свой дом, старая бабушка, Баубо, предложила ей чашу с кикеоном, человеческим нектаром, будущим питьем елевзинских причастников.

– Пей на здоровье, милая! Полно сердце крушить: было горе – будет радость.

Но гостья покачала головою молча, не захотела пить.

– Мать, не горюй, Сына родишь! – вдруг, наклонившись, шепнула ей на ухо Баубо.

– Нет, стара, где мне родить! – отвечала богиня.

Тут-то и сделала мудрая бабушка то, что делали бубастийские жены, в святые дни Озирисовых таинств: подняла одежды свои и обнажила иссохшие, как у девяностолетней Сарры, ложесна. Это значит: «Я хоть и старее твоего, а если захочет Мать, – рожу». И рассмеялась так весело, что невольно улыбнулась и богиня; светом озарилось скорбное лицо, как туча – молнией. Чашу приняла и утолила жажду человеческим нектаром, причастилась человеческой скорби и радости.

XVIII

Смех Баубо, повторялся, конечно, и на сцене Елевзинского театра, как «божественная комедия» в трагедии. Смертному воплю нисходящей в ад Персефоны – гибнущей первой

Земли, Атлантиды, – отвечал как громоподобное эхо эхейона, медного била, этот тихий смех Баубо – радость людей, «ужас богов», по слову орфиков о грядущем Дионисе – Иакхе (Hymn. Orphic., XXXIX).

Вечер мглистый и ненастный.
Чу! не жаворонка ль глас?..
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс…

Слишком «легко живущие», reia zontes, боги Гомера и слишком «любящие играть», philopaismones, боги Платона не знают, что значит этот смех; но, может быть, знают смеющийся пред лицом Господним Авраам и Давид, Мелхолой осмеянный; знают и древние, ждущие смерти богов, титаны.

Именно здесь, под смехом, как темные воды глубин – под солнечной рябью, скрыта священнейшая тайна таинств: ***Елевзис – Пришествие.***

Именно в этой, наиболее затаенно-стыдливой точке – «неизреченности» таинств, arrêton, – их глубочайший смысл: рождение Бога-Человека. В гибели первого мира Мать-Земля утешилась только тем, что родит Спасителя второго мира.

XIX

Чем ближе к цели своей – теофании, «богоявлению», чем святее таинства, тем затаеннее, и тем непроницаемей для нас

густеющий над ними мрак. Мы уже не видим в нем почти ничего – слышим только, как сердце их бьется от священного ужаса.

Трудно сказать с точностью, в какую минуту, но кажется, в ту самую, когда совершается внутри святилища, в сонме лицезрителей, то, что в Сабазиевых таинствах называется «бог сквозь чресла», – извне, у замкнутых дверей, где вышедшая из храма толпа ожидает богоявления, совершается другое, столь же великое таинство – брак Неба с Землей, бога Отца с богиней Матерью, под именем смиреннейшим – «Глиняные Кружки», plemochoai (Hippol., Refut. omn. haeres., V, 7. – A. Dieterich. Mutter Erde, 45).

> Свято лить из племохоев
> Будем воду в щель земли,

намекает на это Еврипид, в уцелевших стихах «Перифоя» (Новосадский. Елевзинские мистерии, 135). То ли в самой ограде, у святого Деметрина гумна, где вымолочен первый сноп, или у святого Дионисова точила, где выжата первая гроздь, то ли поодаль, на Рарийском поле, роют заступом яму, как бы могилу, и льют в нее чистую, как слеза, воду Каллихорского источника, приговаривая часто и быстро, все одно и то же, как в заклинаниях: «Лей – зачинай! Лей – зачинай! ***Hye – kye!*** – Лей!» глядя на небо; «зачинай!» глядя на землю (Procl., in. Plat, Tim., ap. – A. Dieterich, Eine

Mithrasliturgie, 214).

Что это? Может быть, очень древняя, «земледельческая магия», «чара плодородья». Но не только это: ведь дело происходит осенью, когда жатва снята. Кажется, смысл возлияния двойной: льют «воду жизни» мертвым и семя Отца Небесного – в лоно Матери Земли, чтобы взошла двойная жатва – колосьев и мертвых, ибо «смерть есть рождение», как учит Гераклит (Heracl., fr. 21): колос выйдет из семени, мертвый из гроба, и хлеб Деметры будет плотью, вино Диониса – кровью воскресших.

«Богорождение» в Отце, «боговкушение» в Сыне, воскресение в Духе-Матери: три тайны – одна. На этой-то Живой воде Каллихорского – «Сладко поющего» – источника и зиждется весь Елевзис.

XX

Кажется, во время Племохоев, внутри святилища, все еще тихого и темного, иерофант увлекает иерофантиду в подземный брачный покой, – «похищает» ее, как Аидоней – Персефону. Что они делают там, мы не знаем, но знают христианские обличители. «Не совершается ли сошествие во мрак и хваленое наедине свидание великого жреца со жрицею? Не гасятся ли тогда все огни, и бесчисленное множество людей не почитает ли „спасением“ своим творимое двумя во мраке?» – спрашивает св. Астерий, современник Юли-

ана Отступника (Aster. Encom. Martyr., p. 113. – Harrison. Prolegom., 550).

Тайна не «секрет», не то, что можно скрыть, а то, чего сокрыть нельзя; тайна сама открывается только тогда и тому, когда и кому должна открыться; тайна, как сердце в человеке, знает, что открыть себя, кому не должно, значит себя убить.

«Богорождение» – святейшую тайну сердца своего – утаила древность от всех непосвященных. Ключ к ней был бы навсегда для нас потерян, если бы не боги Атлантиды.

XXI

Раннею весною, в феврале – марте, совершались в Афинах родственные Елевзинским, Дионисовы таинства, Анфестерии, anthesteria, может быть, от глагола anathessasthai – «заклинать», «вызывать» души мертвых (Harrison, 1. c., 29, 43, 48).

В этот день, верховная жрица Афин, basilinna, «Царица», в сонме четырнадцати младших жриц, «стариц», герэр, gerairai, входила в запертое с прошлого года, Дионисово святилище, где в четырнадцати таких же простых, сельских корзинах-кошницах, как Елевзинские, хранились четырнадцать членов растерзанного Дионисова тела, по одному – в каждой (тело Озириса тоже на четырнадцать частей растерзано). Жрицы ставили себе на головы эти корзины и, подхо-

дя к четырнадцати жертвенникам, повторяли, вслед за Елевзинским «священным глашатаем», иерокериксом, слова заклинаний. Каждая вынимала из корзины один из членов, кадила ему фимиамом, умащала его благовоньями, возглашала молитву и заколала жертву. После того все четырнадцать членов приносились Царице, и та соединяла их, образуя тело бога, так же точно, как делали это дельфийские жрецы, Гозии; потом брала еще бездыханное тело на руки, уносила его во святое святых, куда никто не мог за нею следовать, и там «воскрешала», – как, мы не знаем; знаем только, что воскресший бог выходил из святилища и в торжественном шествии следовал в Буколион, Стойло Быка-Жертвы, где Царица проводила с ним брачную ночь, чтобы кого-то зачать и родить от него, – кажется, здесь, в Анфестериях, еще не знают, кого, – знают только в Елевзинских таинствах (Foucart, Le culte de Dionysos en Attipue, 1893, II, p. 129, 139, 142, 146. – Lanzani, Religione Dionysiaka, 71–73).

XXII

Как же воскрешает смертная мертвого бога? «Там, в Буколионе, еще и доныне совершается брачное соединение, symmeixis, супруги Царя (безилинны) с Дионисом», – сообщает Аристотель (Aristotel., de republic. Afhen., III, 5). Вспомним египетские изображения в Абидосском некрополе и Дендерахском святилище: мумия бога лежит на смерт-

ном ложе, окутанная саваном, – уже воскресающий, но еще не воскресший, мертвец, а богиня Изида-Ястребиха, парящая в воздухе, слетает на него, живая – на мертвого.

…Лицо Изиды светом озарилось
обвеяла крылами Озириса
и вопль плачевный подняла о брате;
воздвигла члены бездыханного,
чье сердце биться перестало,
и семя извлекла из мертвого…
…»Приди в твой дом, приди в твой дом,
Возлюбленный!
О, первенец из мертвых!..
Взгляни на меня: я – сестра твоя…
я – сестра твоя, на земле тебя любившая, —
никто не любил тебя больше, чем я!»

(См. выше: Распятый Эрос, XIX)

Так Изида воскрешает Озириса, Иштар – Таммуза, Кибела – Аттиса, Афродита – Адониса, Анагита – Митру, и Деметра – Диониса; все невесты-сестры-матери – всех женихов-братьев-сыновей; все живые боги – всех мертвых богов Атлантиды.

В брачной, земной, безличной любви рождение значит смерть – уничтожение; в братски-брачной, небесно-земной, личной любви рождение, значит смерть – воскресение.

Тайна воскресения есть тайна Богосупружества: «Будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю о Христе и о

Церкви, to mystêrion touto mega estin, egô de legô eis Christon kai eis tên ekklesian» (Еф. 5, 31–32). Можно ли, не кощунствуя, вспомнить эти слова, говоря об Елевзинских таинствах? Пусть каждый сам решает, но решив: «нельзя», знает, что это один из тех бесчисленных ударов ножа, которым отсекается прошлое от настоящего и будущего, Первый Завет – от Второго и Третьего, Отец – от Сына и Духа Матери. Мы, можно сказать, только это и делаем, а хорошо ли нам от этого, пусть опять каждый решает сам.

XXIII

«Сына родила Владычица, Сильная – Сильного! Hieron eteke potnia ischyra, ischyron!» – возглашал иерофант из подземной глубины святилища, как бы из сердца земли (Hippolyt., Philosoph., V, 1. – Foucart, Les mystères d'Eleusis, 1893, p. 49). В этом Елевзинском возгласе – вопль о спасении двух человечеств – первого, погибшего, и второго, погибающего: «Из преисподней вопию к Тебе, Господи!»

Мать родила Сына в вечности – родит в веках: это знают только здесь, в Елевзисе, и там, в Самофракии – на этих двух вершинах всей дохристианской древности – остриях двух пирамид, озаренных первым лучом восходящего солнца – Сына.

XXIV

Вдруг, точно искорки по угольно-черной, истлевшей бумаге, в темном святилище начинают бегать огни, красные от факелов, белые от лампад и светильников; все больше, больше, ярче, ярче, – и засиял, в бесчисленных огнях, весь храм, как солнце в ночи: «Елевзинские ночи прекраснее солнца сияют».

В ту же минуту, открываются двери святилища, и ожидавшая извне толпа входит в него. Иерофант, взойдя на помост, высоко подымает и показывает молча безмолвной толпе «сию великую, дивную и совершеннейшую тайну лицезрения» – «Свет Великий» – «Срезанный Колос».

Радуйся, Жених,
Свет Новый, радуйся!

восклицает толпа, в священном ужасе, падая ниц.

XXV

Кто этот новорожденный бог? Будущий, последний, смотря по двум возможным счетам, третий или четвертый Дионис-Иакх – «первенец, рожденный в браке несказанном» arretôis lektrois, по слову орфиков (Hymn. Orph., XXX, 2. – Арх. Хризанф. Религия Древнего мира, 463), а по нашему,

в узле «кровосмешений», так сложно и туго затянутом, что распутать его почти невозможно.

«Кровосмешение» – грубое, кощунственное слово, не древнее, а наше. У древних для этого нет слова: это для них «несказанно-святое» в таинствах, arrêton. Слишком, однако, не будем пугаться слова. Все наши слова о Боге грубы, слабы и невольно-кощунственны; не то говорят, и даже обратное тому, что хотят сказать; проклиная, благословляют и, кощунствуя, молятся. Если бы не глухота привычки, мы никогда не забывали бы, – и это к нашему благу, – что для «непосвященных» Крест, слава наша и спасение, – только «позорный столб», а приношение Сына Отцом в жертву – только «сыноубийство». Так же трудно не знающим, так же легко «посвященным» понять и этот, как будто кощунственный, символ «божественных кровосмешений».

Здесь, в «несказанном браке», человеческий Эрос как бы на самого себя восстает, преодолевает себя, чтобы кончить «дурную бесконечность» рождений-смертей; воля к обрекающему личность на смерть, безличному роду становится волей к вознесенной над родом, бессмертной личности. Тем, что сын зачинает от матери, дочь – от отца, как бы обращается назад нисходящая во времени, естественная чреда поколений: рожденное рождает оттуда, откуда само родилось, как бы поворачивает время назад – заставляет реку течь вспять. Вечно вертящееся колесо рождений-смертей вдруг останавливается и начинает вертеться назад. Это беззаконно-чудо-

вищно, в порядке человеческом, но в божественном – не может быть иначе, потому что здесь «Сын и Отец – одно». Если рождение Сына не пустая отвлеченность, чем уничтожался бы самый догмат Боговоплощения, то Сын в Отце рождает Себя от Духа-Матери. Или, говоря нашим грубым и слабым человеческим языком, все три Лица Божественной Троицы соединяются, рождая друг друга и друг от друга рождаясь, в Матерне-Отче-Сыновней, несказанно-брачной любви.

XXVI

Вот почему Эрос-Фанес орфиков тот же Иакх-Дионис есть «Мать и Отец самому себе» (G. Wobbermin. Religiongeschichtliche Studien, 1896). «Я – самим собою беременный; я – самого себя рождающий», – говорит умерший – воскресающий, в египетской Книге Мертвых. Вот почему у гностиков Дух-Мать есть Дочь и Возлюбленная Отца Своего, Бога Всевышнего (W. Bousset. Hauptprobleme der Gnosis, 1907, p. 337).

О, Мать моя! Жена моя!

скажет видению Сольвейг, возлюбленной своей, умирающий – «посвящаемый в великие таинства» – Пэр Гюнт. Это и значит: все еще до наших дней, «в браке несказанном», рождается Иакх.

XXVII

Человеческий Эрос восстает на себя самого и рушит закон естества своего – безличных рождений-смертей, в категории времени, кровосмешением, а в категории пространства, – двуполостью.

«Пребывать в половой раздельности, значит пребывать на пути к смерти… Кто поддерживает корень смерти, тот вкусит и плода ее… Бессмертным может быть только ***целый человек***» (Вл. Соловьев). – «Личность есть равноденствие полов». – «Бессмертен только первый, полный Адам», Адамо-Ева, Мужеженщина (В. Розанов). – «Некогда был третий пол, состоявший из двух, мужского и женского… Эрос возвращает нас к этой первоначальной природе, делая все, чтобы соединить обе половины и восстановить их в древнем совершенстве» (Платон).

Сын-Отец соединяется с Дочерью-Матерью, Дионис-Дий – с Персефоной-Деметрой, чтобы рушить закон рождающего – умирающего естества во времени, а чтобы рушить тот же закон в пространстве, Отрок-Дева соединяется с Девою-Отроком, Дионис-Персефона – с Персефоной-Дионисом, Андрогин – с Андрогином.

Тайна воскресения совершается в тайне личности, восстановляемой в первоначальной целости, двуполости, и тем замыкающей врата смерти – половой расщеп, распад на муж-

ское и женское. Древняя заповедь: «Да будут двое одна плоть», получает только здесь свой окончательный смысл. Как бы, сближаясь и входя одна в другую, падают, рушатся стены пространства, отделяющие пол от пола – две половины одной, некогда целостной, Личности, «да будет ***новая тварь*** kainê ktisis, новый Человек, который есть Мужеженщина, arsênothelys», – как учат гностики Офиты (Hippol., Philosoph., V, 7).

Вот почему все божества Елевзинского цикла – Дий-Урания, Персефона-Загрей, Деметра-Дионис, Кора-Иакх – двуполы: «двуестественны», diphyes. В иератических изображениях, младенца Иакха кормит грудью Персефона-Андрогин (Новосадский, 1. с., 170).

«Вакх тройной… первородный… Сын-Отец… Бог-Дева»… – «Мужа-Деву призываю, двуестественного Иакха Освободителя», – молятся орфики (Hymn. Orph., XLIX, XLI, ap. – Fr. Lenormant. Monographie de la voie Eleusinienne, 380). Бог Фанес-Эрикапей – тот же Иакх – выходящий из первичного яйца (может быть, андрогинной «сферы» Платона), «златокрылый, вологлавый, змеевенчанный», Мужеженщина, есть Всевышний Бог гностиков Валентиниан – Mêtropator, «Матереотец» (Greuzer, 305).

XXVIII

В иератических росписях ваз Иакх, так же как Дионис-За-

грей, изображается крылатым Отроком-Девою, едва отличимым от наших ангелов.

Что такое ангел? Существо бесполое, ни мужчина, ни женщина? Нет, сыны чертога брачного – не скопцы и скопчихи, а женихи и невесты. Это знают святые, знает и последний посвященный в Елевзинские таинства, Гете.

Мефистофель, во главе сатанинского воинства, борется с ангельским – за душу умершего Фауста. Рдеющие угли-розы небесной любви, попаляя бесов, обращают их в бегство.

Как режут ухо, визгливо-звонки,
Мне ваши с неба голоса,
Полумальчишки, полудевчонки,
Ханжам любезная краса!
Постыднейшим, что есть в душе и в теле,
Чем род людской мы погубить хотели,
Вы их умеете пленять…
…И нас хотя за то клянете,
Вы – мастера соблазном плоти
Мужчин и женщин соблазнять! —

все еще смеется Мефистофель и борется, но уже слабеет, разжигаемый содомскою похотью к мужеженской прелести Ангелов и, отступая, выпускает из когтей добычу – душу Фауста, возносимую ангельским хором к Матереотцу, Мэтропатору (Faust, II, Th., V, Act., Grablegung).

Здесь небывалому
Сказано: будь!
Вечная Женственность —
К этому путь!

Нет, Мужеженственность вечная.

XXIX

Человеческий Эрос тает в божественном, как снег под вешним солнцем. Все более бесплодные, все менее рождающие, соединения двух Андрогинов – Дия с Уранией, Загрея с Хтонией, Диониса с Персефоною, Иакха с Корою – стремятся к совершенной двуполости, «двуестественности», освобождающей от колеса «дурной бесконечности» – рождения-смерти. В этой цепи двуполых браков, убывающих рождений, последнее звено – уже как будто нерожденный, невоплощенный Иакх – острие пирамиды – всего до-христианского человечества; высшая точка, как будто не-сущая, а на самом деле, единственно-сущая, потому что вся пирамида только для нее и строится, только и стремится к ней.

Здесь величайшая радость и ужас таинства, слепое касание, осязание грядущего Сына, – как бы Его самого, еще во мраке незримого, живое дыхание в лицо.

XXX

Царство Божие наступит тогда,
когда два будут одно…
мужское будет как женское,
и не будет ни мужского, ни женского,

это «незаписанное слово» Господне, agraphon, это «неизреченное», arrêton, столь непонятное для нас, поняли бы здесь, в Елевзисе, пред лицом Мужа-Девы, Иакха. Вот куда привел нас великий Средиземно-Атлантический путь двух Двуострых Секир, двух двуполых божеств – Сына и Матери.

XXXI

Св. Иоанн Дамаскин, ссылаясь на древние, для своего, VIII века, значит, вероятно, первохристианские свидетельства, говорит о Христе, как будто незначительно, а на самом деле очень глубоко: «Был Он лицом, как все мы, сыны Адамовы». Это значит: лицо у Него было простое, обыкновенное, – лицо, как у всех. И прибавляет только одну, должно быть, особенно врезавшуюся в память видевших это лицо, вероятно, подлинную черту: «Он был похож на Матерь Свою». Ту же черту, теми же почти словами, через шесть веков, напоминает, ссылаясь, кажется, на других, помимо Да-

маскина, древнейших свидетелей, Никифор Каллист: «Было лицо Его похоже на лицо Матери»; и повторяет, настаивает, видимо, тоже чувствуя драгоценную подлинность этой черты: «Был Он во всем совершенно подобен Своей Божественной Матери» (G. A. Müller. Die leibliche Destalt Jesu Christi, 1909, p. 44–46).

Вот почему, глядя на Сына, нельзя не вспомнить о Матери: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» Он – в Ней, Она – в Нем: вечная Женственность сквозь Мужественность вечную.

Здесь, в Елевзинских таинствах, люди как будто уже видят это лицо Иисуса Неизвестного.

XXXII

Будущий Дионис, Иакх, – еще не тело, не образ, а только тень, звук, клик в безмолвии ночи: Iakchôs от iakchô, «кличу», «зову»; клик и зов всего дохристианского человечества к Сыну.

В хоре Софокла, Иакх – «хоровожатый небесных светил», choragos astrôn. Вечною пляскою, уносящею души, солнца и атомы, предводительствует он. В хоре Аристофана, Иакх – «Звезда Светоносная», phosphores astêr (Fr. Lenormant. 1. c., 383). – «Радостный Иакх, ужас богов, приди, Блаженный!» – кличут орфики. Боги умрут – звезды потухнут, и только одна загорится, на ровно светлеющем небе, утренняя звезда,

вестница солнца, – Иакх.

В росписи одной аттической вазы новорожденный Иакх изображен со светочем в руке и с надписью:

Свет Божий, Dios phôs.

Это и значит: «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его». – «Я есмь свет миру».

XXXIII

Люди ничего не знают о нем; знают только, что вот-вот родится. «Иакх есть Дионис Младенец, у груди Матери», epi tô mastô (Suidas, s. v. Jacchos, ap. Harrison, Proleg., 543. – Lanzani, 1. c., 95). Это последний, к христианству ближайший, из бесчисленных, рассеянных по всему Средиземно-Атлантическому пути в Европе, Азии, Африке, от неолитиской древности идущих образов: Матерь с Младенцем.

Иакх – вечное «Дитя», Pais, так же, как последний Самофракийский Кабир – Кадмил. Имя Иисуса, Мужа в совершенном возрасте, столь необычное и непонятное для нас, в «Постановлении Двенадцати Апостолов», – тоже «Дитя», Pais. Сын подобен Отцу, Ветхому деньми: «волосы Его белы, как белое руно, как снег» (Откр. I, 14). Имя же Его – «Дитя», «Младенец», потому что Он не только однажды родился, но и вечно рождается в мир.

Parvus puer, «маленький Мальчик», называет Его и «первый из нас, христиан», nostorum primus, Maro (Lactant.,

Divin, instit., ap. – S. Reinach, 1. c., 83), Виргилий, в IV эклоге, столь обвеянной елевзино-орфическим веяньем. Самые маленькие грудные дети, узнавая издали мать, вдруг начинают смеяться.

> Incipe, parve puer, risu cognoscere matrem.
> Матерь начни узнавать, засмейся, маленький Мальчик!
> —

как будто глазами увидел Виргилий то, что будет в Вифлееме. Может быть, прав был Константин Равноапостольный, когда в речи к отцам первого Никейского собора, переведя на греческий язык IV эклогу Виргилия, поставил его наравне с Исаией (Jeremias, 1. c., 225).

XXXIV

Я возвещаю Всевышнего Бога – Иао,

сообщает Макробий стих будто бы самого Орфея (W. Baudissin. Studien zur semitischen Religionsgeschichte, 1876, p. 213).

Иао-Иагве – Иакх: в смысле не филологическом, а более глубоком и действительном: эти два имени, может быть, недаром созвучны: Иакх – чужой Сын; Иагве – родной Отец, наш иудео-христианский Бог.

Искра молния, соединяющая два полюса – иудейство и эл-

линство, вспыхнула «Великим Светом» в христианстве.

Иао – Иакх – радостный Клич – Свет —

сказано в надписи на одном послехристианском магическом камне-талисмане, с изображением змея древнеегипетского бога Хнубиса – одного из вечных и всемирных символов, идущих, может быть, от «перворелигии» всего человечества (Baudissin, 215).

Иудеохристианская книга «Pistis Sophia» так объясняет три звука этого «неизреченного» имени

IAÔ

«Iота – мир исходит, exiit mundus; альфа – все к себе возвращается, reventuntur intus; омега – будет конец концов, erit finis finium» (Baudissin, 243).

Так, в имени Божием, заключены имена трех миров – Отца, Сына и Духа-Матери – первого, второго и третьего человечества.

XXXV

Чаяние царства всемирного и вечного – царства Божьего, принадлежащего еще не рожденному Богу Младенцу, слышится, за всю языческую древность, только в Елевзинских и Самофракийских таинствах. Главная новизна их, небыва-

лость, единственность, в том, что здесь Дионис-Иакх не в мифе, позади, а впереди, в истории; не в прошлом, как все остальные боги Атлантиды – Кветцалькоатль, Озирис, Таммуз, Аттис, Адонис, Митра, – а в будущем, как Мессия пророков израильских. «Был», – говорили о нем во всех древних таинствах; только здесь сказали: «Будет».

Вот почему имя того единственного на земле, святого места, где люди впервые узнали, что Он будет, придет, «Елевзис» – «Пришествие».

XXXVI

В ночь на 20-е месяца боэдромиона (начало октября), в конце святой Елевзинской недели, совершалось торжественное шествие. Юноши-эфебы, в белых одеждах и миртовых венках, с круглыми щитами и копьями, сопровождали колесницу с изваяньем новорожденного Иакха. Медленно влачилась за ней, на паре волов, простая, сельская, с деревянными, сплошными, пронзительно-скрипучими колесами, телега, подобная тем, в каких возили пшеницу на гумна и виноград на точила. Круглые, с плоскими крышками, перевязанные шерстяными пурпурными лентами, плетеные корзины и кошницы, с «ненареченными святынями», стояли на этой смиренной телеге. Следом за нею шли иерофант, иерофантида, жрецы и жрицы, факелоносцы, глашатаи и весь афинский народ. Шествие двигалось в блеске бесчисленных факе-

лов, как будто с неба на землю сошел «Хоровожатый пламенеющих звезд» (Foucart, 1. c., p. 302, 325. – Demetrios Philos., Eleusis, p. 21). Тихая земля, тихое небо, тихое море – все оглашалось таинственным кликом:

Iakche, ô Iakche!
К нам, о Диево чадо,
К нам, о бог-предводитель
Пламенеющих хоров
Полуночных светил!

(Sophocl., Antig.)

Люди радовались, в эту Елевзинскую ночь, что Бог Человек вот-вот родится, так же как в ту, Вифлеемскую, что Он уже родился. Ангелы как будто уже пели на небесах:

Слава в вышних Богу
и на земле мир!

«Мир» – величайшее слово земли – повторяло небо и сходило на землю, как будто на земле все уже исполнилось – готово к Царству Божьему.

XXXVII

Две колеи – след колесничных колес, проложенный Иакховым шествием, в течение многих веков, на Елевзинской

Священной дороге, via sacra, там, где она проходит по камню, сохранился до наших дней (Foucart., 302).

Мы, новые язычники, хуже древних, – те, еще не видя, верили, а мы не верим, уже видя, – может быть, не обратимся в христианство, как следует, пока не поцелуем смиренно, в святой пыли Елевзинской дороги, этот первый след, проложенный шествием человечества к Царству Божьему.

XXXVIII

За немного дней до Саламинской битвы, сообщает Геродот, афинянин Дикей и лакедемонянин Демарат, находясь на Фрийской равнине (Thria), увидели подымающуюся со стороны Елевзиса тучу пыли, как бы от шествия тридцатитысячного войска, и услышали клик, в котором Дикей узнал «таинственный клик» Иакхова шествия. «Голос этот есть сила Божия, идущая от Елевзиса, на помощь афинянам и союзникам», – сказал Дикей Демарату (Herodot, VIII, 95).

Кажется, Геродот ошибается: Иакховы шествия совершались только по ночам, при свете факелов; значит, Дикей и Демарат могли бы увидеть не тучу пыли, а лишь зарево елевзинских огней, а так как, в самый разгар войны, не совершались, конечно, таинства, то зарево было одним из тех чудесных видений, какие посылаются людям в роковые минуты жизни. В Саламинской битве, так же как во всей Персидской войне, – третьем великом поединке Востока с Западом

(первый – баснословная или доисторическая война Атлантиды с Европой, второй – полуисторическая Троянская война), решались вечные судьбы не только всей Греции, но и всего европейского – будущего христианского – человечества. Вот кому на помощь шла от Елевзиса великая «Сила Божия».

«В полночь видел я солнце, белым светом светящее». Этого солнца зарю, восходящую над Елевзисом, и увидели с Фрийской равнины Дикей и Демарат.

Мы, новые язычники, может быть, не обратимся в христианство, как следует, пока не увидим той же зари, не поверим, что людям в древних таинствах уже являлся Тот, Кого они еще не знали, а мы уже не знаем.

XXXIX

За семь дней до Голгофы, когда множество народа, выйдя с пальмовыми ветвями навстречу к Иисусу, восходившему в Иерусалим, восклицало: «Осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!» – совершилось то, что можно бы назвать «Елевзисом» – «Пришествием», в самом Евангелии. Эллины, пришедшие на праздник Пасхи, захотели видеть Иисуса; но были робки: знали, что они для Иудеев – «необрезанные», «нечистые», «псы», подбирающие крохи со стола детей; прямо подойти к Иисусу не посмели, как делали это последние люди в Израиле, блудницы и мытари. Подошли сначала к Филиппу, который был из Вифсаиды Гали-

лейской, «страны языческой». – «И просили его, говоря: господин! мы хотим видеть Иисуса».

Люди, от начала мира хотели этого, жаждали, умирали от жажды, и вот эти три слова: «Иисуса видеть хотим» – как бы открытые, сжигаемые Танталовой жаждой, уста.

Эллинских «псов» подвести к Царю Израиля и Филипп не посмел. «Идет и говорит о том Андрею; потом Андрей и Филипп сказывают о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому».

Что это значит? Почему слава Сына – пришествие эллинов? Разве быть Царем Израиля уже не слава? Нет, те же уста, что сегодня восклицают: «Осанна!» через шесть дней, завопят: «распни!» Слава Сына – исполнить волю Отца, спасти мир. «Весь мир идет за Ним», – говорят между собою фарисеи, за минуту до прихода эллинов, как будто уже зная о нем. Мир вещественный – Рим, мир духовный – эллинство. Он-то и пришел к Сыну. Первые попавшиеся эллины к Нему не пришли бы; эти знали, конечно, зачем и к Кому идут. Он и говорит им, как знающим:

> Истинно, истинно говорю вам:
> если пшеничное зерно,
> падши на землю, не умрет,
> то останется одно;
> а если умрет, то принесет много плода.

Вся Елевзинская тайна в этом слове, и слыша его, не мог-

ли не понять знающие тайну Эллины, что зерно – Он сам.

Когда Я вознесен буду от земли,
всех привлеку к Себе.

(Ио. 12, 12–32)

Слыша и это слово, не могли они не понять, что перед ними – высоко вознесенный, «Срезанный Колос», – «Великий Свет» Елевзинских ночей – Спаситель мира.

XL

Эта одна из самых не только божественно, но и человечески-подлинных страниц Евангелия, остается доныне как бы не прочитанной, слово Господне о пришествии мира к Нему как бы не сказанным. Но если бы мы не были так слепы, то увидели бы, что здесь, в пришествии Эллинов, боги древних таинств, боги Атлантиды – первого погибшего мира, привели второй, погибающий, – к Спасителю.

14. К Иисусу неизвестному

I

В Рождество Христово я кончаю эту книгу об Атлантиде-Европе. Здесь, на берегу Средиземного моря у подножья Лигурийских Альп, дни зимнего лета, «Гальционовы», как называли их греки, потому что Бог Посейдон в них углаживает волны моря, утишает бури, чтобы гальционы-чайки, ему посвященные, могли высиживать птенцов своих в плавучих гнездах, – эти райски-тихие дни – самые блаженные в году. Летом пахнет, в декабре, смолистая хвоя в кипарисовых аллеях запустевших вилл,

> Где поздних, бледных роз дыханьем
> Декабрьский воздух разогрет.

Тают в несказанном свете, как в славе Преображения, розово-снежные Альпы, прозрачно-лиловые холмы Эстереля и моря, воздушно-голубое, как небо, где паруса белеют, подобно крыльям ангелов. И в зимнем, сонном щебете птиц слышится ангельский хор:

> Слава в вышних Богу
> и на земле мир.

Острова Блаженных, Гомеров Элизиум, напоминает, в эти золотые дни, этот очарованный край:

> Ты за пределы земли, на поля Елисейские, будешь
> Послан богами туда, где живет Радамант златовласый,
> Где пробегают светло беспечальные дни человека,
> Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает,
> Где сладко-шумно летающий веет зефир, Океаном
> С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным.

Кажется, век Золотой притаился в этих райских долинах, как в полуденной щели скалы – зимняя бабочка и небо сходит на землю, как будто все на земле уже совершилось, кончено – готово к царству Божьему. Только здесь верит сердце в Золотой Век, бывший и будущий, золотой сон человечества, и хочется плакать от грусти и радости: радость о том, что это было и будет; грусть о том, что это было так давно и так не скоро будет.

II

Есть у каждого сердца свои приметы, пусть для других суеверные, но для того, кто наблюдает их, несомненные. Есть и для меня такие приметы на книге моей, как бы таинственные знаки судьбы.

Первый знак – время, когда книга написана: после первой

всемирной войны и, может быть, накануне второй, когда о Конце никто еще не думает, но чувство Конца уже в крови у всех, как медленный яд заразы.

Знак второй – то, что книга написана русским изгнанником. Только видевший конец своей земли знает, чем будет конец всей земли – Атлантиды-Европы. Люди без родины – духи без тела, блуждающие по миру, на страшную всемирность обреченные, может быть, видят уже то, чего еще не видят живущие в родинах – телах, – начало и конец всего, первые и последние судьбы мира, Атлантиду-Апокалипсис.

Третий знак – то, что книга написана во Франции – вечной, вопреки всему, посреднице между двумя мирами – древним, эллино-римским, а может быть, и древнейшим, друидо-кельтским, кроманьонским, и новым, европейским; между двумя морями – Средиземным и Атлантическим; между двумя тайнами – Востоком и Западом.

Знак четвертый – то, что книга написана здесь, в этой райской долине, где все еще скользит легко-легко, почти незримо, как тень от крыльев зимней бабочки по бледным лепесткам декабрьской розы, последняя тень Атлантиды – золотого века, прошлого, а может быть, и будущего – первая тень.

И, наконец, пятый знак, самый для меня счастливый, таинственный, – то, что я кончаю эту книгу о рождестве человечества, в день Рождества Христова.

III

Ночью, при блеске молнии, путник в горах видит вдруг с высоты весь пройденный путь; так, говорят, умирающий видит всю свою жизнь; так же и я, в этой книге о древних таинствах, увидел – вспомнил, в одно мгновение, всю жизнь человечества, ибо знают ли это люди или не знают, хотят или не хотят, – все во всемирной истории движется от таинств к таинствам, как в теле человека – от сердца и к сердцу льющаяся кровь.

Все, что мы узнали, увидели в этом мгновенном видении, – весь, от начала мира до сегодняшнего дня, пройденный человечеством путь – можно бы выразить в трех словах: тайна таинств – Христос.

IV

«Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?» (Лук. 7, 19.) – этот вопрос – соблазн Иоанна Предтечи, как будто забывшего свои же слова: «Идет за мною Сильнейший меня», повторяют ученики Господни, уже после явлений Воскресшего, как бы не веря в них и снова влагая персты в крестные язвы Распятого. Вот что рассказывает Петр, в своем «Возвещении», Kêrygma:

«Мы же, раскрывши книги Пророков, возвещающих Хри-

ста Иисуса, то в темных притчах и образах, то в ясных словах, и увидевши, что в них предсказаны Его пришествие, и смерть, и крест, и воскресение… все, что было и будет, – поверили, ибо познали, что все сие, воистину Бог совершил» (Clement Alex., Strom., VI, 15, 128. – Preuschen, Antilegomena, 1901, p. 54, 145).

Когда говорят пророки,
вот, Я Сам говорю.
Hoti ho lalôn en tois prophêtais
idou pareimi,

по «незаписанному» слову Господа (Epiphan., Haeres., XXIII, 5. – A. Resch, Agrapha, 207).

Где же эти пророки, только ли в Израиле? Нет, во всем человечестве.

Многие придут с востока и запада
и возлягнут с Авраамом, Исааком,
и Иаковом в царстве небесном,
а сыны царства извержены
будут во тьму внешнюю.

(Мт. 7, 11–12)

Дух дышит, где хочет, не в одном углу земли, а по всей земле, «ибо Господня земля и что наполняет ее» (Пс. 22, I); Дух говорит не на одном языке, а на всех; тот же Дух в древ-

них таинствах, как в пророках Израиля; тот же «свет к просвещению язычников», fôs eis apokalypsin ethnôn (Лук. 2, 32), только в призме иной, в иные цвета преломляемый; та же звезда, ведущая в вертеп Вифлеемский, волхвов с Востока и богов Атлантиды с Запада.

V

Кто такая Сибилла эллинно-римская? Древневавилонская schebiltu (A. Jeremias, 88), Гераклитова Пифея, что «гласом своим в Боге, проницая тысячелетия, вещает исступленными устами грозное» – начало и конец всего, – дохристианская душа человечества – «перворелигия». Вот почему гимн Фомы Челанского (Thomas da Celano) о кончине мира, повторяемой органными гулами средневековья, соединяет Сибиллу с Давидом, пророком Израиля:

Dies irae, dies illa,
Solvet saecuum in favilla,
Teste David et Sibylla.

Вот почему, и в росписи на сводах Сикстинской капеллы, каждого из двенадцати ветхозаветных пророков сопровождает Сибилла.

Тайна Востока и тайна Запада – как бы две колеи, проложенные Иакховым шествием на Елевзинской Священной дороге.

Ныне грядущему Господу путь уготован.

Первый завет – путь ко второму, Отчий – к Сыновнему, не только в Израиле, но и во всем человечестве.

«Когда говорят посвященные в таинства, – вот, Я Сам говорю», – мог бы сказать Иисус Неизвестный.

VI

В Капернауме-городке, у Тивериадского озера, маленькие, бедные домики построены из черных базальтовых плит; только одна синагога – из белого известняка, подобного мрамору. Венцы колонн и архитравы ионического ордена, а также львы, орлы, кентавры и боги-дети с цветочными вязями, в украшающих стены ваяниях, – все напоминает эллинский храм (P. Rohrbach. Im Lande Jahwes und Jesu, 1911, p. 344–345). Как бы два девственных, живому телу Персефоны подобных мрамора – тот, в синеве елевзинского, и этот – галилейского неба. Здесь, в Капернаумской синагоге, начал Иисус проповедывать.

Рабби Иоханану, галилейскому книжнику, учителю Израиля, фарисею из фарисеев, чистому из чистых, чаша с тисненным по краям изображением эллинского бога, может быть, самого Диониса, не казалась нечистою (G. Dalman. Orte und Wege Jesu, 1924, p. 152). Мог ли поднять и Господь такую чашу на Тайной Вечере, когда говорил: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь»? На этот

вопрос детски-просто отвечают росписи древнейших катакомб, где хлебный колос Деметры и виноградная гроздь Диониса означают хлеб и вино Евхаристии (Champagny, Les Antonins, 1863, v. II, p. 304).

Греческий язык, на котором написано Евангелие, так называемый «общий», koinê, всемирный язык Александра Великого и самого Диониса, – как бы золотая чаша с тисненным по краям изображением всех богов мистерии, богов Атлантиды, и самого небодержца, страстотерпца, Атласа.

Раз уже из чаши такой причастился – спасся; может быть, и снова, причастится – спасется погибающий мир.

VII

Это есть тень будущего,
а тело во Христе, —

говорит ап. Павел о пророчествах Израиля (Кол. 2, 17). Мог ли бы он это сказать и о древних таинствах?

«Став Павел среди Ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано:

Неведомому Богу.
Agnostô theô.

Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17, 22–23).

Кто этот «Неведомый Бог», знали посвященные в мистерии. – «Сын есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари. Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое… Все Им и для Него создано. И Он есть прежде всего» (Кол. 1, 15–17). Это знает Павел, знает и Гераклит, посвященный в Елевзинские таинства:

> Логос прежде был,
> нежели стать земле.

Люди до христианства знали, что Христос будет, так же как мы знаем, что Он был: это и есть тайное знание мистерии. Вот почему Павел, апостол язычников, первый, а за ним и вся Церковь, до наших дней называет величайшие святыни свои, таинства, тем же словом, какое произносилось и в Елевзинском и в Самофракийском святилище: mysteria. Слово это понятно всем народам, от Вавилона и Египта до Перу и Мексики; всем векам, от начала мира до сегодняшнего дня.

Вот что значит: тайна таинств – Христос.

VIII

«Это есть тень будущего, а тело во Христе». По обличку черной, на белой стене движущейся, человеческой тени,

можно узнать не только самого человека, но и то, что он делает; так мы узнаем по символам древних таинств, не только самого Христа, но и то, что Он сделает. В них, говоря словами «Возвещения» Петрова, «пришествие Господа и смерть Его, и крест, и воскресение… все, что было и будет предсказано». Эта откинутая назад, до начала мира – «Атлантиды», простершаяся тень так неотразимо-чудесна, что людям неверующим, когда они увидели ее впервые, оставалось одно из двух: или поверить в чудо, или попытаться уничтожить самое тело, откинувшее тень, – историческую личность Христа. Четверть века назад эта попытка и была сделана, но оказалась покушением с такими негодными средствами, что, можно надеяться, ее уже никто не повторит, кроме слепых изуверов и людей, плохо знающих, что такое история.

Чтобы смешать тело с тенью, надо быть слепым; но и слепому стоит только протянуть руку, пощупать, чтобы почувствовать, что тело не тень. Был ли Иисус? В голову никому не пришел бы этот вопрос, если бы до него уже не помрачало рассудка желание, чтобы Иисуса не было. Чудо Христово в древних таинствах такое людям бельмо на глазу, что они готовы лучше отвергнуть историю, чем принять ее с этим чудом.

IX

«В пятнадцатый же год правления Тиберия кесаря, когда

Понтий Пилат начальствовал в Иудее… был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии» (Лук. 3, 1–2). Если из шести синхронизмов, совпадающих времен, у ев. Луки, – Теберия, Пилата, Ирода Антипы, четверовластника, Филиппа, брата его, Лизания, первосвященников, Анны и Каиафы, – только два первых точны, а остальные сомнительны, то и этого достаточно, чтобы вдвинуть христианство в историю, найти в ней точку опоры для этого Архимедова, подымающего землю, рычага.

Дорого бы дали такие враги Христа, как Тацит, Иосиф Флавий, талмудисты первых веков христианства, и Лукиан, и Цельз, чтобы усомниться в бытии Врага; но вот, не сомневаются: так же уверены, что Иисус был, как что был Юлий Цезарь или Август.

«Что мы слышали, что видели своими глазами, что рассматривали, и что осязали руки наши, – Слово жизни… возвещаем вам» (I Ио., 1, 1). Эта-то слышимость, видимость, осязаемость, «телесность» исторической личности Христа – «ибо в Нем вся полнота Божества обитала ***телесно***» (Кол. 2, 9), – и входит в плоть времени – историю; это и режет ее, как алмаз режет стекло.

X

Что было бы с человечеством, если бы не было Христа? Чтобы ответить на этот вопрос нехристианам, надо бы напи-

сать всемирную историю заново, с еще невидимой для них точки зрения Конца – «Атлантиды-Европы». Ясно, впрочем, одно и сейчас: боги таинств не спасли бы мира, если бы суждено ему было погибнуть.

«Нынче до того дошло, что о таинствах слышать не хочет никто из людей добродетельных; только блудницы да разбойники посвящаются в них», – говорит Филон Александрийский, современник Христа, иудей, враг эллинства вообще и эллинских таинств в частности (Philo, de spec. leg., 1. 323. – H. Leisegang. Pneuma Hagion, 1922, p. 34). Как ошибается Филон, видно уже из того, какое значение приобретают таинства, лет через двести. Митрианство – последний оплот римского могущества, в общем упадке и немощи, – распространяется вслед за легионами, от Каппадокии до Британии, спасая Рим от нашествия варваров. Бога Митру объявляет Диоклетиан «зиждителем римской державы» и воздвигает ему святилища по всей империи: в самый канун торжества христианства весь мир, кажется, готов поклониться Митре (Fr. Cumont. Les mystères de Mithra, 1902, p. 36, 168. – Les religions orientales dans le paganisme romain, 210). Сам Константин Равноапостольный долго колеблется между Христом и «Верным Солнцем», Certus Sol, Митрою, как будто Христос – «Солнце неверное» (A. Gasquet. Mystères de Mithra, 1899, p. 35).

Чем объяснить такое всемирное действие таинств, если не какой-то в них скрытой, жизненной силой? Но, может быть,

Филон не совсем ошибается: что-то было, если не в самих таинствах, то около них, обреченное.

XI

В скромном, беленьком домике, у Дипилонских ворот, в пышноотцветающих Афинах III века до Р. Х., тихо живет, тихо умирает, как ясная, на безоблачном небе, заря, неисцелимо-больной мудрец. В теплые зимние дни его выносят на солнце, в жаркие, летние, – в свежую тень. Люди собираются к нему, как осенние пчелы – на последний цветок, и жадно впивают мудрые, тихие речи, как мед.

Вечно-страдающий, вечно-блаженный, он учит людей побеждать страдание тихой и мудрой усмешкой над жизнью и смертью, над злом и добром, над людьми и богами, – надо всем. Боги, – учит, – как светлые тени в Елисейских полях, как дневные звезды, незримые людям, живут в ***Междумирьях***, – недвижных, между веками движения, вечностях, ясных, между бурями, затишьях, сладостных, между болями, успокоениях, – Блаженных Островах, Атлантидах. Сущие – несущие, мертвые – бессмертные, в судьбах людей не участвуют. Тщетны молитвы, – никто их не слышит; жертвы напрасны, – их не принимает никто. Люди одни. Есть ли боги, нет ли богов, все равно, человек сам себе Бог. И с тихой улыбкой мудрец умолкал.

Кто это? Первый человек, «победивший страх богов»,

Эпикур (Зелинский. Древнегреческая религия, 127). Вся языческая древность кончается этою мудростью неисцелимо-больного. Начал Сократ, продолжал Эпикур, кончил Лукиан-Лукреций; кончают и все, до наших дней, «люди-боги».

XII

Так же как Сократ, Эпикур отказался бы от посвящения в Елевзинские таинства. Лет через четыреста, не отказался император Адриан; но, посвященный, издевается над верой в богов и поет, умирая, веселую песенку:

Душенька сирая, бедная,
Тела гостья недолгая,
Ныне куда убегаешь ты?
Бледная, зябкая, голая,
Больше не будешь играть!
Animula, vagula, blandula,
Comes hospesque corporis
Quae nunc abibis in loca?
Pallidula, frigida, nudula,
Nec, ut soles, dabis jocos.

(Champagny, Les Antonins, 1863, II, v. p. 100)

Всюду воздвигает он великолепные, но пустые, неведомым богам святилища; их называют «Адрианнии» (Hadrianeia), по имени кесаря, потому что он – послед-

ний и единственный, ведомый бог. Мраморы, гладкие, как зеркала, отражая друг друга, углубляют в них пустоту бесконечную. Иерусалим разрушен так, что не осталось камня на камне; плугом вспахана земля и посыпана солью, в знак проклятья. Мерзость запустения стала на святом месте: на Сионе – Aelia Capitolina, на Голгофе – храм Венеры. Кесарь гонит христиан, но думает иногда, не принять ли, на всякий случай, Христа в сонм Олимпийских богов, не посвятить ли Ему один из пустых Адрианиев? «Christo templum facere eumque inter deos recipere… cogitasse fertur» (Lamprid., Alexand. Sever., c. XLIII).

«Горе! Я, кажется, делаюсь богом. Vae! puto, deus fïo», – шутит, умирая, Веспасиан над предстоящим ему, как богу-кесарю, апофеозом (Sueton., Vespas., c. 39. – G. Boissier. La religion romaine, 1873, p. 177).

«Не было меня – нет меня», – сказано в одной языческой гробничной надписи поздних времен; лучше, пожалуй, не скажут и «люди-боги» наших дней.

XIII

«Так-то поклоняются они (христиане) распятому софисту», – говорит Лукиан в «Смерти Перегрина», грубой и плоской карикатуре на христианство (Lucian., de morte Peregrini, c. II). Умный Самозатский насмешник, как это часто бывает с умными людьми, оказался в дураках: «малень-

кий жид с крючковатым носом и лысиной», босоногий бродяга, Павел, поджег сухую степь, и пламя пожара, вспыхнув с чудесной быстротой, в сто двадцать лет, распространилось от Нила до Великой Тартарии, от Инда до Атлантики (Champagny, 1. c., 636).

XIV

«Всех богов иерофантом» называет себя неоплатоник Прокл, истолкователь «Атлантиды» Платона, не подозревая, что «все боги» – значит «ни одного» (H. Graillot. Le culte de Cybele, p. 538). – «Есть много путей к истине; каждое богопочитание предлагает свой путь, и мудрый шествует по всем путям, чтобы тем легче дойти до истины», радуется «последний язычник», Симмах, не подозревая, что «все пути» – значит «ни одного» (A. Gasquet, 1. c., 136).

Слишком знакома и нам эта всеядность позднего язычества. Все едим, чтобы ничем не насытиться: пресно, тошно все, как соль, потерявшая силу или яства на дьявольском шабаше.

В таинства всех богов посвящен император Коммод, что не мешает ему быть извергом. Домитиан, венчанный гладиатор, объявлен «Великим Кабиром» Самофракийских таинств, а мать Элагабала, сирийская блудница, – «Афродитой Небесной». Матереубийца Нерон благочестивее: не посмел принять посвящения в Елевзинские таинства.

Юлия Домна, мать Каракаллы, та, что шепчет сыну своему, на ложе кровосмешения: «Si libet licet, если хочешь, можешь», – изображаемая на монетах возносящейся на небо Матерью богов, Кибелою или Новою Деметрою, внушает другу своему, Филострату, написать «Жизнь Аполлония Танского», чтобы этого ученика индийских браминов, учителя всех теософов, бывших и будущих, полубога, полумошенника, противопоставить Христу (Ревилль. Религия в Риме при Северах. Русск. перев., 1898, с. 213, 216, 228, 233).

XV

В 218 г., восходит на престол Элагабал, жрец сирийского бога солнца, Эль-Габала, четырнадцатилетний мальчик, прекрасный как Дионис Андрогин, и, выросши, удивляет неистовым развратом даже ничему уже давно не удивляющийся Рим.

Людям кажется, что снова посетило мир двуполое страшилище, Агдистис, чтобы «все разрушать, ни людей, ни богов не страшась и думая, что нет никого ни на земле, ни на небе, сильнее его».

Таинства, в самом святом – в откровении божественной Двуполости, оскверняет он так, как еще никто никогда. В верховное божество Рима-мира возводит свой собственный непотребный мужеженский пол под видом святого камня Бэтиля – знаменья двух в Боге естеств, Отца и Матери. Пля-

шет перед ним, как одалиска, весь голый, только в венце из драгоценных камней, с бычьими рогами Ваала, в дыму благовонных курений и в смраде сжигаемых человеческих жертв. Всех блудниц Рима собирает во дворец, пьянствует с ними и, напившись, хвалится, что у него больше любовников, чем у какой-либо из них. Бога своего, Эль-Габала, женит на карфагенской богине, Афродите Небесной, и женится сам на римской весталке, Аквилии Севере. То, переодевшись женщиной, занимается, в глухих улицах Рима, промыслом кабатчиц и блудниц; то, целыми днями, с терпением слабоумца, выщипывает на теле своем, волосок за волоском, чтобы сравняться гладкостью кожи с невинной девушкой; велит называть себя «императрицей» и желает возвести на престол «мужа» своего, карийского раба, Гиерокла, за enormitas membri; то, в золотой колеснице, запряженной голыми женщинами, совершает триумфальное шествие по городу, выставляя напоказ уличной черни свой «божественный пол».

Изверг убит, наконец, возмутившимися преторианцами, в объятьях матери своей, блудницы, с которой хотел вступить в кровосмешение, в память небесного брака Дия, сына, с Деметрой, матерью, или земного, – Каракаллы с Юлией Домной; так, по одному известию, а по другому, – кесарь убит в отхожем месте преторианского лагеря. Долго волочила разъяренная чернь по улицам Рима тела сына и матери, ругаясь над ними, и, наконец, сбросила их, как падаль, в Тибр.

В эти страшные дни, говорят, изваяние богини Изиды от-

вернуло целомудренный лик свой к стене святилища, чтобы не видеть человеческих мерзостей (Fr. Cumont. Les religions orientales dans le paganisme romain, 264. – Ревилль, 1. c., p. 246–278). «Сколько ни вертись, не отвертишься: сама такая же!» – могли бы сказать христиане – с правом или без права, это, пожалуй, не так-то легко решить и нам сейчас, христианам и не-христианам одинаково, чувствующим близость и к нашему собственному, ничем еще или уже не огражденному полу – «так называемых глубин сатанинских», ta bathea tou Satanâ (Откр. 2, 24).

XVI

После Элагабала, воцарилось над миром, в лице двоюродного, не только по крови, но и по духу, брата его, Александра Севера, бессильное старчество-ребячество. Тот ничтожен в пороке, этот – в добродетели. Бой щенят с поросятами – любимая забава кесаря, а любимый герой его – Александр Великий. Сердцем, однако, чувствителен так, что плачет, начиная войну. Полухристианин, полуязычник. После ночи, проведенной с женой, воздерживается от утренних молитв, «дабы не осквернить святыню». «Терпит христиан», christianos passus est, и даже как будто сочувствует им, но лучше бы гнал. Явно приносит жертвы богам, а потихоньку молится или хотел бы молиться Христу. Лары, домашние, боги или «святые души» в дворцовой молельне его, – Ав-

раам, Орфей, Александр, Аполлоний Тианский и Христос (Lamprid., Alex. Sever., с. XXIX. – Ревилль, 1. с., 291–306).

Так, в лице слезливого кесаря, воссела на престол мира сама гостеприимная хозяйка пиршества с несолеными яствами, полубогиня, полумошенница, Теософия. И это, может быть, ужаснее всех Элагабаловых ужасов.

XVII

В век Антонинов, – то, что в святом гнезде их, между Антонином Благочестивым и Марком Аврелием мог родиться злодей, Каракалла, тоже знаменье времени, – в этот «золотой век», многим казалось, что наступило или вот-вот наступит, под сенью вечного Рима, вечного мира, pax romana, царство Божие на земле. «Наших дней Блаженство, Мир, Веселье. Felicitas temprorum, Concordia, Laetitia», – гласит надпись на тогдашних монетах, где изображены, среди высоких колосьев спелой жатвы, жницы, отягченные снопами и кошницами плодов, с детьми на руках (Champagny, 1. с., 11, 225). Вот-вот, казалось, исполнится пожелание Горация в Carmen saeculare:

> Солнце божественное, пусть ничего ты не узришь могучей Города Рима!

И пророчество Виргилия:

Зришь ли, как все веселится грядущему веку Златому?

Стоило, казалось, только убрать со стены Сената подвешенную над самым алтарем Победы картину с изображением черного камня, Бэтиля, – Элагабалову мерзость, – и снова вспыхнет из-под пепла на алтаре чистое пламя, солнце Золотого века засияет снова на безоблачном небе.

Медленно шла, наползала с востока черная туча потопа – нашествие варваров, но золотая заря потухала на западе так же медленно, и, казалось, никогда не потухнет. Цел был Остров Блаженных, «пока еще озаряемый солнцем», – вечный Рим.

XVIII

Вдруг кто-то запел:

Душенька сирая, бедная,
Тела гостья недолгая,
Ныне куда убегаешь ты?
Бледная, зябкая, голая,
Больше не будешь играть!

И скучно, страшно стало людям под эту веселую песенку, точно разверзлась под ними, зевая, черная пасть преисподней, и глянул им в очи сам хозяин пира с несоленными яствами, ветхий деньми Сатана, царь скуки.

Всякая соль потеряла силу, пресною сделалась всякая пища. «Скука жизни, taedium vitae», сжала горло тошнотою смертною. Как бы жизнь остановилась, нечем было дышать. «Скорей бы нашествие варваров!» – может быть, думали последние римляне, так же как мы, или дети, внуки наши, подумают: «Скорей бы вторая война!» То, что врачи называют facies Hippocratia, лицо смерти, выступило на лице мира.

Но свежее дыхание повеяло в воздухе, как в знойный день, над пыльной дорогой, из грозовой тучи, запах дождя. «Скоро всему конец!» – сказали христиане с радостью, а язычники – с ужасом.

Мир погибал, и погиб бы, если бы не пришел Христос.

XIX

Что было бы с миром, если б Он не пришел? Кажется, с Европой было бы то же, что с древней Америкой.

Вспомним бесконечность человеческих жертв в древней Мексике и знак маянских письмен: связанный голый человек, сидя на корточках, поднял колени и опустил на них голову; это – жертва, а рядом – исполинская голова кондора-стервятника – Смерть. Вглядываясь в этот знак, вдруг начинаешь понимать, что он изображает не одного человека, а все человечество. Люди как будто сошли с ума и поверили, поняли, как дважды два четыре, что Бог есть дьявол.

Так, в царстве майя-тольтеков, краснокожих людей Запа-

да, на одном конце рухнувшего моста через Атлантику – исчезнувшего материка; так же, и на другом конце, – в земле «краснокожих» Востока – сначала керетимов-критян, а потом финикийцев (phoinix, «красный»), на Тиро-Сидонском побережье Ханаана и Пуническом – Северной Африки, – может быть, в местах двух атлантских колоний. Вспомним священные ограды Молоха в Гезере, Таанаке, Меггило, – кладбища с обугленными костями новорожденных детей – человеческих жертв (Nieldsen. Der dreieinige Gott, 1922, p. 284); вспомним найденные в Карфагене останки 6000 человеческих жертв, вместе с глыбой полурасплавленной бронзы – вероятно, изваянием карфагенской богини Матери, Танит, которой приносились эти жертвы; вспомним, что при осаде Карфагена греческим полководцем Агафоклом погибло 3000 детей в раскаленном железном чреве Молоха вместе с 300 взрослых, пожелавших быть вольными жертвами (A. Jeremias, 1. c., 185–186).

«Отдавай мне первенцев из сынов твоих, и будешь у Меня народом святым», – вот последняя горсть охладевшего пепла от некогда великого огня в самом Израиле (Исх. 22, 29). Там, на Западе, в древней Америке, огонь разгорелся пожаром; здесь на Востоке, он глухо тлеет под пеплом; но, если бы дать ему разгореться, он вспыхнул бы и здесь, как там.

Тщетно римским законом Адрианова века запрещены человеческие жертвы по всей империи: втайне продолжаются они до конца язычества – до вспыхнувшего на небе крестно-

го знаменья: ***Сим победиши*** (Fr. Cumont, 1. c., 176). – Только единою жертвою Голгофскою кончена бесконечность человеческих жертв, и, чтобы возобновить ее, как мы это пытались только что сделать в первой всемирной войне, и, может быть, во второй – попытаемся, нужно отменить Голгофскую жертву, превратить историческую личность Христа в миф, как мы и это пытаемся сделать. Сделаем ли, вот вопрос, которым судьбы нашего второго человечества решатся, может быть, так же грозно, как судьбы первого.

XX

После того как, с явлением Христа, боги Атлантиды вышли из древних таинств, в них вошли ее же демоны. Два главных из них здесь, на Востоке, в Европе, Азии, Африке, – те же, что там, на Западе, в древней Америке: лютый Эрос и Эрис, Содом и Война. Это как бы даже не два демона, а два лица одного: лютое сладострастье, соединенное с лютою жестокостью в одну сатанинскую религию. Очень знаменательно, что зараза начинается по всему Средиземно-Атлантическому пути, у «краснокожих» Востока – людей, чьи лица как бы озарены последним отблеском красного Запада, «Заката всех солнц» – Атлантиды.

«Вот жестокость гнуснейшая, turpissima crudelitas!» – «Если это святыня, то где же кощунство?» – скажет бл. Августин об осквернённых таинствах Великой Матери в Кар-

фагенской земле, как бы на стынущем пепле человеческих жертв (Augustin., de civitafe Dei, VII, 26. – II, 4).

XXI

Крест «крещеных» богов Атлантиды явлен в древних таинствах Востока, так же как Запада, но люди сделали орудие спасенья орудием гибели; свет показан во тьме, но люди возлюбили тьму больше света; противоядие дано, но люди выбрали яд.

Явлен Крест и поруган. «Так надругаться над Крестом Господним мог только дьявол!» – в этом ужасе первохристиан на Востоке и Колумбовых спутников на Западе, что-то верно угадано. Как бы весь мир сошел с ума, но не похож в безумии на того бесноватого, что бьется с пеною у рта, у ног Господних, и может быть исцелен; нет, холодно, спокойно, бесстрастно, как бы разумно, безумствует мир. «Всепрекрасными», «всеблаженными», по слову Платона об Атлантах, считают себя люди, на краю гибели.

Roma meretrix, «Рим-Блудница», сладострастно-кровавая, – великая «культура демонов», как бы черная обедня, сатанинский шабаш, справляемый не кучкой людей во мраке ночи, а всем человечеством, при свете дня. Но вот, «в один день придут на нее казни… и будет сожжена огнем». – «Я повергну тебя на землю… извлеку изнутри тебя огонь и превращу тебя в пепел… Ты сделаешься ужасом, и не будет тебя

вовеки».

Рим погиб – спасся мир. Это и значит: участь Европы была бы участью древней Америки и, может быть, Атлантиды древнейшей, если б не пришел Спаситель.

XXII

«Вечером вы говорите: будет вёдро, потому что небо красно; и поутру: будет ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лицо неба вы умеете, а знамений времен – не можете» (Мт. 16, 2–3).

Кажется, никогда еще не были так ясны знаменья, и люди так слепы к ним, как в наши дни. Если бы глаза наши открылись, и мы заглянули бы во II–III век христианства, то, может быть, увидели бы в нем себя, как в зеркале, и на своем лице – ту же, как тогда, прозрачную маску, лицо смерти, facies Hippocratica.

Так же и сейчас, как тогда, был Христос, как бы не был; так же историческая личность Его превращается в миф, тело – в тень. Так же люди всеядны и голодны; верят во всех богов и ни в одного; в наших молельнях, как в древних, – Авраам, Орфей, Аполлоний Тианский, Будда и Христос. Так же хочет воцариться над миром полубогиня, полумошенница, Теософия. Так же кто-то поет над нами веселую песенку о голой, зябкой душе, выходящей из тела, и скучно, страшно людям, как будто заглянул им в очи сам древний царь ску-

ки, Сатана. Так же о Конце еще никто не думает, но чувство Конца уже в крови у всех, как медленный яд. Те же два слова начертаны огненными буквами на грозно-черном и все чернеющем, грознеющем небе нашей второй Атлантиды – Европы: ***Содом – Война.*** Так же вдруг нечем стало дышать, в духоте между двумя грозами, в щели между двумя жерновами, в перемирии между двумя войнами.

Только что десять царей атлантов, сидя на стынущем пепле жертвы, в темном святилище, где все огни потушены, решали: «Мир или война?» и, может быть, снова будут решать, и решат: «Война». Но если найдется среди безумных мудрый, он снова ***узнает*** – вспомнит, сидя на стынущем пепле жертвы, что вся Атлантида-Европа – пепел и жертва.

XXIII

Тайна таинств – Христос: вот что мы узнали, пройдя весь путь, от начала мира до сегодняшнего дня, увидев всю жизнь человечества в одно мгновение, как умирающий видит всю свою жизнь; вот что мы нашли, опустившись на дно Океана, как водолаз Гильгамеш – за Злаком Жизни.

Если не лгут знаменья времени, если небо наше недаром багрово, и вторая война будет концом Атлантиды-Европы, то мы, люди конца, только через Конец можем подойти к Тому, Кто говорит: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец»; только через Него, грядущего, мы можем увидеть Его, при-

шедшего.

«Иисус Христос вчера и сегодня, и вовеки тот же» (Евр. 13, 8). Но две тысячи лет прошли для человечества недаром; и двести последних лет больше двух тысяч; двадцать последних больше двухсот. Время ускоряется, как течение реки к водопаду; перед самым падением, все тише, глаже водное зеркало, но кое-кто уже слышит приближающийся гул водопада.

XXIV

«***Истиной*** назвал Себя Христос, а не ***Привычкой***», по чудному слову Тертуллиана (O. Pfleiderer. Die Entstehung des Christentums, 1907, p. 247).

> Пылью становится понятное.
> Was man begreift, wird staubig.

«Прах и пыль – пища мертвых», в древневавилонском аду. Две тысячи лет привычки сделали то, что нынешним христианам истина Христова – страшно сказать – пища мертвых, пыль и прах.

Может быть, самое первичное во всякой религии, в христианстве же особенно, – чувство ***изумления***. «Многие народы приведет Он в изумление… ибо они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слышали» (Исх. 52, 15). Это невиданное, неслыханное, неимоверное – «Гос-

поди, кто поверил слышанному от нас?» – это ***изумляющее*** есть признак того, что мы подходим ко Христу, хотя бы из самой далекой дали к Нему приближаемся. Быть изумленным, значит видеть Его; не изумляться – не видеть. Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний – Он, «вчера и сегодня, и вовеки тот же» – Неизвестный, Изумляющий.

Чувство изумления – новую, неимоверную, для нынешних людей, даже христиан, почти невозможную, но единственно нужную, действенную точку зрения на Христа, – вот что мы нашли в Атлантиде-Апокалипсисе; вот что значит тайна таинств – Христос.

XXV

«Тесными вратами входите, потому что широки врата и пространен путь, ведущий в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь» (Мт. 8, 13–14). В воле, в действии, так было и будет всегда; но, кажется, только сейчас и в мысли, в познании, так же. Не был еще никогда пространнее путь, не были шире врата, ведущие в погибель, и у́же, теснее, – ведущие в жизнь. Прямо, гордо, высоко подняв голову, нельзя сейчас подойти ко Христу; можно, только согнувшись, на коленях, ползком, пролезая сквозь узкую, разверзтую взрывом вулканических сил, в первозданной толще гранита, щель, ведущую к сердцу земли, сердцу морей, где погребена Атлантида, первый мир, и,

может быть, будет погребен – второй, наш.

XXVI

А что же Церковь, разве не спасала и не спасает мир? В этом вопросе – наша смертная боль, такая рана, что к ней прикасаться, о ней говорить почти нельзя.

Есть ли вне церкви спасение? Нет. Мир погибает, потому что вышел или выпал из Церкви. Но, чтобы вернуться в нее, не надо ли миру перестать быть миром, не только в ложном, временном, но и в вечном, истинном смысле? И Церкви, чтобы вместить мир, не надо ли перестать быть Церковью, тоже в смысле вечном, истинном? Миру ответить на этот вопрос, значит сейчас погибнуть или спастись.

Воды жизни в Церкви неиссякаемы, а в миру палящая засуха – те страшные, «Псиные дни», Caniculia, когда звери бесятся от жажды. Нынешнего мира болезнь – Богобоязнь. Сколько сейчас таких больных! Жаждут сегодня, а завтра челюсти сожмутся судорогой бешенства, и жаждущий уже не будет жаждать. Воду жизни предлагать ему из Церкви, все равно что настоящую воду – больному водобоязнью.

В первый раз, накануне первой всемирной войны, ждал голоса Церкви мир, может быть, сам того не зная, как ждет благодатного ливня палимая засухой, издыхающая от жажды земля. Церковь тогда промолчала. Мир ждет и сейчас, может быть, накануне второй всемирной войны, того же голо-

са, и Церковь снова молчит. Что же значат эти два страшных молчания?

XXVII

Церковь – тело Христово, но, может быть, оно сейчас в гробу, как до воскресения, во время сошествия Господа в ад. А мир – между двумя кругами ада: только что вышел из верхнего – первой всемирной войны, и сходит в нижний – вторую войну. Здесь-то, в аду, может быть, он и будет спасен Сошедшим в ад.

XXVIII

Был у старинных писателей добрый обычай обращаться к «друзьям-читателям», как бы за помощью, в самых трудных и важных местах книги. Этого теперь уже никто не делает, потому что это кажется, как многое доброе, смешным. Пусть; я это все-таки сделаю.

Друг-читатель, мне хочется напомнить тебе то, что я сказал в «Бесполезном предисловии» к этой, может быть, для нас обоих небесполезной книге. Будет ли новая всемирная война – конец Атлантиды-Европы, мы не знаем, но знаем, что ***может быть***, и что все мы должны что-то сделать или попытаться сделать, чтоб этого не было. Друг, не говори: «Что я могу один?»

…Если кто один, Я с ним.
…kai hopou heis êstin monos…
egô eimi metautou.

(Grenfell and Hunt. The Oxyrhynchus Papyri, 1897, p. 8. – Ephraem Syr., Evang. concordant. exposit., c. XIV. – A. Resch. Agrapha, 69, 201)

«Это „незаписанное“ слово Господне для нас обоих сейчас – самое подлинное, самое нужное. „Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их“ (Мт. 18, 20). А где Он, там и Церковь – будущая, невидимая, Вселенская Единая Церковь – спасение мира. Будущую сделать настоящею, невидимую – видимой, тоже зависит от нас всех – и от тебя, и от меня.

Ветер потопа свистит во все щели нашей европейской хижины; будем же строить Ковчег – Церковь.

XXIX

Друг, если ты понял, что книга моя не только о далеком, – о первых и последних днях мира, но и о близком, – о сегодняшнем и завтрашнем дне, ты понял в ней главное.

«Заповедь сия, которую Я заповедаю тебе ***сегодня***, говорит Господь, не недоступна для тебя и не далека. Она не на небе, чтобы можно было говорить: кто взошел бы для нас на небо и принес бы ее нам? И не за морем она, чтобы мож-

но было говорить: кто сходил бы для нас за море, и принес бы ее нам?.. Но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоем, чтобы исполнить его… Небо и землю призываю сегодня перед вами во свидетели: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь» (Исх. 30, 11–19). – «Ибо, если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом, и сердцем веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься» (Римл. 10, 9).

XXX

Что это, сон или явь? Может быть, то и другое вместе: сон действительней, чем явь; явь таинственней, чем сон.

Темный свет чуть брезжит откуда-то сверху, как бы в подземном или подводном сумраке. Друг, мы с тобою одни, в самой середине исполинской, как бы из преисподней к небу восходящей, не людьми, а богами и титанами построенной лестницы, между такими же исполинскими стенами, где начертаны святые письмена всех веков и народов, изваяны символы всех таинств, от начала мира до пришествия Христа.

Где мы, откуда и зачем сюда пришли, мы не помним, помним только, что нужно взойти по лестнице, – иначе погибнем. Но так устали, что шагу не можем ступить; покорно ждем гибели. Молчим, но знаем друг о друге все, как будто

в сердце друг у друга читаем.

Темный свет, падавший сверху, сделался ярче. Мы оба сразу подняли глаза и видим: сходит по лестнице к нам Человек, так далеко, что лица не видать; видно только, что в белой одежде, – свет от нее, как от солнца. Кто это? Кто это? Страшно. Пали на лица, лежим, как мертвые. Слышим: подошел, стоит, ждет, чтобы взглянули на Него, узнали. Нет, узнать – умереть. Лицами крепче приникли к ступени. Вдруг что-то пронзило сердце, как молния, и, не глядя на Него, узнали по тому, как тихо над нами стоит, ждет, – что это Он:

Иисус Неизвестный.

Рождество
1929